

Российский
Межрегиональный
Союз
Писателей

Академия Русской
Словесности
и Изящных Искусств
им. Г. Е. Державина

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Литературно-художественный
журнал

14-й

ВЫПУСК

*По благословению о. Николая Епишева,
настоятеля церкви
во имя Покрова Божией Матери
с. Борисово Новгородской обл.,
Старорусского р-на*

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
"ГАММА"
2016**

3 79

*Литературно-художественный
журнал
Российского Межрегионального
Союза Писателей
при участии
Академии русской словесности и
изящных искусств им. Г.Р. Державина*

*Проект Евгения Раевского
«С Россией в сердце»*

Под общей редакцией Е.П. РАЕВСКОГО

Шеф-редактор: Н.А. ВЕСЕЛОВА

Редактор отдела поэзии: Е.П.Раевский

**Редколлегия: Л.Б. Ильина, А.Н. Молоканов, Н.Е. Кострицына,
Т.Л. Беляева, Е.В. Сакс, Ю.В. Бондарев (почетный член)**

При перепечатке ссылка на журнал «Золотое слово» обязательна

Официальный сайт
Российского Межрегионального союза писателей:
www.rmsp.pro

Официальный сайт АРСИИ им. Г.Р.Державина
www.arsii.ru

Официальный сайт Евгения Раевского
www.evgeniyraevskiy.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

***Журнал «Золотое слово» признан Президиумом Международного
Сообщества Писательских Союзов лучшим
литературным изданием по итогам 2015 года***

**На первой странице обложки:
Дом-музей М.И. Цветаевой в Борисоглебском пер. в Москве
Фотографии Натальи Веселовой ©**

ISBN 978-5-4334-0308-6

© Коллектив авторов, текст, 2016
© Н.А.Сафронова, оригинал-макет
и обложка, 2016

*Академия русской словесности
и изящных искусств
им. С.С. Державина*

**Портрет работы Владимира ТИХОНОВА,
действительного члена Академии русской словесности
и изящных искусств им. С.С. Державина**

2016

ПРОСИМ О ПОМОЩИ

Дочь русского поэта Евгения Раевского **ВИКТОРИЯ** серьезно больна. Она недавно перенесла тяжелую операцию, но на дальнейшее лечение требуются немалые средства. Мы надеемся на помощь тех, кому небезразлично, сможет ли вернуться к полноценной жизни совсем молодая женщина, мать троих детей, внуков Евгения Раевского.

Редакционная коллегия журнала «Золотое слово» нижайше просит каждого, прочитавшего это объявление, оказать посильную финансовую помощь, чем подарить Виктории надежду на полное выздоровление.

Благодарим всех, кто уже откликнулся и оказал финансовую помощь в нашей беде.

ДЛЯ РУБЛЕВЫХ ПЕРЕВОДОВ

на карту Сбербанка № 4173980084410220

Получатель РАЕВСКИЙ ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ

Счет получателя 40817810855861668833

Банк получателя СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ БАНК ПАО СБЕРБАНК Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИНН получателя 7707083893

БИК банка получателя 044030653

Корреспондентский счет 30101810500000000653

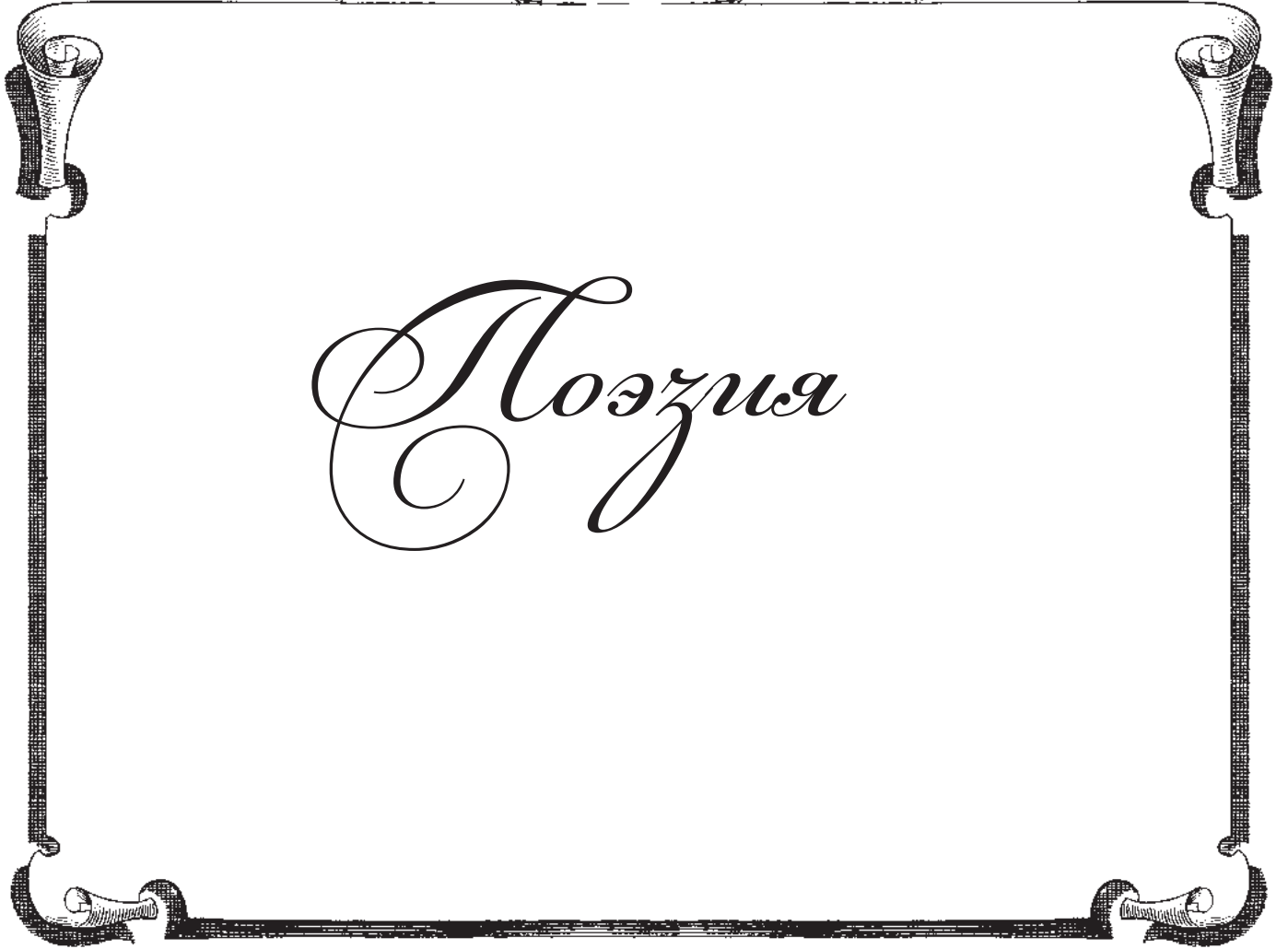
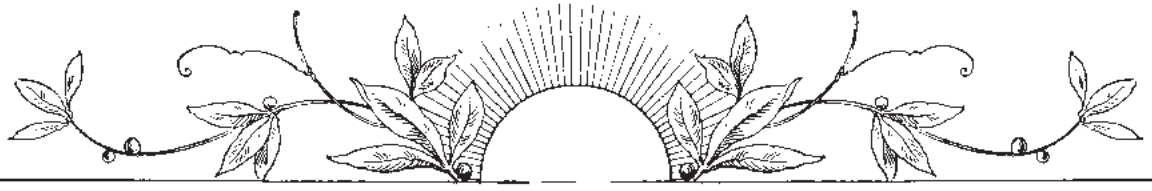
Код подразделения Банка по месту ведения счета карты

(для внутренних переводов по системе Сбербанка России) 5590550786

Адрес подразделения Банка по месту ведения счета карты г. Санкт-Петербург, Большой пр. В.О., дом 57/15

Контактные телефоны: 8-921-908-97-16; 8-921-441-75-84

Официальный сайт поэта Евгения Раевского: www.evgeniyraevskiy.ru

В любви купаться хорошо двоим.
Один – утонет. И она тонула.
Болела. Всей измученной душой
Просила Бога, чтоб смогла забыться...
Понадобился срок, увы, большой,
Чтоб от любви несчастной излечиться.

И с пустотой зияющей внутри
Жила она теперь на свете белом.
Смеялась, если кто-то говорил
Ей о любви цветисто и умело.
И лишь в стихах таились боль и страх
И поселялись в старенькой тетрадке.
Не надо было лгать в своих стихах,
Ей быть хотелось честной, без оглядки.
Забыв про дочку, мужа и подруг
Всё без утайки доверять бумаге,
И, не боясь проговориться вдруг,
Ронять на строчки капли тёплой влаги.

И вот она – с восторженным... другим...
Сидит в такси, несущемся всё дальше...
Её любимый тоже... был таким...
Пока любовь не захлебнулась фальшью.
Конечная. И вышел весь народ.
Мгновенная растерянность... Хохочут!
- Меня уже давно семейство ждёт!
- Меня не ждут, - сказал он между прочим...

Сидели Двое где-то высоко.
Орехи ели... Поборов зевоту,
Смотрели вниз.
- Они сошлись легко.
А дальше что?
- А дальше неохота
Оберегать их и с пути сбивать,
И наблюдать за человеческой страстью...
- Конечно, лучше день и ночь зевать,-
Пробормотал Один с набитой пастью.
Но я нисколько не согласна с тем,
Что человеческая страсть неинтересна.
Любовь и страсть – вот вечные из тем!
Я человек, и это мне известно.
И я вернусь однажды к тем двоим,
Уйдя сейчас от самого истока.
Надеюсь, что судьба не будет к ним
Несправедлива слишком и жестока...

Глава 2

Я видела их снова, добрый друг:
В машине разговор вели шуточный,
На полуслове замолкали вдруг
И мысленно искали торопливо
Причину, чтобы встретиться опять,
Забыв, что надо улыбаться шутке.
Мечтали повернуть минуты вспять
И снова оказаться в той маршрутке...

«Меня не ждут...» - ей виден тайный смысл,
Который наполнял простую фразу.
И непослушной птицей билась мысль:
«Дам телефон! Всему назло!»
И сразу
Ирония вступала в диалог:
«Что телефон?! И кошелёк, и кольца -
За то, что взять машину мне помог,
Домой везёт – себя отдать придётся!»
И отвечала что-то невпопад,
И теребила ремешок от сумки...

Он помрачнел, случайно бросив взгляд
На нервные, ухоженные руки:
«Кольцо... Конечно! Что за идиот!
Как можно было в этом усомниться?!
А ты решил - она поныне ждёт,
Когда в маршрутке повстречает принца?
Замужняя! Спасаться во всю прыть,
Чтоб не случилась и со мной «проруха!»»
«Скажите, я могу Вам позвонить?» –
Вдруг вырвалось отчаянно и глухо.

Забились часто жилки на висках,
Заполыхал предательский румянец,
И ремешок от сумочки в руках
Вдруг начал танцевать безумный танец.
«Вот-вот приедем... Что скажу в ответ?
Нужны ли мне другие отношенья?
Уж лучше опрокинуться в кювет,
Чем принимать серьёзные решенья!»
И разум отошёл на задний план,
И сдал душе позиции без боя...
Ему визитку сунула в карман.
“Я буду встречи с Вами ждать... С тобою...” -
Неслышно для неё он прошептал,
Уже сейчас болея от разлуки,
И нежно кисть руки поцеловал,
И вслух сказал: «Целую Ваши руки...»
Как спичкой, поцелуй её обжёт:
Впервые в жизни вежливость мужчины
Её повергла в настоящий шок.
Она поспешно вышла из машины.
И торопливо, чуть ли не бегом,
Из вида скрылась. Он глаза зажмурил,
Себя глубоким, дряхлым стариком
Вдруг ощутив под серым небом хмурым.

Она спешила, ускоряя шаг,
Стремясь быстрее попасть в родные стены.
Стоял противный тонкий звон в ушах,
И нарастала слабость постепенно.
Открыла дверь, сдержав дыханье вдруг...
Но зря боялась, что заметят что-то:
Смотрел хоккей подвыпивший супруг,
А дочь была в компьютерных заботах.
И, взглядом обведя родной уют,
(Картины, на окне – цветок в горшочке...),

Вдруг поняла: её не ждали тут,
Как ждёт жену супруг и маму дочка.
И, ужин приготовив на троих,
Привычно вымыв грязную посуду,
Она писала. Мир вокруг затих,
К печальному прислушиваясь чуду.
«Родные вижу лица: муж и дочь.
То хмурятся, то прыскают от смеха.
И я всегда стремилась им помочь,
Гордилась ими, каждым их успехом.
Семью тащила на своих плечах,
Когда царила в доме пьянка злая...
И оживляла гаснувший очаг,
Зачем-то снова пламя раздувая.
За двадцать - дочке. Мужу – сорок пять.
И я не молодею, скажем прямо.
Так что ж, всё в прошлом?
Только внуков ждатель?
И превратиться в бабушку из мамы?
Должно быть, так... И всё-таки – не так!
Душою ощущаю беспокойство.
Не может быть, что жизнь моя – пустяк,
И рождена я, чтобы дать потомство.
А что душа? Зачем дан людям шанс
Творить, любить и миром любоваться?
Не проще ль это отобрать у нас,
Заставив просто тупо размножаться?»
Включив на кухне приглушённый свет,
Стихи в дневник писала до рассвета,
Пытаясь, как и все, найти ответ,
И, как и все, не находя ответа.
Потом, назад перелистнув дневник,
Перечитала прошлой жизни строки.
Фантом былой любви в мозгу возник,
Теперь такой ненужной и далёкой.
И тут же образ вытеснил другой
Те давние, как сон, воспоминанья...
И написала дрогнувшей рукой:
«Пусть позвонит. Пойду я на свиданье.»

А где-то высоко царил покой,
И снова Двое маялись от скуки
И пили чай за шахматной доской.
«Зачем ты шлешь бабёнке бедной муки? -
Спросил Один, вареньем пасть набив
И расставляя в клеточки фигурки. -
Ты был к людишкам, вроде, не злоблив,
Не раздражали даже полудурки.
А эту испытаниям подверг,
Хотя она ни в чём не виновата.
Ты что, не хочешь брать её Наверх?
Так помирать ей вроде рановато?»
«Ей - помирать?! Да что ты, Я с тобой!»
И засмеялся Он удачной шутке.
«Она сама свершила выбор свой,
Дана свобода действия малютке.»
И продолжал довольно хохотать,
Посверкивая хитрыми глазами...

Ах, если бы могли мы точно знать,
Что все решенья принимаем сами!

Что дальше будет, вскоре поглядим.
Пока всё было тихо и спокойно.
Она спала. А он сидел один.
И падал свет луны на подоконник...

Глава 3

Пора уже рассказ продолжить мой,
Узнать героев мысли и решенья.
Признаюсь, интересно мне самой
Истории житейской продолженье.

Кончалась ночь. Предутренняя дрожь
Охватывала парки и бульвары.
Его любовь была как острый нож,
Повёрнутый жестоко в ране старой.
Давным-давно любви он запретил
Запанибрата быть с душой и сердцем.
А жгучий жар желанья гасил
С одной прелестной леди. По-соседски.
Порой дождливым, серым вечерком,
Когда весь мир теряет очертанья,
Он приходил к соседке с коньяком...
Прогнав из глаз тоску и ожиданье,
Она на кухне “собирала стол”,
Убрав его лимон и шоколадки:
Когда сосед “на рюмочку” зашёл,
То на столе должно быть всё в порядке.
Сама произносила первый тост,
Один и тот же, трогательный, странный:
“Я пью за то, чтоб дружбы крепкий мост
Любви соединил два океана!”
Смеялась громко, быстро захмелев,
И что-нибудь всегда в руках вертела...
Потом, на чистом хлопковом белье,
Был быстрый секс... Для облегченья тела.
У них совместных не было ночей,
Он уходил, оставив ей печали...
Она была ничья, и он – ничей.
Они друг друга просто... вырчали.
И кто их знает, одиноких баб:
Мужик или свобода им дороже?
И голосу внутри вставлял он кляп,
И был противен сам себе до дрожи.
А совести проснувшейся укор
Он отметал решительно и сразу:
Он ей не нужен, если до сих пор
Сама не позвала его ни разу.
Теперь же, сидя в кухне за столом,
Терзался он её душевной болью
И понимал, что этот перелом
В нём вызван неожиданной любовью,
Морской волной его накрывшей вдруг
И разделившей жизнь на «до» и «после»...
Но, может быть, судьбы замкнётся круг,

И в этот раз любовь не будет гостьей
Незваной на пиру, где места нет
Средь похоти, расчёта, вождельня,
А есть лишь колченогий табурет
В людской... из милости...
И псевдосожаленья...

И, воле вопреки, пред ним возник
Во всех деталях, словно на портрете,
Его жены прелестный, юный лик...
Не замечал он никого на свете,
С минуты той, что встретились они.
Желал её, любил, ко всем ревнуя,
Но никогда он - Боже сохрани! -
Не мог помыслить дальше поцелуя.
Любила ли она? Скорее, нет.
Он молод был, умён и не противен,
Закончил с блеском университет,
И будущее было в перспективе.
Работал в частном банке он тогда,
И были все условия для роста,
А многие из нас в его года
Жизнь прожигали радостно и просто.
И вот – любовь! Такая... на износ
Его души и сердца молодого...
Он бережно её по жизни нёс,
И счастлив был, и не желал иного.
И он во всём старался успевать,
А ей хотелось быть женой банкира,
Менять авто, зимою загорать
Под жарким солнцем в разных странах мира.
Она была хитра, а он был слеп:
Любил её сильнее с каждой встречей,
И был готов есть чёрный чёрствый хлеб,
Чтоб новой шубкой обласкать ей плечи.
Но разве в этом «жизненная» цель?
Ей шубки было мало, скажем прямо!
«Его должна ты уложить в постель
И "залететь"», - учила жизни мама.
«Была послушной дочка», - хмыкнул он,
Помешивая чай холодный в кружке.
Беременность. Фата. Бокалов звон.
И кислые от зависти подружки.
Родился сын. Старался он как мог,
Чтоб не было тоскливо милой дома:
Шофёр, кухарка, няня... Как итог -
На пятый год она ушла к другому.
И он не смог простить, когда потом
Она назад просилась: «Ради сына!»
И не пустил её обратно в дом...
Под тридцать сыну... Он уже мужчина.

С тех пор жениться он хотел не раз,
Мечтал с любимой жить, семьёй согретый...
Но алчный блеск прекрасных женских глаз
Гасил порывы эти лучше ветра.
И понял он, что жизнь идёт не так,
Пора давно менять приоритеты.

Продал машину, бизнес, особняк
И приказал себе забыть об этом.
Считая, что этап тот завершён,
И надо, наконец, заняться делом,
Работу в автомастерской нашёл:
Расписывал машины он умело.
Купил квартирку, обустроил быт
И начал жить спокойно и рутинно:
Банкир из прошлой жизни был забыт,
А в эту жизнь впустил он только сына.
Ещё писал картины он порой
И прятал в антресоль свои работы:
Считая это хобби и игрой,
Стыдился их, как глупого чего-то.
...Гудок машины долгий за окном
В реальный мир его вернул рассветный.
«Я позвоню ей утром. Или днём...»
И сжал прямоугольничек заветный.

Бледнел восток. Стекала в утро ночь.
Слышнее становился птичий гомон...
«А мужику хотел бы я помочь», -
Задумчиво сказал Один Другому,
Очистил спелый рыжий апельсин
И выжал до последней капли сока.
«Мне жаль его: сидит совсем один,
Ему печально, грустно, одиноко...
С ним о душе бы в предрассветный час
Поговорить – и было б всё в порядке...»
«Послушай, ну кончай ты этот фарс!» -
Другой сказал, вкушая персик сладкий.
«Рассветы, разговоры, тет-а-тет...
Ох! Я прошу тебя, не дуй Мне в уши!
Ты думаешь, что это твой клиент?
И за любовь тебе заложит душу?
Охота суетиться? Так давай,
Развеемся немножечко от скуки:
Малютку мы пристроим под трамвай,
Он с горя на себя наложит руки.
И без хлопот больших тогда он - твой,
Беседовать с тобою будет вечно!»
“Ты что задумал, старый?!”
Ты с Тобой!
Безбожно это и бесчеловечно!»
И тут же громогласно сам заржал,
Свои слова последние услышав.
Смешок Другого тонко дребезжал:
«Да пошутил Я! Успокойся! Тихе!
Давай решать по-честному, злодей!
Ну, соглашайся, мой дружок постылый:
Пусть эти двое маленьких людей
Играют свой спектакль без Высшей силы!»

Явилось утро. Засверкали вдруг
Росой на травах солнечные пятна.
А я немножко помолчу, мой друг...
Мне здесь пока ещё не всё понятно...
(Продолжение следует)

Татьяна НИКОЛАЕВА

Колокольный звон

Колокольный звон –
призывный и торжественный,
Вызывающий божественный восторг,
Украшающий Россию благовестами,
В час печали яростен и строг.
Тихие, печальные, нетленные...
То грозны, то ангельски чисты,
Раздаются звуки во Вселенной –
Вестники российской красоты.
Будит звон колоколов людские души,
В жизни будничной им не даёт черстветь.
Звон малиновый – он так красив...
Послушай,
Как колокола умеют петь!

* * *

Сколько ж нынче горя в этом свете –
Погибают женщины и дети...

Исполняя чью-то злую волю,
Люди дарят не любовь, а горе.

Терроризм – жестокая затея.
Человечество, по-моему, звереет.

Деньги, кровь, наркотики и взрывы...
Оглянитесь, люди, – мир красивый!

Сколько в нём тепла, добра и света!
Вы хотите погубить всё это?!

Землю нашу превратить в пустыню,
Чтоб исчезло из Вселенной её имя?

Сколько, сколько слёз ещё прольются,
Сколько голосов не отзовутся?

Прежде, чем ступить на зла дорогу,
Вспомните, пожалуйста, о Боге!

С беззащитными вступая в битву,
Прошепчите хоть одну молитву.

Может, совесть спящая проснётся,
В сердце добротой отзовется?

Или зло с насильем нынче в моде?
Господи! Что ж с нами происходит?!

Июль 2016

После терактов в Ницце и Турции

* * *

Целый день зима крутила
Канитель –
С неба лёгкий снег кружил,
Мела метель.
Лишь под вечер серый город
Белым стал,
За сугробы ветер скорый
Улетал.
Под пушистым слоем снега
Сад затих,
Лишь в фонарном круге света
След двоих...

Выдумка

Она с подругой ехала в машине
И говорила о своём мужчине:
О нежности, взаимности и счастье,
О том, что он являлся её частью,
О преданности, о любви и понимании,
Вниманье, чуткости и обожании,
О том, что будет с ней, что б ни случилось...
Подруга её очень удивилась.
Молчание повисло между ними...
А разве можно встретиться с такими?
Таких мужчин на свете не бывает!
Подруга их, во всяком случае, не знает.

*

А Он с приятелем делился ненароком
О своём счастье светлом и высоком,
Что не поверит никакому Он злословью,
Поскольку встретился
с единственной любовью,

О том, что Ею любоваться может Вечность –
Это не выдумка, не глупая беспечность.
От Её взгляда в нём внутри всё замирает,
И что Она всё с полуслова понимает.
Она не бросит Его, что бы не случилось,
Ему такая и во сне не снилась!..
Сказав: «Таких на свете не бывает!»

*

Она и Он пришли домой, включили свет,
И разговор их вёлся тет-а-тет.
Он Ей сказал: «Тебя на свете нет!»
«Тебя нет тоже!» - прозвучал ответ.
Они смотрели друг на друга, хохоча:
«Мы – сказка, выдумка...
но чья?»

Такие сказки преподносит людям вновь
Прекрасная и светлая Любовь!

Взгляд на красоту

Любовь к прекрасному привить чтоб у людей,
Решили выставку устроить без затей –
Шедевры Микеланджело глядеть,
Но кто-то захотел Давида приодеть...
Ведь рядом школа и какой-то Храм,
А тут мужчина неодетый...
Просто – срам!
Нашлось немало осуждавших наготу
Скульптур с конями на Аничковом мосту,
А кто-то из толпы уже вопил,
Что у Атлантов неприкрытый тыл!
Короче, очевидно стало всем –
Гулять по Питеру нельзя совсем:
Вы загляните только в Летний сад –
Там все скульптуры чуть не голые стоят!
И в Эрмитаж ступать не смейте вы ногой –
Там, УЖАС, сколько классики нагой!
А Петергоф?

Да это же – бедлам!

С листком там только Ева и Адам,
А Андромеда лишь в одних цепях,
Которые на девичьих руках...
Короче говоря, кричал народ,
Что нагота Искусству не идёт,
А кто-то даже слёзно стал просить
Трусы с бюстгальтерами
для скульптур пошить...
Одеть Атлантов и Кариатид,

Чтоб был у них вполне приличный вид,
А то куда покатится страна,
Когда вокруг эротика одна?..

Лето 2016

Стихотворение написано после
происшествия в СПб на Кировной ул.

Новогодняя сказка

Мела на улице белёсая метель,
Хрустальные снежинки рассыпая,
А в тёплой комнате наряженная ель
Стояла, яркими игрушками сверкая.

В подсвечник бронзовый поставили свечу,
И Огонёк зажгли – он разгорался скромно –
С Царицей – Ёлкой гордость не к лицу.
Подсвечник отнесли на подоконник.

Все люди собирались за столом –
Сегодня Новый год они встречали.
Так повелось –
окутан праздник волшебством.
И все без исключения Чуда ждали!

Шумели взрослые, резвилась детвора
И даже тени, что молчание хранили,
Все думали: «Уже пора, пора!»
Пусть даже это не произносили.

*

Их ожиданьем заразился Огонёк,
Ведь он так молод был и энергичен.
И стал подпрыгивать, заглядывая вбок,
Не очень сильно,
чтоб не нарушать приличий.

От нетерпенья разгорелся он светло
И вдруг увидел!..

Это было ЧУДО!

Красивая Снежинка на окно
С той стороны прилипла ниоткуда.

Её примчала новогодняя метель
И на окне оставила случайно,
Под ветра несмолкающую трель.
Была их встреча так необычайна!

Снежинка белая и яркий Огонёк
Не верили в любовь до этой встречи.

Друг друга видя, было невдомёк,
Что волшебство им дарит этот вечер.

«Какая нежность, хрупкость, красота!
Какой ажурно-кружевной орнамент!» -
Так думал Огонёк,
и в мыслях вторила Снежинка та:
«Как он силён!
Какой неукротимый темперамент!»

А Огонёк забыл совсем про Новый год,
Лишь на одно мгновенье, будто замер...
Но, вспыхнув,
начал свой безумный хоровод –
Для незнакомки милой танцевало пламя!

Не знающая холод и тепло,
Снежинка, видя танец, задрожала.
Их разделяло друг от друга лишь стекло –
Они его в экстазе целовали...

*

Часы пробили полночь, а потом...
Потом метель Снежинку оторвала,
Та закружилась в вихре за окном,
И вот её совсем, совсем не стало...

Оторопел от горя яркий Огонёк,
Пытаясь высмотреть в ночи подругу,
Не понимая, что теперь он одинок...
Снежинку ветер вдаль кружил по кругу.

«Я страстью жаркой растоплю стекло,
На крыльях огненных любимую настигну,
И подарю ей всё своё тепло!» -
Так думал бедный Огонёк наивно.

Он так надеялся на будущую встречу
И разгорался, разгорался со всей силы...
Но новогодний был окончен вечер,
И люди Огонёк тот погасили.

*

Печально завершение, увя...
Но до момента как часы пробили,
Произошла история любви,
Так, значит, всё же Чудо было?
Было!

Молитва

Наполняю Душу восхищеньем
Под волшебный звон колоколов,
Искренне прошу у всех прощенья,
Все прощаю – близких и врагов!
На тебя, Господь, я уповаю –
Ты лишь ведаешь, что впереди...
Душу я свою Тебе вручаю.
Научи!
Наставь на путь!
Веди!

Юлий ТАРЕР

Что тебе снится?

Семь поколений злу не излиться
Братоубийства страшной войной... —
Крейсер Аврора, что тебе снится,
В час когда солнце встаёт над Невой?

Просто счастливым хочет быть каждый,
Проклят ли, иль проклинал хоть однажды...

3 августа 2016 г.

Торговище

Ужель заимствование чужих идей
Так греет души пап и мам бездарных?! —
Они родят талантливых детей,
И мучают всю жизнь ценой базарной.

Они и жизнь готовы им отдать,
Чтоб жизнь детей своих себе за это взять!

28 августа 2015 г.

Не долго так и до канавы

А рыцарь слишком благородный
Подонком как-то оказался,
Запойный пьяница голодный —
В его душе душком остался.

Любим он не был — лишь потребности
К нему тянули женщин низких,
Они ему внушали небыль,
И он терял друзей и близких.

15 февраля 2016 г.

Женские хитрости

Я от мужа утомилась,
Захотелось новизны —
Милый мальчик, Бога милость! —
В одиночестве изныл...

Всё пыталась, намекала —
Разобиделась вконец!
Обвиню во всём нахала —
Отказал ведь мне, подлец...

28 октября 2015 г.

Свет в конце туннеля

В безумном перегаре бытия
Люблю я непорочное создание,
Его беспечно оскверняю я
Своим срамным злокозненным дыханьем...

Создание любит и меня простит —
Ведь любящее сердце всё прощает,
И знает неуёмный паразит,
Что он покой прекрасных дум смущает.

Его любила тьма за яркий свет,
И всё жрала, свой голод насыщая,
У бездны насыщенья нет,
И не сберечься — душу истончая.

Ведь паразит свой прежний помнит вид —
И молод, и красив и безобиден,
Он сам себя кусает и казнит
За то, что сам себе уже не виден...

4 марта 2016 г.

* * *

А сказок нынче не бывает,
Надежды гибнут в мерзлоте,
И долго волки завывают
На недоступной высоте...

Кого-то били-недобили,
Кого-то загоняли сворой,
А дед и бабка жили были,
В окно глядели на прибытье скорой...

13 марта 2016 г.

Сквозь вечность

Нет, ты не Ламберт в знании предмета,
А я не Джулия в томленьях жарких тел,
Мы просто размечтались в жизни этой —
О чём-то, что Господь от нас хотел...

Мечтали мы, и что-то воплощалось,
А что-то невозможно никогда...
Во снах с тобой мы, может быть, встречались —
И, может быть, века, а не года...

Быть может, предначертаны друг другу
Мы были со времён, когда Земля
Ещё была всего лишь плоским кругом,
Трёхмерности у космоса моля.

Но где-то на Таити заблудился
Сбежавший от трёхмерной суеты...
Не на гроши он под Луной молился,
И за гроши его не купишь ты.

Мы просто размечтались в жизни этой
О чём-то, что Господь не всем даёт...
Мечтают все. Свершают лишь поэты —
Сквозь вечность ослепительный полёт!

29 февраля 2016 г.

О минералах

«астрологи рекомендуют»...

Тот лишь камень тебе родной —
Которым в тебя не бросили...
Грешный, простой, земной
С зимы — круглый год, и осенью.

26 октября 2015 г.

* * *

Сомнения глоток — и ты опять в дорогу,
В пути тебе уютней, чем со мной...
Мечты моей испей, хотя б совсем немного,
И станет вновь родным твой долгий путь домой.

9 сентября 2016 г.

* * *

Сегодня Новогодний чистый снег,
И даже ветер мягок и приятен,
И продолжает жизнь свой вечный бег,
Невечность захватив в полуобъятье.

12 января 2016 г.

Евгений СМОЛЯКОВ

Белая ночь

А солнце уж зашло
и движется по кругу,
Едва не задевая горизонт.
Ну как не предпочесть
домашнему досугу
Вечерний мир беседок и ротонд?!

Ну как не поспешить
от кресла у камина
К гранитным берегам
величественных вод,
Где алых парусов
фантастика от Грина
В неведомое завтра позовёт?!

Здесь камни помнят всё:
триумфы и невзгоды, —
И не размыть Неве истории пласты!
Как призраки,
бесшумно теплоходы
Минуют разведённые мосты.

А в городе светло
с заката до рассвета,
И я лечу туда,
прочь отгоняя сон,
Где творческий порыв
великого поэта
В движеньи на века запечатлён.

Поэзия жива! Поэзия нетленна!
И вслушиваюсь я
в переизбытке чувств:
Не Пушкин ли читает вдохновенно
Свои стихи на площади Искусств?

Осенний стриптиз

Листья днём опадали и ночью
И повсюду коврами легли.
Сберегают заботливо почву
Бескорыстные дети земли.

Мы, поборники всякой свободы
И к наживе попавшие в плен,
Расточаем созданыя природы,
Ничего не давая взамен.

Цветники превратили в пустыни,
Отравили её родники.
Если почва под нами остынет,
Нам её отогреть не с руки.

В недрах силы возмездия дремлют.
А пока что деревья, кусты
Укрывают от холода землю,
Не жалея своей красоты.

И, презрев скорой стужи угрозы,
Вдоль шоссе от села до села
Перед дедом Морозом берёзы
Обнажают себя догола.

*

Вода расходится кругами
От дрогнувшего поплавка.
Потопленными облаками
С рассвета полнится река.

От рос жемчужного покрова
Под ноги стелется трава
И,
как на леску дань улова,
На память нижутся слова.

Сентябрь в наряд добавил ситцу.
Редает утренний туман.
Ершей надёргав на ушицу,
Несу трепещущий кукан.

Над водной гладью с облаками
Сгибалась удочка дугой:
Держались всеми плавниками
Они за жизнь в среде родной.

Не те,
в ком есть повадка волчья,

Последний снегопад

Чтоб семени было бы в почве легко,
В апреле случилась позёмка.
Всему,
    что в родимую землю легло,
Нужна от природы подкормка.

Торопимся множиться,
    не обождая,
Пока обласкает нас Время.
Но льются на землю
    слезинки дождя,
И ими воскормлено семя.

Затем над землёй и воды круговерть,
Чтоб живность тучнела от пастьбы.
И падает снег,
    обречённый на смерть, —
Вот мне бы
    вот так бы
    упасть бы!

Кукушка

Над приютом ночного привала
Гаснет в северном небе звезда.
Не с того ли ты закуковала,
Что не знала родного гнезда?

Твоего не страшася призванья,
Благодарно встречая рассвет,
Я считаю твои кукованья
Как предел
    мне отпущенных лет.

Полнолуния меркнет полушка,
Зацепившись за ивовый прут...
Как щедра ты сегодня,
    кукушка, —
Люди столько,
    увы,
    не живут!

В старом парке

А в старом парке над Невою
День завершается погожий.
Упавшей под ноги листвой
Шуршит задумчиво прохожий.

Заботы лета упраздня,
Осенний сон сулит природа.
А сердце исподволь теснят
Печаль и таинство ухода.

Вальс вертит ветер-баянист,
И после лёгкого круженья
Ложится наземь жёлтый лист
Затем,
    чтоб стать добычей тленья.

Ведь был и зелен,
    и пушист,
Прорвав разбуженную почку,
А ныне,
    жёлт и неказист,
Он умирает в одиночку.

Вот так и жизни круговерть:
Нам суждено на свет родиться,
Взрослеть,
    плодиться,
    умереть,
И в чём тут смысл —
    не догадаться.

*

С утра под ногами ледок,
И чоботы смазаны воском.
А к вечеру тот же ходок
Здесь может пройти
    лишь по доскам.

Таится,
    провалом грозя,
Под снегом промытая полость.
Вот так же до срока нельзя
Раскрыть затаённую подлость.

Земля не чиста,
    как обман,
До первой весенней приборки.
Но радостью брызжет шафран
На солнцем согретом пригорке.

*

Осыпаются гроздья рябины.
Обращаются тверди во прах.
Незалежная статья Украины
Оказалась в преступных руках.

Чёт и нечет меняя местами,
Где не строили –
ищут приют.

Чернозёмы срезая пластами,
Землю,
Родину-мать,
продают.

Как же вал отчуждения вырос
И единство разъято вразброс!
В ком дремал неподавленный вирус –
Ныне страждут,
как видно,
всерьёз.

Сокрушают основы культуры –
Всё, что создано общим трудом...
Здесь давно бесполезны микстуры –
Ждём пророка с мечом и крестом.

Возрождение

Владимиру Владимировичу Путину

Мне вспоминать о том
совсем не просто,
Как некогда державе-силачу
Вдруг указали место не по росту,
Похлопав фамильярно по плечу.

В Историю уходит день вчерашний,
И на разрыв набухших гневом вен
Уверенно,
решительно,
бесстрашно
Россия поднимается с колен.

Готовы твёрдо стать на поле брани,
Вновь обретя нам свойственную статью,
Мы
в лихости разбросанные ране
Каменья
начинаем
собирать.

Демни КАРЗОВА-ГОЛОВИНА

Ты такая разная

Ты такая разная – радость и печаль,
Гордая, отважная, твердая, как сталь.
То закатом розовым, дивным видом дня,
Тишиной березовой манишь, Русь, меня.

Молитвой защищенная, великая держава,
Владимиром крещенная, увенчанная славой.
Колокола церковные, звоните по Руси.
Неси достойно голову, не падай, не проси.

Лучезарно светятся синие глаза.
Вдруг померкнет цвет лица, и гремит гроза.
То сверкаешь золотом храмов и дворцов,
То с серпом и молотом ты зовешь борцов.

Молитвой защищенная, великая держава,
Владимиром крещенная, увенчанная славой.
Колокола церковные, звоните по Руси.
Неси достойно голову, не падай, не проси.

Темной тенью недруги за твоей спиной.
Не спокоен берег их с бурною волной.
Не сломайся между них, выстоять должна.
Верой и надеждою ты была сильна.

Молитвой защищенная, великая держава,
Владимиром крещенная, увенчанная славой.
Колокола церковные, звоните по Руси.
Неси достойно голову, не падай, не проси.

Прилетают ласточки, птицы гнезда вьют.
Теплым летом, ласковым, в зелени уют.
Яблони, смородина, клены, тополя.
Дорогая Родина, русская земля.

Молитвой защищенная, великая держава,
Владимиром крещенная, увенчанная славой.
Колокола церковные, звоните по Руси.
Неси достойно голову, не падай, не проси.

Родина

Родина – что слово значит?
Кто даст ответ на вопрос?
Школьный букварь и задачи.
Дом, где родился и рос.
Мамина ласка и нежность.
Помощь, поддержка отца.
Чувств чистота и безбрежность.
Свет у родного крыльца.

Родина – это источник
Жизненных сил и любви,
Знаний, прочитанных строчек.
Память она оживит.

Волны судьбы нас уносят.
Там на иных берегах
Помним пшеничные косы.
Русь и вдали дорога.

Но после долгой разлуки
Тянет березы обнять,
Гладить, как мамины руки.
Родина – это как мать.

Я укуталась темною шалью

Я укуталась темною шалью,
На глаза опустила вуаль.
Невозможно расстаться с печалью.
Так случилось и мне очень жаль.

Расставанье мучительно, сложно.
Вспоминаю прошедшие дни.
Но судьбу изменить не возможно,
И нам некого в этом винить.

Прячу слезы за черной вуалью.
Согревает от холода шаль.
Провожая тебя в путь с печалью.
Впереди невозвратная даль.

Хочу услышать звук аккордов

Давно не брал гитару в руки.
Не слышно радостного пенья.
Спокойна жизнь без лишних звуков.
Желанья нет, иль вдохновенья?

Давай спокойствие нарушим!
Хочу услышать звук аккордов!
Да, пусть проснутся наши души!
Споем с тобой по-русски гордо.

Перебирают струны пальцы.
Я слышу голос вновь желанный.
Звучат романсы, песни, вальсы
И теребят былые раны.

Отрадной стало, интересней.
Волшебный дар у русской песни.

Давай зажжем сегодня свечи

Давай зажжем сегодня свечи,
Нальем шампанского в бокалы!
Пусть будет памятным наш вечер.
Хочу, чтоб музыка звучала.

Любви мелодия прекрасна.
О, как шампанское игриво!
С тобой танцую в платье красном.
Лишь для тебя я так красива.

Мерцают свечи, свечи тают.
Вино пьянящее колдует.

Зажглась свечой, и я такая.
Тону ли, таю ль в поцелуе?

В твоих руках, в твоей я власти
Сгораю в пламени от страсти.

Лети

Лети! Я тебя отпускаю.
Пришло, видно, время твое.
Примкнешь ты к надежной ли стае?
Иль манит свободный полет?

Расправь крылья в ясной лазури.
Пусть будет лучистым твой путь.
Спаси, защити, Бог, от бури
И рядом хранителем будь!

Лети, высоту набирая
Вслед за путеводной звездой.
Молю! Осторожней у края...
И помни родное гнездо.

В тумане

Спрятался лес в тумане.
Слились земля и небо.
Скрыты судьбы изъяны.
Быль превратилась в небыль.

Было ли счастье, чудо?
Или был сон, виденье?
В мыслях лелеять буду
Прошлые дни, мгновенья.

Ясности нет – туманно.
Далей не видно – серо.
Путь мой потерян – странно.
Выход – надежда, вера.

Вечернее затишье

Люблю в вечернее затишье,
Когда июльский жар остынет,
Смотреть с балкона вдаль и выше,
Где в красках неба нет унынья.

В голубизне небес рисуя
Мазками розового цвета,
Закат дарует нам красу. Я
Прощаюсь с солнцем до рассвета.

Татьяна БЕЛЯЕВА

Из цикла «Недавнее прошлое»

* * *

Его любила я, но приключился казус –
Любовь он на квартиру променял.
А ты зовёшь меня «колдуньей кареглазой»,
«Любимой девочкой», твердишь мне: «Ты моя».

Его звонков ждала – не дожидалась.
Тянулось время, словно колея.
А ты звонишь, лишь только попрощались:
«Чем занимаешься, душа моя?»

Его неожиданное предательство ударом
Смертельным чуть не стало для меня,
А ты всего себя отдал мне даром
Навечно, пока вертится Земля.

Ему стихов я столько посвящала.
В толпе одна была, страдания терпя.
А для тебя родной и близкой стала,
И слышу каждый день: «Люблю тебя».

Его забыла и не вспоминаю.
Погасло пламя «тёмного огня»...
Тебя так искренне люблю и обещаю:
Отныне навсегда – ты жизнь моя.

* * *

После ласкового моря дрожь осенняя.
Балансирую на грани. Невезение.
Рядом призраком уныние колышется:
Мне сегодня что-то очень трудно дышится.

Я опять каких-то глупостей наделала?
Не старалась быть «пушистой и белой».
Стало вдруг тебе с другою интереснее?
Вот и покрывайтесь вместе плесенью.

Не уверена, что долго это выдержу.
Лето неизбежно клонит к финишу -
Южный вечер был и даль была красивая.
Ты решил, что слишком буду я счастливая.

Чем тебе не угодила – не понятно мне
Кто-то даже Солнце видит с пятнами.
Если сам святой, а я с грехами давними
Может, ты меня побьёшь за это камнями?

Ну а я прошу обиду – не предательство!
И любви моей наивной в доказательство
Всё забуду, будто ничего и не было.
Только б глаз твоих увидеть светлых небо мне.

Две любви

I

Сам мою свечу погасил
Беззаботно, любимый мой,
И любовь моя к звёздам летит,
Чтоб найти там вечный покой.
Чёрным зельем поили её,
Обещали сжечь кислотой,
Чтоб забыла имя твоё,
Чтоб тебя отдала другой.
Сам ты недругам помогал
И от зла её не сберёг.
Разве ты не предполагал,
Что на гибель любовь обрёл?
И живёшь теперь, горя не зная,
В сердце гвоздь раскалённый вбив.
А она где-то переживает:
«Как ты там без меня, без любви?»
Эти муки любовь, терпя,
Для тебя лишь пишет стихи.
Жить не может, тебя не любя...
Вот такие вот «пирог».

II

Пролетает за годом год...
В моём сердце любовь твоя,
Несмотря ни на что, живёт,
Беззащитность свою храня.
В уголочке моёй души,
Скрыта верно от всяких бед,
Задремала она в тиши,
Но горит её тёплый свет.
И мелодия там звучит,
Та, что пела для нас Наргиз.

И любовь твоя чуть грустит,
Но не жалуется на жизнь.
Берегу я твою любовь.
Никогда её не прогоню.
Моё сердце - надёжный кров.
Я любовь твою сохраню.

Из цикла «Другая реальность»

Поцелуй в сердце

*Прошлое забыто, будущее закрыто,
настоящее даровано.*
А.П. Чехов

Это было или будет,
Или тотчас происходит?
Бесконечным током буден
Всё проходит, всё приходит.

Наколдованное завтра
Двери времени открыло,
Образ сказочный придав нам
Насекомых легкокрылых.

Там, в полутонах восточных,
Чувства острым жгучим перцем
Сыплются в часах песочных
И целуют прямо в сердце.

Яд забвения не страшен:
Он недуги все излечит
И, минуя день вчерашний,
Позовёт куда-то в вечность.

Эта мистика и сказка,
Звон старинных украшений...
Нам сегодня нет подсказки,
Торопливых нет решений.

Кистью призрачной художник
Из мечты мира возводит –
Невозможное возможно.
Всё приходит, всё проходит.

Груши в профиль

Разумом мы, видимо, ослабли –
Наступаем на всё те же грабли.
Приспособились не замечать притворства,
Стены пробивать с тупым упорством.

Будучи махровым дилетантом,
Верить в обладание талантом,
С гордостью и пафосом при этом
Мнить себя «божественным поэтом».

Это наши выдумки и мифы,
Что любому поддаются рифмы,
Что неграмотным, корявым и бездарным
Вдруг махнёт Пегас крылом янтарным.

Как попало сочинять - мала отвага.
Пусть краснеет от стыда бумага.
И растут подобных «виршей» горы,
Презируя совести укоры.

Бред назвав стихами беспардонно,
А себя «творцами» упоённо,
Пишем про ботву и про картофель.
Снова те же «груши», только в профиль!

Из цикла «Волшебный город детства»

День города

Саранск сегодня весел
От детских глаз и песен.
Он к празднику большому
Готовился с утра:
В безоблачное небо,
Как в зеркало, глядятся
Умытые проспекты
И пёстрые дома.

Гостей встречает город.
И счастлив он, и молод!
В лучах блестящих солнца
Он будто стал светлей.
На площади просторной
Вот-вот парад начнётся.
Мордовии столица
Приветствует друзей!

Дворцам и стадионам,
Библиотекам, паркам –
Всем улыбнётся радостно
Лисица на гербе!

Владислав ДУВОВИЧ

Поэзии русской спецназ

Нине Васильевне Карташевой

В царстве Муз, поэзии словенской
Нахожу слова хвалебной песни
Несравненной Нине Оболенской,
Православной русской поэтессе!

В Вашем взгляде, жесте и осанке,
Гордом повороте головы
Узнается древний род славянки!
Ныне это редкостно, увы!

Вы всегда - само очаровае!..
И сегодня, так же как вчера,
Как спецназ, уходит на заданье
Каждый стих от Вашего пера!

Благородство рода офицеров!
Офицер - поэзии спецназ.
За Святую Русь, за нашу Веру!
Каждый день, за каждого из нас!

Пусть сегодня подлый враг наглеет.
Но к победе волю не сломить!
Верю я, что русские сумеют,
Как не раз бывало - победить!

Флаг Андре над Россией реет!
Русский флаг над русской страной!
Сила Русская в Народе Русском зреет!
Русский дух над Русскою Землей!

Слава офицеру

Безчестно жить и думать - не хочу
И неготовым к бою - не бываю.
Тому же и солдат моих учу -
За них я перед Богом отвечаю.

Я - офицер и честью дорожу.
И теплохладность в сердце не впускаю.
За слабость никого не осужу.
Но подлости - и брату не прощаю.

Наедине с природой любо быть:
Обнять березку, как свою, родную,

С ладони воду из ручья испить,
Прозрачную, журчащую - живую.

С единомышленником тихо говорить.
И, жизни ход считая по минутам, -
Защитником Отечеству служить,
На растерзанье не давая смутам.

Святая Русь! Великая Земля,
Обильно предков политая кровью!
Дороже жизни Родина моя,
Твоей живу и радостью, и болью.

Тебя не перестану прославлять!
И пусть весь мир нас держит за изгоев -
Да здравствует Россия - наша Мать!
Страна любви, надежды, веры и героев!

Матерям погибших воинов

Бой. И пуля солдата сразила,
Иль осколком снаряда убит, -
Всех их вечная слава покрыла,
И из них ни один не забыт!

Крепко сжав охладевшей рукою
Навсегда автоматную сталь,
Молодыми уходят герои
В бесконечную, вечную даль...

Сыновья ваши вышли из строя,
Встав в невидимой рати заслон.
Матерям всех погибших героев
Благодарности низкий поклон!

Русь Святая - героями свята,
Русский дух невозможно убить!
И погибшие наши солдаты
Будут вечно России служить.

Все пройдет. Отболеет и это.
Скорбь утихнет в сердцах матерей,
На чужбине, безвременно где-то
Потерявших своих сыновей.

Владимир РОДЮШКИН

*Моему дяде, рядовому бойцу Красной Армии
РОДЮШКИНУ КОНСТАНТИНУ ФЁДОРОВИЧУ,
и моему отцу, младшему лейтенанту, командиру
стрелкового взвода 1017 стрелкового полка
285 стрелковой дивизии РОДЮШКИНУ АЛЕКСЕЮ
ФЁДОРОВИЧУ, уроженцам села Ведянцы, ныне
Ичалковского района Республики Мордовия,
посвящаются эти стихи к семидесятилетию со
Дня Победы в Великой Отечественной войне
1941 – 1945 годов.*

Скажи-ка, дядя...

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром»
На Волге яростным ударом
Был остановлен враг?
Мы после долгих отступлений
Не встали в страхе на колени.
Нас вдохновляли Сталин, Ленин.
Не уронили стяг!»

Но не даёт ответа дядя.
На бугорок могильный глядя,
Стою, скорбя, один:
«Ах, безымянная могила,
Кого же ты похоронила? –
Душа скорбящая заныла:
«Не здесь ли Константин?»»
В разгар войны он по призыву
Иль по душевному порыву
Вступил в неравный бой:
И пуля немчуры сразила,
И землю кровь его умыла,
И стала тёмная могила
Ему навек избой.

А где-то в стороне от Кости
С порывом ярости и злости
Шагал Алёша, брат.
Побил ли он врагов побольше?
Но путь войны прошёл подольше,
И похоронен в панской Польше
Советский наш солдат!

Искать не надо следопытам,
Он похоронен в граде Бытом,
Где есть мемориал.
Но Польша ныне в стане НАТО.

Винтовка польского солдата
В восход нацелена с заката –
Таков сейчас финал.

* * *

Эмме Симдяновой

«...в день и в ночь опускается ясно
Снегопад, снегопад, снегопад» -
Ты стихи написала прекрасно.
Очень новому сборнику рад.

Я читаю его у голландки,
Нежась в дрёмном домашнем тепле,
А в душе собираю саранки
На твоей забайкальской земле.

Я не знал, что имеются в мире
Под названьем «саранки» цветы.
Обязательно буду в Сибири,
По которой тоскуешь так ты.

Может быть, занесёт меня тоже
В голубые Олочи мечта.
На кого и на что же похожи
Забайкальские эти места?

Я приеду туда и, конечно,
Первым делом схожу по мангир,
Чтоб узнать и запомнить навечно
Для меня удивительный мир.

И по длинной извилистой тропке
Выйду утром я к Шилке-реке,
Чтобы сонные синие сопки
Рассмотреть наяву вдалеке.

А пока представляю по книжке
Твою родину, хиус, цветы.
И прости мне, смешному мальчишке,
Что я Вас называю на «ты».

Будь со мною сегодня согласна,
Так ведь проще и мысли, и взгляд,
И на сердце открыто и ясно,
Как бывает всегда в снегопад.

Александр КИРЯКОВ

Я помню плач почти что в каждом доме

(Воспоминание о военном времени)

Я помню плач почти что в каждом доме:
Убит отец иль дядя, или сын.
Тогда в селе боялись почтальона,
Что в дом весть о печали приносил.
В наш дом принёс он две плохие вести,
Вручил, робея, с грустью и тоской:
Убит отец мой в Киевском предместье,
А сын у бабушки, мой дядя, под Москвой.
Две женщины застыли изваяньем
И даже молвить слово не могли,
На днях читали в письмах «До свиданья...»,
Теперь же в вечность милые ушли.
Мать с дочерью стояли как немые
В тот миг стучала птица им в окно,
Заплавав, стали вдруг они седые,
Приняв ту скорбь, что роком суждено!
С тех пор им птица всякая, как вестник,
Даёт надежду, что вернёт назад
Любимых, сыновей... и в птичьих песнях
Поёт их сын, любимый или брат!
И на стекле пугливую синицу
Ласкает взглядом бабушка моя
И, отложив вязание и спицы,
Вздохнёт, задумавшись о смысле бытия...

Любовь и родина

Сотни вёрст мною пройдены,
Чтобы встретить тебя,
Я люблю, как и Родину,
В сердце верность храня.

Я люблю тебя, милую,
И рождённых детей,
Ты прославилась силою
Всех времён матерей!

И вы верными жёнами
Бережёте очаг.
И в семью своей Родины
Устремляете шаг!

Мы любовь в поколениях
Сохраним на века,
Чтоб в российских селениях
Бились вечно сердца.

Как важна любовь матери
И любимой жены,
Чтоб сыны не утратили
Мощь Великой страны!

На алых губах поцелуи

На алых губах поцелуи
Застыли в улыбке твоей.
Сбирали цветы мы над Нуей,
В ракитах нам пел соловей.
Ах! Как выводил он рулады!
Кому, как ни мне, всё понять!
«Мне надо, мне надо, мне надо
Тебя и любовь охранять».
Поди ж, невеликая птаха,
А как он душевно ей пел!
Свободной он птицей, однако,
С любимой всю ночь просидел.
Обязан он ей по природе
Хранить и любовь, и очаг,
Вот также в любви и в народе
Должны мы хранить каждый шаг.
На алых губах поцелуи
Застыли в улыбке твоей...
Сбирали цветы мы над Нуей,
В ракитах нам пел соловей.

Наталья КОСТРИЦЫНА

* * *

Что в жизни главное? Мгновенья
Как россыпь падающих звёзд.
Земные в детях продолженья
Пред тем, как явят на погост...
Плоды трудов земле в наследство,
А не следы твоих потерь.
Твоих деяний совершенство –
Всё это главное, поверь!..

* * *

М.Ю. Лермонтову

Судьба, играючи, вершилась
Самим поэтом. Вновь Кавказ.
Дуэль, что наспех вдруг свершилась,
Без доктора... Не напоказ,
А лишь в угоду дуэлянту,
Что другом Лермонтову слыл,
В злобе, в противовес таланту,
Ему войну он объявил.
Войну за ум, за гениальность,
За юмор, острый как кинжал,
За юности задор, за шалость,
Что с детства гений обожал!
Легко шутя и порицая
Всё то, что чуждо самому,
Поэт, с восторгом восклицая,
Смеясь, так помешал кому?..
Бичуя леность, сумасбродство
И бестолковость, - что уж там! –
Надменность, глупость, душ уродство,
Врага протест он вызвал сам.
Сподвиг на злобу, мерзость, мщенье,
Где Божий был талант убит –
России олицетворенье,
Прославленный в веках пиит!..

Сердца стихами разбужены

А.С. Пушкину

«Такие, как Пушкин, - мы слышим, -
Рождаются раз в столетье!..»
Так что ж мы сейчас так не пишем,
Хоть минуло целых двести?

Почему дорасти до Пушкина
Никто никогда не сможет?..
Царь-колоколом и Царь-пушкой
Голос его тревожит.
Как в эпоху его, так и ныне,
Сердца стихами разбужены.
Как будто в живой картине,
Онегин идёт простуженный,-
Мы видим его как воочию!
Татьяна с Ольгой пред нами.
Поэту судьба напорошила
Стать Ленским. И будто мы сами
Присутствуем с ним на дуэли,
Где каждый без имени-отчества,
Чтобы сбиться не смели
Судьбы жестокой пророчества!
Чтобы Дантес не выстрелил,
Стать вдруг Данзасом хочется.
Чтобы друг Пушкина выстелил
ИНОЙ путь судьбе-пророчице...

Моему любимому читателю

Я оставляю свой голос в наследство,
Чистоту непорочной души.
Ведь я родом из чудного детства,-
Ты отвергнуть меня не спеши!..

Не спеши ухмыльнуться при этом:
Все, мол, родом из детства мы.
Но не каждый зовётся поэтом,
Что вознёсся над властью тьмы!

Поднимись над бесчестьем и ложью,
Над гнетущей тебя суетой,
В край родной приди по бездорожью
Возле отчего дома постой!..

И взирая на милую землю,
Что вскормила тебя и меня,
Ты поймёшь: почему я приемлю
Песнь души, что так льётся, звеня.

Потому оставляю в наследство
Я тебе, мой неведомый друг,
То, что я воспевала всем сердцем,
И душа встрепенётся не вдруг!..

Ты поймёшь меня, юный мечтатель,
Что наследство моё - для тебя.
Я уйду, мой любимый читатель,
Колос хлебный в руке теребя...

Я желаю тебе песню спеть
До конца, как пьют воду до донца,
На огромную землю смотреть
Из родного для сердца оконца!..

Анне Ахматовой

Рождена ты птицей горделивой,
Высоко парящей над равниной.
Не наделена судьбой счастливой, -
И пришлось быть мужественно-сильной.

Если бы иметь судьбу иную,
Без лишений, горестей, страданий,
Не была б ты с Богом одесную,
Не ждала бы трепетно свиданий

С тем, кому ты жизнь свою вручила,
В свет явив единственного сына.
Испытанья ты б не получила,
Что под силу лишь тебе - единой.

А удары градом шли неожиданно.
Слёзы у тюремного застенка...
Боль утраты близких... Боже, Анна, -
В горе урождённая Горенко!..

С горем породнённая навеки...
Псевдоним «АХМАТОВА» не спасший,
Но пред тем, когда закрылись веки,
Миру сильного Поэта давший...

И вознесший славу в Поднебесье,
Над горами, птицами, холмами,
Над святым её родным Полесьем...
Над бессмертными её стихами...

И летит над миром имя АННА –
Выше облаков и звёзд далёких.
Нет среди поэтов ей в мире равных,
Мыслей в строчках более высоких!..

Марине Цветаевой

Строкам романа «Мне нравится»
Третье мая. Пятнадцатый год.
Нам Марина Цветаева пишет,
Мыслям дав бесконечный полёт, -
Для романа слова. Люди, тише!..

Не прервите душевный восторг,
Строк чудесных не испепелите!
Через ВЕЧНОСТИ посылаю торг
Сей подарок сейчас примите.

Эти строчки навечно вошли
В мировую шкатулку Слова.
Мысли тысяч влюблённых сплели
И волнуют нас снова и снова...

Что осталось?..

Дипломы. Грамоты. Открытки.
Награды. Папки. Файлы. Глобус.
Уехать слабые попытки.
Билет на поезд и автобус.

Дорога. Чипсы. Холод. Свечка.
А денег – самая-то малость!
Пешком до дома, позже – в церковь.
На брейк – сынишке. Что ж осталось?..

Постель остывшая и память.
И отчуждённость окон новых,
Где снежная не хочет замять
Оставить след штрихов узорных.

Уход друзей. Звонки чужие.
Бегущих дней закономерность.
Реальность и мечты благие.
И их, увы, несоразмерность...

Алексей КНЯЗЕВ

Вспоминая блокаду

Детям блокады посвящается

О, дети мои, Вам всё снится блокада,
Хотя уж полвека не слышно войны,
Хотя и в помине уж нет Ленинграда
И раненых стоны во тьме не слышны.
Вы вынесли всё, в эти страшные годы
На плечики Ваши свалилась беда,
Не каждый рождён был из крепкой породы,
И смертью за нас Вы платили тогда.
Война не ушла и не канула в вечность,
Она поменяла лишь дьявольский фон,
И я б не хотел променять на беспечность
Младенческий плач и ребяческий стон.
Вы полною мерой войну оплатили,
Тяжелых лишений не стёрты следы,
Вы тысячи жизней своих воплотили
В посмертные детские Ваши ряды.
Но годы не лечат нас, раны кровавы,
Мы с горькою метой на свет рождены,
Победой, не только достойною славы,
Но тяжкой судьбою они скреплены.
О, дети мои, память жизни не рвётся,
Хотите ль услышать последний завет?
Скажите, легко ль Вам на свете живётся?
И... только молчанье глухое в ответ...

К другу

Мой милый друг, божественною тайной
Ты был к событиям века пригвождён,
Но не поник от прихоти случайной,
Не обещен и не побеждён.
Борись, мой друг, за место на планете,
Хвали живых, а мёртвых не кляни,
С тобой мы на Земле за всё в ответе,
Да воскресят нас прожитые дни!
И если в вихре дней придётся туго,
Я помолюсь и голову склоню
Пред памятью истерзанного друга,
Но слов своих совсем не изменю.
Хранить нас будут **три заветных слова:**
Отечество, погрязшее во лжи,
Но возрождённое на радость снова,
Кровь, данный предками, и **васильки** во ржи.
И всякий раз, пытаюсь снять сомненья

По каждому из потаённых слов,
Зальюсь слезой, произнося моления
Во славу друга из пришедших снов.

И на изгибах жизненного круга
Сквозь даль времён опять я узнаю
Черты лица приснившегося друга,
В те дни геройски павшего в бою.

Березовая тоска

Берёза белая, едва ли
Ответишь ты на мой каприз,
Меня в леса России звали –
Они мне многое сказали –
Платан, чинара, кипарис.

Они сказали, что недаром
Для всех, кто странствует вдали,
Всегда была берёза даром –
Младым изгнанникам и старым –
России, сладостной земли.

И отдаются в мыслях разом –
Пусть ты оборван, грязен, гол
Иль помутился трезвый разум –
Черты, обласканные глазом –
Зелёный верх и белый ствол.

И до конца пути крутого,
До боли, до горючих слёз
Вдали от дома от родного
Желанны мне твои оковы,
Виденья ласковых берёз.

Дионисий

Знают только северные выси,
Ярь лесов, густая синь озёр,
Как московский старец Дионисий
Создал фресок огненный узор.
Сговорившись с братиею истой,
Всё необходимое достал
И за год в церквушке неказистой
Расписал и стены, и портал.
Мы, его далёкие потомки,
Лишь теперь, через громаду лет
Оценили древние обломки
И всеильный старческий секрет.

Лишь теперь, с удестерённой силой
В свете нимба мёртвого лица
Поднял старец над своей могилой
Тяжкий крест в обличии творца.
Вознесясь душою обновлённой,
Новой жизнью Дионисий жив,
И его потомок изумлённый
Гасит восхищения порыв.
Я б на эти северные выси
Крик души своей не променял,
Если б только старец Дионисий
Не манил и не воспламенял.

Домой, домой....

Домой, домой... уж сердце просит
Родных туманов и дождей,
И торопливости людей
Под наступающую осень.
Уж знаю я: шуршат листвою,
Гуляя, дети на ходу,
А я в беспамятстве иду
И им качаю головою.
Где ты, краса моя и диво?
Где ты, мой город снов и грёз?
Где белизна твоих берёз
И бег Невы неторопливой?
Скорей, скорей! Лечу стрелою
К тебе, в объятия твои,
Прими ж скитальца, утай,
Укрой осенней тёплой мглою.

Мои друзья

Мои друзья и лес, и море,
Я к ним отшельником хожу
И Музе раненой служу,
Своё оплакивая горе.
Мой друг, лесная тишина,
Прими строфы нелёгкий опыт
И ты для рифмы тихий шепот
Возьми, летящая волна.
Дарю я вам, друзья мои,
Своё последнее уменьье –
Тех песен ласковое пенье,
Стихи оплаканной любви.
Берите всё, не жалко мне
Моих слабеющих мотивов,
Оставьте только плач приливов
И стоны леса в тишине.

Черноморский романс

Черное море играло прибоем,
Белою пеной бурлила волна,
Солнце улыбки дарило обоим,
Но улыбалась в ответ лишь одна.
А над волной, убелённую пеной,
Чайки кружились, надрывно крича,
Вторил им шумом прибой вдохновенно,
Пену бросая в волну сгоряча.
Пена плыла, на волне исчезая,
То осыпая волну серебром,
То изумрудом на солнце играя,
Словно гордясь бесполезным трудомэ.
Вот так и мы, словно бурная пена,
Смело и радостно встав поутру,
День напролёт проживаем надменно,
Скорбно итог подводя ввечеру.

Друзья уходят

О, волшебство событий сущих,
О, красота бывшего дня!
Пока живу среди живущих,
Всевышний жалуется меня.
Но постигая бесконечность,
Еще любимые вчера,
Друзья мои уходят в вечность
На поиск мира и добра.
И каждый раз под добрым взглядом
С платформы Млечного Пути
Тушуюсь я, ведь снова рядом
Не доведётся нам пройти.
Я верю, Вы еще вернётесь
Из отдалённых облаков
И, нас увидев, встрепенётесь
Под сенью невьских берегов.
Пусть будет Вам во всём порукой
Ваш яркий жертвенный удел
Борьбы с карающей разрухой
На пользу наших славных дел!

Не спешите

(из цикла «Эпиграммы»)

Мы сидим в его квартире тесной
Без улыбки, вовсе неуместной,
И глубокомысленно молчим.
Сколько было громогласных споров,
Запредельно резких разговоров,
Их исход почти неразличим.
Он вначале смелый был, активный,

Безупречно точный, импульсивный,
Но внезапно безнадежно сник,
Мы же линию упрямо гнули
И за пояс бедного заткнули,
Отведя бессмысленность улик.
А затем мы на него насели
И над ним глумились, как умели,
Он, бедняга, жалобно скулил,
Ну а дальше стало просто стыдно,
И досадно, и вдвойне обидно,
Как он извивался и юлил.
Мы ж своей победой упивались,
Но в грехах мирских не сознавались –
Важен был достигнутый итог.
Нам для агностической оценки
Ценны исторические сценки,
Несмотря на временный подлог.
Не спешите, злые соблазнитель,
Никакие вы не победители,
Побеждает в вас один напор.
Потому не стоит обольщаться,
Мнимую победою прельщаться,
Завершая скользкий разговор.

Фиаско

*Как жаль, что наша наука
перестала нас радовать!
(Из докладов ученых-полемистов).*

Что скажешь нам, ученая элита,
И что ответишь нам на наш призыв?
Смотри, какая немощь в вас разлита.
Постыдно пуст научный ваш порыв.
Ведь было время, вам всё удавалось –
Вселенский космос, повороты рек,
О, сколько ваших планов завершалось
Победой мысли над ярмом прорех.
А что теперь, где ваш задор и удаль
В погоне за блистательный престиж?
Где нефть, алмазы, где руда и уголь,
Где здравый ум? – одна лишь гладь да тишь.
И если доведётся вам остаться
На тесных тропях скользкого пути,
Запомните, родные, может статься,
Что долго не придётся вам идти.
Куда идти и где искать спасенья
От всех угроз, нависших над страной?
Так дайте нам совет без промедленья,
Спокойно и не брызгая слюной.
И вот тогда в спасительном ответе

Мы распознаем ваш лихой обман:
Да, да, мы так и думали, вы – дети,
Залезшие в родительский карман.
А посему в последнем приговоре
Я оглашу последний свой совет:
Держайте! Ведь пока вы не в фаворе,
Мой вам ответ – решительное «нет»!

Старинный дом

(Из цикла «Сердцу милые дома»)

Вот дом Щуко... В одной квартире тесной
Не раз встречаться приходилось мне мельком
С той женщиной, чертовски интересной,
С которой позже породнился я тайком.
Она была вдова, а встречи были жарки,
Когда придя домой на несколько минут,
Не приносил цветы ей, не дарил подарки,
Постелью возвышая рай любовных пут.
Поступки юности всегда необычайно
Нас вдохновляют, оставляя яркий след,
Но мы отнюдь не совершаем их случайно,
Включая в перечень больших своих побед.
А женщины! Зачем они тогда любили
Нас, молодых, пустившись в ветреный загул,
Зачем в себе своё влечение не убили,
Не подавили в сердце свой любовный гул?
Вопросы часто остаются без ответа,
Да и нужны ли в юности ответы нам?
Есть часто выручающая нас примета:
Молись в любви ещё не сказанным словам!
Я, в общем, так и поступал. Но как-то летом,
Когда усталая земля ждала дождя,
Я поздно вечером пришел к ней за ответом
И получил его, лишь только уходя.
Как глубока была его святая сила!
И много лет спустя на празднике мирском
Она меня, как магия, приворожила,
Повелевая мной и взглядом и кивком.
Что мог тогда сказать я ей в ночном прощанье,
Не понимая, что случилось, до конца,
Не замечая, как немое порицанье
Меняло бледный цвет красивого лица?
Она сдержалась, сразу не найдя ответа
На мой немой испепеляющий укор,
Как будто в нём я видел все проделки лета,
Неловко маскирующие мой напор.
Что было делать? Я в тисках большой тревоги
Не сразу принял мне положенный резон,
Мне на мгновенье парализовало ноги,

Из горла вырвался едва заметный стон.
Но вслед за этим сразу вдруг пришло прозреньё,
Я ощутил прилив таких волшебных сил,
Что вмиг исчезли ревность, стыд и подозреньё,
И я в слезах её прощения просил.
Она нашлась, она простить меня сумела,
Сжимая руки мне отчаянным рывком,
И долго, помню я, изысканно горела
Румянцем кисть её, закрытая платком.
Но мы расстались. Не был я тогда уверен
В той клятве верности, с которой мне она
Твердила на ухо: – Наш брак закономерен
И жизнь долгая обоим суждена!
Что было делать мне? Обидою влекомый,
Я был злопамятством мгновенно пригвождён
И сделал всё, как сделал давний мой знакомый:
Он смерть приняв, был в рай препровождён.
О, женщины! Зачем вы нас тогда любили,
Мужчин неопытных? Зачем вы свой задор
Безумной ревностью своей усугубили,
Внося в любовь беспочвенный раздор?
Ответ один. Всегда божественною тайной
Горит огнём над вами чувственный угар,
Ломая нас, мужчин, невинностью случайной
И в сердце нанося карающий удар.

.....
.....
И часто с той поры иду с тяжелым грузом
Я мимо дома архитектора Щуко,
И сердце защежит непрощенным союзом
И вмиг с тоской забьётся ровно и легко.

Знания – сила (эпилог поэмы)

Так завершилась эпопея
С поездкой нашей. Кто глупее
Из нас, соперников-друзей,
Не я ль, несчастный дуралей,
Доверивший себя безвольно
Тому, кто вынес самовольно
Мне тайно подлый приговор,
Но... я кончаю разговор
О незадачливом герое,
По горло сыт его игрою,
Ему «прости» сказать хочу,
А о дальнейшем промолчу.
Да, мой пример – другим наука
Не расслабляться. В том порука
Гербарий знаний собирать,

Друзей с оглядкой выбирать,
И на привычные подножки
Врагов своих свои оплошки
Не повторять, себя блюсти
И ранг приличий соблюсти.
Судьба моя меня хранила –
Я твёрдо знал, что знанья – сила
И, чем сильнее был их накал,
Из знаний силу извлекал.
Той заграничною порою
Мы забавлялись той игрою,
В которой среди прочих дел
Он превзойти меня хотел.
Я знаю: каждый своенравен,
И путь судеб, увы, не равен.
Мой друг! Завистником не будь,
Так незавиден этот путь!

* * *

О, как устроен Мир! Рожденьем окрылённый,
Приходит в Мир наперсник молодой,
А из него, судьбой воцерковлённый,
Выносят прах, наполненный бедой.
Гори, моя звезда! И светом и мольбою
Наполни мир, надеждою маня,
И повели, чтоб следом за тобою
Шел чистый свет без дыма и огня!
И в долгий дальний путь, ниспосланный молением,
Иди, как прежде, с гордой головой,
Встречая дерзости сопротивленьем,
А иногда тяжелой булавой.

Красавец Краков (акrostих из польских посвящений)

Красавец Краков поражает многих
Румяной прелестью старинных черепиц,
А мне милей холмов его отлогих
Седая ткань и броскость польских лиц.
Автомобили стройными рядами
Вонзают в город быстрые тела:
Европа памятна своими городами,
Цена у памяти хрупка, как у стекла.
Красавец Краков, береги свой голос,
Романский стиль всегда нам по нутру,
А мне милей зерном налитый колос,
Который не согнулся на ветру.
Он будет убран на далёком поле,
Вернувшись хлебом тёплым поневоле.

Наталья СОРОКИНА

Гнездо

В твое гнездо попала птица,
Ты пожалел и удержал.
Она светилась, как зарница, –
Ты только руки обжигал.
Чтоб остудить ее сиянье,
Оберегая и любя,
Решил ты охладить создание,
Оставив что-то для себя.
Собрал пожитки, лодку справил,
Как ростру, посадил на нос,
Но в бухту счастья не причалил:
Случился новый перекол.
На в этом озере иллюзий
Досадный совершен прокол.
В водовороте мертвым грузом
Ко дну ненужный хлам пошел.
Не пережив того крушенья,
Иллюзий выпустив рюкзак,
Стоял ты в облаке сомнений,
Непонимающий чудак.
Разжалась слабая десница,
Развеяв по ветру бразды...
Летит по небу колесница,
На волю выпустив пары.
Тебе все это только снится:
Стоишь у стартовой черты
Летит кометою Жар-птица
Неопалимой красоты.
Что это? Счастье или горе?
Быть со стихией наравне?
Твоя лишь капля в этом море.
Твоя лишь искра в том огне.

Плач по возлюбленному

Он не выдержал испытанья,
Счастья, радости на краю.
Силы слова, и силы рыданья,
И того, что об этом пою.

Он меня протаранил разлукой,
Но признать не хочу свой провал.
Пусть судьба оказалась сукой -
Лишь бы друг мне врагом не стал.

И дорога из мокрых листьев
Превратилась в прощания путь.
Он запутанный и тернистый,
Но с него уже не свернуть.

Флоксы

Пахнет флоксами и сентябрем.
За спиною прошедшее лето.
Мы с тобою вдвоем не споем -
Это эхо слышалось где-то.

И дорога пустынно проста
Провожающих от космодрома.
И опять впереди пустота
Отчужденья от милого дома.

Ты был добр, но навязчивый рок
Нарисованный образ разрушил.
В колыбели цыганских дорог
Отогрею я зябкую душу.

В чем твоя, в чем моя здесь вина?
Может, осень найдет оправданья?
Разноцветно заплачет она
На фасаде прекрасного зданья.

Непогода сплетет свои космы.
Только тянет меня за порог...
Хоть узлом завяжи перекрестки, -
Вновь потянутся ленты дорог.

Нескончаемое лето

*Когда женщина перестает быть любимой,
то фляга становится другом. Опасно, ведь фляга
всего лишь посуда. Не перехватила бы инициати-
ву. Не давайте ей этой роли. Лучшие уступите в
чем-то своей драле.*

Любимая в отпуске....
Фляга становится другом.
Сначала добра и спокойна,
Потом отзовется недугом.

Она заграбастает в лапы
и сплющит почище ботинка
Уронит на днище без честного с ней поединка.

Не каждая стерпит такую соперницу в доме,
На вечно в отставку уйдет -
Вы останетесь в коме.
Не лучше ли сбросить в контейнер
пустую посуду,
Проверить свой склад оружейный,
поднять амплитуду?

А Саскию снова, как прежде, держать на коленях,
Прочсть ей сонет, посвящая в свои сновиденья.
И в зоне священной
запретных любовных секретов
Забуть, что приходит зима. Нескончаемо лето...

Дорога к храму Магдалины

Как долго я шла к просветленному храму.
Незнание родных, отчужденье коллег.
Несла через время открытую рану,
Не замедляя по жизни бег.

Вдруг остановка. Стою в ожиданье.
Окрест меня вакханалия дня.
И вся тоска твоего Мирозданья
В это мгновенье пронзила меня.

И через мостик, вдоль замков роскошных,
Долго плутая по парку любви,
По косогорам, дорогам заросшим
Вдруг забрела я в чертоги твои...

Дева прегорькая, все пересилив,
Ты сохранила души чистоту.
Без фарисейства и гордых идиллий
Дай мне поддержку и силу свою...

Татьяна СОРЕНСЕН

Дания

*Мы все, оказавшиеся здесь, очутились здесь не случайно,
но силой своего выбора.*

*Так же, впрочем, как и оставшиеся там. Не трудно поменять страну.
Трудно поменять жизнь и мысли.*

Витражи

А жизнь ложится между строк,
Написанных в моём блокноте.
В бегущих дней круговороте
Жизнь каждый день даёт урок.

И я, записывая строки,
Пытаюсь выучить уроки.
И дней прожитых миражи
Я помещаю в витражи.

В тех витражах стихов сплетенье
Забывших мыслей отраженье,
Где отразилась жизнь моя,
Мои разорванные «я».

Так много «я» в них отразилось,
В них жизнь моя преобразилась.
И стала ярче и полней,
Чем суета бегущих дней.

И продолжает жизнь ложиться
На пролетевших дней страницы...

Осенне-зимние мотивы. Россия - Дания

От осени до осени так близко,
Ну а бывает очень далеко.
Так много может вдруг случиться,
А может не случиться ничего.
Когда уже не ищем жизни смысла,
В мир заперев души своей окно.

*

И лето вот уже прошло.
И снова на пороге осень.
И мы любить уже не просим.
И никого уже не спросим:
«Ну почему же всё ушло?»

Ещё деревья зелены,
Но в них уже таится осень,
Листву они так скоро сбросят.
Мы ж никого уже не бросим,
Нам снова крест нести одним.

Пока одетые листвою,
Пока не сорваны одежды,
В них всё ещё жива надежда.
И двух времён как будто между,
Они кричат зиме: «Постой!»

И на прощание они,
Окрашенные цветом разным,
Так будут царственно-прекрасны,
Что будет бездна в них соблазна,
Пред тем как к ним придут сны.

Вот также и любовь прошла.
Казалось вечным будет лето,
И я была тобой согрета,
Но было всё уже пропето.
Разлука молча подошла.

И с грустью красила она
В цвета - седой и ярко-красный,
И золотистый, и прекрасный,
Ещё в какой-то цвет опасный,
Работала почти без сна.

Костры со страстью разожгла.
И вдруг, увлѣкшись, всё спалила,
Печалью сердце затопила,
Сорвала всё и вдаль манила,
Туда, где только дождь и мгла.

Где ни следа от страсти той...
Укроет белыми снегами.
И красота пребудет с нами.
Мы всё свершили это сами.
И что ж нам ждать судьбы иной.
Но я прошу тебя: «Постой!»
Побудь немножечко со мной.

Осень 1

Ну вот ещё осень одна пролетела.
А я, как всегда, описать не успела
Те краски, которыми нас одарила,
Те мысли, что этой порой посетили.

Она так красиво, так ярко пылала.
И мысли прекрасные мне навевала.
Забутые чувства во мне пробуждала.
А я эти мысли не записала.

Опять пропустила, опять не сложила
Их в строчки и рифмы. Опять отложила
Я жизнь на потом. На потом отпустила
Я мысли свои. Ну, а осень спалила
Те буйные краски, что нам подарила.
Сорвала листву, пустоту обнажила.
А я эти мысли навеки забыла.

Те чувства и мысли теперь позабыла.
Я вместе с листвой их кружить отпустила.
Свободны деревья от листьев беспечных.
А я от тех мыслей свободна навечно.

Но я вспоминаю, что были прекрасны
Те мысли и чувства. Погибли напрасно.
Вот так же напрасно листва облетела,
Что осенью нас отогреть захотела.

Одно лишь я помню. Такой не видала
Я осени в Дании, иль не замечала,
Что осень и здесь так бывает красива.
И краски её почти как в России.

Была так красива последняя осень.
Но всё обнажила. И мы уж не спросим
Зачем всё раскрасила перед уходом.
И мне непонятна беспечность природы.

Вот так же бежим мы по жизни беспечно.
Не ведая край где, не чувствуя вечность.
Пусть кто-то помянет нас тихо на тризне,
Когда нас сорвѣт вдруг с дерева жизни.

*

Мой город тихо улыбался мне
Пронзительной осеннею порою,
Прощая мне, что предпочла Невы покою
Жить доживать совсем в другой стране.

Он удивлялся, что Невы простору
Я предпочла простор чужих полей.
Полей, так чуждых горечи и боли
И не познавших пустоты потерь.

*

Осень ночью в мой город прокралась,
Затаившись в кроны деревьев.
И никто не заметил, казалось.
Только клен вдруг к утру покраснел.

*

Ну вот, и кончилось внезапно бабье лето,
И осень, жестко взяв свои права,
О чем-то горько плачет до рассвета,
А утром обрывает деревья.

*

А город замер. Он чего-то ждет.
От страха опадают тихо листья.
Сегодня от Невы убрали пристань.
Но чист и голубеет небосвод.

*

Безвременье – это если
Жизнь уже не зовѣт.
Безвременье – это если
Не нужно спешить на взлѣт.

Безвременье - это бремя,
И нам уже не понять
Весна иль зима. Это время,
Что заблудилось впотьмах.

Безвременье – это остов
Деревьев, уже без листвы.
Безвременье – это остров,
Где обитаешь лишь ты.

Где нет ни родных, ни любимых,
Где нет ни своих, ни чужих.
Там снег лежит сиротливо,
А смех твой давно затих.

Безвременье - это слякоть.
В душе пустота и разор.
Но всё же не надо плакать.
Безвременье - это вздор.

Осень 2

И осень всё жестоко так спалила,
Не пощадив, скелеты обнажила.
И лес стоит почти совсем немой.
Ещё таятся в листьях павших души,
Беспечно их по свету ветер кружит.
Уже не возвратиться им домой.

И ветер так жесток, но он не вечен.
Он улетит куда-нибудь под вечер.
И загубив их жизни невзначай,
Не пожалеет их и не припомнит,
Зачем их погубил, зачем свободно,
Не дал недолгий век им коротать,
Не дал им на деревьях зимовать.

Жестоко он сорвёт все одеянья,
Не слушая мольбы и причитанья
И будет одиноко им зимой.
Лишь снег поселит в души их покой.

Скажите, ну зачем живём на свете?
Зачем же нас по свету носит ветер?
Куда всегда бессмысленно бежим?
О чём порой осенней мы грустим?

Куда бредём, не ожидая встречи?
Никто уж не окликнет нас под вечер.
Никто не вспомнит и не загрустит.
Когда листва осенняя кружит.
И лист последний на ветру дрожит.

Так нас несёт с собой попутный ветер
И обрывает судьбы невзначай.

Безжалостно ветер срывает листву...

И если таятся в листьях этих души,
То сколько по свету их осенью кружит.
И где этим душам зимою обретаться?
Чтоб каждой весною вновь им в почки вселяться.
В набухшие почки. И вновь распускаться.
И снова не думать, и снова не ведать,
Что кончится всё вновь осенней порою.
Никто не оплачет их снежной зимою.

*

И чтобы всё не начинать сначала,
Ведь впереди холодная зима,
Убрали тихо пристань от причала.
Я от причала отошла сама.

*

А листья так самозабвейнейше кружатся,
Слетев с привычных, вдруг осиротевших крон
И под ноги самоубийственно ложатся,
Не веря, что их ждет здесь вечный сон.

В них все еще таится трепет первый
От нежного прикосновенья ветерка
И ласковый его невнятный лепет
О том, что будет верен на века.

*

Была тоска. Шел дождь. Но утром выпал снег.
И стало все в природе первозданно.
За чудом я гналась всегда, еще не зная,
Что это чудо просто жизнь моя.

*

А снег кружил и белым, белым, белым
Все укрывал: и плечи и мосты.
И был еще таким он неумелым,
Ведь только что он из дождя остыл.

*

А вы, в преддверии зимы,
Не утепляйте ваши души,
Не затыкайте ваши уши -
Иначе можно крик прослушать
Чужой израненной души,
Виновники которой - Вы!

*

На улице кружится снег,
И кажется, все это было.
Когда-то так же вот кружило.
Не помню: год прошел иль век.

А в голове обрывки строк
Кружатся, словно хлопья снега.
Какой до вечного ночлега,
Не знаем мы, остался срок.

*

Опять выпадает снег,
Опять укрывает прошлое.
И боль заметает порошею,
Но твой проступает след.

Опять выпадает снег,
И все по нему ступают.
А лужи вновь проступают,
Как образ твой ночью, во сне.

Опять выпадает снег...

*

И каждый вечер падал чистый снег,
И укрывал тоскующую землю.
И ночью что-то тихо ей шептал
Про веру, верность и, конечно же, надежду.

И припадая к черным мостовым,
Куда с небес ниспослан иль низвергнут,
Он был раздавлен шинами машин,
И в перевозданный мрак опять был ввергнут.

*

А снег пушисто-безмятежный,
В прохладном блеске фонарей
Такой невыразимо нежный,
Сияет тысячей огней.

Сугробы свежи и чисты,
И так легки и так наивны.
Они - как море доброты -
Еще не верят в жесткость ливней.

И перед этой чистотой
Я замираю и не смею
Дотронуться до них рукой
И растопить их теплотой.
Боюсь, что вновь в любовь поверю.

*

Ведь где-то есть пушистый чистый снег.
А здесь он предан и затоптан в грязь.
По слякоти куда-то торопясь,
Свой к вечности не примеряем бег.

Ведь где-то есть красивые слова,
И чувства им равны по высоте,
А мы давно привыкли к простоте,
И сложность чувств давно нам не нужна.

И можно так же продолжая жить,
И каждый день кого-то предавать.
И не заметив, мимо жизни прошагать,
И никому любви не подарить.

А можно от себя к себе шагать,
А можно жить с самой собой в ладу.
И даже в этом жизненном аду
Жизнь не зачеркивать, а продолжать.

И взор свой устремляя в высоту,
Свет замечать от поднятых крестов
И счастьем жизнь наполнить до краев,
Любовью заполняя пустоту.

Николай ДИМЧЕВСКИЙ

* * *

Городишко
просяно-овсяный
хлебным духом по крышу пропах,
и блестит
белизной берестяной,
и плывет на сырых облаках.

Шепчет,
вытянув сохлые руки
постаревших своих тополей,
и трепещет в глубокой излучке,
словно теплое сердце полей.

Диким гусям его не любить ли,
журавлям ли его не стеречь –
к камышам заболотным приникли
его крыши, где тенькает течь.

Просыпая овес на булыжник,
голубям, отсевая пшено,
городок,
не радея о ближних,
отдает им, что полем дано.

В берестяно-овсяной округе,
в нескудеюще скудных песках
он плывет
старым дедовским стругом
на прошитых дождем облаках.

1965

Осенние карусели

Кар! Кар! Карусели.
В них вороны,- кар!- и сели,

сели сонные сычи,
сели чёрные грачи,
сойки, совы, свиристели
угнездились в карусели.

Все ли сели в карусели?
В карусели сели все ли?

Сели птицы, птицы сели!
Ну, кружитесь, карусели!

Тут синички-гаечки
подкрутили гаечки.

Речной сверчок
закрыв крычок.

Появился ворон,
запустил мотор он.

Карусели закрипели,
карусели полетели
через сосны, через ели,
через зимние метели.

Ну, а если не успели
сесть на птичьи карусели?

Не успели?
Не успели!
Значит, сядете в апреле.

1971

* * *

Генриху Волкову
Поджарые сосны, и тощий вереск,
и тонкие иглы в сухом песке.
И сучья скрипят, словно старые двери.
И лето висит на одном волоске.

Но плывут еще смолы, на солнце растаяв,
колышется над дюнами слоистая хмарь,
и все глубже годичные кольца вырастают,
и Время в стволах каменеет, как янтарь.

Когда-нибудь
присмотришься к неровному срезу,
разыщешь глубоко запрятанный слой –
и снова сучья скрипнут старым железом,
и лето,
прощаясь, повиснет над головой.

1958

* * *

Осень краски украла.
Под плащ ее серый

долы
и дали заметены.
Становится осенью
море
мерой
глубины и голубизны.

Облезлой осенью
море – мрамор,
море – марена и малахит.
Юным ихтиозавром
осеннее море рычит.

Море со скудостью тусклой грызется,
ярься и когтясь, как июльский пожар.
Глядя на море,
любое болотце,
камыш разодрав, в берег илистый бьется
и хочет,
как море,
обнять земной шар.

1962

* * *

Из дыма волосы,
глаза из бликов,
и губы – как разлом медовых сот.
И проступают капли земляники
там, где ступня среди стеблей встает.

Идешь между звенящих зноем сосен,
по лугу, по куриной слепоте.
Как жаркий мех,
на плечи полдень брошен,
а плечи –
зависть белой бересте.

Не уловить тебя в мои тенета,
силками силы тоже не поймать.
Лишь осенью,
когда ломают соты,
мне с горечью
о меде вспоминать.

1965

Дожди

Окно открою –
лучше слышно ливень,
и четче поступь капель,
и слышней,

как пузыри звенят,
лепечут ивы
и горький запах льется с тополей.

Рассветный дождь.
Сквозь пасмурную сырость
в окно трубит зеленая труба
о том, что солнце в каплях растворилось,
что стала черной наша городьба.
О пустяках великих –
песнь природы,
о брызгах, заслонивших небосклон,
о лепестках раскрывшихся,
о меде,
о сердце,
ждушим солнечных времен.

1962

* * *

Кто там ходит всю ночь на ходулях
и палкой стучит по тугим лопухам?
Куда ни пойдешь –
в огороде,
в саду ли,-
везде долгоязыые долбят ходули
и шепчется кто-то по темным кустам.

«Летучую мышь» засвечу
и, пригнувшись,
чтоб капли с листвы не спугнуть
подойду...
И дождик,
ходули ломая о груши,
с испугом замечется в мокром саду.

1961

* * *

Принесите в дом корзину яблок,
ивовую чашу запахов медовых,
кружево ветловое, где блеск росы, так ярко,
заплетен под прутья и задорно, и бедово.

Это солнце брошено на праздничное блюдо,
это сахар крупчато живет под кожей.
Принесите
росное рассыпчатое чудо –
спрятавшийся в яблоках
ленивый летний зной.

1964

* * *

Водорослей принесу и листьев,
окна занавешу старой сетью.
Ломкий гул волны,
как дальний выстрел,
будет в дом входить
лишь раз в столетье.

Раз в сто лет —
чтоб не забыть про время...
А между ударами волны
пусть в печи сосновые корни
нам поют из гулкой тишины.

Их тепло не может быть теплее
наших рук,
и наших губ,
и глаз.
Мы хотим, чтоб огненные змеи
дымным взглядом
холодили нас.

Чтобы ёлок смоляные плети
шишками стучали в нашу дверь
и волна,
как выстрел,
раз в столетье
отделяла «было» от «теперь».

1965

* * *

Радость первого снега!
Цветенье уснувших деревьев,
искры ягод рябины в ледяных зеркалах.

Ухожу по звенящей дороге,
по иглам, пронзающим лужи,
ступаю на снежную пряжу, не знавшую прях.

Скоро будет костер,
густо вспыхнет берёста
и сырое сучьё засвистит, словно дрозд.

Приготовлю из хвои перину,
свалюсь в смоляную чащобу,
в кутерьму мельтешащих снежинок, рябины и звезд.

1960

* * *

От угля синих звезд
не вспыхнули б вершины:
суха кора берез
и душен дух полынный.

Тут серой и смолой
сосняк насквозь пропитан
и полуночный зной
прилип к поникшим пихтам.

В такую сушь и тишь,
и темную жарницу
от совых глаз сгоришь
и пепла не разыщут.

С опаскою бреду
сквозь ночь пороховую
и звездную беду
над головою чую.

1967

Всё знаю: там руки и губы в малине,
березовый лист холодит лоб и плечи,
роса в волосах и траве точно иней,
у глаз светляки, словно синие свечи.

Я знаю: там душно, в тумане поляны —
костры на щеках
и под сердцем уголья,
и в каждом касанье, как в пламени пряном,
тревожная радость соседствует с болью.
Всё видел, всё знаю,
но снова еще бы
пошел, когда полночь уже на излете,
 послушать, как льет тишина из чащобы
неслышную музыку
леса
и плоти.

1967

* * *

Тайга пахнёт пчелиным ядом
и мёдом падевым пахнёт,
и смутно стану
где-то рядом
искать янтарь тяжелых сот...

И смутно колыхнётся радость,
что запахом твоих волос
до дна долина пропиталась
и воздух праздничный пророс.

И там по осыпи горячей
к камням заросшего ручья
ты вышла из тревожной чащи,
и растворяешься в лучах,
и льёшься воском разогретым,

и дымом убегаешь ввысь...
Зачем под пасмурным рассветом
пути и пальцы расплелись?

И вот теперь
бреду без брода
через ручьи в разломах гор.
Дурман багульника и мёда
цветочной пылью застит взор.

1967

* * *

Это свечение моря.
Так странно –
из-под кормы голубым фонарём.
И за бортами
глаза океана
тьму прожигают зелёным огнём.
В чёрной глубине остеклевшей равнины
огненным шаром прошаркнет дельфин
и просверкает за ходом дельфинным
синее пламя охотских пучин.
Где-то за мачтой повисли светила...
Им ли сманить разбежавшийся взор?
Море глубины свои превратило
в космос, где невидаль смотрит в упор.
Брызги созвездий морских,
клубы света –
Млечным путём по пути корабля.
Там и земное подобие где-то –
искра с названием знакомым «Земля»...
Бросишь картошку или голову рыбку –
вспыхнет,
расцветится яркой фольгой.
Мятым ведром клинья молнии выбью,
вытяну молнию вместе с водой.
Палубу призрачным светом намылю,
шваброй сиянье сгребу с чешуёй...
Пламя вселенной
пронижет навывлет
небо и море, и сердце моё.

Охотское море. 1967

* * *

Лето пахнет шпанской мухой,
мятой мятою и мёдом,
и гудит шмелём над ухом,
и встаёт над сизым лугом
солнышком рыжебородым.

Под лучами
пыль и небо,
под ногами
быль и небыль.
Это лихо, это лето –
словно в сердце острый стебель!

Взгляд черёмуховых ягод,
губ малиновых касанье
пригубляю, принимаю
за любое наказание!

Лето пахнет мятой мятой,
разморённую крапивой
лето – лихо,
лето – ладо,
лето – ласковое диво.

1965

* * *

Резко пахнут акварелью
листья, сброшенные клёном,
травы, тронутые прелью,
вихри в воздухе студёном.

Соразмерил свет и краски
некий вдумчивый художник –
переливом желто-красным
оттенил леса и пожни.

Переходами сквозными
и прозрачностью осенней
он прорезал чьё-то имя
в сердце вянущих растений.

За густой прудовой ряской,
в серых облачных заплатах
с удивленьем и опаской
чей-то образ он запрятал.

Осторожно подойду я
по тропе лесного края,
паутинницу тугую
потихоньку отстраняя.

Из лесов и пожней выну,
отгадаю постепенно
губ горящую рябину
и волос пахучих сено.

1968

ЕВГЕНИЙ РАЕВСКИЙ

Моськины лавры

*Чем выше идеал, тем больше
псов его облаивают.*

Николай Рерих

Ну поистине удивительные происходят события в Новгородской писательской организации.

Генеральный директор строительной фирмы Сергей Симоненко с позором исключается из членов Российского Межрегионального Союза писателей (РМСП) за злостную неплату членских взносов. За оскорбление одного из учёных секретарей лишается членства в Академии русской словесности и изящных искусств (АРСИИ) имени Г.Р. Державина. По поддельным документам регистрирует себя в Отделе юстиции председателем Новгородской писательской организации, лжёт о каких-то фантастических литературных проектах, обещает своим будущим клеветам литературные премии. Без согласования с Правлением отключает в офисе Союза писателей телефон, пытается сорвать отчётно-перевыборное собрание, ни одного писателя намеренно не оповещая о дне этого мероприятия, но на собрании кичится тем, что добыл для писательской организации аж три тысячи рублей!..

Ах, какой щедрый генеральный директор – заслуженный строитель России: для семидесяти писателей три тысячи рублей добыл! Смех – да и только!

Писатели не верят Симоненко, подавляющим большинством голосов выражают ему недоверие, а тому хоть плюй в глаза – всё Божья роса. Новоявленный «меценат» кается перед Правлением, на внеочередном собрании просит отпустить его по собственному желанию. Просьбу Сергея Ильича удовлетворяют. Но вдруг к собранию обращается некий Геннадий Стрелков и начинает обвинять меня в том, что я имею влияние на Анатолия Николаевича Молоканова. К оскорблениям подключается некая гражданка Лаврова. Поверьте, я никогда ранее этих людей не видел, правда, кое-что о Лавровой слышал – не имеющее отношения

к писательскому делу. Кто эти люди? Кто им дал право оскорблять меня?

Возвращаясь к написанному, а точнее – к трём тысячам рублей, я вынужден сообщить следующее. Двенадцать лет я всячески помогал Новгородской писательской организации и её членам. Тринадцать раз писатели-новгородцы выступали на секции поэзии Российского Межрегионального Союза писателей. Стоимость вложений в аренду, производство видеозаписи и DVD-альбомов выступлений, публикацию буклетов составила около девяноста тысяч рублей. Новгородским поэтам Сергею Макарову, Валерии Клебановой, Анне Даниловой (Губарёвской), Игорю Таяновскому, Ксении Фирсовой я фактически помог издать книги, оплачивал их публикации в СМИ Санкт-Петербурга и Москвы. Уже не могу назвать точную сумму, но она была немалой.

После избрания А.Н. Молоканова председателем правления Новгородская писательская организация стала коллективным членом РМСП. Как телеведущий и литературный аналитик я приглашал на телевизионные эфиры писателей Новгородского края. Если учесть основные телепередачи и их повторы, то они составили двадцать восемь часов чистого эфирного времени. Все эти записи сохраняются в архивах интернет-порталов.

На учёте в Российском Межрегиональном Союзе писателей и Академии русской словесности и изящных искусств имени Г.Р. Державина состоит свыше пятидесяти новгородцев.

Некоторым новгородским писателям и художникам я просто помогал деньгами, которые выпрашивал у меценатов Санкт-Петербурга. Общая сумма, вложенная в писательскую организацию Великого Новгорода, составляет около четырёхсот тысяч рублей. Кто ещё мог предоставить новгородцам такие информаци-

онные блага?.. Хорошо! Пусть теперь их не будет.

Ну а если говорить о литературных наградах, то только на юбилей Новгородской писательской организации я их вручил около тридцати. Медали и ордена РМСП и АРСИИ им. Г.Р. Державина в разное время получали и с гордостью носили председатель правления Союза писателей России В.Н. Ганичев, председатели исполкома Международного Сообщества писательских союзов С.В. Михалков и Ю.В. Бондарев, члены РМСП А.А. Дольский, Г.Я. Горбовский, Ю.А. Кукин, действительные члены АРСИИ им. Г.Р. Державина Г.А. Штиль, М.С. Капура, С.К. Горковенко. Многие литераторы были представлены от имени РМСП и АРСИИ им. Г.Р. Державина к правительственным наградам, что дало им возможность получить звание ветерана труда и надбавки к пенсии. Художникам – членам АРСИИ им. Г.Р. Державина академия помогла отстоять мастерские, которых государство пыталось их лишить.

Госпожа Лаврова в своих интернетных вещаниях ссылается на статьи моего бывшего заместителя Г. Чепика пятнадцатилетней давности. Г.С. Чепик был исключён из рядов РМСП за систематическое пьянство, профессиональную непригодность как руководителя и кражу членских взносов. Другой одиозный доносчик И. Сахарюк – бомж, не имевший российского гражданства – постоянно пьянствовал, принёс РМСП ущерб в размере нескольких сот тысяч рублей, и только благодаря моей жалости на И.И. Сахарюка не было заведено уголовное дело. Но из рядов РМСП он также был исключен с полным позором. Кстати, гражданство ему было восстановлено по моему ходатайству.

Список интернетных клеветов и прочих жёлто-прессников можно продолжить: Рутман, Брутман, Кацеленбоген, Дробот и прочие «патриоты России». Госпожа Лаврова может гордиться своими союзниками! Но только я настоятельно рекомендую ей приложить к её следующему интернет-доносу копию решения суда о моих «преступлениях». Ибо в чём-либо обвинить человека может только суд. Предъявите хоть один документ о том, что меня, как Вы пишете, выгоняли с какой-либо должности. Добрых тридцать лет на меня льют по-

мои – и никто ничего не добился. Приличные люди не обращают внимания на дурно пахнущую газетную и сетевую трескотню.

Как-то один из злопыхателей обратился к известному юристу со словами: «Сколько лет мы пишем про Раевского, и всё равно все на его стороне. Любят, ценят, уважают». На что собеседник ответил: «Что вы мне, юристу, несёте! Вам что – больше делать нечего? Сколько лет это никому не интересно! Кому вы это втюхиваете? За Раевским тысячи известных, выдающихся людей. Его романы звучат в Кремлевском дворце и в Октябрьском зале и вошли в престижный сборник лучших романсов века. А вы-то чего добились? Да на вас, клеветников, все плюют».

Хотелось бы спросить г-жу Лаврову: а Вам тоже делать нечего или совсем уж плохо? Кто дал Вам право оскорблять советника трёх петербургских губернаторов, члена Консультативного совета по интеллектуальной собственности, действительного и почётного члена восьми академий, в том числе и с международным статусом? Это Вы, госпожа Лаврова, торгуете жёлтой грязью литературных подонков и не получите ничего, кроме людской ненависти. Мелко плаваете! Вы бы занялись чиновниками, которые воруют из бюджета миллиарды, вот тогда бы называли себя патриоткой. А может, Вам заняться самим Президентом России? На него гадостей написано, по крайней мере, в сто раз больше, чем на меня. Я же ни теперь, ни впредь не собираюсь отчитываться ни перед Вами, ни перед нижестоящими организациями. Повторяю, обвинить человека может только суд. Обратитесь туда, и когда у Вас будет решение – тогда и поговорим. Помните также о том, что, согласно российскому законодательству, государственные структуры не имеют права вмешиваться в деятельность общественных организаций. Я ни копейки не просил у государства и не имею от него ничего, кроме копеечной пенсии.

Профессиональная этика журналиста подразумевает представление и анализ мнений обеих сторон, а иначе это не более чем дурно пахнущая желтизна.

Великий русский национальный поэт А.С. Пушкин сказал: «Нет правды в поношении и нет истины там, где нет любви». Я же

всегда с большой любовью относился к Новгородской Земле – родине моих предков – и сделал намного больше, чем С.И. Симоненко, совершивший уголовно наказуемые действия и опозоривший Новгородскую писательскую организацию.

Напоминаю, в 2016 году я был награждён грамотами председателя Союза писателей России В.Н. Ганичева и председателя Испол-

кома Международного Сообщества писательских союзов, героя социалистического труда Ю.В. Бондарева за большой вклад в популяризацию творчества новгородских писателей.

А если о Вас, госпожа Лаврова, когда-нибудь вспомнят, то только потому, что о Вас написал я.

Продолжение следует.

Подкаблучник графомании *(Полемические заметки о творчестве Михаила Полевикова)*

Не гневом убивают, но смехом...

Вперёд!

Ф. Ницше

Если вы читали «Повесть о Ходже Насреддине», то, несомненно, помните, что на вопрос, как борется Ходжа со своими врагами, он с улыбкой ответил: «Сажусь на порог своего дома и жду, когда гроб моего врага пронесут мимо». В отличие от легендарного литературного героя, ни смерти, ни вообще какого-либо зла я никому не желаю, но, как завещал великий Конфуций: «С добрыми по-доброму, со злыми по справедливости».

Не знаю, да и знать не хочу, кто Михаил Полевиков по профессии, но как литератор Михаил Петрович – полнейшая моль, вызывающая поочередно то чувство жалости, то чувство брезгливости.

Членам Новгородской писательской организации давно стало понятно, что выпады Михаила Полевикова на общих собраниях по принципу «А баба-яга против!» – стали традицией. Несуразные заявления, придирки, несоответствующие действительности дифирамбы в пользу самовыдвиженца на должность председателя правления Новгородской писательской организации Сергея Симоненко, постоянное недовольство неизвестно чем, озлобленность против настоящего творчества, зависть, трагичная переоценка своей значимости — вот основа основ личностной позиции Михаила Полевикова. Но как справедливо оборвал его на одном из собраний писатель Анатолий Молоканов: «Ну хватит Симоненко зад-то ..., Михаил Петрович!».

Вот и я говорю, хватит об этом, давайте о творчестве. Передо мной последняя книга М. Полевикова «Основы», посвящённая 65-

летнему юбилею автора. Читаю эпитафию, он красуется прямо на обложке книги:

*...Купол и крест первозданной антенной
Небо и землю выводят на связь...*

На какую связь? Для чего? И в какой из дней Творения сотворил Господь эту первозданную антенну? По Полевикову – Христа на части антенны распяли! Разве это не богохульство? Ну пусть невольное, из-за невежества и безграмотности автора. Впрочем, про Христа можно продолжить цитировать:

*Лицемерит Христу новомодная паства,
И без веры в себя гибнет в пьянстве
народ.*

Во-первых, прилагательное «новомодная» в православии – уж не сектантство ли это? Во-вторых, «лицемерить кому-то» нельзя, тем более Христу, потому что это глагол непереходный. И почему эти пьяные люди спасутся верой в себя, а не в Господа нашего? Короче, в огороде бузина, а в Киеве – сами знаете.

*...И чудаки Диоген тщетно ищут, потя,
Человека среди безыдейных людей.*

Откуда у Вас, господин Полевиков, сведения о потливости великого древнегреческого философа? Известно ли Вам, что деление людей на идейных и безыдейных произошло существенно позднее 300-х годов до нашей эры – в период подлинного рассвета марксизма-

ленинизма, а не в Древней Греции? Налицо вычурная абракадабра!

Полную неуверенность в себе как в авторе Михаил Полевиков излагает в набросках, которые так и называет – «О себе».

*Стихи сочиняю я с детства,
Но не называюсь «поэт».*

И вдруг:

*И всё же надеюсь при этом:
Есть верное слово в горсти.
Читатель, со мной как с поэтом
Порадуйся и погрусти.*

Не знаю, уж в какой там «горсти» есть «верное слово», но, по крайней мере, оно не Ваше, господин Полевиков!

*Моя удача достаётся трудно,
Господь, прошу, дай силы потерпеть!*

Удача «достаётся»? С полки, что ли? Из мешка? Из-под полы? И что хочет потерпеть автор с Божьей помощью? Ах, да!

...Но хочется нечаянной удачи...

Да не будет Вам удачи, Михаил Петрович. Часто Вы Бога гневите, упоминая всеу.

*...Лишь фальши нет среди
Моих стихотворений...*

Нечего лукавить, господин Полевиков, сплошная фальшь сквозит в написанных Вами литературных погремушках:

*Мне на дом доставляют пенсию,
Сижусь и жду, как с неба манну.
Любовь, что приходила песнею —
Теперь как ломка наркоману.
Не бросить мне к ногам красавицы
Богатый дар и сердце разом:
С расходами бюджет не справится,
Влюбиться не позволит разум.*

Да неужели? «Любви все возрасты покорны», – сказал великий Пушкин. Да и что это за разум у Вас такой, без денег влюбиться не позволяет? Вот тут-то бы и к Господу пора бы обратиться, а может быть, и к психиатру! Но Господь у Вас выполняет другие функции:

*...Даст дорогу Господь мне и прямо
Приведёт на порог островерхого храма.*

Господину Полевикову сам Господь должен дать дорогу! Срочно посторониться!.. А может, Вам дорогу за пазуху засунуть? Впрочем, как пишет автор, ему храм-то и не нужен, его порог устраивает. И это правильно – таким в храме не место. В одном из своих литературных набросков Полевиков сам себя называет «совком», то есть приверженцем советской эпохи, которая провозглашала воинствующий атеизм, точнее – полное безбожие!

*Впору разгневаться, но лучше посмеёмся:
«Подкаблучник» – мне скажут, казня,
И про юбку добавят с участием...
Может, всё это правда, как знать,
Но не может быть большего счастья.*

Уж не знаю, господа читатели, как мне следует отнести к этому монологу «осуждённого на казнь» Полевикова, такого довольного и счастливого перед смертью от подкаблучничества и от чего-то, связанного с юбкой... Я оставляю эту очередную «основу» без комментариев. Или лучше влюбиться? Хоть жив будет Михаил Петрович. Ой, простите, забыл, Ваш разум к любви не пригоден.

*...Не обойдён я грехом,
И с покаянием встречу
Исповедальным стихом
Мой подступающий вечер.*

Ходил грех, ходил – и к Полевикову зашёл. Зашёл и убежал. Понимать надо, здесь вместо покаяния – исповедальные стихо-побрякушки. Кстати, следует заметить, что грехи люди совершают, а к Полевикову, видите ли, грехи в гости заходят.

Весь сознательный мир в настоящее время признаёт Россию великой державой, а нашего президента В.В. Путина называют лидером мира. Но вот что пишет о Родине «подкаблучник графомании» Михаил Полевиков:

*...Таланты, безысходность, алкоголь,
Безденежье, глубинная Россия...*

Или:

*...Оказалась дырой-дыра
Та страна, что была великой...*

Сколько же надо обсосать пальцев, чтобы высосать такое? И с какого перепоя надо быть, чтобы подобное сочинить? Правда, Полевилов свою душевную смуту выразил весьма чётко:

*...Есть такие, кто вроде
Смотрят правде в глаза,
Есть другие, кто против
Очевидного «за».*

Впрочем, спасенье есть – по «построенной небесами» дороге наш «основоположник» дойдёт до соответствующего лечебного заведения.

*Клонится вниз голова
Колосом спелой пшеницы.
Счастье Господь даровал –
Время пришло повиниться.
Не весельчак-балагур,
Но и не скучный зануда –
Всё во мне не чересчур.
А вот душою – за удаль!
Часто улов мой ерши,
Радуюсь и половине;
Горных не взято вершин –
Трудный был путь по равнине.*

Вот так, с трудом выловив пол-ерша, спрятавшись душою за удаль, творит наш литературный вожак! Михаил Петрович, как Вам вообще не стыдно называть себя писателем, книги издавать? Да Вы ещё в редколлегии журнала «Новгород литературный», руководитель литобъединения?..

*Горечь вины
острее, чем сладость предательства.
Жаль, что она
запрятана так далеко
в послевкусие позднее.*

А это что за дурь? Горечь и сладость соизмеряются остротой? Предательство – это сладость? Сколько раз Вы, господин Полевилов, предавали, чтобы это познать? Или Вы потомственный предатель? А может, Вы просто с дуба рухнули и помощь Вам никто не оказывает? Горечь в послевкусие запрятана? Кем? Когда?

Далее просто бред сивого мерина, концертный бред, юбилейный:

*За что-то взяться просто лень,
Она сильнее желанья дела,
И словно на плечах сто лет:
Стремленьям неподвластно тело.*

В первой строке приведённой цитаты слово «лень» – категория состояния, а не существительное, поэтому применение личного местоимения «она» во второй строке безграмотно. Обычно годы остаются за плечами, а у Михаила Петровича они «на плечи» возложены и пугают его тело, ну совсем довели. И Бог знает, что его теперь спасёт, если он склонен к суициду:

*Вот лист бумаги на столе,
Он явно ждёт прощанья строчку.
Виском почуял пистолет,
Но лень не даст поставить точку!*

Да ничего от таких авторов не ждут ни листы бумаги, ни читатели! Не понимаю, как Полевилов чует «височным нюхом». Что же такое спасительная лень? Это надо запатентовать! Кстати, Михаил Петрович, где Вы пистолет-то прикупили? Уж не заслуженный ли строитель пиаров Вам денжат подкинул? Сомневаюсь я, ему и копейки жалко, он за пятак удавится...

Не меньшие сомнения вызывает и полевиловский технический арсенал, владение элементарным поэтическим ремеслом. «Вышел – услышал», «возвращаешь – повстречаешь», «шелестит – простит» – всё это глагольные рифмы, от которых следует избавляться. Не лучше обстоят дела и с другими рифмованными частями речи: «час – начал», «семье – пример», «лень – лет», «асфальт – факт», «утра – доброта»... Но, видимо, нашему графоману других созвучий не подобрать.

*Возрастая с течением лет, –
Неизбывная тяга к земле
Призывает на труд в огороде.
Что ни день, я на грядки стремлюсь,
А в домашнем комфорте тоскую.
Гены деда, крестьянская Русь –
Пересилили жизнь городскую.
И не стал я духовно бедней
От прополки и битвы с жуками,
И весомость потраченных дней
Можно взять и потрогать руками.*

Вот-вот, это Ваш удел, господин Полеви-ков. И фамилия Ваша с огородом, с полем свя-зана. А желая находиться в литературе, Вы со-вершаете большое моральное преступление. Вам опасна эта среда – Вы обрекаете себя на всеобщее осмеяние профессионалов:

*...И, конечно, в сердце – боли,
В чувстве – злая кутерьма.
Век теперь не видеть воли,
Если сам себе тюрьма.*

Исключительно проникновенно пишет Полевилов об известном мифическом живот-ном – вдумайтесь:

*...Всем на Пегасе есть местечко:
Кому в хвосте, кому с уздечкой,
Кому и вовсе под хвостом...*

Не оскверняйте Пегаса, медалист Вы наш русаковский! Вам и под хвостом места нет, ну разве что под копытами этого прекрасного су-щества. Не по таланту Вы новгородский воз-дух портите, господин Полевилов.

*Я строчек рифмованных автор,
Герой уходящего дня,
Вы, может, не вспомните завтра,
Что нынче читали меня.*

Если человек утверждает, что он не поэт, тогда какого лешего тратить деньги на изда-ние книг, публиковаться в журналах, ходить на литсобрания и учить неизвестно чему дру-гих – короче, морочить людям голову и мутить воду?

*...Нет, я не наследил –
Я след оставил...*

Где? Когда? Какой след? Разностили-ца, жалкий словарный запас, тематическая слабость, постоянное преувеличение своего творческого потенциала – вот какво наслед-ство Михаила Петровича. А может быть, про-сто написать: «Я памятник себе воздвиг неру-котворный»? Но с памятниками у Полевилова также всё хуже некуда.

Прочитую эпитафию к стихотворению «Пустое место»:

*«Там памятник вождю поныне с
нами...»;*

*«А Дом культуры – тот немного сбоку,
У Господа отобранный до срока...».*

А концовка у «Пустого места» такая:

*...Сквер Кирова теперь недужен:
«Сергей Миронович» ушёл;
Ждём, что Христос вернётся в души.*

Мать честная! Кто бы мне объяснил, поче-му сквер без Кирова страдает недугом? Куда ушёл несчастный «Сергей Миронович»? Ве-шать, что ли? Может, «козла забить»? Или с девушкой прогуляться? А если Киров походит-походит, да и на прежнее место встанет? И в чьи-то там души никогда Христос не вернётся – жуть как «Сергея Мироновича» боится...

Как можно написать такую вот белибер-ду:

*...Мне бы не позу –
Твёрдость позиций
Верных, как воздух,
Взрезанный птицей.
Выбелить совесть
И опереться
На невесомость
В области сердца.*

Я это понимаю так: в определённой позе не наступает оргазм без твёрдости позиций, так как позиционер не уверен в своей партнёр-ше. Срочно требуется проветрить помещение, но лишь дождавшись верности воздуха, по-вреждённого неизвестной птицей, после обе-ления совести, встав ногами на невесомость в области своего сердца, – только тогда насту-пит долгожданное удовлетворение и сердцу станет легче.

Сталкиваясь с такими авторами, как Ми-хаил Полевилов, проникаешься болью, трево-гой за русскую поэзию и литературу в целом. Неужели товарищи по перу не понимают, ка-кой явный вред русской словесности наносит этот «поэт», как он позорит Новгородскую писательскую организацию и каждого из пи-сателей в отдельности?! Гнать бы следовало Полевилова со всех страниц – и камня на кам-не не оставить от его графоманских «Основ»!

***Русский петербургский и новгородский
поэт Евгений Раевский***

ДМИТРИЙ КИРШИН

Фарисей-миротворец на службе у графомании

Дорогие читатели! В Новгородской писательской организации случилось немыслимое, из ряда вон выходящее событие: член правления НРОООО «Союз писателей России», поэт Евгений Раевский посмел ответить на оскорбительные выпады недоброжелателей и завистников двумя аргументированными статьями – «Моськины лавры» и «Подкаблучник графомании (Полемиические заметки о творчестве Михаила Полевикова)»! Пока площадная «дискуссия» о недопустимости такой реакции развивалась в интернете на уровне местечковых статей и комментариев, направленных против Евгения Павловича, не было причин вмешиваться – голословное хамство за годы «демократии» приелось и абсолютно не влияет на взгляды здравомыслящих людей. Петербургские заказчики этого «обличения Раевского» с середины 1990-х годов по сию пору вложили в кампанию против него и руководимых им организаций не один миллион рублей, да только всё впустую. Однако в ход обсуждения названных полемиических заметок вмешалась на правах председателя правления НРОООО «Союз писателей России» Светлана Петрова-Амбрасовская, а на таком уровне самое время и мне взяться за ответное перо.

Вызвавшая бурю эмоций узкого круга лиц статья Раевского «Подкаблучник графомании», возможно, резковата по форме; лично я бы на месте Евгения Павловича расширил доказательную базу цитат – благо, откровенных ляпов в произведениях Михаила Полевикова более чем достаточно. Но содержательно возразить автору полемиических заметок нечего – даже со стороны ярых критиков обсуждаемой статьи *не нашлось ни одного аргумента в оправдание* приводимых полевииковских строк, они бесспорно саморазоблачают непрофессионализм Михаила Петровича. Вместо разговора по существу оппонентами используется классический демагогический приём: обливается грязью и выставляется на посмешище автор статьи Евгений Раевский, а полевииковский «тихий ужас» вроде как ни при чём. Зачем обсуждать приведённые цита-

ты графоманского толка? – проще прикрыть литературный срам нефилькиными грамотами (а лучше – дипломами) разнообразных конкурсов и фестивалей... Собственно, ничего нового в такой стратегии нет, да и цель «писем возмущённых граждан» очевидна: всеми средствами помешать публикации статей Евгения Раевского в журнале «Новгород литературный».

В поддержку политики корпоративной шито-крытости сразу после размещения в интернете заметок Е. Раевского выступила Светлана Петрова-Амбрасовская, до того целомудренно молчавшая и никак не реагировавшая, к примеру, на откровенно «мотивированную», бездоказательно-хамскую статью Ольги Лавровой в газете «Ваши новости»: «Уважаемые члены НРОООО “Союз писателей России”, дорогие коллеги. Хочу в очередной раз обратиться к вам с призывом уважать и беречь друг друга! Я рада, что у нас идут дискуссии на тему творчества. Я очень ценю критику, какой бы острой она ни была. Грамотные и корректные замечания помогают автору развиваться и совершенствоваться. Но я против взаимных оскорблений и унижений. Критикуйте и разбирайте произведения друг друга конструктивно, но не переходите, пожалуйста, на личности. Впредь посты, содержащие оскорбительные высказывания *я буду удалять* (курсив мой – Д.К.) из группы. С уважением ко всем и каждому, ваш председатель». Хотел бы обратить внимание на одну деталь: группу НРОООО «Союз писателей России» ВКонтакте создавала не Петрова-Амбрасовская, но распоряжаться в ней председатель хочет единолично. Правда, после соответствующего замечания Светлане Викторовне всё же пришлось изменить «я буду удалять» на «мы будем удалять». Но тональность абсолютной правоты и непогрешимости своей позиции, «освящённая» приводимыми порой не к месту библейскими цитатами, красной линией проходит через все её комментарии. Прочитаешь в приведённом выше контексте царственное предостережение «мы будем удалять» – и

почему-то сразу вспоминаешь: «Божиею Милостию Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский...».

Увы, Петрова-Амбрасовская своего слова не держит. Ни одно из оскорбительных, откровенно клеветнических заявлений интернет-троллей, подключившихся к «дискуссии», не нашло со стороны Светланы Викторовны не то что отпора, а хоть какой-нибудь заухдалой реакции осуждения. Придётся назвать вещи своими именами: председатель правления НРОООО «Союз писателей России» возглавила травлю одного из членов правления Е.П. Раевского. Для чего? Думаю, мне известен ответ на этот вопрос, а потому считаю важным поделить с коллегами по Новгородской писательской организации.

В качестве совсем не лирического вступления предлагаю читателям погрузиться в атмосферу информационной артподготовки к первому после летнего перерыва заседанию правления НРОООО «Союз писателей России» – на нём предстояло обсудить заявление Михаила Полевикова об «оскорблениях» в его адрес, содержащихся в статье Е. Раевского. Дополнительный дешёвый драматизм, внесённый в данное действие профессиональным режиссёром Светланой Петровой, усиливался датой проведения заседания правления: 14 сентября 2016 года, в день рождения Евгения Павловича.

Вот Петрова-Амбрасовская накануне заседания успокаивает писателя Антонину Ефимову, пекущуюся о судьбе своего «оскорблённого» земляка: «Антонина Анастасьевна, хочу Вас успокоить. Завтра именно по этому вопросу собирается правление НРОООО «Союз писателей России»». Вот она же днём позже частично анонсирует перечень вопросов, которые будут обсуждены «на заседании правления, куда ещё раз приглашаю всех его членов к 17.00» (на самом деле далеко не всех, самого «осуждаемого» Евгения Раевского никто позвать так и не удосужился). А призывающего раз и навсегда покончить с «неуставными» действиями Е.П. Раевского некоего Олега Юдина (о нём известно лишь то, что он является сотрудником «Рай-центра» и последователем Шри Ади Шакти Матаджи Нир-

мала Деви – основоположницы учения Сахаджа йоги) Светлана Викторовна воодушевляет словами: «Спасибо, Олег! Именно от Устава мы и будем отталкиваться». Дальше – тишина... И это отнюдь не цитата из шекспировского «Гамлета», а тишина растерянного гуру, не нашедшего последователей. Открою тайну новгородского Полишинеля: *только один* член правления НРОООО «Союз писателей России» поддержал своего председателя и перешёл на сторону «оскорблённого» Михаила Полевикова.

Петрова-Амбрасовская так хотела показательно «поздравить» Раевского с днём рождения, что в ходе заседания правления совершенно забыла о творческих приличиях и начала навязывать жёсткую цензуру издателям и членам редакционной коллегии журнала «Новгород литературный». Надо отдать должное главному редактору названного издания А.Н. Молоканову сотоварищи: они не только не отказались от публикации статьи «Подкаблучник графомании», но приняли решение о невозможности дальнейшего выпуска журнала под эгидой Новгородской писательской организации. Отныне единственный авторитетный литературный журнал Великого Новгорода будет выходить в свет как независимое общероссийское издание – вот первый реальный антирезультат деятельности С.В. Петровой-Амбрасовской. Таких ли дел ждали от неё новгородские писатели? И не подобная ли участь постигнет ежегодные альманахи «Вече» и «Все поэты Новгородской области», если работа председателя правления НРОООО «Союз писателей России» будет сведена к вытеснению из его рядов ярких состоявшихся личностей уровня Анатолия Молоканова и Евгения Раевского? Конечно, окружать себя «благодарными» и «послушными» подхалимами гораздо удобнее, да только результаты работы в таком случае стремятся к нулю.

Впрочем, Светлана Викторовна ошибок признавать не умеет, что свидетельствует об её слабости как руководителя. Даже сообщить о вынесенном правлением решении «стесняется», заменяя его следующим душещипательным текстом в интернете: «Спасибо всем, кто имеет открытое сердце и добрую волю поступать по совести. Никакие интриги и оскор-

бления не могут победить добро. Вернее, добро ни с кем и ни с чем не воюет. Заранее прошу прощения, если награфоманила или выбилась из стилистики» (авторская грамматика исправлена мной – Д.К.). Нет, Светлана Викторовна, Вы не из стилистики выбились, а из реальности, упорно поддерживая тех, кто действительно «награфоманил».

Складывается устойчивое впечатление, что С.В. Петрова-Амбрасовская, вопреки её собственным словам, произнесённым при избрании руководителем писательской организации, видит в членах правления НРОООО «Союз писателей России» не своих помощников, а своеобразный регентский совет, который должен выполнять работу недееспособного председателя. Сам же «подопечный» лучше потешит своё самолюбие участием в организованном «Радио 53 – Великий Новгород» конкурсе поэтов-любителей «Чемодан стихов» и даже станет одним из его майских (3-е место) и июльских (1-е место) победителей... Или займётся «основной работой» – руководством театральной студией «Софит» во Дворце дет-

ского творчества имени Лёни Голикова. Весьма символично, что Светлана Викторовна выставила в своей группе ВКонтакте подробное почасовое расписание занятий в этой студии, однако в интернете днём с огнём не сыщешь плана мероприятий НРОООО «Союз писателей России» даже на ближайший месяц.

Что же, тенденция вполне ясна, а выводы пусть сделает каждый автор, неравнодушный к судьбе Новгородской писательской организации, созданной в её нынешнем виде трудами А.Н. Молоканова и разрушаемой недальновидными «стараниями» С.В. Петровой-Амбрасовской.

С искренним разочарованием в руководящей деятельности и взглядах на литературу С.В. Петровой-Амбрасовской,

**Дмитрий КИРШИН, поэт, издатель,
литературный редактор, член Союза
писателей России,
доктор искусствоведения, профессор
литературоведения**

Священник Николай ЕПИШЕВ

Ещё раз о «Шинели»

Современный человек всматривается в эпоху 19 века как археолог. Многие сокрыты втайне для поверхностного взгляда. Попробуем приподнять занавес, прибегнув к реминисценции, которую мы назовём «Один день Акакия Акакиевича», где рассматривается типичный образ русского человека, жителя пышной столицы, служащего на скромной должности в одном из её департаментов. Представим несколько фрагментов этой реминисценции.

Пасмурное утро, едва забрезжил свет, и наш герой пробуждается. Ранний луч падает на скудные образки в Красном углу его каморки. Взглянув на них, он перекрестился и поцеловал свой нательный крест. Столь привычное движение! Опускает ноги на застывший пол, обжигающий стопы. В этот момент он всегда вспоминает свою раннюю молодость, свою встречу с обжигающей водной стихией - наводнение 7 ноября 1824 года. В своей новой шинельке он, не раздумывая, бросился в водную стихию помогать людям извлекать утопающих. Тогда она прошла своё первое крещение водой. В это мгновение его пронзила мысль: «Сегодня же Сороки - именины, преддверие весны, когда прилетают жаворонки, в России поминают храбрых и верных благочестивых воинов-христиан, пострадавших при гонителе Диоклетиане мучеников Севастийских». Среди них и его небесный защитник - воин Акакий. Само имя родилось среди монашествующих в пустыне и означает «добрейший», «кротчайший» (а в его случае - то и другое качество в квадрате!). Вся Россия в этот день печёт «жаворонков», аромат их рассеивается в воздухе. Акакий Акакиевич отправляется в департамент с корзиночкой, и там наделяет своих собратьев-писарей лакомством, радуя сердца.

Шествие в департамент для него - праздник. «Люблю тебя, Петра творенье!..» У Медного всадника нахлынули новые воспоминания о страшном часе декабрьского бунта,

когда он в своей распахнутой шинельке, как насадка пытался спасти детей, не понимающих опасности, уводя их с места ужасного события - ещё одно крещение шинельки... Что же говорить, когда ранней весной идёшь по холоду и мёрзнешь в этой истрёпанной, устаревшей одежонке!..

Он вступает под своды своего департамента, проходит к столу, заваленному бумагами. Любил он своё ремесло и гордился им! Когда-то Россия славилась своими искусными писарями, каллиграфами, дерзавшими списывать Священное Писание, богослужебные книги, Летописи. И так это умели дивно исполнять! Сызмальства Акакий Акакиевич привязался к этому делу, да и учителя тогда нашлись. Он вспомнил своего первого учителя Семёныча, в годину суровую Отечественной войны с Наполеоном служившего писарем при штабах. Каким только искусствам не учил его старый писарь: как выводить «бочку», как провести росчерк покрасивее, по-павлиньи, как текст по листу распределить ясно и понятно...

Вот и сегодня лежит измятая бумажка - прошение какой-то вдовицы. Сердце пронзила боль за страждущего человека. Намедни его соседка добрая прошептала ему удивительную новость: в Москве на Покровке, в Троицком храме, явлена была чудотворная икона, которую называли «Трёх радостей». А дело было так. Измученная невзгодами вдова пришла во храм, ища защиты и помощи, которых не нашла у людей, и приникла к иконе. А икона была удивительная - Святое Семейство: Иосиф с Божией Матерью держат на руках Богомладенца, обнажённого по пояс (как те Севастийские воины, мучившиеся в ледяном озере). Она согревает Его теплом Своего тела.

Упала вдовица перед Ней на колени и так застыла. Пока не услышала мягкий голос: «А ты поищи хорошего писаря!». Очнувшись вдовица, приложилась к Образу и пошла на долгие поиски. Совсем уже изнемогла, как в одном из московских двориков увидела маленькую дверку в стене. Что было за ней, она

не знала. Робко приоткрывши дверь, она зашла в каморку и увидела человека, склонившегося над листком бумаги. Она опустилась в бессилии на колени перед ним, стала плакать и просить о помощи. Он поднял её в смущении и расспросил о её беде. А было в её руках три бумажонки, исписанных каракулями, где она просила о пропавшем муже, о больном сыне и о себе, обездоленной в одиночестве. Когда же она подняла голову, то увидела: у писарька удивительно добрые глаза со слезами. Он взял её листочки, сел к столу, почистил перышко, наладил чернильницу и начал писать. Как он это делал, описать было невозможно. Он не писал, он священнодействовал! И когда он протянул ей готовые бумаги, её сердце пронзила радость, так это было сделано красиво!

- Ну, а теперь иди, матушка! - напутствовал её писарёк. - И она отправилась по департаментам. Удивительно дело! По этим бумагам перед ней открывались все двери, и принимавшие их были в восторге. Сначала они любовались красотой исполнения чудесного каллиграфа, а затем по инстанциям быстро бумага получала ход. Все дела её разрешились благоприятно. Осчастливленная, она пришла во храм и припала к очевидно чудотворной иконе Святого Семейства. Вокруг неё сбежались люди, на её рыдания и радостные восклицания, и она рассказала о произошедшем чуде.

Многие стали спрашивать у неё: «Где же этот писарёк?». Чуть собравшись с силами, она повела их на поиски. Прошли в один дворик, в другой, третий. Не было ни дверки, не было и писарька... Семёныч как-то говорил Акакию Акакиевичу: «В нашем деле три радости: когда пишешь, волнуешься и молишься о страждущих в душе, рука выводит сама собой такие вензельчки, что радуешься; когда протягиваешь готовую бумагу просителю, то он радуется от восхищения и преисполняется уверенности в положительном решении своего дела; а когда бумагу вручают столоначальнику, то он радуется ей, как откровению на фоне серых будней. Поистине, Красота спасёт мир!

Так в этой радости поднаторел и Акакий Акакиевич, кротчайший и добрейший. Он как-то слышал рассказ о восточной жизни в Китае, как там ценились мастера искусства

каллиграфии - ценились на вес золота! Вешали их письма на стену, как картину. Но где нам до них! Печальная мысль о шинели снова взволновала Акакия Акакиевича. По окончании службы потащился он домой, а попутно зашёл к Петровичу, своему старому портному. Надо было его упросить подлатать шинельку. Приоткрывши дверь, он увидел Петровича, восседающего на столе. В зубах он держал иголки, нитки, гнусава, отвечал на вопросы, и на все просьбы Акакия Акакиевича последовал ответ: «Ремонту шинелька не подлежит!»

Заплакал Акакий Акакиевич, и началось его мытарство. Не было времени уже подумать о себе. То одно, то другое, то третье - всё это нарастало, как снежный ком. Одна мысль: где добыть деньги? Взятки не брал - считал преступлением. Как крест понёс он свою участь бедного трудяги. Он как будто завис над Чистилищем, и что его удерживало от окончательного падения? Акакий - подвижник Афонский, упомянутый в Лестнице, Акакий - святитель Милитинский, Акакий - воин-центурион, Акакий, званный как «божественный» среди братьев-подвижников, Акакий-воин из сорока мучеников Севастийских.

Не ожидая найти, он получил помощь, награду от департамента, стал экономить в еде и питии, стал почти как аскет. Прозрачны были его доходы, скрывать было нечего, и когда пришло время получать заказ, глазам своим не поверил. Мастер был Петрович! Как дитя, возрадовался Акакий Акакиевич, да и братья вместе с ним. «Обмыли» радость и, покидая харчевню, вернулся Акакий Акакиевич к своей обнове, которая почему-то валялась на полу... Семёныч часто повторял: «Для того, чтобы писать красиво, надо «окрылиться». Пропало дорогое крыло. Обстрелянная, продырявленная, старая заслуженная шинель его оказалась втуне, и жалко было прожитого с нею времени.

«Мы все вышли из шинели» - писали многие русские писатели. А что в этой повести нашли они? Ближе всего к разгадке этой приблизился Фёдор Михайлович Достоевский. Это он решил выставить своим героем наивное дитя, беспомощное и чистое - князя Мышкина. Он наделён был задатками каллиграфического мастерства, и, может

быть, ведал сердцем о «Трёх радостях», так чудно порадовав семейство генерала Епанчина! Гоголь, как видно, заглядывая в глубину души своего маленького героя, на самом деле удивительного человека - носителя соборной личности - Акакия Акакиевича, предвосхитил разгадку слов о Красоте, которая спасёт мир.

Кротость и смирение - величайшие христианские добродетели, и испытывался на прочность в них Акакий Акакиевич в конце повести, обиженный, ограбленный и униженный. Только Гоголь не оставил его в обиде. Воины-подвижники вышли на защиту его и наказали тех, кто не жил по заповедям Божиим.

Метаморфозы маленького человека

Замысел написания повести Н.В. Гоголя «Шинель» выходит за рамки банального и обычного. Какова цель написания повести? Неужели цель в изображении картины жизни низшего чиновничества? Что же хотел вложить в это описание художник? Образ ли служивого человека, и прежде всего человека, обличенного в особую форменную одежду. Сказывается ли эта одежда на человеке? Каково влияние шинели на человека?

Начало повести о жизни Акакия Акакиевича Башмачкина дает нам максимальную внешнюю характеристику человека. Само имя героя наталкивает на мысль о его особых качествах. В переводе оно означает «милостивый и невинный». Удвоенное отчество, оно может читаться как сверхмилостивый и сверхневинный. Эти качества проявляются в его жизненном, обыденном бытии. Жизнь его проста и незамысловата, но имеет особенную изюминку - его явные художественные способности, с которыми так контрастирует его внешняя невзрачность. Заношенная до нельзя форменная шинель создает вид знакомый нам по гравюрам XIX века - тип нищенствующего чиновника. Трудно даже отличить его от городской голытьбы, как своего рода народный тип. Эта его сродность порождает симпатии читателя, которая нарастает по мере узнавания героя. Служа в серьезном казенном учреждении - департаменте, он находит свою особенную ячей-

ку. Здесь он душевно мирен, покоен и даже весел своими маленькими радостями, здесь он свободен! Наш герой не превзойденный каллиграф, обладающий редким, даже среди среды его писарских собратьев, мастерством. С древних времен, особенно на востоке каллиграфия является очень почетным мастерством. Каллиграфам доверялось переписывание священных текстов, украшения святилищ и храмов, дабы вызвать в людях чувство высокого почитания, трепета и благоговения. Их искусством славится Египет, Индия, Китай, Ближний Восток - везде мастер-каллиграф причитался к среде священнослужителей и даже возводился в святость. Там, где не дозволялось изображение божества, почитатели наносили узоры и каллиграфические надписи священных книг. Это является подобным по значимости для них, как у нас, иконопись. Из наших древних времен мы знаем о мастерстве православных переписчиков, сотворивших такое чудо как Остромирово Евангелие. Не каждому человеку доверялось участие в такой работе. Многие из них принадлежали к монашеству, проводивших свою жизнь в посте, молитве и трудах во славу Божию.

В жизни и поведении Акакия Акакиевича проявляются глубокие генетические связи, наполняющие образ особым содержанием. Написание текстов, букв их составляющих, для него истинное наслаждение. Творение Святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, создателей славянской письменности, находит в нем своего почитателя. Для обыденного пользователя это всего лишь «аз, буки, веди»... Для него же является источником подлинного восторга. С детства азбука служила назиданием в жизни человека, была основой древней православной традиции, твердыней укорененности в вечности и незыблемости.

С библейских времен одежда человека, его облачение исполнено символической значимости. Начиная с пребывания в Раю, наши ветхозаветные предки получили от Бога царственные одежды. Но в результате грехопадения лишились всего этого. Уделом человека стали греховные рубища, которые невозможно скрыть ухищрениями самых опытных модельеров портных. В покаянном каноне Святого Андрея Критского не раз прослеживается

мысль о необходимости нашего внутреннего покаянного исправления - облечения в спасительные ризы. Все это достигается в молитве, посте, но и в мученичестве. Служение в департаменте, в такой цивилизованной столице как Петербург, для Акакия Акакиевича сопряжено с мученичеством. Он окружен непониманием и насмешками, постоянно чинимыми досадами со стороны писарской братии, что делает его изгоем в своей среде. О таких говорят в народе: «Человек не от мира сего». И за этой фразой нет осуждения, скорее скрытое уважение. Издавна она прочитывается в контексте Евангельских слов, произносимых Господом: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18, 36). Ветхая до прозрачности шинель - принадлежность земному миру, не мешает герою в подданстве миру вечному. Мы не заметим в герое проявление внешней декларативности в вере. Писатель даже не делает намека на его внешние проявления веры: он не крестится, не произносит слов молитвы, даже самых коротких, не обращает свой взор на площадях к церкви, не слышит колокольного звона, столь характерного для православной столицы, но видим в нем проявление веры органической, составляющей основу его жизни. Здесь место реминисценции: эти мы попытались приоткрыть завесу, обусловленную жанром и стилем критического реализма.

Он подобен беззащитному ребенку в окружающем жестоком мире. В его восклицании к оскотинившейся писарской братии: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» - легко возводится к восклицанию Самого Спасителя, приведенному на суд ветхозаветной братии: «За что вы Меня гоните?!». На Голгофскую высоту возносит писатель своего героя, маленького человека. Это пробуждает в читателе, как и у «одного молодого человека, определившегося в департамент», чувство жалости и сочувствия. Писатель пишет об этом: «Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных светских людей». Неестественная сила голгофских страданий пробудили в сердце молодого человека слова: «Я брат твой». «Будьте как дети» (Мф. 13, 13-15) призывает Господь своих учеников. Акакий Акакиевич и есть такое дитя. Жизнь по заповедям Божиим, кото-

рые ставят во главу угла блаженства нищих духом, проявление детской кротости, послушания и смирения делает героя вовсе не «маленьким человеком».

Теория «маленького человека» является порождением гуманистических представлений, привнесенных в нашу жизнь со стороны. Русская духовная традиция не увязывает важность и значимость человека с его занимаемым положением, его внешним видом. Жизнь Акакия Акакиевича должна оцениваться именно в этой системе координат, а именно, Акакий Акакиевич живет в обстоятельствах несовершенных, но как духовно совершенный человек. Так мы оцениваем героя в этой части повести. Часто в нашей жизни не все остается неподвижным. Достигли и Акакия Акакиевича мирские попечения: потребовалось пошить новую шинель. С большим трудом он осваивается с этой мыслью, необходимостью обращаться к суетным заботам мира сего. Начинаются его мытарства. Как некий нечистый дух на этом пути предстает Петрович-портной, живущий в четвертом этаже по черной лестнице, восседающий на широком некрашеном столе подвернувшего под себя ноги, как турецкий паша. Описывая обнаженные ноги портного, писатель как-то особенно обращает свое внимание на его изуродованный ноготь: «толстый и крепкий, как у черепахи череп». Звукопись этого словосочетания с буквой «ч», подразумевает за ним некое рогатое существо, названное в выражении жены портного - «одноглазый черт». И далее оно повторяется по тексту. Слово «череп» напрямую связано со смертью.

Встреча с портным происходит в задымленной, словно в аду, кухне, с ее вонью и мерзостями.

В этих обстоятельствах, мы все отчетливее замечаем в повествовании о герое житейные черты, которые требуют для восхождения к святости прохождение через искушение. Восседающий на столе Петрович оскорбляет чувство каждого верующего, воспринимающего стол как прообраз Престола Божиего, совершает кощунственное надругательство над Ним. В процессе повествования портной Петрович являет себя как искусный «кутюрье» - мастер изысканного камуфляжа. О сколь всесильны стали теперь эти мастера, разворачивающие свои подиумы

для богатой публики, стремящейся скрыть свое падение за обманчивой внешностью. «Гробы повапленные!» - обличают их строки Евангелия (Мф. 23, 27).

Пошив шинели высасывает лучшие силы Акакия Акакиевича: поиски средств, поиски материалов, размышления о крое и другие заботы изменяют его в худшую сторону. Это особенно проявляется, когда на плечи чиновника низшего класса Акакия Акакиевича опускается новая шинель. Это визитная карточка, преобразующая героя. Глаза стали его открываться для греховных воззрений, ноги его несут на пути блудилища, и вот он предстает перед своими собратьями во всей своей красе. Куда-то исчезает ров, отделявший его от писарской братии. Он на минуту становится во всем равным и подобным им. Его даже пригласили обмыть обнову у помощника столоначальника. Акакий Акакиевич становится «как все». Только вот не умещается его душа в этой сковывающей навязчивой змеиной чешуе. В томлении и скуке светской вечеринки душа зовет героя покинуть место увеселения. Он решает незаметно скрыться и вернуться домой.

Как всегда в житийных повествованиях, выбор не обходится герою даром. Жестокий мир обращается к мести. Начиная свой путь, войдя в гардеробную, Акакий Акакиевич видит, что среди висящих по чину шинелей, его шинель выпала и лежит поверженная на полу. Это можно рассматривать как предзнаменование. На пути столица ослепляет своим блеском, в памяти возникают парадные строки «Медного всадника». Мелкий писарь - каллиграф не может не чувствовать свою причастность к этому блеску. Не часто ему приходилось видеть оправдание своих трудов и ощущать гордость за творения: блистательные начертания важных департаментских документов, среди которых могли быть и воззвания, государственные указы. Однако пушкинский герой Евгений, замирающий у «Медного всадника» в минуту трагических испытаний, ощутил за этой красотой зияющую бездну. На встречу этой бездне отправился наш бедный герой. Ему приходится приблизиться к городской окраине, очень напоминающей пустыню. Искус в пустыне неременный атрибут анахоретов. Невольный страх пробуждается в сердце героя. Пустыня чревата проявлением

страшных враждебных сил: вспомним хотя бы знаменитые искушения преподобного Антония Великого в пустыне. Здесь не помогут смеженные очи, из тьмы ночного Петербурга возникают разбойники. Расплывается в темноте вместе с грабителями злосчастная шинель. Сколь тщетны все наши имения! Таким финалом могло закончиться повествование о нашем незадачливом герое. Но Гоголь продолжит свой рассказ. Акакию Акакиевичу приходится проходить свои мытарства и далее, среди которых ему приходится пережить оскорбления и насмешки, в своем бедственном состоянии, даже звериный рык. Заканчиваются его страдания в приемной одного «значительного лица». Как иронически замечает о нем писатель: «Так уж на Святой Руси все заражено подражанием, всякий дразнит и корчит своего начальника». С таким вот начальником сводит судьба незадачливого просителя Акакия Акакиевича. Как с ним обходится «значительное лицо» без содрогания невозможно читать в повести. «Тут он топнул ногою, возведя голос до такой сильной ноты, что даже не Акакию Акакиевичу сделалось бы страшно». В этих окриках, так знакомых современному человеку, пережившему опыт страшных гонений от усатых и не усатых разбойников, облеченных в свои или краденые шинели, предстает пророчески увиденный гениальным писателем XX век. Акакий Акакиевич умирает от горячки, словно обожженный огнем адской преисподней.

Обычно житие должно заканчиваться сообщением о посмертных подвигах, чудесах, сотворяемых героем жития. Это кажется фантастикой. Как правило, святой помогает человеку, находящемуся в трудно преодолимой ситуации, часто в безнадежности. Невероятные решения этих проблем мы называем чудом.

Чего же добивается Акакий Акакиевич в своих посмертных «чудодеяниях»? Он вступает в сражение с владельцами исправных шинелей, с теми, кто нас разделяет, с тем, что мешает нашему единению - последствиями отсутствия любви. Писатель задается вопросом: как сделать, чтобы шинели не стали броней, непреодолимой стеной, а стали бы как бы прозрачными, проницаемыми для человеческих чувств. Самое косное в мире существо, человек, все же может измениться к лучшему, как подвинулось в этом направлении усовершенствовавшееся «одно значи-

тельное лицо», ощутившее свою вину за смерть нашего героя. За всем этим стоит решение сразу индивидуальных и социальных задач, как бы мы сказали, общенациональных проблем. Хотелось бы, чтобы у современного человека нашлось силы преодолеть влияние тех страшных призраков, которые, подобно гамлетовским, предстали в последних строках повести.

Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» является примером создания особого жанра литературы - светского жития, который, как мы видим, находит своих последователей в творчестве многих писателей и особенно у Федора Михайловича Достоевского. Без «Шинели» Гоголя невозможно себе представить образ Мармеладова из «Преступления и наказания» или князя Мышкина из «Идиота».

Сравнительный анализ этих образов нам еще предстоит сделать.

Литература

1. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М., Московская Патриархия, 1976.
2. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в 14 томах. Л., 1952.
3. Воропаев В. Духом схимник сокрушенный... М., 1994.
4. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995.
5. Гиппиус В., Зеньковский В. Гоголь. Н.В. Гоголь. СПб., 1994.
6. Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.
7. Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
8. Дунаев М.М. Православие и русская литература. Издание 2-е, ч. I, II, М., Христианская литература, 2002.
9. Юрьева О.Ю. Идея «соборной личности» Ф.М. Достоевского в творчестве И.С. Шмелева // Достоевский и современность: Материалы XVII Международных Старорусских чтений. - Старая Русса, 2002.

Татьяна СОРЕНСЕН

Дания

Моя семья. К столетию 1917 года
(посвящается моей семье и памяти моего деда
Юрия (Георгия) Константиновича фон Копшталъ)

*Белым был - красным стал:
Кровь обагрила.*

*Красным был - белый стал:
Смерть побелила.*

М. Цветаева

Что случилось со всеми на огромных просторах России 100 лет назад?

Какое безумие охватило страну?

Чтобы разобраться в этом можно прочесть сотни книг, прослушать бесчисленное множество передач и мнений, просмотреть художественные и документальные фильмы, а можно просто попробовать углубиться в историю семьи. Своей семьи. И именно из этой истории понять и почувствовать, что же это было за время. История одной семьи иногда может дать более ясную и чёткую картину. Не просто картину исторических событий, но прикосновение к чувствам и переживаниям тех людей, которых ты знал и любил, ибо они несли в себе историю. Но зачастую это намного труднее.

Кто знает историю собственной семьи до 3 - 4 поколения или дальше? У кого сохранились записанные воспоминания, дневники, фотографии? Кто собрал о предках архивные данные, чтобы разобраться, где апокрифы семьи, а где факты?

За эти 100 лет была разрушена не только сама страна, церкви, усадьбы, дома, но, главное, память. Разрушена страхом, делением на белых и красных, своих и чужих, ГУЛАГом, судебными процессами, постоянной ложью. А ещё красный террор, голод, войны, а в моём родном городе ещё и блокада, унесшая остатки моей некогда большой и дружной семьи. Многие из нас не знают дат смерти своих родных и близких, их судьбы, но самое печальное - и не интересуются этим. Действительно,

Иваны, родства не помнящие. И им не интересующиеся. Хотя интересоваться порой было не только страшно, но и невозможно.

Сто лет беспрерывных войн - первая и вторая мировые, гражданская, финская, а главная - постоянная война против собственного народа, против инакомыслия.

В предыдущем номере я написала об истории и судьбах русской эмиграции в Дании, которая была трагична, но не менее трагична была и судьба тех, кто остался на Родине.

Мы находимся в преддверии 100-летия октябрьского переворота 1917 г., который действительно перевернул жизнь не только России, но и всех, проживающих в этой стране на тот момент, независимо от национальности, сословия (разрушенные полностью), взглядов, воспитания, уровня жизни. Страшные цифры погибших за годы советской власти с 1917 до смерти Сталина в 1953 г. до сих пор не посчитаны, да и вряд ли когда-нибудь это случится. Но по оценкам историков, занимающихся составлением мартирологов, например, по представлениям Анатолия Разумова - историка, сотрудника Российской Национальной библиотеки, руководителя Центра «Возвращенные имена», *«эта цифра - около 50-ти миллионов человек, те кто погибли и пропали без вести в целом, как население. Это невероятное число, невероятное!..»*.

Эмиграция в Данию – это всего несколько сотен человек, да и всё население 5 миллионов, и представить цифру 50 миллионов здесь

просто невозможно.

Но главное, очень трудно восстановить судьбы этих миллионов людей, что с ними произошло после 1917 г.

К сожалению, в советской истории иногда семейное предание куда как точнее, чем многие документы, особенно документы, касающиеся репрессий, арестов. Ведь люди пытались спасти свою жизнь и жизнь близких им людей. Множество документов часто просто фальсифицированы. Даже когда читаешь анкеты за разные годы (а я прочла много анкет своих родственников), они очень разнятся. Да и графы, и вопросы меняются, и люди пишут, часто не помня, что писали в предыдущий раз, особенно в отношении прошлого и семьи. Или боясь рассказывать правду. Вопросы типа: «*Чем вы занимались до февраля 1917 г., с февраля 1917 г. по октябрь, после октября 1917 г.?*» просто провокационны. Ведь люди могли сразу попасть за честные ответы в тюрьму или под расстрел. Фактически после 1917 г. просто невозможно было писать правду. То есть история была практически фальсифицирована. Об этом написано много. Поэтому так важны воспоминания и дневники, написанные только для себя. Именно там человек наиболее искренен.

В прошлой статье упоминались две книги воспоминаний: графини Зинаиды Мегден и лейб-казака Тимофея Ящика.

Как было указано, воспоминания графини записала датский литератор Ида Веннерберг, которая неоднократно встречалась с ней и издала эту книгу в Дании в разгар второй мировой войны в 1943 году на датском языке. А потом, найденные в архивах через 60 лет, воспоминания были переведены на русский с литературной обработкой Т. А. Кудрявцевой, проделавшей колоссальную работу по проверке описанных исторических фактов, и превратились в большую интереснейшую книгу, где рядом с воспоминаниями приводятся исторические ссылки на людей и события, что придаёт книге дополнительный интерес. Судьба одной женщины на фоне истории.

То же самое случилось с воспоминаниями лейб-казака Тимофея Ящика. Основой книги опять же послужили рассказы корреспондента

ту датской газеты о себе, своём времени, людях с которыми свела его нелёгкая судьба и воинская служба. Они были опубликованы в 10 номерах газеты за 1941 г., а позднее его жена подготовила книгу воспоминаний «Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака», изданную на датском в 1968 г. Переведённый на русский бесхитростный рассказ Т. Ящика был снабжён документальными приложениями, научно-справочным аппаратом. Книга была переиздана, с добавлением новых исторических статей, документов, воспоминаний. Благодаря книге, нашлись потомки Т. К. Ящика и К. И. Полякова и выплыло из забвения множество имён. Имён людей, не менее достойных чем З. Мегден и Т. Ящик, но чей след в истории затерялся, потому что жизнь их пришлась на один из самых страшных периодов истории России, когда было разрушено всё.

Воспоминания этих людей никто не записал и их истории, да и жизни исчезли. Библиотекой РАН начата большая работа по библиографированию темы: «Российская эмиграция первой волны в Дании». Я мечтаю об издании на русском языке энциклопедии о русской эмиграции в Дании, это наш общий долг.

А своим долгом считаю вспомнить моих родных и близких, тех, кто, как и покоящиеся здесь в Дании русские люди, были их современниками.

Мне действительно посчастливилось, что у нас в семье сохранились реальные документы: воспоминания деда (отца моей матери), написанные в 1953 г. (до смерти Сталина!!) и дневник отца 1943 г. (он оборонял Ленинград, был трижды ранен, и в 1944 г. ему ампутировали ногу). Два мира моих предков. Но что интересно. Деду на момент начала Первой Мировой войны было 18 лет, и это воспоминания о впечатлениях и чувствах юноши, начиная с 18 лет, в том числе о первой мировой войне. Моему отцу, родившемуся в 1924, в 1943 г. было 19 лет. За его плечами было 3 года войны. Это впечатления и чувства о другой войне - второй мировой. А разница в их годах рождения составляла всего 28 лет. Но между ними пролегла целая эпоха.

Эти два юноши получили два разных воспитания и образования. Жили в одной стране,

но в двух разных мирах. Это не только две разные войны, но и два совершенно разных мира и мировосприятия. И этих двух очень разных людей я любила всем сердцем. Наверно, они исторически не точны, но что точно - они искренни.

*Мы были дети тех, кто был
И на войне, в кольце блокады,
В эвакуации и на Гулаге,
Всех тех, кто это пережил.*

*Война сквозь жизнь их пролегла,
И судьбы их переломала,
И эта память заживала
Всю жизнь, и так не зажила.*

*Хоть не коснулась нас война.
И мы её не пережили,
Но мы с родителями жили,
Что испытали всё сполна.*

Мне повезло, что воспоминания лежали у нас дома, но прочла я их уже взрослой, когда не могла расспросить деда о событиях его жизни. Он умер в 1961 г., когда мне было 12 лет, но из всех моих родных старшего поколения я больше всего любила именно его. Он, переживший так много в своей жизни, сохранил добро и тепло, интеллигентность и воспитанность. Все относились к нему с уважением. А ведь он был «враг народа». С 4 лет почти каждый выходной он ходил со мной по Петербургу и музеям и рассказывал об истории и культуре. Он обладал энциклопедическими знаниями, хотя был военным и врачом, и привил мне интерес к истории и культуре, а ещё огромную любовь к семье, родным и близким. Пониманию и прощению. И само понятие любви. И он никогда не рассказывал о своём прошлом. Его я прочла потом. А значительно позже начала собирать архивные данные. И это было удивительно, насколько точно совпали они с его воспоминаниями, написанными десятилетиями позже. Архивный поиск - увлекательное занятие. Благодаря ему ты реально ощущаешь дух эпохи, а когда находишь документы, написанные рукой твоих предков - это непередаваемая радость. Оказы-

вается, так много можно узнать о своих корнях и как много удивительных находок таятся в архивах. Нужно только этим интересоваться.

Мой рассказ - это небольшой штрих к истории, но надеюсь, что он заинтересует вас. Это дань памяти тем, кто испытал на себе тяготы первой мировой войны, попавших в кровавое месиво революции. Они росли, учились, воевали вместе, но революция, разрушив всё, поставила их по разные стороны. Кто-то остался на Родине, а кто-то её покинул. Это огромнейшая, ещё непонятая трагедия, которая и сегодня не даёт нам жить, как непройденный урок.

Я рада возможности опубликовать на страницах прекрасного альманаха «Золотое слово» статью в основу которой легли воспоминания моего деда Юрия (Георгия) Константиновича фон Копшталь о его жизни, начиная с 1914 г., о первой мировой войне, революции, об аресте в 1934 г. и многом другом. Читая их, я прикоснулась к живой истории, и этот небольшой документ помог мне найти множество настоящих исторических документов, а имена, названные в воспоминаниях я находила в поисковых базах и узнавала судьбы некоторых из них, его друзей, родных, сослуживцев, о которых он не узнал при жизни. И поэтому я сделала комментарии и ссылки в конце статьи на некоторые имена, события, исторические сведения и факты. Не по академическим стандартам, а чтобы ощутить историю. Статья не претендует на историческое исследование, это просто штрихи к портрету эпохи, которые я нашла интересными, ссылки на историю страны, историю рода. Это судьба человека на фоне истории. Это то, что я знаю на сегодня, и моё личное ощущение истории того времени. Безжалостного и трагичного. Но самое главное, что я поняла, когда писала статью, что это были люди, знавшие свой род, свою родословную, что у них была честь и совесть, ответственность перед семьёй, родом, страной. И это самое страшное преступление людей, захвативших власть в 1917 и разрушивших не только уклад, но растоптавших историческую память, оставивших страх и желание не служить своей Родине, а приспособиться, чтобы выжить. А сколько людей

просто погибли, погибли ни за что - в своей стране или на чужбине. Их судьбы были пере-чёркнуты 100 лет назад. А к революции при-вела война, как называли её тогда – «Великая война».

*А что мы знаем о войне,
О той, что судьбы многих изменила,
Что миллионы жизней погубила
И выбросила с Родины своей?*

*А тех, оставшихся, заставила молчать.
И ни за что, а просто расстреляла,
И миллионы по Гулагам разбросала,
Заставила всех прошлое забыть,*

*Историю не раз переписав
И приучив нас ни во что не верить.
Мы не могли историю проверить,
Родных и близких в этом пекле потеряв.*

Итак, у нас остались 2 документа, на-писанных моим дедом. Один из них «Вос-поминания и думы в часы бессонницы штабс-капитана гвардейской артиллерии России и майора медицинской службы запаса СССР», второй - «Воспоминания Юрия Константино-вича Копиталья (1914-1920 гг.)». Это неболь-шие воспоминания на полутора десятках ма-шинописных страниц, частично написанных вручную.

Первый начинается так: «...Ночь на 31 ян-варя 1953 г. Сегодня вспоминал своих друзей товарищей по классу...», а далее целый спи-сок имён - имён тех, с кем он рос, учился, слу-жил, воевал до 1917 г. Известнейшие семьи, гордость России. Список заканчивается сло-вами: «Где вы теперь?». То есть со времени революции ни о ком он не знал и не слышал. А затем пишет: «...вспомнил, как неожиданно для себя был взят, и теперь понимаю, не по подозрению, а лишь профилактически в ночь 16 января 1934 года. Возможно политически так надо, но всё же это перегиб. В квартиру пришли вместе с управдомом два человека с ордером. Обыскали всё очень тщательно, но средний ящик письменного стола пропустили (правда, там ничего и не было, кроме записной книжки с адресами знакомых). Взяли с собой открытки, трубку артиллерийского снаряда,

разрез артиллерийской трубки, фотографии отца и совершенно не относящиеся к делу.... Гистологической работы с гистологически-ми препаратами. Увезли на «чёрном вороне», где уже сидел Николай Никитин, как позже оказалось, отец девочки, с которой гуляла Мара (моя мама). Ночь провёл на Шпалерной в предварительной камере, на утро выгрузили в общую камеру. Вонь, сжатость, кураж; за отсутствием места пришлось спать на сто-ле. Утром на следующий день допрос... и по-садили в одиночку, 1 корп. Кам. №41.»

Ну а теперь вернёмся на 20 лет раньше, в 1914 г., ко второму документу «Воспоминания Юрия Константиновича Копиталья (1914-1920 гг.)».

Кто такой мой дед? Кем он был в 1914 г.? И сколько лет ему было в то время?

Из архива РГВИА (1915г.) «Прапорщик Георгий Константинович фонь-Копиталь, род. 17 августа 1896 г., Ст. Русса, потом-ственный дворянин Новгородской Губернии, вероисповедания православного. Воспиты-вался в Кадетском Императора Александра II корпусе¹ и в Михайловском Артиллерийском училище по первому разряду². В службу всту-пил по окончании курса наук в Кадетском Им-ператора Александра II корпусе. 31 июля 1914 г. поступил в Михайловское Артиллерийское училище на основании положения «Об уско-ренной подготовке офицеров в военное время в специальных военно-учебных заведениях с восьмимесячным учебным курсом». 2 октября 1914 г. произведён в унтер-офицерское зва-ние. По окончании ускоренного курса 14 мая 1915 г. произведён в прапорщики».

А вот выдержка из более раннего доку-мента от 9 апреля 1913 г. «О приписке к при-зывному участку», где говорится, что «сын полковника Георгий Константинович фонь-Копиталь подлежит исполнению воинской повинности в 1917 г. и обязан прибыть в С.-Петербургское городское по воинской повинности Присутствие не позже 1 марта 1917 г.».

Как много произошло за это время! И Пе-тербург ещё не переименован в Петроград, и к воинской повинности должен приступить 1 марта 1917! Знаменательная дата! 2 марта

1917 г. Николай II отрёкся от престола!

А мой дед уже в 1915 г. начал воевать на полях первой мировой войны и был ранен. И участвовал к 1917 и в Великом отступлении, и в Брусилловском прорыве, и в Корниловском наступлении. Кто знает свою судьбу и что нам предстоит?

Ну а теперь опять воспоминания деда: «Окончен Императорский Кадетский корпус (1914) (юнкер рядового звания) и юноша Остоя³ Юрий проводит лето в одном из губерн. городов Сев. Вост. Европ. России (Вологда).

Приятно и весело проходит время в прогулках, катаниях на лодках, вечеринках и лёгком увлечении девушками.

Отец юноши - военный - занят работой. Мать, сестра и бабушка путешествуют по Швейцарии.⁴

Отец верит юноше и ему предоставлена полная свобода; не время огорчать отца и сын выдерживает испытание своих сил и воли, не нарушая покоя отца.

Приятное чувство, что окончено среднее учебное заведение, и ожидание в будущем поступления в Военно-медицинскую Академию или в Артиллерийское училище не покидают юношу, и дни быстро текут в разнообразных удовольствиях. Но вот в одну из ночей поступает секретный приказ о мобилизации⁵. Война с немцами объявлена, откинута все развлечения, и Юрий помогает отцу в проведении мобилизации, проверяя документы; он горд тем, что ему доверена государственная печать для удостоверения о мобилизации.

Получив приказ о зачислении юнкером в Михайловское Артиллерийское училище, Юрий отправляется в Петербург. Из нашего (кадетского) корпуса в училище оказались ещё и Миша Розенберг⁶ и Елагин, оба во второй батарее. Время летело быстро – учение, верховая езда, в которой я был первым (не зря полковник Бендерский учил меня в лагере Генерального штаба⁷ на Суворовском просторе)...

24 ноября (1914) был в Екатерининском институте⁸ на ужине с вином...

Новые товарищи Слеболицкий из Киевского корпуса и из Вольского корпуса. Военный

выезд в Дудергоф в лагерь. Бешеная скачка на спортивной кобыле по полигону и 14 мая 1915 г. производство в офицеры.

Отец не остался в Вологде, а добровольно пошёл в действующую армию и при отступлении с Карпат был ранен в грудь навывлет⁹.

Комментарии к воспоминаниям помещены в конце статьи, но некоторые я помещаю прямо в тексте, прерывая повествование.

«Отец юноши - военный - занят работой». Кто же был отец моего деда? Что он делал в Вологде?

Отец - Константин Андреевич фонъ-Копшталъ. Из ЦГВИА (1914 г.): «Полковник (с 1910 г.) род. 21.03.1869 г., православный, из дворян, уроженец Петроградской губернии. Образование получил в 1-м кадетском корпусе⁹. В службу вступил 01.09.1886. Окончил 1-е военное Павловское училище¹⁰. Выпущен Подпоручиком (07.08.1887) с прикомандированием к лейб-гвардии Московскому полку. Поручик гвардии (09.08.1892). Штабс-Капитан (06.05.1900). Капитан (06.05.1901). Командовал ротой (7 л. 2 м. 12 м.). Полковник (пр. 1910; ст. 09.07.1910 за отличие). Рославльский уездный воинский начальник (09.07.1910-18.02.1914). Вологодский уездный воинский начальник (с 18.02.1914). Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1897); Св. Анны 3-й ст.».

И ещё: «Отец не остался в Вологде, а добровольно пошёл в действующую армию...»

Я нашла очень интересные документы об отправке в действующую армию. Это рапорт моего прадеда на имя начальника Вологодской местной бригады, датированный 8.03.1915г. «Прошу ходатайства Вашего превосходительства о переводе меня в действующую Армию. Я вполне здоров к боевой службе, прослужив в строю 22 года в Л. Гв. Московском полку и будучи 4 года Воинским Начальником прошу, согласно кн. VII Св. В.П. применительно к ст. 465 об удовлетворении моего ходатайства, особенно в нынешнем положении, сознавая те огромные потери в личном составе, которых несёт наша доблестная Армия». Вот это и есть настоящий патриотизм и воинский долг. А внизу документа стоит его подпись.

Начальник Вологодской местной бригады, генерал-лейтенант Критский, пишет письмо на имя начальника штаба Петроградского военного округа: *«Препровождая настоящий рапорт за № 1915 уведомляю, что, с моей стороны, препятствий к переводу полковника Копиталь в одну из частей действующей армии – не встречается.»*

При этом прошу Вас, Ваше Превосходительство не отказать поддержать как настоящие ходатайство, так и мою усердную просьбу о командировании на должность Вологодского уездного воинского начальника опытного заместителя в виду того, что в моём распоряжении нет свободных офицеров».

В делах Министерства Главного Штаба *«О переводе офицеров пехоты с административных должностей непосредственно в строевые части»* имеется документ от 15 марта 1915 г. в Главный Штаб следующего содержания: *«По приказанию вр. и. о. Главного Начальника Округа, с ходатайством о переводе полковника Копиталья в 16 Финляндский стрелковый полк. Вместе с сим прошу распоряжения о назначении на время войны заместителя названного штабь-офицера, так как подходящих офицеров в распоряжении окружного штаба не имеется. Приложение: Краткая служебная записка о службе и 2 телеграммы».* В *«Краткой служебной записке о службе»* указана полностью его биография (включая на ком женат и даты рождения детей (*«жена и дети вероисповедания православного»*)) и прохождение военной службы. Также указано жалованье: *«Получает: жалованья 1200 р., столовых 1440 р., квартирных 556 р., разъездных 300 р. И на наём прислуги 240 р., а всего 3736 р. в год»/*

Мне стало интересно понять по поводу жалованья - это много или мало? В найденном в ЦГВИА полном послужном списке полковника Шебаршина Н.С.¹¹ (отца жены К.А. Копшталъ Анны Петровны (ур. Доможировой)) за 1895 г., который служил Старорусским воинским уездным начальником, получаемое содержание было меньше: *«жалованья 687 р., столовых 1095 р., квартирных 400 р., разъездных 300 р., добавочных 480 р.»*, т.е. всего

в год 2962 р. Узнала, что в 1909 г. была проведена реформа зарплат в сторону повышения. Но интересно сравнить зарплаты разных категорий, чтобы понять уровень жизни того времени.

По данным счётной палаты (СП) данные по заработной плате рабочих в дореволюционной России на конец 1870 гг.: *«Средний годовой заработок рабочего в Москве в то время равнялся 189 руб., в месяц выходило по 15,75 руб. В последующие годы из-за наплыва в города бывших крестьян заработки стали снижаться, и только с 1897 г. начался их устойчивый рост... В 1900 г. в Петербургской губернии средняя зарплата рабочего составляла 21 руб. в месяц, а по империи - 16,18 руб. С 1909 г. заработки стали резко расти. СП перевела величину зарплат на нынешние рубли. Так, зарплата дворника в 1913 г. составляла 18 руб. в месяц, что в пересчете на современные деньги составляет 27,2 тыс. руб., в то время как зарплата полковника составляла 325 руб., что бы сейчас составляло 492 тыс. руб.»* Источник: Вести Экономика 02.09.2016.

А вот данные из Страницы истории России. *«В армии офицерские жалования в начале XX века в Российской Империи после повышения в 1909 году были следующие. Подпоручик имел оклад 70 рублей в месяц, плюс 30 копеек в день за караульные и 7 рублей доплату за наём жилья, итого всё вместе рублей 80. Поручик получал жалование в размере 80 рублей плюс те же квартирные и караульные ещё рублей 10, в сумме 90 рублей. Штабс-капитан получал оклад от 93 до 123 рублей, капитан - от 135 до 145 рублей, а подполковник от 185 до 200 рублей в месяц. Полковник Царской армии получал от Государя жалование в размере 320 рублей в месяц, генерал в должности командира дивизии имел оклад 500 рублей, а генерал в должности командира корпуса – 725 рублей в месяц.»* Судя из вышеприведённых документов зарплата складывалась из различных статей.

Интересно, что приведённые выше задокументированное жалование моих предков примерно соответствует этим данным. И несмотря на такой высокий пост и уровень жиз-

ни, воинский долг и честь потребовали участия прадеда в боевых действиях!

Возвращаясь к отправке на фронт: 7 апреля 1915 был издан документ на имя начальника 4-й Финляндской стрелковой бригады: «*Высочайшим приказом 7 апреля, числящийся по армейской пехоте, Вологодский уездный воинский начальник Полковник фонь-Копшталъ, вследствие Вашего на то согласия, переведён в 16-й Финляндский стрелковый полк*».

Удивительно держать такие документы в руках, особенно документы более чем столетней давности, касающиеся твоих родных, видеть подлинные документы, написанные их рукой, видеть их подписи. И такие документы можно найти и почитать, приблизив историю и ощутив её дыхание. Как здорово, что они хранятся в архивах и их можно найти, т.к. архивы открыты! А открыты они не только для историков, но и для всех нас всего 20 лет назад! И это документы, которым можно верить на 100%. В отличие от послереволюционных.

Из воспоминаний деда: «...при отступлении с Карпат был ранен в грудь навывлет».

Из послужного списка прадеда следует, что он «*9 мая 1915 г. прибыл в полк и вступил во временное командование 1 батальоном. А уже 19 мая был эвакуирован из полка раненым¹². За отличие в делах против неприятеля награждён орденом Св. Станислава 2-й ст. с мечами.*»

«С февраля по апрель 1915 г. находился в 2-месячном по болезни отпуску и отправлен на излечение в Петроградский военный госпиталь, с мая по июнь находился на излечении в лазарете Большого Дворца в Царском Селе.»

Всего 10 дней на фронте - и серьёзное ранение.

А вот воспоминания деда: «*В мае 1915 г. он (отец) пребывает в Петербург и помещается в госпиталь Царского села при Голицинском дворце.*

Не помню, с какого вокзала я встретил его раненого, на железной дороге. Сам я отправился в ту же дивизию, где служил отец, а именно в 4 Финляндский артиллерийский стрелковый Дивизион. Путь был через Львов, и здесь я впервые услышал грохот канонады.

Встретил дивизион отступающим у дер.

Бобрка Галицийского фронта¹³ и сразу был назначен в 3-ю батарею. Мои вещи из тыла переводят в офицерскую квартиру, а мне из-под унтерверка дают коня, и под разрывы шрапнели принимаю командование взводом; первый раз вижу кровь на крупах лошадей упряжки, раненых шрапнельными и разрывными пулями.

Пули свистят вокруг, когда мы берём подъём; после спуска в лощину сразу становится спокойнее.

На ночь занимаем позиции в простом жилище, и я в первый раз ночью в блиндаже на скатанном мешке... Далее обычная комиссия отступательного боя. Приходилось отстреливаться и на картечь, а орудия подавать к передкам на руках.

В июле 1915 г.¹⁴ закрепились на позициях, но нашу дивизию перебрасывают на Киевское направление.

Выгружаемся в Вильно¹⁵, и располагаемся на несколько дней под городом для приведения дивизии в боевую готовность. Ездим в Вильно, развлекаемся по ресторанам.

Погрузка и едем в Ковно¹⁶, но в пути неожиданно узнаём об окружении Ковно¹⁷; нас разгружают и боевым походным маршем по богатой польской земле в Ковно (особенно меня поразили не сами фольварки польских помещиков, а замечательно оборудованные конюшни).

На пути нам встречаются отступающие наши части; говорят, что Ковно отдано немцам; мы разворачиваемся, и в бою у дер. Тастки (Тасейки?) из трёх батарей нашего дивизиона две были окружены немцами, а от первой батареи, где был я, остались 2 орудия - остальные были подбиты.

Здесь меня ранило и контузило; я был вывезен на передке и далее эвакуирован в Петербург.

Так как наши были в это время в Евпатории, где отец проживал после ранения в лёгкое, то я находился у полковника В. Попова при Академии Генерального штаба на Суворовском проспекте. Тут появилась его племянница Анна Константиновна - студентка математического отделения Бестужевских курсов¹⁸ и хорошенькая девушка; у меня с ней

завязался роман, который мог бы закончиться женитьбой, но дальше в жизни было много событий, и это расстроилось.

Мать из газет¹⁹ узнала, что я ранен и эвакуирован в Петербург, приехала из Евпатории, и я вместе с ней получил направление на лечение там же, где отец.

В октябре 1915 мы вернулись в Петербург, и я отправился обратно на фронт».

Из документов прадеда: «с 30 июля по 12 октября находился на излечении в санатории её Императорского Величества в г. Евпатория»; «12 октября 1915 г. комиссией при Царскосельском Особом эвакуационном пункте причислен к 3 классу раненых».

Полное подтверждение воспоминаний, написанных через 40 лет! Какие потрясающие совпадения, а вернее память!

То есть и дед и прадед оба были ранены в 1915 г. Находились на лечении сначала в Петрограде в Царском Селе, потом в Евпатории на долечивании, а осенью отправились опять на фронт. Дед – в октябре, а прадед в конце ноября.

Прадед, согласно документам, 22 ноября 1915 г. вернулся на фронт, «прибыл в полк по выздоровлении и назначен командиром 3 батальона. В апреле 1916 Главкомандующим армиями Ю.-З. фронта²⁰ допущен к командованию 450-м пехотным Змиевским полком²¹».

И опять дневник деда:

«По пути в свою часть я попал в штаб 7 армии генерала Щербачёва²². Штаб находился на р. Сбруче в замке графа Глуховского уже на нашей границе в местечке «Гусятин». Там я встретил полковника Бендерского, который дальше меня не пустил и устроил офицером оперативного отделения по шифрованию. Время здесь проводил так, что войны не чувствовал. Командировки в Ровно, в штабы корпусов и в дивизии армии на автомобиле «Паккард» и «Диксмобил»; хорошая обувь и интересное общество: фон Мекк, дочери Щербачёва, капитан Ширинский; игра в теннис и катание на велосипедах.

Правда, в это время была зима 1915/1916 гг., и была она спокойной, без активных мер с нашей стороны и со стороны противника.

Весной 1916 г. мне надоело и я отправился

через голову генерала Щербачёва²³ на фронт - он меня не хотел отпускать, виной чему была одна из его дочерей²⁴».

О Генерале Щербачёве можно найти множество материалов, он был не только видным участником Первой мировой войны, но в годы Гражданской войны стал видным деятелем Белого движения. Но как же интересно было встретить его имя и узнать о нём из воспоминаний деда, о том, что не прочтёшь в официальных источниках, в том числе о семье и досуге офицеров. Кто знает, что бы произошло с дедом, останься он в штабе и продолжив дружбу с семьёй генерала. Судьба распорядилась по своему. Один - умер в Ницце, а другой, пройдя Гулаг, - в Петербурге.

Продолжу повествование деда:

«Всё же мне удалось выбыть, и в Петербурге я представился во 2-й Гвардейский Мортирный Дивизион²⁵, который как раз формировался в Новом Петергофе. Меня приняли, но произошло это до приказа по Гвардии, поэтому я отправился обратно на фронт в 4 Финляндский артиллерийский стрелковый Дивизион.

Дивизион находился в районе Пинских болот²⁶, куда я приехал в июне 1916 г.; с июня по август 1916²⁷ были тяжёлые бои на Стожде в районе Синки-Мажвича "tete de pont" (?), и нам, артиллеристам, приходилось по мосткам переходить на другой берег Стоджа под огнём неприятеля.

Батарей стояла на плотках, сделанных из брёвен, иначе орудия уходили в болото по ступицу, а окопы были укреплены дёрном (вода была на пол-ладони от земли). Наблюдательные пункты приходилось устраивать на деревьях. Дожди, сложности и болотная вода...

Много погибло людей и от боёв и от кишечного мора. Сюда были брошены отборные части сибирских и финляндских стрелков, но всё было напрасно, несмотря на большие потери и частные атаки мы дальше "tete de pont" не продвинулись.

Ездил верхом в Мажвиче и там попал под обстрел, бомбили с аэропланов. Две наши лошади были убиты, а мы спаслись тем, что отлёживались в канаве; налёт немцы провели

на санитарный поезд и на госпиталь.

Я заболел ревматизмом и был эвакуирован в один из госпиталей, расположенных в особняках Царского села. Время проводил неплохо; флирт с мед. сёстрами, поездки в Петербург, Астория и прочее; ещё я знаюсь с Анютой, племянницей полковника Попова.

В октябре 1916 г. я выехал на фронт в Лейб-Гвардии 2-й Мортирный Артиллерийский Дивизион.

Гвардия тогда стояла на Холмском направлении - «Ковль-Холм²⁸». Я был принят в 3-ю батарею. Командир Дивизиона – полковник Шерпантье²⁹, адъютант – поручик Шишко.

Командир 1 батареи – полковник Богданов, поручик Андреев, поручик Руднев.

Командир 2 батареи – полковник Альтфатер³⁰, поручик Петров, поручик Плущевский-Плущик, Молов? – фамилию забыл, родом украинец из Полтавы.

Командир 3 батареи – полковник Шпигель³¹, штабс-капитан Уркижевский, поручик Хунковский, подпоручик Скадовский, прапорщик Яцыпа и я, и прапорщик Кизирня.

Зима 1916/1917 гг. До января прошла спокойно, в позиционной войне. Время проводилось неплохо: великолепный повар, общество аристократических медсестёр, ужины с коньяком «Жоффер» и шампанским «Ази»... (Кто знает и помнит такие напитки?)

В феврале 1917 получаю командировку в Петербург и здесь встречаю революцию.

Уцелел случайно³², вероятно по той причине, что выехал по окончании командировки обратно в часть.

В вагоне было всего 2 человека, один – полковник, который страшно боялся, что его арестуют, и я. Всю дорогу на станциях – новости, отречение Николая Второго и Михаила, приказ об утверждении Временного правительства.

Ехал в каком-то непонятном состоянии, теперь совершенно не помню, как добрался до дивизиона. Здесь тоже новости: полковник Альтфатер сбежал, испугавшись революции. Но солдаты пока дисциплинированы и ведут себя настолько хорошо, что 25 марта в день праздника дивизиона им устроили вечер, и я ездил в Киев к деду Доможирову за продук-

тами и вином. Праздник прошёл хорошо: был тёплый, прямо летний день...

На позиции «Звизячи» простояли до апреля-мая. Потом произошли следующие изменения. Ушёл полковник Шерпантье, его место занял полковник Богданов, место которого принял полковник Альтфатер, а я получил командование 2 батареей».

Интересно, что здесь сведения из Википедии и воспоминания деда впервые вдруг не совпадают. «Командиры дивизиона: ???.03.-24.12.1916 г. – полковник Шарпантье Федор Федорович

24 декабря 1916 – декабрь 1917 гг. – полковник Басков Илья Владимирович.³³

???.12.1917-???.03.1918 гг. – полковник Миллер Василий Александрович³⁴»

А в воспоминаниях деда полковник Шарпантье Федор Федорович ушёл с этого поста в апреле-мае 1917 г. Где же правда? Видно, что в это время уже трудно было проследить за изменениями, так быстро развивались события. Что касается Баскова И. В. Его имя не встречается в воспоминаниях, что очень странно, т.к. дед подробно описывает это время и имена всех командиров и сам получает командование 2 батареей. Обычно на эту должность назначались полковники, а он был штабс-капитан (ему всего лишь 20 лет!) Тем более события относятся к «Корниловскому наступлению», которое описано подробнейшим образом. Может дед перепутал и вместо Богданова был Басков. Вот и историческая интрига. В.А. Миллер и его командование с декабря 1917 г. по март 1918 г. вообще не фигурирует в воспоминаниях. Впрочем, в это время дед уже сложил с себя обязанности по службе и находился в Киеве. Сам Миллер В.А. был арестован, а затем расстрелян в 1919 г. Но показания Миллера В.А. очень интересны и характеризуют «красный террор». Его биография очень характерна для этого времени и тех, кто начал сотрудничество с РККА.

Опять воспоминания: «Вот тут и начались разные приключения: происходило постепенное разложение солдат, появились солдатские депутаты, а фельдфебель моей батареи Котов решил захватить командование. Пришлось под угрозой револьвера перед

всей батареей засадить его в карцер, а затем переслать в тюрьму...

Батарея была обстреляна ядовитыми газами – синильной кислотой, но обошлось без жертв...

Отец прислал мне с ординарцем верховую лошадь «Ласточку» - резвая, хорошая кобыла. В это время отец был начальником штаба бригады в Кременце³⁵, я к нему ездил верхом и осматривал дворец князей Вишневецких³⁶ - уникальный по представленной коллекции гравюр, с богатым паркетом. Отец жил на квартире у раввина, и я в субботу присутствовал на богослужениях - масса евреев в лапсердаках и цилиндрах...

В мае получили распоряжение походным порядком отправиться на юго-западный фронт. Двигались чудными украинскими ароматными ночами, днём скрывались в лесах. Не помню, через сколько дней подошли к Тернополю и здесь в районе Грезжин (?) встали на позицию для участия в июльском (июньском) прорыве 1917 г.³⁷ На участке в несколько километров артиллерии было огромное количество. Здесь встретился с офицерами 4 Финляндского артиллерийского стрелкового Дивизиона, Лейб-Гвардии 1-й Артиллерийской бригады – Мишей Розенбергом, Лейб-Гвардии Московского полка – Сашей и Володей Салако-Петрицевым. С ними мы росли детьми в Лейб-Гвардии Московском полку...

После трёхдневной артиллерийской подготовки все заграждения противника были сметены, окопы засыпаны, и пехота без огня заняла рубеж противника. Немцы были так травмированы огнём, что забились в свои мелкие норы и вели себя как «некормленные».

После прорыва продвинулись на 50-70 км. Даже было несколько рек.

Но затем пошёл дождь, который лил в течении 2-х суток, преследование прекратилось, прекратился и наш прорыв (мы дошли до Черновиц³⁸ и уже входили в Карпаты). С большой поспешностью мы отступили назад до 100 км к нашей границе, пройдя 100 км за одну ночь – было настоящее бегство. Как оказалось, мы попали в мешок, с севера и с юга были сплошные пожарщица; прошли Зла-

ту Липу³⁹, прошли Гнилу Липу⁴⁰ и за Збручем⁴¹ остановились в районе Кишинёв-Львовский (?) губернии, в южной её окраине.

Встали на позицию; наблюдательный пункт был за деревней на горе. Время было дождливое, и снова началась позиционная война. Солдаты ещё слушались приказа, и особенно разложения армии не чувствовалось...

Природа этой местности чрезвычайно богатая, кукуруза такой высоты, что скрывает всадника, гречиха – как наша рожь. Хуторяне, несмотря на войну, жили в довольстве и встречали нас очень радушно; если мы заходили в хату, то старались угостить, чем только можно...

С наблюдательного пункта я часто пристреливался по окопам противника и держал его в страхе...

Мы были отправлены в район штаба 7-й армии под Умант и проходили по сказочно богатому краю. Масса фольварков, которые охватила паника, - помещики покидают их родовые гнёзда...

Поместья очень богаты, во многих имелись биллиардные комнаты размером 50-60 кв. метров, по стенам мягкие диваны, а посередине – биллиард; дубовые столовые, хрусталь, фарфор, картины. Всё это со времён Екатерины II роздано её любимцам. Да, богатая земля и богатые люди...

Было и такое: проходя мимо винокуренного завода, солдаты-пехотинцы так перепилились, что тут же и умирали; насилу дошли к фольварку, принадлежащему помещикам Белянкиным. Этот фольварк (Мытки⁴²) был расположен в углу двух железнодорожных веток (далее рисунок рукой деда: дорога от штаба армии ведёт в Киев, а угол от станции. Между ними фольварк (Мытки), а за ним гора Бар⁴³).

Тут произошло много событий, имевших дальнейшие последствия. Поселились мы в хатах – я, Петров Саня и Плущевский-Плущик. Был уже ноябрь 1917 г., грязь стояла непролазная из-за глинистой почвы. И вот однажды ко мне как к командиру батареи являются выборные от солдат с распоряжением Рев. Воен. Совета двинуться на гору Бар для обстрела штаба армии⁴⁴. Я сказал, что у меня

нет приказа от начальства – командира дивизиона и поэтому отдать приказ о выступлении не могу. Солдаты ушли, и как я услышал по звуку двинувшихся орудий, они самостоятельно отправились на Бар. На следующий день я сложил с себя звание командира батареи, так как мои распоряжения не выполняются и переехал на проживание в фольварк к Белянкиным (муж и жена ещё не уехали, но собирались скоро отправиться в Киев). Хотя ничего предосудительного я не сделал, но находился под негласным надзором. Всё же мне удалось ночью уехать в Бар и, сев там на санитарный поезд, добрался до Киева. Я остановился у своего деда генерал-лейтенанта в отставке Лейб-Гвардии Волынского полка Петра Петровича Доможирова.⁴⁵ Он имел свой домик с садом на Александровском 1, против Арсенала и рядом с домом командующего Киевским Военным округом. Это было в январе 1918.

Находясь в Киеве, я случайно встретился с Белянкиным из фольварка (Мытки), и он познакомил меня со своей родственницей – женой брата – Ниной Анатольевной Белянкиной, урождённой Семёновой. Она была дочерью инженера Семёнова⁴⁶, который строил Исторический музей⁴⁷ в Москве, первый её муж бактериолог (Габричевский⁴⁸). С ней у меня завязался роман; жила она на Николаевской улице в польском пансионе около ресторана «Континенталь».

В Киеве произошло много событий. Плущевский-Плущик попал при облеве в го-стиннице в Александровскую тюрьму, а оттуда возврата не было; всё же удалось спасти через одну сестру-француженку.

Я был остановлен патрулём (в пакете у меня был китель с погонами и револьвер), но меня отпустили – я был в форме рядового солдата...

Возвращаясь к деду, попал под пулемётный обстрел, и над моей головой пули прошили забор под которым я лежал, как решето.

Ночное дежурство на балконе по охране с пулемётом Государственного банка...».

Вот здесь мне хочется прервать повествование моего деда. И рассказать в следующем номере о его судьбе и судьбах остальных чле-

нов семьи после революции. К январю 1918 г. все они пережили многое, но ещё даже не могли себе представить свою будущую жизнь и всё, что с ними произойдёт. Да и кто мог это представить? Такое не могло присниться никому даже в самом страшном сне.

Продолжение следует.

Примечания:

¹ Александровский Императора Александра II кадетский корпус – начальное военно-учебное заведение Российской императорской армии, готовившее детей и подростков к военной службе.

Ведёт своё начало от 3-й Санкт-Петербургской военной гимназии, созданной по предложению военного министра, последнего генерал-фельдмаршала Российской империи Милютин Д.А. в 1873 году. Открытие в г. Санкт-Петербурге третьей военной гимназии было вызвано неотложной потребностью в увеличении контингента молодых людей, подготовленных для поступления в военные училища, необходимостью срочной подготовки для армии офицерских кадров. В 1882 году военная гимназия была преобразована в кадетский корпус, который за заслуги в деле обучения и воспитания кадет в 30-ю годовщину со дня основания 19 февраля 1903 года, был удостоен особой Высочайшей милости, получив новое наименование «Императора Александра II кадетский корпус». Адрес: Садовая ул., 10, г. Санкт-Петербург.

² Учебные заведения, дававшие среднее и высшее военное образование, появились в России в начале XVIII в. Первые такие заведения предназначались для подготовки военных специалистов – артиллеристов, инженеров, моряков.

Михайловское артиллерийское училище и академия (1820-1918). Училище готовило офицеров для артиллерии, академия давала офицерам-артиллеристам высшее образование. Всего за своё более чем 90-летнее существование, училище выпустило свыше 5 тыс. артиллерийских офицеров.

9 мая 1820 г. было основано Артиллерийское училище при Учебной артиллерийской бригаде. В 1834 г. училище было отделено от бригады, в 1849 г. - переименовано в Михайловское артиллерийское училище. В социальном отношении состав училища был преимущественно дворянским. 30 августа 1855 г. офицерские классы училища были преобразованы в Михайловскую артиллерийскую академию. С началом Первой мировой войны занятия в академии были прекращены и возобновились летом 1917 г. Академия в 1918 г. вошла в со-

став военно-учебных заведений РККА (с 15 марта 1919 г. - Артиллерийская академия РККА). Училище было формально расформировано 11.1917, а 14.02.1918 года Народный комиссариат по военным делам издал приказ об открытии на базе расформированных 12-и бывших военных училищ командных курсов РККА. Фактически же была произведена реорганизация Михайловского училища в 1-е Советские артиллерийские Петроградские командные курсы. Первые массовые репрессии начались уже в июне 1918 года. Тотальные же чистки профессорско-преподавательского состава и обучающихся проводились в 1930—1931 годах по так называемому «Гвардейскому делу» (делу «Весна») и весной-летом 1938 года. Адрес: *Арсенальная наб., 17, Санкт-Петербург.*

³ Долго не понимала, почему дед называл себя «**юноша Остоя**». Видимо он относил себя к рыцарскому клану Остоя. Клан Остоя (древний польский: Ostoya) была мощная группа рыцарей и лордов в конце средневековья Европы. Клан охватывал несколько семей в Речи Посполитой, Верхней Венгрии (Словакия), Венгрии, Трансильвании, Белоруссии, Украины и Пруссии.

Герб Остоя один из самых древних рыцарских гербов Польши. Свою историю герб начинает отсчитывать с 1069 года. От рода Остоя берут начало многие знатные шляхетские роды и не только в Польше, а по всей Восточной Европе, а также русско-шляхетские роды Литвы, Украины (Малороссии), России. Можно действительно говорить о рыцарском клане Остоя, игравшем определенную политическую роль в жизни восточноевропейских государств средневековья. Герб используют около 500 родов, среди которых бароны и дворяне. Они имеют один и тот же герб и используют имя клана, поддерживая друг друга.

Роду фон Копштал дано было право пользоваться этим гербом. На протяжении всей дореволюционной истории фон Копштал относились к польскому дворянскому сообществу только географически – по имени, которое находилось на краю Витебской губернии в 5-10 км от территории российских губерний (Витебская была до конца 18 века польской территорией). Все дворянские дела велись в Витебске. Происхождение рода скорее всего относится географически к Прибалтике (остзейские немцы). Внесены во вторую часть родословной книги Витебской губернии Российской империи.

⁴ «*Мать, сестра и бабушка путешествуют по Швейцарии*». Это было последнее их путешествие за границу.

Бабушка Анна Петровна Шебаршина-урожд. Доможирова, из рода Доможировых. То, что я знаю на сегодня:

Доможировы – русский дворянский род, происходящий из Новгорода. Михаил Константинович Доможиров владел поместьями в 1500 году. В XVII веке многие Доможировы были стольниками, воеводами и стряпчими. Род Доможировых внесен в 6-ю и 2-ю части родословных книг Московской, Нижегородской, Новгородской, Смоленской, Тамбовской и Тверской губерний.

В Тверской губернии было два рода Доможировых, оба они были внесены в 6-ю часть дворянской родословной книги.

Анна Петровна происходила из поместных в Ржевском уезде Тверской губернии. Род вела от Ивана Ивановича Меньшого (упом. в 1657 г.) и его жены Анны Авистровой. В седьмом колене.

В роду практически все были военные. Один из них – брат её прадеда Дмитрий Андреевич – русский полярный гидрограф, капитан генерал-майорского ранга (1797), исследователь Белого моря. В 1778-79 гг. описал (вместе с П. И. Григорковым) Терский берег Белого моря. В 1780-82 гг. дважды переходил из Архангельска в Кронштадт; затем переведен на Азовское море. Участник Русско-турецкой войны 1787—1791. В ноябре 1793 за беспорочную выслугу в офицерских чинах, участие в 18 шестимесячных морских кампаниях удостоен Ордена Святого Георгия 4 класса. В 1788-94 гг. был капитаном Севастопольского порта. Награжден орденом Св. Владимира 3-й степени (1793) за «ревностное и усердное старание в исправлении и снабжении флота в Севастополе». В 1795-1798 – командовал флотской береговой командой в Херсоне. Произведен в капитаны генерал-майорского ранга (24 сентября 1797). С января 1802 – в отставке.

Анна Петровна Доможирова, род. 20.06.1852 г. Её родители – Петр Васильевич, род. 19.06.1818 г., подполковник корпуса лесничих и Екатерина Егоровна Извольская. В семье было 8 детей.

У них были владения в Ржевском и Осташевском уездах Тверской губернии, которыми до этого владел его отец – Василий Степанович.

Вышла замуж за **Николая Степановича Шебаршина (1839-1907)**, в то время капитана пехотного батальона.

Мать – Анна Николаевна фон Копштал урожд. Шебаршина, родилась в Ст. Руссе 9.12.1877. Умерла в 1961 г. в Москве.

Сестра – Екатерина Константиновна Акинфиева, урожд. фон Копштал, родилась в Ст. Руссе 11.10.1899 г.

⁵ Первая мировая война началась 28 июля 1914. 31 июля в Российской империи объявлена всеобщая мобилизация в армию.

⁶ **Михаил Михайлович Розенберг** (1896-

1981) – советский инженер, конструктор артиллерийского вооружения. С 1920 года служил в артиллерийской школе. В 1920-е годы разработал планшет для стрельбы по цели и корректировки огня. С 1930-х годов работал в специальных КБ. Вместе с братом Владимиром участвовал в разработке нескольких образцов пушек, стоявших на вооружении в Великую Отечественную войну. Был одним из первых разработчиков ракет, запускавшихся с подводных лодок. Был награждён двумя Сталинскими премиями и первой степени (1943, 1950) – за разработку новых образцов артиллерийского вооружения и за работу в области вооружения.

Его отец – **Михаил Фёдорович Розенберг** (1861—1928) – военный инженер, конструктор артиллерийского вооружения, генерал-майор (1910), Герой Труда Красной Армии (1927), был крупным конструктором (пушка его конструкции находится в экспозиции Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге).

Это ветвь баронов Розенбергов, которые переехали в Новгородскую область благодаря старшему из сыновей Петра Карловича Розенберга – Василию Петровичу, по долгу военной службы получившему командировку в Новгород. Выйдя в отставку поселился в Крестцах, купил имение недалеко от реки Исты и уговорил приехать на жительство и своих братьев – Федора Петровича и Александра Петровича. Братья Розенберги и их потомки были богаты. Так, например, В.П. Розенберг имел в Крестецком уезде 11075 десятин земли (1906 г.), имение Васильевна Пожарской волости. У его жены тоже было имение и 30 душ крепостных (1857 г.). А.П. Розенберг имел 569 десятин земли (1884 г.). Фёдор Петрович занимал должности мирового посредника, члена мирового съезда Крестецкого уезда, члена земской управы, скончался молодым в 1878 г., оставив сыновей Сергея и Михаила и 4 дочерей. В воспитании малолетних Сергея и Михаила Розенбергов большое участие принял дядя Василий Петрович. Он определил мальчиков в кадетский корпус, а затем они окончили Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Молодые люди продолжили семейную традицию, которая вошла в семью Розенбергов от их деда Петра Карловича. Эту же традицию продолжили и правнуки – Михаил и Владимир.

⁷ **Николаевская Академия Генерального штаба**, *Суворовский пр.* 32. При разработке проекта новых зданий (1900 г.) в основание приняты... «е) возможность военных развлечений: стрельба, фехтование, верховая езда и пр., для чего имеется обширный плац, просторные залы».

⁸ 12 июня 1798 года в Санкт-Петербурге открылся **Екатерининский институт** для благород-

ных девиц. Располагался в здании на Фонтанке-36 (сейчас здесь находится филиал Публичной библиотеки). Пансион оплачивали родители девочек или состоятельные покровители. Осиротевшие дворянки учились за казенный счет.

⁹ **Первый кадетский корпус** открыт 7 февраля 1732 года. Инициатива создания в России кадетских корпусов для дворян принадлежала графу П. И. Ягужинскому. Указом императрицы Анны Иоановны Сенату от 29 июля 1731 года предписывалось учредить Кадетский корпус. Под его размещение был передан Меншиковский дворец на Васильевском острове. Первые кадеты явились в корпус 17 февраля 1732 года в количестве 30 человек; в июне было уже 223 российских кадета, 27 эстляндских, 16 лифляндских и 16 детей офицеров-иностранцев, находившихся на русской службе. В Санкт-Петербургском кадетском корпусе существовали **Общество любителей российской словесности** и один из первых русских любительских театров в 1740-1750-е годы. Кадетский корпус в 1918 году был упразднён. Адрес: *Кадетская лин. ВО, 1*

¹⁰ **Павловское военное училище** (1894 - 6 ноября 1917) – пехотное военное училище Российской империи, в Петербурге; Создано по указу Императора Александра II из специальных классов Павловского кадетского корпуса, передавшего училищу своё знамя. Обучение было двухгодичным. В училище преподавались следующие предметы: тактика, военная история, артиллерия, фортификация, военная топография, законоведение, военная администрация, Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, механика и химия. За 50 лет существования училище подготовило 7730 офицеров, 52 выпускника стали кавалерами ордена Святого Георгия, 124 выпускника погибли на полях сражений. К 1913 году 1/4 состава наличных офицеров Генерального штаба состояла из бывших «павловцев». 6 ноября 1917 года училище было расформировано. До 1887 г. помещалось в здании 1-го кадетского корпуса. (на Васильевском острове), это год окончания училища К.А. Копшталъ.

¹¹ **Николай Степанович Шебаршин 22.02.1839**, из дворян Новгородской Губернии. В службу вступил 11.04.1856 унтер-офицером в Гренадёрский, его Величества короля Прусского резервный полк, в 1865 г. переведён в 1 Финляндский полк, Белозерский уездный воинский начальник (1873-1875), Крестецкий уездный воинский начальник (с 20.10.1875), Старорусский уездный воинский начальник (с 1885 г.). В 1889 г. за отличие по службе произведён в полковники.

Кавалер орденов: Св. Станислава 3 степени (22.10.1859), Св. Анны 2 степени (30.08.1878), Св.

Станислава 2 степени (6.02.1864), Св. Анны 2 степени (30.08.1889).

Женат вторым браком на дочери коллежского Советника (по табелю о рангах VI класс, соответствующий полковнику) **Анне Петровне Доможировой**. От первого брака – **сын Шебаршин Николай Николаевич**, род. 12.09.1864, от второго брака дочь **Анна Николаевна** род. 9.12.1877 г. (моя прабабушка). Умер в Петербурге в 1907 г.

¹² Судя по всему, К.А. Копшталь был ранен во время **Горлицкой операции**, начатой Макензеном 2 мая 1915 г. – первом тщательно подготовленном наступлением германской армии на Восточном фронте, который на время стал для немецкой Ставки главным театром военных действий. Операция была «артиллерийским наступлением» — против 22 русских батарей (105 орудий), а Макензен имел 143 батареи (624 орудия, включая 49 тяжёлых батарей, из которых 38 тяжёлых гаубиц калибра 210 и 305 мм). Русские же на участке 3-й армии имели только 4 тяжёлые гаубицы. Всего превосходство в артиллерии в 6 раз, а по тяжёлой артиллерии в 40 раз. За шесть суток глубина прорыва достигла 40 км.

¹³ Дед попадает на фронт во время **Великого отступления в 1915 году**, когда войска немецкой армии после десятидневного штурма овладели городом и крепостью Ковно. Большое отступление стало тяжёлым моральным потрясением для солдат и офицеров русской армии. В 1915 году Россия в среднем за месяц теряла убитыми, пленными и ранеными 207 тысяч человек, что за 5 месяцев Великого отступления даёт 1,035 млн человек.

Атмосферу отчаяния и упадка душевных сил, охватившего русскую армию в 1915, передал генерал А. И. Деникин в своей книге воспоминаний «Очерки русской смуты»: *«Весна 1915 г. останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия русской армии – отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изю дня в день кровавые бои, изю дня в день тяжкие переходы, бесконечная усталость – физическая и моральная; то робкие надежды, то беспросветная жуть...»*.

¹⁴ Бои в Галиции возобновились с новой силой 15 июля, после тяжёлых боев русские войска отступили на линию Ивангород – Люблин – Холм. **Галиция** – историческая область в Восточной Европе, примерно соответствует территории современных Ивано-Франковской, Львовской и большей части Тернопольской (кроме северных районов) областей Украины и югу Подкарпатского воеводства Польши (Перемышльская земля).

¹⁵ После третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году вошёл в состав России, где до 1918 года именовался **Вильна**. С 1920 по 1939 год под названием Вильно входил в состав Польши. С

1939 стал столицей Литовской Республики (впоследствии Литовской ССР) под названием Вильнюс – столица и крупнейший город Литвы.

¹⁶ Ковенская губерния – одна из северо-западных губерний Российской империи. Губернский город – **Ковно** (ныне Каунас).

¹⁷ В течение лета 1915 года Русская армия под натиском превосходящих австро-германских сил в ходе стратегического отступления оставила австрийскую Галицию, часть Прибалтики, русскую Польшу. Однако, благодаря отступлению, русские армии избежали окружения и разгрома. После того, как 22 августа германские войска взяли русскую крепость Ковно, 10-я германская армия продолжала наступать с целью обойти Вильно и окружить 10-ю русскую армию. Здесь завязались ожесточённые встречные бои, в которых русские войска сумели удержать свои позиции. Наступление немцев было оставлено.

¹⁸ **Бестужевские курсы** – высшие женские курсы в Санкт-Петербурге (1878-1918). Одно из первых женских высших учебных заведений в России. В 1918 году Петроградские Высшие женские курсы закончили свое существование. За 32 выпуска – первый выпуск был в 1882 г., а 32-ой – в 1916 г. Высшие женские (Бестужевские) курсы окончили 6933 человека. Здание для Бестужевских курсов на 10-й линии Васильевского Острова (дома 31-35) было построено в 1885 году.

¹⁹ Интересно, что в газетах печатались списки. Из них можно было узнать, что происходит с родными, и найти их! Не нашла про деда, а вот про К.А. Копшталь нашла: *Газета «Русское слово». Четверг, 28-го мая 1915г. N 121. «Убитые и раненые в боях. Сведения особаго отделения. От особаго отделения главного штаба по сбору сведений о потерях в действующих армиях.» «Помещены в 4-й эвакуационный госпиталь военного ведомства, Ходынка, Николаевская казармы: Полк. Копшталь Константин Андреевич»*. Полный учёт и информация. Это для сравнения со Второй Мировой.

²⁰ Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, в период 19.07.1914 - 17.03.1916 – генерал от артиллерии Иванов, Николай Иудович.

²¹ **450 пехотный Змиевский полк** входил в состав XVI Армейского корпуса (генерал-лейтенант В.М. Драгомиров). Туда входили в том числе пехотные полки и дивизии, артиллерийские бригады, мортирный артиллерийский дивизион и саперный батальон, Оренбургский казачий полк, Донская казачья сотня.

Интересны воспоминание бывшего старшины царской армии Ивана Калинович, служившего в этом полку. *«Наши 450 пеший Змиевский полк в*

начале 1916 г. был укомплектован каспийскими рыбаками. Они были высокие, широкоплечие и поющие. Были старой веры... Надо было держать их «разумно-сурово». Командиром полка был фон Копиталь. Он и генерал Щербачев были женаты на сестрах. Генерал Щербачев командовал 7-й армией.» Подтверждения тому, что они были женаты на сёстрах пока не нашла. Но вполне вероятно, что они были в родстве. Эти интересные воспоминания, написанные через 50 лет после событий, относятся к боям за гору Лысоня. Ожесточенные бои между российской армией с одной стороны и полком украинских сечевых стрельцов и австро-венгерскими боевыми отрядами - с другой, которые состоялись в августе-сентябре 1916 года. В ходе битвы полк УСС потерял большую часть своего состава, однако выполнил свою задачу - остановил наступление русских войск на Бережаны. Российские войска понесли тяжелые потери.

22 **7-я армия** – общевойсковое оперативное, ранее стратегическое, объединение (формирование, армия) вооружённых сил Российской империи, во время первой мировой войны в Русской Императорской Армии. Армия участвовала в Галицийской операции (1914-1915 годов), оборонительных боях в ходе ликвидации Горлицкого прорыва австро-германских войск (1915 год), Брусиловском прорыве (1916 год), боевых действиях на реке Стрыпа, под Львовом, в районе Бучач – Галич – Тернополь (1916-1917 года) и летнем наступлении войск Юго-Западного фронта 1917 года.

23 **Щербачев Дмитрий Григорьевич** – (6 (18) февраля 1857 – 18 января 1932, Ницца) русский военачальник, генерал от инфантерии. Участник Первой мировой войны. В годы Гражданской войны видный деятель Белого движения.

Из дворян. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1876) и Академию Генштаба (1884). В 1901-06 командовал полком, стрелковой бригадой. В 1907-12 начальник Академии Генштаба. С 1912 командир 9-го армейского корпуса, который в начале 1-й мировой войны 1914-18 участвовал в Галицийской битве и занял Львов. В апреле-октябре 1915 командующий 11-й, а в октябре 1915 года был произведён в генералы от инфантерии, назначен генерал-адъютантом и командующим 7-й армии Юго-Западного фронта. Под его командованием 7-я армия одержала ряд побед на реке Стрыпе во время Брусиловского наступления летом-осенью 1916 года.

После Февральской революции, в начале апреля 1917 года, был назначен помощником короля Фердинанда I, главнокомандующего армиями Румынского фронта, созданного в декабре 1916 г. в

связи с разгромом румынской армии и необходимостью предотвратить угрозу для южных российских территорий. В подчинении у него находились четыре русские и две румынские армии.

После Октябрьского вооружённого переворота в Петрограде генералу Щербачёву удалось на некоторое время сдержать разложение войск фронта под воздействием революционных событий и большевистской агитации. Щербачев добился того, что фронтовой комитет 30 октября 1917 принял решение о непризнании советской власти.

В начале ноября 1917 г. в Яссах из офицеров, не признавших введение выборного начала в армии и украинизацию местных воинских частей, была создана организация, целью которой стало формирование надёжного отряда, способного стать основой для создания новой всероссийской армии. Организация эта впоследствии объединила не только офицеров, но и солдат. Её работой в первое время руководил сам генерал Щербачёв.

В конце 1917 года была налажена связь между штабом фронта и генералом М. В. Алексеевым, прибывшим на Дон, куда стекались противники советской власти. В результате на Румынском фронте возникла идея о создании Корпуса русских добровольцев для последующей его отправки на Дон.

В декабре 1917 Румынский и Юго-Западный фронты были объединены под его командованием в Украинский фронт, который занял контрреволюционную позицию и до января 1918 подчинялся Украинской директории.

В феврале 1918 заключил в Фокшанах перемирие с Германией, а в марте 1918 дал согласие на ввод румынских войск в Бессарабию. Пытался сформировать 6 корпусов по национальному признаку (2 польских, 2 украинских, русский и мусульманский) и использовать их в контрреволюционных целях, но потерпел неудачу. 18 апреля 1918 Щербачёв отказался от должности и сообщил об этом союзным послан в Яссах. После этого он уехал в имение, предоставленное ему румынским королем.

В апреле 1918 создал в Париже представительство Добровольческой армии, которое оказало некоторую помощь в снабжении Антантой белогвардейцев, но потерпело неудачу в формировании белогвардейских частей в Чехии и Сербии из русских военнопленных и добровольцев.

В ноябре 1918 после капитуляции Германии прибыл в Бухарест, где вступил в переговоры с представителем союзного командования ген. А. Бертело. На этой встрече Щербачёву был вручён Большой крест Почетного легиона.

30 декабря 1918 прибыл в Екатеринодар, где был назначен военным представителем русских

армий при союзных правительствах и союзном Верховном командовании. 3 января 1919 встретился с атаманом Красновым, договорился с ним об объединении сил Донской армии Краснова и Добровольческой армии Деникина. После окончания Гражданской войны активной роли не играл.

В 1920 году переехал в Ниццу, где жил на пенсию, назначенную ему румынским правительством.

Скончался 18 января 1932 года в Ницце. Похоронен с отданием воинских почестей батальоном французских альпийских стрелков на русском кладбище Кокад.

24 О семье Щербачёва узнать было значительно труднее. «Жена – Надежда Александровна ур. Марина (1873-27.08.1962), 4 детей (на 1904-1905): Екатерина (1892-1980), Софья (1894-1989), Александр (1899-1958, Воркута). Окончил Пажеский корпус (1916). С 1917 служил в лейб-гвардии Конной артиллерии. Подпоручик. Личный адъютант начальника Штаба армий Румынского фронта. В 1918 уволен в запас. До мая 1945 жил в Праге. С приходом советских войск арестован и отправлен в заключение в Воркуту. Мария (1903-1972, Прага)». С какой из дочерей был роман у деда? Скорее всего с Софьей, у них разница 2 года. Видимо, вся семья находилась в эмиграции. И ещё интересно! «На внучке генерала Марине Щербачёвой (род. 1945) женился в 1975 году советский чемпион мира по шахматам Борис Спасский, в результате чего он и уехал во Францию».

25 История дивизиона: ??.03.1916 г. – формируется лейб-гвардии 2-й Мортирный артиллерийский дивизион.

3.04.1918 г. – дивизион расформирован (пр. Московского областного комиссариата по военным делам № 139 от 3.04.1918).

Боевые действия:

1914-1918 гг. – Первая мировая война:

16-18.07.1917 г. – вел боевые действия в районе д. Конюхи 26-30.06.1917 г. – вел бои у д. Хоробрув. 12.07.1917 г. – вел арьергардные бои в р-не м. Чертково.

Командиры дивизиона:

??.03.-24.12.1916 г. – полковник Шарпантье Федор Федорович;

24 декабря 1916 – декабрь 1917 гг. – полковник Басков Илья Владимирович;

??.12.1917-??.03.1918 гг. – полковник Миллер Василий Александрович.

26 **Пинские болота** (Припятские болота, Полесские болота) – болота в пойме и первой надпойменной террасе Припяти, расположенные на севере территории современной Украины вдоль

реки Припяти и её притоков и на территории Белоруссии от Бреста до Лунинца. Площадь болот – около 100 000 квадратных километров.

27 Дед приехал на фронт во время Брусиловского прорыва. **Брусиловский прорыв (Луцкий прорыв, 4-я Галицийская битва)** – фронтовая наступательная операция Юго-Западного фронта Русской армии под командованием генерала А. А. Брусилова во время Первой мировой войны, проведённая 22 мая – 7 сентября (по старому стилю) 1916 года, в ходе которой было нанесено тяжёлое поражение армиям Австро-Венгрии и Германии и заняты Буковина и Восточная Галиция. Современники называли летнее наступление на Юго-Западном фронте как «Луцкий прорыв», что соответствовало исторической военной традиции: сражения получали названия согласно местности, где они происходили. Однако А.А. Брусилову была оказана большая честь: боевая операция получила наименование «Брусиловского прорыва».

В ночь на 4 июня 1916 года началась одна из крупнейших наступательных операций русской армии, впервые за весь позиционный период военных действий был осуществлён оперативный прорыв фронта противника. В этот день артподготовкой началось наступление русского Юго-Западного фронта. Основная идея – осуществить несколько прорывов фронта противника в условиях отсутствия общего существенного превосходства в силах.

Русская армия раньше других нашла выход из «позиционного тупика», сумев взломать оборону противника на широком фронте, уничтожив две и разгромив три австро-германские армии. За летние месяцы 1916 года войска А. А. Брусилова взяли в плен свыше 450 тыс. офицеров и солдат, «т.е. столько, сколько в начале наступления... находилось передо мной неприятельских войск, как пишет генерал в мемуарах. «Враг потерял убитыми и ранеными свыше 1,5 млн. человек», но – к ноябрю перед русскими войсками была уже армия в 1 млн. солдат. По российским данным, войска Юго-Западного фронта потеряли убитыми, ранеными и без вести пропавшими около 500 тыс. солдат и офицеров, из которых 62 тыс. были убитыми и умершими от ран, ранеными и больными – 380 тыс., без вести пропавшими – 40 тыс. По немецким данным, потери войск Юго-Западного фронта составили около 800 тыс. человек. Жертвы, принесённые для победы, оказались чрезмерны. Они истощили и обескровили людские ресурсы России и её вооружённые силы. Прорыв, спланированный А.А. Брусиловым, стал последней крупной победой Российской империи, но послужил прологом к разложению действующей армии, и, в конечном счёте, к революционным событиям 1917 г.

²⁸ **Ковель**, являлся ключом ко всему Полесью, город являлся мощным железнодорожным узлом, он прикрывал собою выход на Брест-Литовск, а следовательно, тыл всему южному крылу германского фронта. В Ковеле сходились железные дороги Брест-Литовск – Ковель, Люблин – **Холм – Ковель**, Ярослав – Рава-Русская – Сокаль – Владимир-Волынский – Ковель. Понятно, что этот пункт был очень важен для обеих сторон.

²⁹ **Шерпантье Фёдор Фёдорович** – Православный. Образование получил в Симбирском кадетском корпусе (1893). В службу вступил 01.09.1893. Окончил Константиновское арт. училище (1896). Выпущен Подпоручиком (ст. 08.08.1894) в 1-ю Туркестанскую арт. бригаду. Поручик (ст. 08.08.1898). Штабс-Капитан (ст. 08.08.1902). На 23.05.1903 в том же чине и бригаде. Окончил Михайловскую арт. академию (1903; по 1-му разряду). Капитан (пр. 23.05.1903; ст. 23.05.1903; за отличные успехи в науках). Переведен в л-гв. 2-ю арт. бригаду чином Штабс-Капитана гв. (ст. 23.05.1903). Капитан гв. (ст. 23.05.1907). Полковник (ст. 06.12.1910). Командир 6-й батареи л-гв. 2-й арт. бригады (с 10.03.1912). Участник мировой войны. На 10.11.1914, 04.03.1915 и 02.05.1915 в том же чине и должности. **Командир л-гв. 2-го мортирного арт. дивизиона (25.03.1916-24.12.1916)**. Командующий 20-й арт. бригадой (с 24.12.1916). Ген.-майор (пр. 03.06.1917). Командир 204-й арт. бригады (48-й корпус - ТАОН). Участник Белого движения на востоке России. Летом 1918 — начальник тяжелой артиллерии особого назначения Народной армии Самарского Комуча. В армии адмирала А.В. Колчака также занимал пост начальника тяжелой артиллерии особого назначения в Красноярске (с 25.04.1919). Инспектор по формированию новых частей из французской артиллерии (с 08.08.1919). Начальник отряда тяжелой артиллерии особого назначения, действовавшего против партизан в Енисейской губернии. Эмигрант, проживал в Финляндии. Умер в Хельсинки.

³⁰ **Полковник Альтфатер Борис Михайлович** 09.09.1881 - ? Лютеранского исповедания. Из дворян. Сын генерала от артиллерии Альтфатера Михаила Георгиевича. На 01.01.1909 Поручик л-гв. 3-й арт. бригады. Участник мировой войны. На 22.03.1915 Штабс-Капитан л-гв. тяжелого арт. дивизиона. Капитан (пр. 22.03.1915; ст. 13.08.1913; на вакансию). На 25.03.1916 в том же чине и дивизионе. **Командующий 2-й батареей л-гв. 2-го мортирного арт. дивизиона (с 25.03.1916)**. Полковник (пр. 10.04.1916; ст. 10.04.1916; на вакансию) с утверждением в должности. На 01.08.1916, 22.12.1916 в том же чине и должности. **Брат первого командующего Морскими Силами РСФСР контр-адмирала В.М. Альтфатера (1883-1919)**.

³¹ О полковнике Г. К. Шпигеле я нашла следующие сведения, касающиеся его дальнейшей судьбы. Юг., воевал в Добровольческой армии Вооруженных сил Юга России. Русская армия ген. П.Н. Врангеля в своем составе имела Сводно-гвардейскую пехотную дивизию, сформированную (выделенную) 25 октября 1919 г. из гвардейских частей 5-й пехотной дивизии. Включала в т.ч. отд. артиллер. дивизион (**полк. Шпигель**). В конце августа 1920 г. переброшен в Крым, где был переформирован в Сводно-гвардейский полк. И ещё сведения о полк. Г.К.Шпигеле: в 1924 г. в Париже было основано «Гвардейское объединение». (С 12.1989 «Общество памяти российской Императорской Гвардии»). Зарегистрировано в префектуре 25.12.1924 г. Имело особое «Положение», согласно которому входящие в его состав полковые объединения руководствовались своими уставами и самостоятельно избирали своих председателей, о чем ставили в известность вышестоящее руководство.

В 1950-1966 гг. издавало ежегодный журнал "Вестник Гвардейского Объединения" (вышло 16 номеров по 30 стр.). Зарегистрировано в парижской префектуре полиции. Когда в декабре 1989 г. скончался в Париже полковник Б.Ф. Дубенцев, последний председатель Объединения, оставшиеся в живых офицеры выпусков времен Временного пр-ва и гражданской войны предпочли передать ответственность за сохранение заветов Гвардии представителю более молодого поколения, получившего уже военное образование в чужом государстве, но проработав в рядах Объединения с середины 60-х гг. Название Гвардейского Объединения тогда дополнено словами «Общество памяти российской Императорской Гвардии». В эту организацию входило Объединение Лейб-гвардии 2-го мортирного артиллерийского дивизиона и Председателем его был полковник **Георгий Павлович Шпигель**. Вот так разбросала история командиров дивизиона.

³² **Февральская революция 1917 года** в России (также Февральская буржуазно-демократическая революция, Февральский переворот) – массовые антиправительственные выступления петроградских рабочих и солдат петроградского гарнизона, приведшие к свержению российского самодержавия и созданию Временного правительства, сосредоточившего в своих руках всю законодательную и исполнительную власть в России. 27 февраля (12 марта) 1917 года всеобщая забастовка переросла в вооружённое восстание; войска, перешедшие на сторону восставших, заняли важнейшие пункты города, правительственные здания.

Дед выехал из Петрограда, по всей видимо-

сти, в начале марта 1917 г. И уже тогда, судя по его воспоминаниям начался «красный террор». Фактически он начался с началом февральской революции.

«Красный террор начался не 25.10.17 и не 5.09.18. Большевистский красный террор начался 3.04.17, когда прибывший в Петроград В.И. Ленин провозгласил на площади у Финляндского вокзала: «Да здравствует социалистическая революция!». К середине сентября 1917 г. количество жертв только «самосудов» достигло 10 тысяч... После 25.10.17 г. этот террор, если считать власть большевиков законной, приобрел государственный характер... По подсчетам Питурима Сорокина, первые пять лет «Советской власти» унесли жизни 13 500 000 человек...». (Юрий Дойков «Хроника красного террора» 25 апреля 2008 г.)

33 Полковник Басков Илья Владимирович

Окончил Михайловское арт. училище. На 01.01.1909 капитан л-гв. 2-й арт. бригады. Участник мировой войны. На 10.11.1914 в том же чине и бригаде. На 04.03.1915 в том же чине командующий л.-гв. мортирного паркового арт. дивизиона. Полковник (пр. 22.03.1915; ст. 06.12.1914; на вакансию) с утверждением в должности командира того же дивизиона. Командир 3-й батареи л-гв. 2-й арт. бригады (28.07.1915-24.12.1916). Командир л-гв. 2-го мортирного арт. дивизиона (с 24.12.1916). Остался в России. Преподаватель АКУКС в Ленинграде. Репрессирован в 1931 по делу "Весна".

34 Миллер Василий Александрович. Даты

жизни: ?? – расстрелян 1919 г.

Чины: на 1 января 1909г. - лейб-гвардии 1-я артиллерийская бригада, подпоручик.

1917 г. – лейб-гвардии 1-я артиллерийская бригада, полковник, ??..12.1917-??..03.1918 гг. - Лейб-гвардии 2-й мортирный артиллерийский дивизион, полковник, командир дивизиона. Служил в РККА. 1919 член военной организации «Национального центра». Арестован и расстрелян большевиками в Москве. (Волков С.В. Офицеры Росс. гв. М., 2002)

Из показаний в ВЧК «Красная книга ВЧК. Том 2»: *«Я, бывший полковник гвардии Миллер, педагогической деятельностью занимался в батарейных школах и в учебной команде. На фронте я преподавал пехотным офицерам артиллерийское дело. Больше педагогической деятельностью не занимался. В феврале 1918 года я вернулся с фронта, где командовал мортирным дивизионом. Поступил служащим в школу маскировки (Высшая школа военной маскировки) на 150 руб. и паек, приводил в порядок дела канцелярии. В это время проводили штаты школы маскировки. Месяца через полтора я бросил школу. Мне пришла мысль о создании новой школы – школы полковой артиллерии...»*

С июня – июля школа стала функционировать, начала формироваться в середине мая. Педагогический персонал с помощью ГУВУЗа (Главное управление военно учебных заведений) – подбирали я лично Рекомендацией служила предыдущая деятельность. Зав. учебной частью – Руссет, генштабист, окончил педагогические курсы, бывший инспектор Вольского или Оренбургского корпуса. Преподаватель артиллерии – Любачевский. Тактику и топографию читал Свенцицкий. Траншейные орудия – Дехтярев, бывший полковник, артиллерист, заведовавший командой траншейных орудий на фронте, и Подгорецкий, бывший пехотный офицер. Гранатное дело – Брунцов, пехотный офицер. Газовое дело – Геникс, ныне инструктор классов в школе газотехники. В переменный состав принимались все изъявившие желание после проверки мною технических знаний, по заключению комиссара. Были левые эсеры Аносов и Коржов, сидевшие в тюрьме во время эсеровских восстаний. Был казначей Андреев, но его вскоре Подвойский взял с собою. Работать в школе мне не пришлось. В конце июля я по приглашению Подвойского занял место заместителя председателя военной секции ВВИ (Высшая военная инспекция). Возвратившись из поездки в середине октября в ГУВУЗ, по поручению ГУВУЗа я формировал Высшую стрелковую школу, с назначением и. д. нач-ка учебного отдела. После формирования учебного отдела, траншейных курсов, пулеметных курсов, стрелковых и тактических курсов я ушел, поспоривши с Филатовым, снова в распоряжение ГУВУЗа, где получил назначение для формирования школы окружной артиллерийской в Москве; существовала на основании данного ГУВУЗом положения...».

35 Кременец (укр. Кременець) – город, Тернопольская область, Украина.

36 Вишневецкий дворцовый комплекс памятник архитектуры XVI-XVIII веков - это один из лучших и красивейших дворцов Украины. Его часто называют Волынским или Польским Версалем. Слава о красоте и роскоши родового имени князей Вишневецких гремела далеко за пределами Польши. Усадьба Вишневец – главная резиденция угасшего в XVIII веке княжеского рода Вишневецких в посёлке Вишневец Тернопольской области. С 1852 по 1917 гг. в Вишневце сменилось десять владельцев, которые вывезли старинные книги и привели резиденцию в упадок. В начале XX века новый собственник Павел Демидов заказал киевскому архитектору Владиславу Городецкому реконструкцию дворца. Усадьба сильно пострадала во время Первой мировой войны, в 1915 году в помещениях дворца находился штаб 25-го корпуса 11-й армии.

37 **Июньское наступление, «наступление Керенского»** – последнее наступление русских войск во время Первой мировой войны. Наступление было блестяще подготовлено командованием, но провалилось из-за катастрофического падения дисциплины в русских войсках.

Большое стратегическое наступление Русской армии планировалось на конец апреля – начало мая 1917 года. Однако хаос и разложение войск, возникшие в результате февральской революции, сделали невозможным проведение наступления в намеченные сроки, и оно было отложено на конец июня.

16(29) июня артиллерия Юго-Западного фронта открыла огонь по позициям австро-германских войск. 18 июня (1 июля) в наступление перешли XI и VII армии, наносившие главный удар в общем направлении на Львов из районов Злочев и Бржезаны. Первые два дня принесли наступающим некоторый тактический успех. На отдельных участках были захвачены 2-3 линии неприятельских окопов.

К 1-2 (14-15) июля наступательный порыв всего фронта иссяк, и наступление полностью прекратилось. Потери всех трёх армий фронта к этому моменту составляли 12 22 офицера и 37 500 солдат. Потери были невелики, если сравнить их с потерями в дореволюционных кампаниях Русской армии в Первой мировой войне, но в данном случае имели катастрофические последствия, так как в основной своей массе они пришлись на отборные, «ударные» части. С выбытием из армий всего «здорового» элемента, оставшаяся солдатская масса окончательно потеряла военный облик и превратилась в совершенно неуправляемую вооружённую толпу, готовую бежать от малейшего нажима неприятеля.

Благодаря июньскому наступлению произошёл резкий карьерный взлёт генерала Корнилова, который 8 (21) июля сменил Гутора на посту командующего фронтом, а уже 18 (31) июля был назначен Верховным Главнокомандующим всей Русской армии.

38 **Черновцы** (до 1944 г. **Черновицы**) - город на юго-западе Украины, в 40 км к северу от румынской границы, на правом берегу реки Прут. Во время Первой мировой войны Черновцы трижды были заняты русскими войсками: (30.08.1914-21.10.1914; 26.11.1914-18.2.1915; 18.06.1916-02.08.1917).

39 **Злата Липа** – река в западной части Тернопольской области, левый приток Днестра.

40 **Гнилая Липа** – река в Перемышлянском и Золочевском районах Львовской области, левый приток Днестра.

41 **Збруч** – приток Днестра на западе Украи-

ны. Протекает по Подольской возвышенности, на границе Тернопольской и Хмельницкой областей.

42 **Мытки (укр. Митки)** – село на Украине, находится в Барском районе Винницкой области. В конце 19 в. село принадлежало адмиралу Чихачеву, который и построил здесь уютное поместье, как говорят, для своей дочери Софии. Николай Матвеевич Чихачёв (1830-1917, Петроград) – адмирал российского императорского флота, генерал-адъютант, государственный деятель, начальник главного морского штаба и управляющий морским министерством. Был женат на баронессе Евгении Фёдоровне Корф.

Похоже, что именно об этом поместье идёт речь. Возможно, кто-то из дочерей или внуков был замужем за Белянкиным.

43 **Бар (укр. Бар)** – город районного значения в Винницкой области Украины, административный центр Барского района. Город расположен на реке Ров в 7 км от железнодорожной станции Бар, которая находится в пос. Бар.

44 На конец 1917 года в городе располагалось управление (штаб) 7-й полевой армии.

45 Генерал-лейтенант в отставке Лейб-Гвардии Волынского полка **Пётр Петрович Доможиров** - брат бабушки Анны Петровны Доможировой.

Из архива РГВИА (1915г.): *«Род. 9.07. 1855 г.; вероисповедания православного, из дворян Новгородской Губернии. Образование: 1-я военная гимназия (1872), Павловское военное училище (1874), академия Генштаба (1881). Женат первым браком на дочери гвардии поручика Пожсидаева, девице Ольге Анатольевне Пожсидаевой. Детей не имеет. Жена вероисповедания православного. Получает: жалованья 1500 р., столовых 2700 р., квартирных 900 р. в год.», т.е. 5100 р. в год. Вот такое жалованье получал генерал-майор Царской Армии. В апреле 1907 г. он стал генерал-лейтенантом и жалованье было повышено.*

Генерал-майор с 1900, генерал-лейтенант с 22.04.1907. Командир Лейб Гвардии Волынского полка 3.08.1900-10.01.1905 гг. Шефами л.-гв. Волынского полка являлись в разное время великий князь цесаревич Константин Павлович, великий князь Михаил Павлович, великий князь Николай Константинович, а с 19.12.1879-4.03.1917 гг. - великий князь Николай Александрович (с 2.11.1894 - Император Николай II).

С 1907 г. командующий 9-ой пехотной дивизией (22.02.1907 - 09.04.1910)

Остался в СССР. Ум. 1921 в Киеве. Обстоятельства смерти неизвестны. По всей видимости во время «красного террора».

46 **Анатолий Александрович Семёнов** (1841-1917) – военный строитель и архитектор, действительный статский советник. Учился в

Константиновском военном училище, затем окончил курс в Николаевской инженерной академии со званием военного инженера по первому разряду и был направлен в инженерное управление Московского военного округа. В течение первых семи лет удостоился трех наград: ордена святого Станислава 3-й и 2-й степеней и ордена святой Анны 3-й степени. Летом 1871 года А. А. Семёнов вышел в отставку и принял участие в организации Севастопольского отдела Политехнической выставки в Москве (1872). Член Московского архитектурного общества, с 1894 года – председателем технического совета Московской городской управы, в 1892-1912 годах был главным инженером городской канализации, возглавлял работы по её постройке, с 1906 года заведовал Архитектурным отделом Политехнического музея.

⁴⁷ **Музей имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича** основан указом императора Александра II 21 февраля 1872 года, по ходатайству организаторов Политехнической выставки 1872 года. Экспонаты отдела последней, посвящённого Крымской войне, составили первоначальную коллекцию музея. Также в ведение музея была передана историческая Черт-

ковская библиотека.

После Октябрьской Революции музей стал именоваться **Государственный Российский Исторический музей**. Новые власти организовали спецкомиссию Наркомпроса для реорганизации музея. Возникла угроза изъятия части собраний музея. С февраля 1921 года по сегодняшний день титульное название музея — Государственный Исторический музей.

⁴⁸ **Георгий Норбертович Габричевский** (1860-1907) – русский учёный, микробиолог, основатель научной школы, один из организаторов производства бактериологических препаратов в России.

Интересно, что в Википедии указана другая жена: *«Жена – Елена Васильевна Бодиско (1862-1930).*

Дети: Александр (1891-1968) – искусствовед, литературовед, переводчик, доктор искусствоведения.

Ирина (1900-1996) – замужем за Сергеем Михайловичем Кочубеем (1896—1960)». Никаких сведений о Нине Анатольевне нет. Впрочем указано, что это был её первый муж. Интересная история. Но об этом в следующий раз.

Лариса ЗАЛЕСОВА-ДОКТОРОВА

Соединенные Штаты Америки

Бессмертный полк

9 мая 2016 года

В России нет ни одной семьи, которой бы не коснулась Вторая Мировая Война, и насколько я себя помню, окончание войны и день победы 9 мая в нашей семье всегда отмечались особо.

Утром в тот день в городах страны проходили военные парады, после которых начинались демонстрации, а вечером гремели праздничные салюты. В последние 25 лет демонстрации прекратились, таким образом, исчезла эмоциональная причина для больших семейных обедов. Конечно, существуют другие occasions для встреч, Пасха, Рождество и Новый год. Но день 9 мая был особенным, торжественным, тут радость переплеталась с грустью, и неизменно за столом разговоры переходили на воспоминания об ушедших, убитых, пропавших.

Я помню, как по окончании демонстрации к нам подтягивались родственники и гости. Кормили у нас обильно. В нашей семье все ограничивалось застольной беседой, в семье моей тети пели, в семье Владимира Зотова, моего дяди читали стихи.

Наша семья жила в Петербурге и пережила с другими жителями драматические события XX века, революцию, голод 1920-х годов и блокаду.

Неожиданная инициатива Марша Бессмертного Полка родилась три года назад в Сибири и увлекла миллионы людей. Она объединила семьи, дала людям повод собраться и вспомнить о близких.

В этот день люди выходят на улицы, неся портреты своих близких - участников войны.

Мой отец и его три брата участвовали в войне, двое не вернулись. Моя бабушка потеряла мужа, моего дедушку, которого я никогда не видела. Кроме отца и бабушки, в войне участвовали мой двоюродный дядя Владимир и дядя Михаил.

Моя бабушка Ефросиния – настоящая героиня. Всю жизнь она проработала в боль-

нице Эрисмана, вначале техником, потом врачом-рентгенологом. Ее шефом был знаменитый профессор – хирург Джанелидзе. В моей голове неожиданно всплывают имена и события, о которых она мне рассказывала, и которые я едва достаивала вниманием, о чем теперь бесконечно жалею. В первые же дни войны госпиталь отправился на войну, и моя бабушка провела на Ленинградском фронте все четыре года войны. А после капитуляции Германии госпиталь погрузили на поезд, и они поехали на Дальний Восток. Война с Японией еще продолжалась. Капитуляция Японии их застала в пути.

Вспоминаю разговоры моего отца с бабушкой. Они часто спорили, кто из них больше герой, он или она. Мой папа служил на корабле около Мурманска на Северном фронте, бабушка была на Ленинградском, который был одним из тяжелейших участков. Бабушка пережила кошмар блокады.

Для моего отца начало войны было не таким драматическим, как для бабушки. В 1940 году он закончил Военно-морскую Академию имени Фрунзе в Петербурге и получил назначение на Дальний Восток во Владивосток. Он мог выбирать любой приморский город страны, но мои беспечные и жаждущие приключений родители решили повидать Тихий океан. Папа отправился на Дальний Восток один, и вскоре к нему должна была присоединиться жена.

Война началась неожиданно для всех в июне 1941 года. Мама выехала из Ленинграда в Москву в начале сентября 1941 года последним поездом. Вокруг города сомкнулось кольцо блокады.

Наступили тяжелые блокадные дни. Самым трудным в жизни ленинградцев был период с декабря 1941 года по март 1942 года. Норма хлеба по карточкам снизилась до 120 граммов в день на человека. В декабре 1941 года от голода скончалась мамина бабушка.

Моя теть Валентина, которой в начале войны было 10 лет, мне рассказывала:

«Я спрашиваю бабушку, почему она не ест свою порцию хлеба. Она мне отвечала: «Что-то мне не хочется, внучка. Ты съешь». Конечно, я все съедала. Лишь позже я обо всем догадалась».

В феврале 1942 года по льду Ладожского озера «Дороге Жизни» Валентина была вывезена в эвакуацию, одна из 1300 000 жителей, спасшихся от голодной смерти, и вернулась в Ленинград в 1945 году. Она всю жизнь вспоминала блокадный суп из столярного клея. Он ей казался таким вкусным, что она думала: когда вырасту, буду его есть каждый день.

Тут уместно вспомнить об анонсированном Геббельсом «научном методе» взятия Ленинграда. Профессор Цигельмайер, руководитель Мюнхенского пищевого института, подсчитал, зная количество продовольствия в городе и численность населения, как скоро вымрут жители, чтобы немцы могли спокойно вступить на улицы молчаливого мертвого города.

Но немцы не подумали о возможности переправы людей по льду Ладожского озера. Моя теть рассказывала, что самыми кошмарными для нее были часы, проведенные в грузовике, мчавшемся ночью по льду, вокруг которого взрывались бомбы и уходили под лед машины.

Тем временем мой отец работал начальником метеостанции, расположенной на сопках рядом с Владивостоком. С началом войны он стал плавать на кораблях навигатором, помогая перевозу грузов из Сан-Франциско во Владивосток. Конечно, была опасность от японских мин, но это ни в какое сравнение не шло с ужасами блокадного Ленинграда. В 1944 году его перевели на Северный флот, где он участвовал в совместных русско-английских конвоях, перевозивших в Россию грузы по лендлизу. Думаю, к следующему маршу надо добавить и ее фотографию. Она не воевала, но провела часть своего детства в блокадном Ленинграде и награждена медалями.

Брат моей мамы Михаил попал на войну совсем юным и в первые же дни был тяжело ранен, потерял ногу. Я помню его мучения с протезами. У меня есть его фотография, на которой изображен молодой, кудрявый, улыб-

чивый человек. У него никого, кроме меня, не осталось, так что в следующий раз он тоже отправится с нами в поход по Невскому проспекту.

Владимир Зотов был архитектором и никогда не держал в руках оружия. В первые же дни войны его призвали в ополчение защищать Пулковские высоты. Он тоже был тяжело ранен, и всю жизнь страдал от незаживающих ран на ногах.

Его фотография была одна из трех, которые я несла во время марша. Кроме меня, это сделать некому.

Еще до приезда в Петербург из Брюсселя я знала, что буду участвовать в Марше Бессмертного полка. Для этого нужно было найти фотографии близких, сделать их увеличенные копии и оформить их как полагается на щитах, снабдив пластмассовыми палками, чтобы было удобно нести. В деревне Орлино, где мы с мужем, гражданином США, занимались дачными весенними посадками, я спросила совета нашего соседа, и он мне дал адрес фотоателье, которое находится в соседнем городке Сиверск. На другой день утром мы туда поехали, у входа в ателье уже были люди, пришедшие с той же целью - подготовить фотографии близких для Марша. Кстати, наш сосед участвовал в Марше в Сиверске.

Когда на следующий день мы ехали в Петербург, в каждом вагоне электрички были люди с фотографиями, в метро их становилось больше и больше. Создавалось впечатление, что весь город устремился в одну сторону. Мы доехали до Площади Александра Невского, откуда начинался Марш. На месте сбора люди поджидали родственников, друзей, потом начали двигаться по проспекту, заполняя его портретами. Мы тоже начали двигаться со всеми вместе.

Первые два километра Невский проспект, главная артерия города, которая начинается от Площади Александра Невского, называется Старо-Невским. Он не такой широкий, как Невский проспект, и потому в первый час мы шли довольно плотной толпой. Над головами реяло море фотографий, поистине «Бессмертный Полк».

Позже сообщили, что в Петербурге в Марше приняли участие 300 000 человек. Внушительная цифра, но, проведя в этой толпе

несколько часов, я не почувствовала скученности, давки, неудобства. Наверное, потому что мы не стояли на месте, а равномерно двигались, соблюдая порядок.

Настроение у всех было возвышенное, иногда от головы колонны начинались крики «Ура!», но до нас доходило «А-а-а-а!». Иногда люди запевали популярные русские песни, чаще всего «Катюшу».

Вдоль шествия я увидела две концертные площадки, с которых певцы исполняли песни военных лет. Проходящие мимо им аплодировали и помахивали фотографиями. Покачивавшиеся над толпой лица умерших, погибших, раненых ожили и присоединились к своим потомкам. Мой отец жил и умер в этом городе. Когда с ним случился удар, и его везли по городу в больницу на машине скорой помощи, он порывался сквозь окно машины увидеть ночной Петербург, бормоча: «Моя последняя прогулка по Питеру».

«Папочка, - мне хочется ему сказать, - не последняя. Теперь со мной ты будешь каждый май прогуливаться, а после меня со своей внучкой».

Я несла портреты отца и бабушки. Мой муж – портрет моего дяди.

Фотографии были красиво оформлены. Большие, ламинированные, с георгиевской ленточкой в верхнем правом углу, военным символом России.

Некоторые участники поместили на одном щите несколько фотографий, даже указав, в каких сражениях их предки участвовали, какими орденами были награждены. Я лишь указала их имена, где они воевали и даты жизни. С гордостью хочу отметить, что все трое скончались в преклонном возрасте тут же в этом городе.

И этот марш снова стал событием, объединяющим семьи, он был одновременно праздничным и поминальным.

Я видела семейные группы, состоявшие из трех поколений, детей в колясках или на руках родителей, некоторые несли российские флаги, другие чистые листы с именами погибших. Очевидно, от них не осталось фотографий.

На фотографиях были простые широкоскулые лица молодых парней, непривыкших фотографироваться, никакого фотошопа, без ретуширования. Они не улыбались, скованно смотрели в фотоаппарат. Некоторые в солдатской форме, другие в офицерской, с орденами на кителях.

Мы прошли Старо-Невский и вступили на Невский проспект, который шире. Идти стало свободнее. Я увидела в окнах домов фотографии, на которых тоже были изображены серьезные преимущественно мужские лица в военной форме. Очевидно, их потомки больны или стары, и не могут принять участие в марше, но выставляя фотографии, они знаменуют свою поддержку и сопереживание.

Во время Марша мы с подругами делились воспоминаниями и семейными историями о войне, блокаде о наших близких, общая вещи, не рассказанные ранее, оживляя имена погибших и умерших. Не часто они удостоиваются такого концентрированного внимания.

Шествие, занявшее два часа, завершалось на Дворцовой площади, вдоль всего маршрута каждые несколько метров стояли полицейские, внимательно оглядывая пешеходов и тех, кто присоединялся к шествию по пути.

Вечером тут же на площади был дан большой концерт, где на открытой сцене выступали лучшие исполнители страны, включая оперную звезду Анну Нетребко. День завершился фейерверком.

Памятный Марш закончился, оставив у меня чувство удовлетворения и сожаления, что мои близкие не могли идти бок о бок со мной.

Иван ИЛЬИН

День народного единства

Чем ближе в календаре начало ноября, тем активнее все средства массовой информации напоминают нам о том, что мы должны будем развернуть трёхцветные флаги, а потом дружно и очень весело праздновать общероссийский

ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА.

Я задал в Интернете вопрос: «Кто придумал этот праздник, что он означает и в честь какого исторического события нам его нужно праздновать?»

Получил такой ответ: В. Путин в 2005 году подписал указ об учреждении в России 4 ноября нового государственного праздника – Дня Народного Единства в память о событиях 4-го ноября 1612 года.

А сама идея отмечать праздник именно в этот день принадлежит Межрелигиозному совету России. Поэтому День народного единства является не только светским, но и межрелигиозным праздником, который отмечают все жители страны и представители разных религий и конфессий.

Кроме того, пришло много совсем не серьёзных и весьма путаных ответов, от каких-то второстепенных депутатов, народных активистов из малых городов. Чувствовалось, что большинство авторов сами не очень хорошо понимают то, о чём пишут. Но все ссылались на освобождение Москвы в Смутное время войском Второго Ополчения под руководством Кузьмы Минина. Никто из главных политических или административных деятелей современной России не решился чётко и серьёзно объяснить народу, что такое ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА И В ЧЕСТЬ КАКОГО ИМЕННО ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ ОН НАЗНАЧЕН.

По результатам опроса ВЦИОМ (Всероссийский Институт изучения общественного мнения), проведённого в 2012 году, большинство россиян считают, что в России народного единства НЕТ. Таких набралось 56 % респондентов. В том, что единство есть, уверены

только 23 % респондентов.

Если в России Народного Единства нет сейчас, то не было его и 4-го ноября 1612 года.

А что же в этот день было? Что мы должны праздновать?

Была военная интервенция шведов на севере России и поляков на юге. По Выборгскому договору царя Василия Шуйского (1607 год) шведам был отдан весь Карельский перешеек и города Изборск, Гдов, Ямбург, Ладога, Тихвин, а крепости Корела и Орешек были взяты шведами после длительной осады. Даже Великий Новгород на несколько лет попал под шведскую оккупацию. Многие бояре из северных русских городов присягнули на верность шведскому корлевичу Карлу Филиппу.

На юге России была польская военная интервенция и просто многочисленные малые и большие разбойничьи шайки. Поляки осаждали Смоленск и Троице-Сергиеву Лавру. Многие русские бояре, во главе с Семибоярщиной присягнули на верность польскому королевичу Владиславу, сыну Сигизмунда III.

А в столице, опасаясь безвластия, москвичи впустили в Кремль часть польского войска и Семибоярщину с приспешниками. Кремль находился в осаде ещё со времени Первого Ополчения Прокопия Ляпунова. Снаружи Кремля, на территории Москвы воевали между собой разные группировки бояр, казаков, поляков и просто разбойников, а в Кремле голод доходил до того, что там уже ели человечину. 4-го ноября Второе Ополчение под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского воевало на улицах Москвы с отрядом польского гетмана Ходакевича. Поляки пытались деблокировать Кремль, но были разбиты и ушли из Москвы. А Второе Ополчение заняло Китай-город. 5-го ноября князь Пожарский, держа в руках Казанскую икону Божией матери, открыл ворота Кремля и выпустил всех, кто там находился. Вместе с Семибоярщиной из Кремля вышла инокиня Марфа, вместе со своим сыном и бу-

душим царём Михаилом Романовым. Они сразу уехали в свою вотчину, деревню Домкино.

А в Москву, впервые в России, стали собирать Общерусский Земский Собор для выборов нового царя. На собор приглашались бояре и дворяне, церковнослужители и купцы. Приглашены были даже свободные крестьяне. Трудно сейчас судить о том, как протекали выборы на Соборе, но точно известно одно – 21 февраля 1613 года Великим Земским и Поместным собором был избран племянник последнего Рюриковича царя Фёдора Иоанновича 16-летний Михаил Романов. Ни самого Михаила, ни его матери на соборе не было. Выйдя из Кремля, они сразу уехали в своё имение в деревню Домкино, а потом в Ипатьевский монастырь. От Земского собора в Ипатьевский монастырь было направлено посольство для прошения Михаила Романова стать русским государем.

Мать Михаила воспротивилась благословить Михаила. Русское государство от польских, литовских и шведских войск, а также от разных разбойников, казаков и от непостоянства разных незаконных правителей было вконец разорено.

Прежние сокровища царские, из давних лет собранные, из России вывезены. Дворцовые сёла и чёрные волости розданы в поместья дворянам и детям боярским, но они опустошены, а служилые люди бедны. Кому Бог повелит быть царём, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы обиходы пополнять и против недругов России, чем стоять?

Но московское посольство и священники сумели уговорить Марфу, и она благословила сына на царство Фёдоровской иконой Божией Матери.

Царя Михаила Романова короновали 21 июня 1613 года. Но до Столбовского мира со шведами было ещё почти 4 года.

Столбовский мир со шведами был заключён 27 февраля 1617 года.

Деулинское мирное соглашение с поляками было заключено 1 декабря 1618 года.

Патриарх Филарет, отец царя Михаила, вернулся с Москву только в июле 1619-го года.

А до этого времени в России правили различные боярские группировки – остатки Се-

мибоярщины.

А где же в этом хаосе власти, военных и политических событий выбрать особый ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА?

Если у кого-то будут попытки популяризации и даже привития традиций празднования Дня Народного Единства, то их организаторы обязательно столкнутся с множеством трудностей и противоречий, в основе которых лежит смешение трех несовместимых для современной культуры идей: народное освобождение России, почитание религиозной святыни Казанской иконы Божией Матери и монархия. Каждая из этих идей сама по себе вполне жизнеспособна в нашем обществе, но искусственное их соединение представляется невозможным по следующим причинам.

Во-первых, история российского народа в сознании современных людей никак не связана с уверенностью, что именно Россия находится под особым Сятым покровительством Божией матери. Такой взгляд вполне свойствен православным людям дореволюционной России и горстке верующих сейчас, но совершенно чужд нашей исторической науке и образовательным структурам.

Во-вторых, почитание религиозных святынь, возродившееся в постсоветском обществе, фактически замкнуто на получении какой-то пользы (Подай Господи) и никак не связано с таким глубоким христианским мотивом, как благодарение Бога и Божией Матери.

В-третьих, идеи монархизма, и так поколебленные физическим и политическим уничтожением дворянства за годы Советской власти, окончательно были дискредитированы горсткой современных популяризаторов, многие из которых смахивают на пациентов психиатрических клиник.

Я не имею права менять праздник, установленный указом Президента. Но 4-е ноября это День Казанской иконы Божией матери. У нас в Петербурге есть Казанский собор. И в Москве тоже есть Казанский собор, построенный ещё самим князем Пожарским. Можно пойти и помолиться за военную безопасность Святой Руси. А тем, у кого нет рядом Казанского собора или церкви, можно повесить в свой домашний иконостас Казанскую икону и помолиться.

Елена САКС

Иоанно-Предтеченское Братство трезвости
(Из истории трезвенных организаций в России на рубеже XIX-XX вв.)

По материалам книги «Другие Раевские»

*Руководитель Иоанно-Предтеченского
Братства трезвости
о. Павел Раевский (1904 г.)*

Братства трезвости в России в конце XIX - начале XX веков - это отдельная, очень интересная тема, к сожалению, не потерявшая актуальности и в наши дни.

Масштабы российского "пития" были в то время ужасающими. Вот что писали об этом "Санкт-Петербургские ведомости" в 1904 году: "Как бы ни были важны интересы фиска сами по себе, и в данный момент в особенности, опасность спаивания народа остается все же гораздо более тяжелой, чем частичное и малозаметное уменьшение числа винных лавок". Передовое духовенство поднимало вопрос о введении курса трезвенности в школе. В обществе широко обсуждался вопрос о влиянии на массы винной монополии государства. В декабре 1909 года в петербургской городской думе состоялся Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством. (Надо

отметить, что на этом съезде определенная часть духовенства возмутилась проектом о сокращении праздничных дней.) Для сравнения: в 1911 году в Нидерландах состоялся уже тринадцатый Международный конгресс против алкоголизма. Именно духовенство, особенно его передовые слои, вело огромную трезвенную работу, точнее "борьбу за трезвость", совершали паломничества трезвенников по святым местам, призывали к сознательной вере, боролись с невежеством и суевериями; за ними шли крестьяне и рабочие, а также интеллигенция. В то же время, как отмечал в 1913 году журнал «Вестник трезвости» в статье «Святейший Синод и борцы за трезвость», «многих деятелей на ниве народного отрезвления удивляет деятельность Синода по этому вопросу: с одной стороны – оно взывает к духовенству о необходимости борьбы с пьянством, а с другой – полнейшее невнимание к тяжелым, самоотверженным трудам скромных пастырей...». В журнале "Трезвая жизнь"

*Обложка журнала «Трезвая жизнь»
за 1905 год*

в статье “Духовенство и борьба за трезвость” в № 8 за 1908 год читаем: “В России с лишком 45 000 священников... Большинство – люди средние, неспособные на подвиг и потому поддающиеся соблазну. Многие приемлют спиртные подношения и потребляют... В наше еще дикое время право нельзя же требовать, чтобы сорока-пяти-тысячный полк священства состоял из ангелов во плоти, из людей светлого духа и железной воли. Можно только искренно удивляться, что в среде духовенства, развивающегося в самых неподходящих условиях, так велик процент идеалистов, людей великого сердца, людей долга... (...) Трезвенная деятельность пастырей встречала не только недоумение и насмешки темных масс, но и опасное противодействие. Еще в весьма недалекие от нас дни, священников-трезвенников обвиняли в скрытом сектантстве. В общем все обстоятельства священнической жизни и его общественных отношений слагаются так, что трезвенная работа священника приобретает характер подвига”.

Одним из таких подвижников был отец Павел (Раевский) – основатель и руководитель одного из старейших и крупнейших обществ трезвости – Иоанно-Предтеченского Братства трезвости на Выборгской стороне (Нюстадская улица, ныне – Лесной проспект, 16).

В 1902 году выпускник Петербургской духовной академии Павел Раевский принял сан священника. И по доброму отзыву о. Александра Рождественского, основателя и руководителя крупнейшего в России Александро-Невского Братства трезвости при храме Воскресения Христова у Варшавского вокзала, был определен на вакансию при Петербургском городском Попечительстве о народной трезвости, с причислением к церкви приюта принца Петра Георгиевича Ольденбургского. Согласно материалам дела, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, о. Александр свидетельствовал, что Павел Раевский “уже четыре года, с полным усердием посвящает себя именно той деятельности, к какой он будет призван в Попечительстве”. (ЦГИА. Ф. 19, оп. 115, д. № 1539.) Церковь во имя иконы Божьей Матери “Утоли моя печали” располагалась на 12-й Измайловской улице - ныне 12-я Красноармейская, дом 36.

В 1904 году отец Павел стал настоятелем в только что построенной церкви Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи, где руководил Братством трезвости до 1915 года.

По данным журнала «Приходский священник», к 1912 году в Иоанно-Предтеченском Братстве трезвости состояло десять тысяч членов (1912, № 9, с. 7, «О борьбе с пьянством»). О деятельности Братства рассказывает в своем отчете на заседании Казанского общества трезвости, член общества Н. П. Бельтюков: «...считаю свои долгом сообщить краткие сведения о ведении мною в текущем году народных чтений со световыми картинами в одном из фабричных районов С.-Петербурга, а именно в помещении Иоанно-Предтеченского Братства Трезвости, состоящего при обществе распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. Чтения эти происходят у нас обыкновенно по воскресеньям и начинаются в 8,1/2 часов вечера по окончании всенощной в Иоанно-Предтеченском храме общества. (...) Вход на эти чтения 3 коп. (по книжкам покупаемым при входе и оставшимся у слушателей), при-

Образец Членского свидетельства для вступающих в братство

Обложка Антиалкогольного адрес-календаря

чем вырученные за эти книжки деньги идут исключительно на поддержание существующей при этом Братстве больнички, советами и лекарствами в коей все трезвенники пользуются бесплатно. Хотя чтения и носят отчасти как бы платный характер, но несмотря на это народу бывает всегда очень много (в среднем 1 000 человек каждый раз) и порядок на чтениях постоянно прямо образцовый, – слушателями являются преимущественно фабричные со своими семьями, – дети на этих воскресных чтениях почти совсем отсутствуют, так как по средам для них устраиваются специальные чтения тоже с картинами, вход на которые бесплатный, – эти чтения обыкновенно ведет сам руководитель Братства Трезвости, Настоятель Иоанно-Предтеченского храма, о. Павел Васильевич Раевский, – им же ведутся чтения (без картин) на собраниях трезвенников, бывающих каждое Воскресенье от 4 до 6 час. веч.» «В среднем на каждом чтении присутствовало: в Иоанно-Предтеченском Братстве Трезвости 1000 человек, в Александро-Невском Братстве Трезвости 400 человек и в столовой отдела борьбы с алкоголизмом женщин и детей 120 человек». На Рождественских праздниках в помещении Иоанно-Предтеченского Братства Трезвости на пожертвованные бла-

готворителями средства была устроена елка, собравшая до 700 бедных детей, которые «при уходе получили подарки в виде или необходимых вещей, как то: рубашек, материи на платье или же игрушек, а в добавление к этому и разных гостинцев». (Журнал «Деятель», Казань, 1904 № 11, с. 401-402; 1905 № 1, с. 28-30; № 8, с. 189-190, № 16, с. 385-387.) В почти двухмиллионном городе Санкт-Петербурге, по данным, опубликованным в 1912 году, насчитывалось всего 12 обществ трезвости, большей частью – церковно-приходских, а также светских, организованных врачами-трезвенниками. Павел Раевский был одним из основателей и членом совета открывшегося в 1911 году Всероссийского Трудового союза христиан-трезвенников, состоящего под покровительством «Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича» (ул. Садовая, 109, затем – ул. Садовая, 60). («Трезвые выходы», 1911, № 1, с. 107-110; «Отчет о деятельности Всероссийского Трудового Союза Христиан-Трезвенников»,

Образец Священного листа для членов братства

СПб, 1911, 1912, 1913, 1914).

В периодической печати была опубликована заметка одного из паломников о поездке в Новгород под названием “Полезная экскурсия”:

“5 июня, накануне Троицы, после всенощного бдения из Спб. выехала в древний Новгород экскурсия трезвенников церкви Иоанна Предтечи в количестве 300 человек под руководством священника о. П.В. Раевского. Большинство экскурсантов - трезвенников был бедный рабочий люд Выборгской стороны. На станции Волхов (Н.ж.д.) паломники пересели на заранее поданный пароход и с пением священных песен тронулись в путь по реке Волхову к Новгороду. В 10 час. утра, в Троицын день паломники прибыли в Новгород и отправились в древний и знаменитый своими святынями собор святой Софии. Литургию совершал преосвященный Андроник, еп. Тихвинский, который по окончании литургии и вечерни, сказал паломникам несколько поучительных слов о святынях города Новгорода.

Руководитель поездки о. П. Раевский пред молебном всем святым, почивающим в соборе, обратился к паломникам с сердечным словом. Во время молебна стройно пел хор церкви Иоанна Предтечи, прибывший вместе с трезвенниками в Новгород. По случаю прибытия в собор паломников открыты были раки со всеми покоящимися в соборе мощами угодников Божиих. Приложившись к покоящимся в соборе св. мощам, паломники отправились осматривать другие древние святыни и достопримечательности Новгорода. В 7 часов вечера все паломники собрались в Знаменском соборе. Здесь пред Заступницей новгородцев, иконой Знамения Божией Матери, о. Раевским был отслужен молебен.

Известно чудесное спасение Новгорода чудесным заступлением Богоматери. Летописец передаёт, что, когда Суздальский князь осадил Новгород, город находился в критическом положении. Тогда новгородский архиепископ Илия после усердной молитвы принял в руки святую икону Знамения Богоматери из

Церковь Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи
на Лесном проспекте (до революции)

Спасской церкви и в предшествовании всего городского духовенства стал обносить её по валу кругом города. (...) ...В то время, когда от натиска суздальских полков стены города готовы были рушиться, стрела попала в лик св. иконы. Тогда, по словам летописца, “честная Пресвятая Богородицы икона” тотчас сама собою “отвертив лице свое от осаждающих обратила на град и источила слёзы от очию”. В это же самое время нашло какое-то помрачение на осаждающих, так что они, не отличая своих от чужих, с яростью стали убивать друг друга.

Помолившись перед этой святыней, паломники отправились на ночлег в обитель преподобного Антония Римлянина, находящуюся в 2-ух верстах от города, и там помолились перед мощами почившего св. устроителя обители Антония Римлянина.

Переночевав в обители, трезвенники отправились на пароход в обитель преподобного Варлаама Хутынского, находящуюся в 10 верстах от Новгорода.

Летописи хранят сказание о том, как в XII в., во время игуменства преподобного в Хутынском монастыре, новгородских крестьян постигло страшное бедствие: черви

уничтожили всё посеянное и посаженное. Препод. Варлаам усердно молил Бога о помощи бедствующим и помощь была дана. Как говорит летописец, преподобный уведомил новгородского владыку, что он скоро придет к нему на санях. И действительно, в первую пятницу Петрова поста выпал в Новгороде и его окрестностях такой снег, что даже установился санный путь, и преподобный на санях прибыл в Новгород. Снег уничтожил всех червей.

В летописи содержится и другой чудесный случай, когда московский князь Иоанн III осадил Новгород, он посетил Хутынский монастырь и пожелал вскрыть гробницу преподобного, иноки убеждали не дерзнуть прикасаться к месту успокоения преподобного, раз нет Божия изволения на открытие его мощей. Но Иоанн ничего не хотел слушать и даже ткнул своею тростью в гробницу, и вдруг из места, к которому прикоснулся князь тростью, вышло пламя. Иоанн III в ужасе бросил трость и бежал из монастыря. И доселе в ризнице монастыря хранится трость Иоанна III, брошенная им, и опалённая чудесным огнём дверь.

Почти полдня паломники гостили в го-

Церковь Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи в наши дни (2016 г.)

степриимной обители, наслаждаясь дивною природою и чистым воздухом.

В девять часов вечера, пароход свистком напоминает паломникам, что пора в С.-Петербург, где ждёт их обычная тяжёлая работа. Грустно было расстаться со святынями Новгорода.

Недаром посетили паломники Новгород, здесь они получили высокое духовное наслаждение. Да, воочию видно, как благотворны подобного рода поездки с народом. Они возгревают веру народа, увеличивают его любовь к своим родным святыням, наконец, увеличивают его любовь к своему историческому прошлому. Это одно из действительных орудий против современного религиозного индифферентизма и неверия”.

Печальна судьба храма на Лесном. Церковь Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи при Обществе религиозно-нравственного просвещения была построена на добровольные пожертвования в 1903 году. Проект архитектора Германа Гримма был рассчитан на две тысячи молящихся. С западной стороны здания располагался зал для религиозных бесед. После Павла Васильевича Раевского в Иоанно-Предтеченской церкви с 1915 года и до её закрытия настоятельствовал о. Иоанн Кириллович Кьяндский. В 1929 году (по другим сведениям - в начале 1930-х) церковь была закрыта, колокольня, купола и шатры - разобраны, а помещение перестроено под спортивный клуб, который находится там до сих пор, только на правах частной собственности. В 2001 году КГИОП включил здание в “Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность”.

Внук Павла Раевского - русский поэт Евгений Раевский - вот уже около тридцати лет личным примером пропагандирует трезвый образ жизни, что, конечно, нашло отражение в его многогранном творчестве.

О беспощадности пьянства

Ты властвуешь над жизнью, если трезв,
А пьяный ты не властен над собою,
Синдром похмельный выведет из боя
Тех, кто умен, хитер, силен и резв.

В вине живет отзывчивая глупость,
Чванливость, лицемерия печать,
Порок. Не впрок себя изобличать,
Вливая в мозг искусственную тупость.

Алтарь надежд сжигал ты за свой счет,
Не бей челом по выжженному месту.
Ты подвергал разумное аресту,
Так отдавай теперь ему отчет...

Вино воспел заманчиво Хайям,
Но вряд ли пил он слишком много сам.

* * *

Поэзия и пьянство вместе – ложь,
Ложь – наслажденье мнимое, пустое,
Возьми и мысли ядом уничтожь,
И в миг поймёшь, что попрано святое...

Бездельник, прикрываясь нищетой,
Изыскивал мотивы и причины:
Глумясь над чьей-то подлинной мечтой,
Свою нам лгал под пьяною личиной...

Но полноте! Поэзия не бред,
Кто буйно пил, тот завтра станет сонным.
Что создал он, когда примкнул он к сонму
Изгнанников желаний и побед?

А свил бы стих из болей и страстей,
Безумный от любви, разлук и горя,
То вспомнил бы, как был убит Орфей
Другим безумьем – властью алкоголя...

Рис. Е. Сакс

Гостинная
«Золотого Слова»

Александр КРЫЛОВ

Заслуженный художник России, профессор Санкт-Петербургского Государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, руководитель мастерской художественно-исторической живописи

Конец ленинианы

(К 100-летию Октябрьской революции)

*Во всем, до нас дошедшем,
главное – основа, смысл,
внутреннее содержание...*

И.-В.Гёте

В начале 1970-х опубликована пьеса В.М. Шукшина «До третьих петухов»¹. В ней Баба-Яга, черти и Змей-Горыныч выманивают трех богатырей из монастыря и становятся его хозяевами; предводительствует «лысый конторского типа».

Прочитавшие пьесу замечали: «Как выведены типажи!»

Монастырь это Кремль, Баба-Яга – коммунистическая партия, черти – политбюро, Горыныч – карательная система, а "лысый конторского типа" - Ленин».

Дерзок, прям был Василий Макарович. По спецраспоряжению «бдящих», пьесу начали ставить в Ленинградском Большом театре кукол на улице Некрасова, подменив на юмор сарказм шукшинской «ленинианы», а дерзкий писатель вдруг умер...

* * *

То, что лениниана вездесуща и небезопасна, я почувствовал в пятилетнем возрасте, по какому-то поводу недовольный родителями, воскликнув: «А ваши Сталин и Ленин дураки!».

Мы жили за тонкими стенами большой коммунальной квартиры. Растерянное молчание родителей подсказало, что я сделал нечто гадкое, стало стыдно.

* * *

Как любому гражданину СССР, мне с младых ногтей довелось быть ежедневным свидетелем проявлений ленинского культа в быту,

кругу общения, мире идей.

Сорняк плодился и цеплял каждого. Некоторые за него ухватывались и поднимались по карьерной лестнице. Но большинство брезгливо отцепляло колючки инородного злака, заполонившего пространство русского бытия.

Лениниана заняла место религии, чудовищно пародируя ее. Культ требовал участия в ритуалах, искренних чувств преданности, исповедания догматов, превращая каждое новое поколение в циничное, по-марксистски во всем сомневающееся, по-ленински никому не верящее стадо.

Но здесь таилась кощеева игла большевизма: держа фигу в кармане, сметливый народ посмеивался над новой религией, угадав обреченность начальственной затеи...

* * *

В 1949 мне довелось увидеть Ленина и сидеть на коленях вождя.

Когда в буфет, покуривая трубочку, вошел Сталин с ленинцами, я закричал: «К нам вожди приехали!». Улыбаясь доброй сталинской улыбкой, вождь сел за стол, посадил меня на колени. Мы беседовали. Подали конфеты, лимонад, я был счастлив. Сияли и присутствующие.

Вдруг дверь распахнулась, в буфет ворвался Ленин, потирая руки. За ним Дзержинский.

Я знал, что Ленин в Мавзолее, и, поедая сталинскую конфету, недоумевал. Но Иосиф Виссарионович уверенно отправил «ум, честь и совесть эпохи» к буфетной стойке, заказав «еще парочку», а мне лимонада.

Вечно живой исполнил партийное задание, и вскоре между ними я чувствовал себя в штабе Октября, нарисованном в те годы художником В.В. Пименовым. Но в его картине нет конфет и лимонада, а вместо меня нарисован Я.М. Свердлов в пенсне и лапсердаке.

Железный Феликс пил молча, мрачно. Его мутило. Он шмыгал носом и пытался запеть «Варшавянку», но, начиная сипло мычать, смолкал и начинал вновь.

Главные над ним подтрунивали.

- Ну что, Феликс? – щурясь, вопрошал Ильич, - не получается, осип?

- Ничего, друг! - Сталин хлопал Дзержинского по плечу, - ничего, крепись, еще джигит, еще споешь, на-ка промочи горло!

И сверкала скупая, но благодарная слеза рыцаря революции. И падала на шинель.

Тогда в буфете Ленинградского Телевизионного центра собирались актеры, игравшие пьесу. Мой отец, один из создателей нашего телевидения, иногда брал меня на студию, где я любил буфет, подаривший мне живого Дзержинского, конфетного Сталина и лимонадного Ленина...

* * *

Лениниана! Как много в этом звуке судеб, анекдотов, знаковых явлений!

Самое знаковое – окровавленный халдейский зиккурат с черным каабом – жертвенником наверху для человеческих жертвоприношений.

Гениальный архитектор А.В. Щусев знал, что (!) сказать о Ленине. В кроваво-черном Мавзолее главную идею ленинизма он выразил по-русски открыто, прямо, честно и по существу. Не избежать бы ему эшафота. Но Алексей Викторович умер своею смертью по причине феноменальной безграмотности партийных пустобрехов, восхищавшихся шедеврами И.И. Бродского и писавших на кумачовых транспарантах: «МОГИЛА ЛЕНИНА – КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»².

Это перл! Что в сравнении с ним реплики собаки-Шарикова? Между тем, мертвый Ленин давал наилучшую возможность реализовать проект основания новой религии³.

Официозно-ритуальная лениниана стала сакральным символом советской религии и

породила тип художничающего большевика, аналитика революционных эволюций и коминтерновских эманаций. К.С. Малевич и П.Н. Филонов, например, трудились на уровне трансцендентно-художественного совокупления с ленинским трупом в рамках специализированных программ Государственного научно-исследовательского института Владимира Ильича Ленина при ВЦИК ВКП (б).

Заумный соцреалист К.С.Малевич здесь числился главным консультантом изобразительного отдела Комиссии по увековечиванию образа Ленина⁴. Члену той же Комиссии соцреалисту-аналитику П.Н. Филонову партия доверила с кистью в руке анализировать с натуры заспиртованный мозг гения, из которого уже откачали зеленую жижу сифилитика.

Художественно-некрофильские восторги от этих экзерсисов «монструозный» аналитик записывал в особую тетрадь⁵. Это забавные тексты⁶. «Не Символ Веры, а Волисполком, писал Павел Николаевич, - теперь руководство художнику для жизни и пролетарского творчества»⁷.

Подобно марксизму, лениниана тоже начиналась научно-аналитически, но не с абстрактных категорий философии и хитро-сплетений экономики, а с натуралистической реальности заспиртованных препаратов из ленинских членов.

Художественно-аналитический соцреализм, в гибриде с психоанализом Фрейда и ритуалами племени ВУДУ, экспериментально внедрялся в преисподнюю мертвых ленинских мозгов в поисках светлого будущего всего человечества...

* * *

Старательный, послушливый, Исаак, ни в чем не нарушая меры, во всем достигал успеха, «ему было точно известно, зачем и почему он делает то или иное»⁸.

Учтивый юноша располагал к себе фантазеров, собиравшихся по средам в «Пенатах», где принимали со старинным радушием, помогали, жалели, кормили⁹.

Уроженец бердянской Софиевки отвечал «почти» утонченными манерами. Старики это великодушно не замечали.

Так начинался путь живописного агитато-

ра за счастье, творца социалистического реализма и ленинианы¹⁰. Прославленное большевицкой верхушкой творчество И.И. Бродского дает повод к размышлениям о пережитом, о смысле русской живописи в ее прошлом и будущем. Официозные искусствоведы, разъясняявшие, как советское искусство цементировалось «идеологическим воспитанием, изучением основ марксизма-ленинизма, марксистской философии», не разъяснили суть социалистического реализма; не показали связи между ним, профессиональными задачами живописцев и идеологическим воспитанием¹¹.

А было ли что разъяснить?

В наше время, когда об «измах» столько заумного сказано, а по сути ничего, есть нужда дать определения стилям и жанрам, тем, что состоялись или завершили земной путь; это необходимо, чтобы избавиться от заблуждений, и возможно, ибо «искусство объяснимо и очень понятно» (Н.П. Крымов).

Постараюсь такие определения дать, не полагая в своих выводах исчерпывающей полноты ответа на поставленные вопросы.

* * *

Если термин «художественная лениниана» имеет внятный смысл как жанр произведений, отражающих деяния и облик В.И. Ульянова (Ленина), ставшего центром, иконой антихристианской религии, то словосочетание «социалистический реализм» изначально мутно и вызывает иронию.

Критики десятилетиями славословили соцреалистическую конъюнктуру, но тем же термином определяют и лучшие достижения русской живописи XX века. Это, конечно, недоразумение.

Без сожалений мы могли поставить точку на «соцреализме», если бы уцененный термин, применяемый нынче к шедеврам А.А. Пластова, П.Д. Корины, В.И. Мухиной и еще многих, не осквернял восхитившую мир художественную культуру народа, сокрушившего фашизм. Но термин застрял в головах, ибо пропаганда десятилетиями твердила о торжестве соцреализма на всех культурных поприщах.

* * *

Представления о художественном реализме обычно связывают с изображением мира таким, как его видят все в узнаваемых и понятных образах и формах. Чудо живоподобия издревле наделяло художественные изображения религиозным смыслом. Даже фантастические или сведенные к сакральным формам орнамента подобия богов и обожествляемых существ небеса, воды, земли, огня имели черты осознаваемой реальности: вода изображалась изгибами линий, небо звездами, земля растениями.

Мудрования о «сверхчеловеческих» абстрактных изобразительных формах, лишенных реальных прототипов – утопия, ибо даже заумный «супрематизм» К.С. Малевича оперирует реально существующими формами (линия, круг, квадрат) и красками (белая, синяя, красная и др.).

От реальности в изображениях не уйти. Изобразительная беспредметность бывает только в уме и, возможно, после смерти. В жизни ее нет. Дарованное всем видение реального мира – основа понятной каждому изобразительности искусства всех цивилизаций, где художественное изображение – уподобление, это всегда восторг пред Красотою видимого.

Христианское искусство относится к изображениям человека и мироздания так, как их замыслил Творец: человек-образ, подобие, икона Бога, а мир природы – сотворенный Рай.

Художественный реализм христианства утверждал Красоту как Божественный замысел, как «убедительную силу Истины» (Платон).

С наибольшей полнотою это выразила древнерусская живопись. Оттолкнувшись от опыта Византии, русские иконы и фрески дали миру высокие образцы реализма, соединив Красоту с глубиной трактовки символа. Вплоть до петровских реформ живописный реализм развивался в многообразии стилевых черт канона, когда в художественный мир православия пришли раннехристианские, римские формы искусства. Они были призваны, по замыслу самодержцев, выразить сакральную идею преемственности Российской Империи, Третьего Рима по отношению к Риму

Первому¹².

На протяжении последующих двух веков в разнообразных формах церковного и светского искусства русский реализм обращался к Правде, как встарь, служил Ей Любовью и Красотой, прославляя Отечество.

* * *

Западный рационализм, сметая христианство, заменил сакральную суть искусства разнообразными умственными конструкциями эстетических утопий. Так возник миф об эстетическом воспитании как воспитании искусством. Навязывание искусства «массам» через музейное просвещение, через суемудрие научной эстетики, несло предубеждения и утрату естественного чувства Красоты, а вместе с нею Правды.

И, может быть, поэтому абстракционизм и фашизм родились и расцвели в самых «просвещенных» странах.

* * *

Ленинизм увидел в искусстве орудие политической борьбы и манипуляций массами.

Смолкло слово Истины, что несли в мир русские реалисты. Язык художественных откровений подменил язык лозунгов и невразумительных знаков-символов. Переделывая искусство в орудие психологического воздействия, спецслужбы СССР организовали особые эксперименты «по овладению искусством воздействия на массы искусством»¹³.

Руководитель систематических оккультных исследований начальник Спецотдела ОГПУ-НКВД Г.И.Бокий на протяжении почти 10 лет курировал изучение тайных энергий изобразительных форм, и в частности, «супрематических» знаков^{14,15}.

Впоследствии Г.И. Бокий был расстрелян, результаты исследований засекречены, исследователи нейтрализованы: к концу 1920-х К.С. Малевича и П.Н. Филонова перестали активно поддерживать, использовать их искусство для пропаганды, освободили от всех официальных должностей¹⁶. Век художественных эксцентриков миновал.

В борьбе с реализмом, спровоцированной большевистским «авангардом», возобладали

исконно-народные художественные предпочтения. Эксцентричный «авангард» большевиков не прижился.

Не сумев уничтожить вековую культурную мощь, партийные работники «культурной политики» исхитрились ее возглавить, придумав сказку о некоем «социалистическом» реализме как высшей ипостаси развития искусства. Разрабатывая основы новой религии для человека будущего, угадав в искусстве возможности выражения новых культов¹⁷, большевики противопоставили соцреализм русскому реализму, а при мощном государственном финансировании, первый должен был его изжить, превратив русское искусство в обертку для некоего препарата, регулирующего поведение членов социалистического общества¹⁸.

* * *

Русский реализм знал великих подвижников. Им на смену пришла арт-номенклатура «ответственных работников культурной политики», пропагандистов и агитаторов за счастье¹⁹.

Насажденная «верхами», подотчетная полувластная номенклатура стала орудием подавления свободы художников, и гибель Красоты была обеспечена. Здесь исток раздавивших Красоту демонических форм нового искусства от «авангарда» до «сурового стиля».

Критики канарейками воспевали соцреализм, услаждая цензоров, затеняя живое народное творчество восхвалениями заслуг арт-начальников, наподобие И.И. Бродского.

Толпы их подчиненных-«поклонников» сбегались рукоплескать и славить «народных» на юбилейных торжествах.

Номенклатура любила свои юбилеи, дифирамбы, букеты, банкеты и прочие признаки «всемирного признания»²⁰.

Не рукоплескавшие рисковали остаться без заказов (средств к существованию). Помимо несгибаемого силового стержня – номенклатуры, соцреализм имел идейный стержень – жанр ленинианы с которого начинались экспозиции живописи и скульптуры советских выставок.

* * *

Моя художественная лениниана началась в конце 1950-х в СХШ (Ленинградской Средней Художественной школе), располагавшейся тогда в третьем этаже здания б. Императорской Академии Художеств. С Володей Алексеевым, закадычные друзья, мы сидели за одной партой²¹. Я с восхищением следил за искусной рукой друга, пририсовывавшего в учебнике истории усы, рога, ослиные уши знаменитым, но не симпатичным революционерам и революционеркам. На следующем уроке я делал то же, стараясь не отставать в искусстве. Разобравшись с К. Либкнехтом, фантазия устремилась к Ильичу. И в то мгновение, когда я облагораживал лысину мухоморами, надо мною нависла тень учителя.

Своеобразие облика его определяла верхняя часть пиджака, в которую, казалось, вставили плечики-вешалку.

Пиджак «Вадны», - так звали Бориса Ивановича Калиновского ученики за польское невыговаривание буквы «л» и за любимое словечко «ладно», произносимое им, как «вадно», - этот пиджак был всегда по-ленински мят, замызган и источал конторский запах.

Второе прозвище Вадны было «Калина».

— Так вот чем ты занимаешься Крывов! Ну, вадно, тебе это так не пройдет!

Вадна-Калина отнял учебник, дело приняло оборот. По намекам я понял, что Калина был «стукачом»²².

В воспоминаниях выпускника СХШ Э.С. Кочергина персонаж Вадны представлен опозитизировано, хотя и колоритно.²³ Фронтвики же говорили о нем, как о бывшем осведомителе СМЕРШа. Впрочем, и то, и другое легенды СХШ. Спас меня Борис Васильевич Котик, любимый учитель живописи²⁴.

При разбирательстве дела на педсовете он вырвал у Вадны учебник, вещественное доказательство, спрятал за пазуху, рыкнув: «Все! Ничего не было!». И пронзил стукача взглядом барса, готового к прыжку.

Вадна знал, чего бояться. Перед войной Б.В. Котик стал чемпионом СССР по боксу, в «самаркандском десанте» эвакуированных художников не участвовал²⁵, воевал доблестно под Москвой, в Белоруссии, Прибалтике, Польше. Участвовал в артиллерийских дуэлях

с немецкими «пантерами», брал языков.

Мы восхищались его обликом, умом, артистизмом и еще неопытными сердцами угадывали необоримую мощь Мужества и Правды. Выговаривая мне, Борис Васильевич был взволнован. Я впервые почувствовал лезвие-грань смертельной опасности, впоследствии старался ее не переступить. Учитель спас меня от колонии и «волчьего билета», а родителей от ссылки.

* * *

Начав карьеру с «Красных похорон» (1905 г.), И.И. Бродский стал ритуальным художником партаппарата. В борьбе между кружевным пейзажным лириком Серебряного века и соцреалистическим некрофилом победил сильнейший.

Если бы греко-египтяне Фаюма не были жизнелюбивы и не верили в Воскресение мертвых, то для погребальной живописи пригласили бы Бродского.

Вожди, отпортретированные им с фотографий, вовсе не портреты, но как бы заспиртованные докладчики на трибуне; художественная суть многофигурных фото-картин в колдовской окаменелости «массы» и партийного президиума, связанных особым сакральным ритуалом. И все «это» (!) после шедевров Вал. Серова, В.И. Сурикова, М.А. Врубеля!..

Исаак Израилевич и сам не заметил, как зачатый им соцреализм претворил чувственный язык живописи, когда-то подвластный ему, в изобразительное подобие партийных декретов, изложенных мелочно-протокольными красочными мазками, бесцветными, уподобленными знакам стенографических протоколов партконференций.

Поэтический символ покинул картинную плоскость. Его сменили символы иного толка. О склонности Бродского к хитроумному кодированию изображений свидетельствует портрет Ленина, сделанный очень мелкими буквами. «В изображаемое лицо был графически уложен текст Манифеста Коммунистической партии. Разный нажим пера создавал интересный эффект: лицо как живое, обладало мимическими свойствами. Читая текст, зритель проходил взглядом по изгибу бровей, кружил вокруг глаз, следил за разного размера

буквами, не теряя из виду созданный им портрет Ленина²⁶.

Выполненный по фотографии рисунок не составил мучительных трудов автору, но должен был потрясти воображение партийных начальников, замороженных необычным кроссвордом. Кошунственная трактовка мысли о «Слове, ставшем плотью» помесью фотобродскизма с марксистскими мантрами создавала подобие иконы социалистического «бога» (вспоминается «иконостас» из шукшинской пьесы-сказки «До третьих петухов»)²⁷.

В зловещей зауми благообразный фото-соцреалист не уступает супрематическому соцреалисту Малевичу²⁸. Нечто изуверское мгновенно угадывает сердце в этой тайнописи...

* * *

Распространено мнение о том, будто «великое искусство авангарда» было задушено «мертвящей рукой сталинизма». Это не так. Большевицкий авангард, как и натурализм бродскизма, возникают по разрядке, одновременно, в эпоху «военного коммунизма».

Как взаимозаменяемые методы насаждения массовой культуры социализма они альтернативны, но едины и равноценны по существу. Это две стороны одного пятака.

Их совокупность и есть официозный «социалистический реализм» такого восприятия и изображения видимого, когда фантом исключал объективную реальность, вытеснив и подменив её.

Итак, соцреализм изначально имел два лица. Если соцреализм авангарда, трактуемый К.С. Малевичем «заумным реализмом»²⁹, состоял в изобразительном натурализме художественных знаков-символов (линии, геометрические фигуры, фактуры и пр.), то соцреализм бродскизма – в фото-иллюзорном натурализме изображения пузырей-оболочек видимых форм.

То и другое устремлялось к призраку «светлого будущего всего человечества». Эта двуличность – тактический прием, имевший стратегическую цель поражения жертвы.

Накатываясь поочередно, разрушительные волны, то авангарда, то бродскизма, как боевое наступательное средство, предназна-

чались для изменения сознания народа страны, а, в конечном счете, для победы «мировой революции, совершаемой не пушками и штыками, и даже не золотом, а новейшим оружием... искусством»³⁰.

«Всеочищающее варварство» авангарда сметало отжившее (живое)³¹, что по времени и, по сути, соответствовало годам «красного террора» и «военного коммунизма», охватывавшая наиболее революционизированные социальные группы городской молодежи. А имитирующий русскую реалистическую живопись фото-бродскизм рекламировал пролетаризацию всего сущего, увековечивая жрецов и идолов большевизма, его сакральные мистерии, ритуальную лениниану. По сути и по времени бродскизм соответствовал эпохе сложившегося тоталитаризма новой культурной политики, к концу 1920-х охватившей всю страну целиком. Можно сказать и так: демонической силой супрематических знаков авангард воздействовал на «массу» революционным шоком, а ряженный в одежды реализма бродскизм шок фиксировал, гипнотически парализовал массу, соблазняя призраками коммунизма. Старый прием – кнут и пряник, насилие и обман. Видимое противостояние, борьба между авангардом и бродскизмом было продуманной маскировкой единства согласованных разрушительных действия соцреализма против традиций русского реализма³²...

* * *

Купив красные кеды, я вышел из магазина, последней спичкой зажег сигарету и, бросив сношенную обувь в урну, любовался приобретением. Так и этак поворачивая ногу в нарядной новой обуви, я заметил остановившегося подле меня человека. Кирзовые сапоги, фуфайка, вещмешок, седая щетина на обветренном лице и беззубый рот - вот его облик. На вид ему было более 70 лет.

Ушанка сбилась, показывая обритость головы. Старик попросил табачку. Воспользовавшись моей щедростью, взял узловатыми пальцами несколько сигарет и, удерживая их веером в левой руке, правой пытался одну раскурить от моего окурка. Безуспешно.

Кое-кого помянув, он расстегнул фуфайку и, доставая из внутреннего кармана спички,

выронил на снег небольшой блокнот. Страницы раскрылись.

Поднимая блокнот, я разглядел портретные зарисовки бритоголовых. Не это поразило меня, а мастерство рисования. Точная линия, культура карандашного рисунка выдавали руку профессионала. Я видел такое в музеях, на репродукциях монографий, и был восхищен.

- Что это?

- Да так, пустяки, наброски.

Он заметил мой интерес.

- Это мои рисуночки, а ты что, интересуешься?

Я ответил, что закончил СХШ и собираюсь поступать в Академию Художеств. Сурово отстраненный облик помягчел, старик оживился и рассказал мне следующее:

«Я закончил Академию Художеств, но давно. Моя фамилия Овечкин³³. Учился я у Репина, ну его ты знаешь. У него учился Исак Бродский (он говорил «Исак»), он был старательный, но малоодаренный. А после революции пошел в гору, стал вождей рисовать. Мы голодали, жили скудно, работы не было, и Исак нанимал, кто поталантливее, чтобы исполнять огромные холсты на тему выступлений Ленина. Он нам платил. Работал я, И.П. Степашкин³⁴, Л.Ф. Овсянников³⁵.

Мы рисовали картоны сангиной и углем в натуральную величину, потом рисунок переносили на холст и гризайлью, в два тона, раскрывали. Ну а дальше писали все с палитры.

Сам Исак в этой работе не участвовал, ведь он плохо рисовал голову, да и фигуру тоже: так, все веточки-листки. Вышивал, а не рисовал.

Для написания таких картин ему начальство давало автомобиль, шофера, фотографа и все остальное.

Они приезжали на завод. Начальники устраивали рабочих в виде митинга. Исак командовал перестановкой людей: «Ты перейди сюда, ты сюда, ты повернись так, ты улыбайся». Потом фотограф фотографировал, а Исак по этой фотографии писал эскиз картины. Он в композиции мало понимал, все с фотографии.

В Смольном эскиз утверждали, и мы начинали увеличивать.

О нашей работе знали немногие, хотя

слухи ходили. Почести и звания доставались Исаку... Вот так.

А после меня надолго посадили. Так и прошла жизнь».

Старик закурил новую сигарету.

- Сколько же лет вы провели в неволе?

- Больше тридцати. Сначала дали десять, потом добавили, и опять добавили. Там это за просто...

- Куда же вы теперь?

- Да вот найду родных, я ведь здесь родился...

Мне было жаль старика, но я ничем не мог помочь, разве что отдал пачку сигарет и высыпал в его ладонь мои копейки. Он несколько смутился, не знаю отчего.

Мы простились строго и почтительно.

Он благословил меня... Шел февраль 1964 года.

* * *

По словам современника, И.И. Бродскому импонировала логическая последовательность в развитии идей³⁶.

Заказ и замысел изначально связывались причинно-следственными узлами детерминизма, не нарушая столпов марксистской диалектики.

Бытие – (заказ) определяло сознание – (творческий замысел).

Самым грандиозным из заказов-замыслов Бродского стала картина «Торжественное открытие Второго Конгресса Коминтерна»³⁷. Заказ увлек Исаака Израилевича, и, пожалуй, впервые, с несвойственной ему пылкостью, он рисовал с натуры множество интернационалистов.

«Я работал, не жалея сил, - писал он, - стараясь подчас торопливо занести на бумагу черты революционеров»³⁸.

Отштрихованные рисунки не сильно смахивают на оригиналы, в чем убеждают зарисовки головы Ленина. Бродского это не тревожило: фотографы и помощники работали безотказно. Зато маэстро был в гуще событий, на виду, рядом с Президиумом.

Пока ораторы витийствовали, он трудился. Вспоминая лицедейскую биомеханику Мейерхольда, величественно вскидывал голову, поправляя «рафаэлевские» пряди^{39,40}.

Главный художник победившего пролетариата вглядывался в лица марксистов с замечательной актерской выразительностью. И рисовал, рисовал, рисовал...

Внимание всех революционерок в зале было приковано к красивому художнику. Он это хорошо видел, и, по-мейерхольдовски страстно войдя в образ Рафаэля, не забывал видеть себя со стороны. Поминая Станиславского, он думал о каждом движении, жесте. Когда воображение рождало солнечный лик Шаляпина, Исааку Израилевичу хотелось петь... Но он рисовал, рисовал, рисовал, художник-романтик, активный борец за воплощение идей Маркса во всем мире.

Он вспоминал: «Я чувствовал, что являюсь свидетелем важнейшего исторического момента великой революции...»⁴¹

Куда там Репину с его «Государственным Советом»! Исаак Израилевич был в восторге от собственной игры и, конечно, от роли самого себя.

Эмоции подкреплялись тостами коминтерновских застолий. Здесь художник сдвигал бокалы с царскими вензелями со «звездами» марксизма, с ними же закусывал икоркой и балычком (в России был голод). В свой звездный час уроженец Софиевки упивался возложенной на него миссией художественного летописца мировой революции⁴².

Если бы Ильф и Петров умели видеть дальше, непременно переименовали бы «Васюки» в «Софиевку»: благозвучнее, мудрее и ближе к Коминтерну...

* * *

Логика детерминизма: заказ – творческий замысел – гонорар – слава, объясняет плодотворность фото-бродкистской ленинианы⁴³. На этом поле гонорарных чудес Исаак Израилевич был безотказным исполнителем заказов, и, соответственно, живоносным источником живописных замыслов. Платили щедро. «Первые» лица его ценили, подавали руку. С ним фотографировались. Интересно, что пристрастие многих художников фотографироваться рядом с «первыми» начинается именно с Бродского. Он первый выказал порыв услужливости, заметный, смешной и небывалый до революции. Главный художник

ленинианы показал и другой пример: умом, честью и совестью прислуживаться «первым лицам». Вот его слова:

«В день награждения меня орденом мне захотелось ответить партии и правительству не словами, а делом, и я в тот же день сделал на литографском камне портрет И.В. Сталина. Вот первый оттиск с этого камня. Я прошу принять его на память об этом счастливом для меня дне»⁴⁴.

Исаак Израилевич стал патриархом клана мастеров ленинианы, особого типа художников, не обремененных балластом сомнений и поисков, но уверенных в правоте своего хорошо оплачиваемого художественного труда на благо партии...

* * *

После Бродского соцреалистические «лукичи», лысые, в кепках, пиджаках опохабили лик Отечества.

В городах и весях, на площадях, в метро, на знаменах, спичечных коробках, на посуде, орденах, деньгах, в красных уголках, домах культуры, кинотеатрах, пионерских значках, в песнях, в мозаике, бронзе и граните, - везде страшненький Ильич был с нами, и непременно «вечно живой».

Среди изготовителей ритуальных «ильичей-лукичей-вовиков» бытовало множество анекдотов, восходящих к реальным событиям.

Как-то Художественный фонд РСФСР получил заказ на изготовление скульптурного «вовика» для городка на Крайнем Севере. Заказ был срочный, к партийному юбилею. У изготовителей имелись в запасе комплектные ленинские детали: туловища в пиджаках, протянутые руки, брюки с ботинками. Не было подходящей по размеру головы. Ее взяли на скульптурном производстве у «смежников», упаковали, перевезли на Север. На месте все смонтировали, приварили, привинтили, проверили на прочность, отретховали.

А когда на торжественном открытии слетела белая завеса, северяне увидели Лукича в кепке с другой кепкой в протянутой руке; третья торчала из кармана пиджака.

Никогда в истории России искусство не играло столь глупую и похабную роль. Она и

была главным предназначением соцреализма: все испохабить и оглупить...

* * *

Чада Победы, мы росли, осознавая себя свободным поколением Страны отцов-героев, и открыто иронизировали по поводу ленинианы, чувствуя в ней фальшь и эфемерность. В том, что она за 70 лет не укоренилась, убеждают расплывшиеся гипсовые «вовики», кое-где еще заметные в зарослях бурьяна, да симптоматичный соцлагерный «ленинопад».

В нашей иронии не было возрастного самоутверждения, позы, диссидентства, но нравственный инстинкт, врожденное стремление к Правде. Равняясь на героев-отцов, мы презирали «самаркандских десантников» - тыловики и стукачей, выползших «в начальники».

Вольные «сехешатики», мы рисовали революционерам рога, копыта и хвосты и потешались, рассматривая вывешиваемую по праздникам на ограде соседствующего с Академией Соловьевского сада живописную «наглядную агитацию» - лениниану классиков соцреализма: И.И. Бродского, П.П. Белоусова, Б.В. Иогансона, В.В. Пименова, Вл.А. Серова и других.

Когда выпадал снег, щиты с изображениями становились мишенями для снежков. Излюбленной целью был ленинский лоб, а еще окуляры пенсне близорукого Свердлова, наклеванного на какой-то пименовской картине.

Поочередно целясь то в левый окуляр, то в правый, мы попадали.

Будущие рисовальщики «ставили» глаз и руку.

После праздников заплеванные прохожими фотощиты сдвигали до следующих торжеств в угол академического двора, накрыв рубероидом. Здесь птички, мышки и червячки доводили патинировку, а незабываемые отметины ставили коты, столетиями населявшие академические подвалы.

Природа находила способ выразить свое отношение к соцреализму.

А нас временами тревожила мысль о том, что рано или поздно у «самаркандских десантников» придется учиться.

Пришлось. Но не учиться, а терпеть тех, кого дети фронтовиков не могли уважать.

Присущая каждому из моих ровесников эта глубинная черта поколения, к сожалению, определила многое...

* * *

Среди учеников Исаака Израилевича особой приверженностью к учителю отличался Владимир Александрович Серов.

Он тоже достиг начальственности посредством ленинианы.

После долговременного засилия доморощенного «сезанизма» и «сурового стиля», сегодня многие проявляют интерес к мастерству Вл. Серова. Вероятно, судят по репродукциям, где плохая живопись всегда лучше, а хорошая – хуже. Еще учениками СХШ мы видели холсты Вл. Серова и подметили в них две черты.

Одна состояла в обязательном изображении дымящихся сигарок.

Герои картин курили в раздумьях о былом, в мечтах о будущем, диспутах, беседах, перед боем, после победы Октября, а то и просто прикуривали у товарища или скручивали «козью ножку», перечитывая ленинскую «Искру». Наличие сигарки создавало композиционные связи в незатейливой режиссуре и анемичной пластике, придавало бессмыслице соцреалистическое подобие смысла и как бы приближало к «правде жизни».

Серовский мотив сигарки стал модным и перешел из «революционной» на «производственную» тематику живописи, в которой закурили и задумались доменщики, шахтеры, мастера производства, инженеры-проектировщики и победители социалистического соревнования; на изображения победителей у руин рейхстага.

Образы переживающих сложные чувства, глубоко задумавшихся курящих, развили кинорежиссеры тех лет. Вскоре количество курильщиков в стране сильно увеличилось.

Другая черта картин Вл. Серова проявлялась в рисовании старых и молодых, мужских, женских и детских лиц особым приемом, когда около глаз изображенных неизменно получался узнаваемый ленинский прищур.

Все персонажи его картин были похожи на Ленина, сам автор необычайно походил на героев своих картин.

Слащавая, старчески дряблая живопись

Вл. Серова напоминает заношенную ткань обожествляемого Бродским ленинского пиджака и как бы издает затхлый дух каторжно-эмигрантских скитаний его владельца⁴⁵.

И если Бродскому картины писали исполнители, то Владимир Александрович деньги на исполнителей не тратил, жалел, пыхтел сам, неустанно творя новые и новые прищурки и окурки «правды жизни».

А жизнь с каждым годом все более обнажала творческую ложь художественных начальников. Наиболее забавные из картин Вл. Серова: «Въезд Александра Невского в Псков» и «Встреча Ленинградского и Волховского фронтов».

Все персонажи, включая немцев, похожи на Ленина, а все вместе, как обычно, на авто-ра...

* * *

«Что они все Сталина рисуют, да так плохо?» - попыхивая трубкой, ворчал Иосиф Виссарионович, снимая с выставки в Третьяковской галерее, приуроченной к его 70-летию, полотно «Утро нашей Родины». Написанный Д.А. Налбандяном холст изображал генералиссимуса в белом мундире, подрюмяненном восходящим солнцем, на фоне тучных нив (было время неурожая и страшного голода в центральной и южной России). Горской походкой к обиженному Сталину подошел Л.П. Берия и, указав на снятый холст, «попросил» за молодого живописца, выходца из семьи кавказских революционеров.

«Лаврентий, мне портрет не нравится... но если такая семья, пусть висит», - вздохнул добрый вождь. Дмитрий Аркадьевич получил за портрет Сталинскую премию и должность Вице-президента академии Художеств СССР⁴⁶.

В лениниане его место особенное. Впервые в мировой живописи Налбандян сумел претворить лениниану в «сталиниану», ее в «хрущевяну», а ту в «брежневяну». Начал было трудиться над «андроповяной» и «черненкояной», но не успел. Его творческие устремления не знали границ. На одном из докладов очередного генсека, сидя в первом ряду, Налбандян вдохновенно воскликнул:

«Как он прекрасен! Какой взгляд! Я обя-

зан (!) написать его портрет!». Горбачев зло скопил глазом.

- Не нужно, Дмитрий Аркадьевич, теперь это не нужно, - испуганно коснувшись руки Вице-президента, зашептала референт. - Теперь это не востребовано.

- Вы думаете?.. - растерялся маэстро.

«Горбачевяна» не состоялась. Налбандян вскоре умер.⁴⁷

Похоронили ли его в кремлевской стене, никто не помнит, да и фамилию забыли...

* * *

1980-е годы – ожидания перемен...

Десятки тысяч многорядной очередью, разделенной веревочными леерами, окружили здание Конногвардейского манежа в Ленинграде. Здесь проходила выставка картин И.С. Глазунова. Все хотели видеть, как Илья Сергеевич представил Ленина в демоническом окружении.

- Пропустите меня, я ветеран партии! - грозно наступала, чтобы пройти без очереди, Елена Павловна Жукова, ответственный секретарь секции живописи Ленинградского отделения Союза Художников СССР.

Статный милиционер следил за рядами, не допуская нарушений. Художников без очереди тоже не пускали. Е.П. Жукова напирала на веревку, залезла под нее, упала на четвереньки, ползла. Вежливый милиционер помог женщине встать, но, охватив рукою ее голову, осторожно отжал изнутри веревочного пространства наружу.

Взбешенная Елена Павловна, потрясая партбилетом, срывала голос: «Вы не смеете, я ветеран партии! Невежа! Сопляк! Я у Ленина на коленях сидела! Вы не видели фильм «Ленин в 1918 году»! Это безобразие! Я собою, куда следует!». Многотысячная очередь хохотала, а милиционер, смущенно улыбаясь, молчал.

Разве мог он знать, что девочка Леночка, которую вождь в кинофильме учил рисовать птичку, и мегера из Союза Художников – одно лицо?⁴⁸

Елена Павловна в собственном творчестве Ленина не рисовала, не умела, а исповедовала художественный метод личных врагов Бродского, леваков-формалистов. Однако истори-

ческий урок вождя пошел ей впрок. Работая в два цвета: зелененьким и розовеньким, она рисовала птичек и веточки. Получалось, как и учил Ленин. Дочь его сотрудника, не то фотографа, не то охранника, - бывшую девочку Леночку большинство ветеранов секции живописи поминали не добрым словом. Было за что, в том числе, и за ежеквартальные отчеты «куда следует»⁴⁹.

Лучше бы гений революции не сажал ее к себе на колени и не учил рисовать птичек...

* * *

В 1950-е в Академии Художеств появился ряженный натурщик, двойник Ленина.

Лишь входил он в здание, словно по сигналу, пионеры-«сехешатики» вмиг слетали воробьями с третьего этажа, чтобы, утирая носы, лицезреть вечно живого.

Какова судьба этого оригинала, не знал никто. Поговаривали, что был он деникинским офицером, иные утверждали – врангелевским. Скептики же поясняли, что у него «специальное» удостоверение – разрешение играть роль Ленина. Но все знали его под фамилией Николащенко.

Иногда его видели в коридоре СХШ, где, боясь насмешек, он мелькал между переменами.

Услугами Николащенко пользовались ленинские классики, живописцы И.И. Андреев, Н.Л. Бабасюк, М.М.Девятков, О.А. Еремеев, В.М. Орешников, И.М. Пентешин, В.В. Пименов, В.И. Рейхет, В.В. Соколов, Б.С. Угаров и скульпторы В.Б. Пинчук, М.К. Аникушин, - всех не помню, и, конечно, кинорежиссеры, в ту пору бойко осваивавшие плодотворную ниву, так называемой «революционной романтики», придуманной в хрущевских кабинетах с тем, чтобы отвлечь народ от реалий социализма.

Припоминаю, что Николащенко позировал и на учебных постановках факультета живописи. По-видимому, руководители, следуя бродскистским заповедям, видели в таких постановках какие-то особые возможности развития живописных дарований молодежи в совокупности с воспитанием «культурно-политического уровня, без повышения которого, нельзя вырастить в большого советского

мастера»⁵⁰.

Мы, юные ленинцы, отметили тогда, что повадки Николащенко менялись на разных уровнях академического здания.

В коридоре третьего этажа, где располагалась СХШ, он не ходил, а пробегал, съезжившись и опустив голову, боясь получить наслюнвленную «пулю» из рогатки, излюбленного оружия отроков. Для его изготовления требовались резинка от трусов, пара старых промокашек и некоторое количество слюней.

Как-то за искусное владение рогаткой на уроке живописи учитель Б.В. Котик выставил меня из класса, оторвав от мольберта за ухо, и довел до самой двери, добавив: «Вон!».

Сехешатики знали, кто в Николащенко попал, но имя героя скрывалось - он был «политический», как Ленин в ссылке.

Его, легенду СХШ, безмерно уважали, восхищались меткостью стрельбы. А пионеры умели хранить тайну, несмотря на ухищрения старшей пионервожатой, которая имела несколько прозвищ, и самое цензурное из них было «Колобок».

Исполняя партийный долг, преподаватели-коммунисты, в присутствии бдительного «Колобка», конвоировали Николащенко по нашему коридору «от дверей и до дверей».

Во втором этаже, на факультете живописи, «Ленин» успокаивался, хотя еще был настрожен. Здесь он мог остановиться, покрутить лысиной, принять позу вождя, побеседовать с преподавателями, оказывающими «Ильичу» заметное почтение, перекинуться шуткой со студентами или коллегами-натурщиками, ряжеными в ходоков, балтийских матросов, доярок, сталеваров.

Первый этаж для Николащенко самый желанный, здесь сехешатская «пуля» ему не грозила, а юные ленинцы тихонечко прошмыгивали мимо. Он распрямлялся, движения становились стремительными. Таким заставляли его у туалета.

По-ленински отставив назад левую ногу, молниеносным движением вытянутой правой руки с зажатой кепкой он толкал туалетную дверь, сдерживаемую очень тугой пружиной.

Пружину не меняли, она надежно оберегала пространство храма искусства от авангардных ароматов. Тугая пружина стала первопричиной николащенкоковского движения,

ухваченного хватким М.К. Аникушиным. Оно точно передано в ленинской скульптуре на Московском проспекте.

Эта бронзовая статуя лучший памятник Николащенко, стремящемуся в академический туалет. Те же пластические вибрации, тот же артистизм, та же верность правде жизни.

Но жизнь идет вперед, после ухода Аникушина в лучший мир пружину поменяли и запаху дали бой, а николащенковский памятник окружили фонтанчиками, на гранитной пирамидке написали: «... пусть, как и прежде, будет неделима Твоя и наша общая судьба! – Водоканал – любимому городу...»...

Что же, однако, воспламенило поэтическую музу Водоканала: Николащенко с фонтанчиками или два туалета-писсуара, органично фланкирующие аникушинский ансамбль и неделимо с ним связанные общей судьбой ленинианы?

* * *

В вестибюле Академии ленинский двойник замечательно преображался.

Выступая обычно в паре с кем-нибудь из мэтров ленинианы, он мгновенно входил в образ⁵¹. Рядом с О.А. Еремеевым он смотрелся как Ленин с Горьким, - с В.Б. Пинчуком уподоблялся вождю с Луначарским, рядом с В.В. Пименовым выглядел, как с Бродским.

А вот М.К. Аникушин был плохим партнером, претендуя сам на замухрыженный облик вождя революции, и мы запоминали две ленинообразные карикатуры, рассекающие пространство вестибюля. Это незабываемо!

Тогда особенно хотелось стрелнуть из рогатки. Место было удобное, обзор хороший, и в случае удачи, попасть можно было в обоих дуплетом, а мы умели бить без промаха.

Будущие великие художники, мечтатели прозревали содержательную остроту интриги: пионер-ленинец стреляет в двух Лениных! Это вам не «Смерть Камиллы, сестры Горация». Но вспоминался преждевременный конец Фанни Каплан...

* * *

В 1968 году я встретил соученика по школе, талантливейшего скульптора Сергея Ку-

басова⁵². Мы не виделись долго. Радостный Сережа спрашивал, как воспринял я вылепленную им тогда, вместе с В.Горевым, новую статую аникушинского Ленина на Московском проспекте. Он рассказывал, как, наматывая на проволочный каркас комя глины, они «охаживали» Владимира Ильича лопатами и дубинами, рубили топором; как это увлекательно, трудно и срочно; как Аникушин героически лепил голову.

Меня раздражала лениниана и была непонятна радость друга. Я помнил Николащенко, ведь мы недавно, таясь от Колобка, стреляли в его лысину, рисовали вождям рога, хвосты, копыта. Неужели Сережа, как Бродский, поменял талант и мечты на халтуру?

В сехешатском братстве сложился кодекс чести, считалось недостойным относиться к официозной лениниане как к искусству.

Я и сейчас так думаю.

С. Кубасов родился в таежной глухомани, где в стойбищах оленеводов отец, инженер-геолог, скрывался с семьей от расстрела «за политику». Там он умер, и после смерти Сталина мать с двумя сыновьями вернулась в Россию, в Ленинград, где они ютились в дворничкой каморке на Васильевском.

Ужасающая бедность и стеснения развили в нем волю к материальной свободе, широким действиям, и Сережа был рад воплощенной мечте.

Но я тогда не знал об этом и, вообразив, как можно рубить Ленина топором, ответил: «А знаешь, Сережа, когда мы начнем сносить эту наглядную агитацию, мне будет тебя жаль».

Он растерялся.

- А разве это возможно?

- Конечно, это произойдет.

- Когда же?

- Да лет через двадцать пять.

Сережа обиделся, но через двадцать пять лет настал 1993. Коммунистов отменили, и лениниане настал конец.

Теперь иные времена...

Примечания

(1) Обходя цензуру, в сборнике коротких рассказов В.М. Шукшина издатели поместили эту пьесу без указания в оглавлении, между рассказа-

ми в середине тома.

(2) **Панченко А.А., Панченко А.М.** Московская ересь XX века. (Мавзолей вождя). // Программа «Храм» Санкт-Петербургского Фонда культуры. Выпуск 9, СПб. 1996. с. 23.

(3) **Медведев А.В.** Аксиомы авангарда. // **Медведев А.В.** Ни коня, ни сабли. ОАО «Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга «Петроцентр», 2013. с.155; **Протоиерей Михаил Ардов** вспоминал: «...партия большевиков – сатанинская пародия на Церковь, съезды – это соборы, парады, демонстрации и митинги – ритуальные действия, чучело Ленина пародирует святые мощи и так далее...; американский писатель **Теодор Драйзер** писал: «Многие рассказывали мне, что его набальзамированное тело – такое же, как и в тот день, когда он умер, - окутано суевериями. До тех пор, пока он лежит здесь, до тех пор, пока он не изменится, коммунизм в безопасности, и новая Россия будет процветать. Но (добавляли они шепотом) если он истлеет или будет кем-то потревожен, тогда наступят печальные перемены – конец его великой мечты!». Цит. по: **Панченко А.А., Панченко А.М.** Московская ересь XX века... с. 23, 26.

(4) **Медведев А.В.** Аксиомы авангарда... с.159.

(5) **Там же**, с.159.

(6) **Там же**, с.157,167-170.

(7) **Там же**, с.128.

(8) **Цензор Д.** В Одесской художественной школе. // Памяти И.И. Бродского. Воспоминания, документы, письма. Художник РСФСР, Л. 1959. с. 36.

(9) **Бродский И.И.** Автобиография. // Памяти И.И.Бродского... с.18.

(10) **Кацман Е.А.** Исаак Бродский // Памяти И.И. Бродского... с.18.

(11) **Лисовский В.Г.** Академия Художеств. Л. Лениздат, 1982. с.169.

(12) **Крылов А.К.** Палладиум Невского Рима. // Макариевские чтения. Выпуск XXI. Можайск. 2014. с. 436-439, 440-447.

(13) **Медведев А.В.** Аксиомы авангарда... с.181.

(14) **Там же**, с. 99.

(15) **Там же**, с.172.

(16) **Там же**, с.132.

(17) **Там же**, с.153.

(18) **Там же**, с.146.

(19) **Там же**, с.171.

(20) За 42 года преподавательской работы (с 1974 г.) я был невольным свидетелем множества таких торжеств, виновники которых занимали профессорские должности в Академии и номенклатурно-чиновничьи в Союзе Художников.

(21) **Алексеев Владимир Федорович** (1944-

2010 гг.) Ленинградский – Санкт-Петербургский художник книги, мастер резцовой гравюры.

(22) Меня предупреждали об этом учителя СХШ – Михаил Георгиевич Козелл, учитель рисунка Анна Филипповна Подлясская, учитель литературы, а Педагогический совет учителей, во главе с директором школы Алексеем Петровичем Кузнецовым, меня тогда защитил.

(23) **Кочергин Э.С.** Вадно Палыч. // Ангелова кукла. Рассказы рисовального человека. Вита-Нова, СПб. 2011, с.87-94.

(24) **Котик Борис Васильевич** (1921-1984 г.г.). Ленинградский живописец, автор монументальной диорамы «Прорыв Блокады Ленинграда». Среди его произведений тематические картины, портреты, северные пейзажи. Преподавал в СХШ с 1953 по 1961 годы. Ветеран-фронтовик.

(25) Термином «самаркандский десант» ленинградские художники-фронтовики называли группу преподавателей и студентов Ленинградской Академии Художеств, несмотря на призывной возраст, эвакуированных в 1941 году из блокадного Ленинграда в Самарканд для продолжения учебной работы. Имена их можно узнать в справочниках.

(26) **Медведев А.В.** Аксиомы авангарда... с.139.

(27) По тексту шукшинской пьесы, черти выбрасывают монастырские иконы, а вместо них вешают свои портреты.

(28) **Медведев А.В.** Аксиомы авангарда... с.158.

(29) **Там же**, с.153.

(30) **Там же**, с. 96-97.

(31) **Там же**, с.171.

(32) **Там же**, с. 90.

(33) Его имя и отчество, к сожалению, не запомнил.

(34) **Степашкин И.П.** Требовательный художник. // Памяти И.И. Бродского... с.82,83.

(35) То же, со слов художника Л.Ф. Овсянникова, подтвердила кандидат искусствоведения Нина Валериановна Фаминская.

(36) **Голлербах Э.Ф.** Испытанный мастер реализма. // Памяти И.И. Бродского ... с.116.

(37) **Сидоров А.А.** Страничка воспоминаний о художественной жизни 1920-х годов. // Памяти И.И. Бродского... с.91.

(38) **Бродский И.И.** Рисунки к картине «Торжественное открытие II Конгресса Коминтерна» 1924 г. // Памяти И.И. Бродского... с.210.

(39-40) **Медведев А.В.** Аксиомы авангарда... с.59. **Перельман В.Н.** Борец за реалистическое искусство. // Памяти И.И. Бродского... с.98; **Кацман Е.А.** Исаак Бродский. // Памяти И.И. Бродского... с.109.

(41) **Бродский И.И.** Рисунки к картине

«Торжественное открытие II Конгресса Коминтерна»... с. 210.

(42) **Перельман В.Н.** Борец за реалистическое искусство... с. 98.

Для сбора изобразительной «информации» И.И.Бродский привлек несколько художников: «...я узнал, что меня незамедлительно хочет видеть Исаак Израилевич Бродский. Захожу к нему на квартиру и узнаю, что на Второй Конгресс Коминтерна, который скоро соберется в Петрограде, будут допущены несколько художников для зарисовок.

- В списке кандидатов есть и ваша фамилия. Хотите участвовать в этом деле? - спросил Бродский.

Я ответил утвердительно.

- В таком случае надо быть готовым, а все формальности и пропуск я беру на себя, - сказал Исаак Израилевич...

...В зарисовках Конгресса участвовала большая группа художников: И. Бродский, С. Чехонин, М. Добужинский, Г. Верейский, К. Вещилов, Г. Савицкий, А. Максимов. В нашем распоряжении были легковые машины. Со мной в машине был А. Максимов. Зарисовывать мы могли всюду, что хотели... Я многое не понимал из того, о чем говорилось на Конгрессе, но было одно несомненно: творилось нечто значительное, имеющее всемирно-историческое значение... В перерыве, в соседней с залом заседания комнате, в стороне от шумной, разноязычной подвижной толпы, Владимир Ильич примостился на случайно стоящий стул и что-то записывал в блокнот, не обращая ни на кого внимания. В это время его рисовал Бродский, но он сосредоточенно работал, не замечая ничего вокруг».

См. **Бучкин П.Д.** О том, что в памяти. Записки художника. «Художник РСФСР». 1963, с.113-117.

(43) Картины «Ленин в Смольном», «Ленин у штаба Октября», «Ленин в Кремле» и проч.

(44) **Выступление И.И. Бродского** при вручении ему М.И.Калининым ордена Ленина в 1934 году. // Памяти И.И. Бродского... с.193.

(45) **Бродский И.И.** «Ленин в Смольном» 1930 г.// Памяти И.И. Бродского... с. 214.

(46) Из устного рассказа очевидца, доктора искусствоведения, реставратора высшей категории, Лауреата Государственной премии РСФСР Веры Григорьевны Брюсовой.

В книге ее воспоминаний, изданной позднее, о произошедшем случае рассказано иначе: «Происходили и анекдотические случаи. Один из них связан с выставкой 1947 года. Жюри отклонило портрет Сталина работы Д. Налбандяна, где «вождь народов» представлен в рост в своем кабинете, и он находился в вестибюле в числе кар-

тин, не принятых к выставке. Однако Налбандян сумел «найти общий язык» с рабочей бригадой, и портрет оказался в момент приезда Сталина в штабеле повернутым лицом в зал – тогда принимал выставку сам Сталин, потом это стал делать Ворошилов. Увидев портрет, Сталин остановился, посмотрел внимательно и спросил: «А что это за портрет?» - «Это работа Налбандяна. Отклонена жюри». – «Почему? Хороший портрет». Слова эти решили судьбу и портрета, и художника – он получил Сталинскую премию, карьера была обеспечена».

В этом изложении В.Г. Брюсова говорит о другом портрете и не упоминает имя Л.П. Берия.

См.: **Брюсова В.Г.** Прекрасное - это Родина. Записки искусствоведа-реставратора. Советская Россия, М. 1989. с.111.

(47) Из рассказа кандидата искусствоведения Киры Константиновны Сазоновой.

(48) Исполняя должность ответственного секретаря секции живописи, Е.П. Жукова относилась к живописцам избирательно, отдавая предпочтение художественным начальникам, их детям, их ученикам. Все «остальные» числились людьми низшего сорта. Жукова их не помнила, не знала и демонстративно не желала знать. От Жуковой зависело канцелярское прохождение всех документов секции живописи на творческие заказы, получение гонораров и помещений для творческих мастерских - все главное, что решает судьбу художника.

(49) Художники знали, что в обязанности ответственных секретарей входил сбор сведений о каждом члене творческой секции. В некоторых случаях сведения могли «собираться» пристрастно.

См.: **И кто был кем...** // Новый журнал. Октябрь. №5. Л., 1991. С. 83-95.

(50) **Лактионов А.И.** Наш учитель и друг. // Памяти И.И. Бродского... с.163.

(51) Наше впечатление об облике Николащенко в роли Ленина, конечно, было детским. Взрослые видели трезвее: «В то время среди натурщиков появился человек, старавшийся обликом своим быть похожим на вождя... Но все это было профанацией, и весь набор аксессуаров мог подсказать только внешнюю похожесть, а не суть...»

См.: **Еремеев О.А.** Полвека с Академией Художеств (записки ректора), СПб. 2003. с. 49-50.

(52) **Кубасов Сергей Анатольевич** (1945-2004 гг.) Ленинградский – Санкт-Петербургский скульптор. Действительный член Российской Академии Художеств, Заслуженный Художник РСФСР, Лауреат Государственной премии РСФСР, профессор Санкт-Петербургской Академии Художеств, руководитель персональной мастерской.

Proza

СЕРГЕЙ ПСАРЁВ

Отрывки из очерка «Дождь в дорогу - хорошая примета»

Киж

"Лестница в небо. Киж." Рис. автора

Несколько раз начинался дождь. Над водой дымка из оседающего тумана. Впереди все больше островов и рыбацких лодок. Теплоход сбавил скорость и вошел в прибрежную зону ограниченную плавучими оранжевыми знаками. Берег здесь низкий, изрезанный заводами и покрытый лесом. Местами деревья низко нависали над самой водой, создавая самые причудливые формы. Потом вдоль берега пошли какие-то деревянные постройки, пристань с белым теплоходом, похожим на большой многоэтажный дом.

Деревянный храмовый комплекс открылся неожиданно, во всей своей красе. Он приближался и рос на глазах, овладевая всеобщим вниманием.

На берегу нас встретили, поделили на группы и увели вглубь острова. Дождь усиливался, но на это уже никто не обращал внимания. Вокруг пахло лесом, свежестью дождя и рубленным деревом. Сразу принялся гадать, на что был похож весь этот удивительный каскад из двадцати двух отливающих серебром времени деревянных куполов Преображенской церкви. Мне пришло в голову, что это большой корабль, летевший под всеми парусами. Ветры на Онеге случались сильные, и у храма даже было отклонение по вертикали.

Потом увидел в нем лестницу, уходящую в небо. Любой храм таким создавался, соединяя земной и небесный мир. Оттого в храме у нас возникало особое удивительное состояние. Ноги оставались на земле, а душа уже где-то летала.

Теперь Преображенскую церковь долгое время реставрировали, приподнимая домкратами на собранном внутри ее металлическом каркасе. Меняли по поврежденному бревнышку из сруба снизу вверх и перебирали так всю конструкцию. Это было разумно для строителей, но грустно для нас. Казалось, что теперь церковь лишена прежнего ощущения времени. Слишком много заменили в ней деталей.

Покровская церковь находилась рядом и выглядела немного скромнее. Она не затмевала главного храма и не спорила с ним, а только отзывалась причудливым эхом. Кажется, даже чем-то уравнивала всю эту сложную конструкцию в нижней части. У нее своя сдержанная, неброская и запоминающаяся красота. Мне она показалась похожей на небесную корону. К слову эта единственно действующая церковь на погосте.

В ней можно было послушать церковное пение. Даже успел немного пообщаться с певчими и выразить свой «респект» длинному молодому человеку, обладателю красивого высокого голоса. Подошел и сказал, что хорошо и понравилось очень. Оказывается, ошиб-

ся. Это был не он, а совсем другой, невысокий и плотный на вид певчий.

Маленький обладатель высокого голоса улыбнулся, указывая мне на ошибку:

- Если меня побрить, то я не буду выглядеть таким старым. Так случается иногда, что голос не совпадает с нашим представлением о внешности исполнителя.

В ответ я только смущенно поскреб свою отросшую в Карелии бороду. Брить ее не буду, точно. Даже в Питере...

Дождь на какое-то время закончился и, поскорее заняв позицию прямо на дороге, принялся набрасывать контуры понравившегося храмового комплекса. По странному стечению обстоятельств меня здесь неожиданно узнала туристка из Архангельска. Оказывается, она раньше уже видела мои рисунки в интернете и даже что-то читала из публикаций. Теперь мы снова познакомились, уже здесь, в Кижках.

- Вы же из Питера? Большой город, никогда там не была. Вы все больше про природу пишете или про любовь. Это же несовременно...

- А о чем нужно писать?

- Ну, я не знаю. Просто сейчас книги уже другие.

- Вот вы скажите, для чего люди живут?

Она искренне удивилась моему странному вопросу:

- Это же каждому понятно. Конечно, для счастья...

- Вот и я так думаю. Если бы мне удалось написать хотя бы тысячную долю правды, то считал себя счастливым человеком.

- Это трудно?

- Да, это получается не всегда, читатель сразу чувствует.

Снова начался дождь, и мы попрощались, теперь уже навсегда.

Бросился к ближайшей крыше и очень скоро оказался в просторном деревянном доме. Это был дом зажиточного крестьянина, разобранный когда-то по бревнышку и перенесенный сюда из деревни Ошевново. Здесь все по-настоящему: старинная обстановка, красный угол с иконами и даже фотографии хозяев на стене висели. Под одной крышей поместилось много самых

разных жилых и хозяйственных помещений. Умом сразу понимаешь, что все это только музей, необычная экспозиция. В соседней комнате у окна молодая женщина в красивом сарафане занималась вышивкой. Тонкие пальцы ловко управлялись с иглой и быстро делали свою работу. Узор на полотне получался совершенно необыкновенным: чудные красные кони, птицы. Все заходили, смотрели, фотографировали и шли дальше. Не удержался и тоже неуверенно спросил у женщины разрешения сделать свой снимок. Она оторвалась от своей работы и повела широкими соболиными бровями.

- Вы первый, кто меня сегодня об этом спросил. Тут все больше молчком ходят, фотографируют. Будто мы здесь горшки неодушевленные.

- Вы бы улыбнулись...

- Вам улыбнусь, когда фотографировать перестанете. Улыбка, она как птичка. Была, и нет уже. Улетела...

- А как зовут вас, красавица?

- Настей здесь кличут.

- Онежские узоры?

Она кивнула головой. Настя чувствовала себя уверенно и держалась с большим достоинством.

- Не из местных я, поморка. С Архангельской области приехала. Так уж получилось, что здесь теперь. Делаю, чего умею, чего другие не могут.

Теперь она улыбнулась.

Вспомнился мне тогда друг из Питера, отставной военный, Виктор Петрович. Среди близких друзей – попросту, Петрович. Он деревенский и тоже родом из Архангельской области. Никогда не ходил в больших начальниках, но была в нем какая-то особенная внутренняя сила, степенность и рассудительность. Словно пророс земными корнями, крепко державшими его на ногах. Это позволяло ему говорить с любым человеком уверенно, совершенно на равных. Похоже, что многие окружающие его люди легко признавали за ним такое право. Рисунок свой тогда в Кижках все же закончил. Дождь во второй половине дня перестал, и из-за туч брызнуло теплое летнее солнце. Заиграло оно на мокрой зелени, а еще боль-

ше на всех этих причудливых деревянных постройках, украшенных резными кружевами. Конечно, хорошо, что здесь сохранили всю эту красоту для будущих поколений. Особо охраняемая зона, видеорекамеры и сторожа. Хоть так смогли и успели. Сколько уникальных памятников деревянного зодчества теперь навсегда потеряно на нашем русском Севере? Их уже и считать перестали... Только вот в чем беда. Что-то бесследно исчезло из этих часовен и изб, когда их отрывали от родной земли и переносили сюда. Обрывалась нить связующая, дух человеческий уходил. Все красивое, но не живое, словно срезаемые цветы в домашней хрустальной вазе.

Возвращались обратно в Петрозаводск так же, на метеоре. Рядом сидели две женщины, одна из них оказалась гражданкой Швейцарии. Звали ее Алиса. У нее хорошее знание русского языка и любовь к нашей культуре. Это уже не первая ее поездка в Россию. В этот раз она со своей подругой Анной из Петрозаводска успела побывать в Петербурге, на Валааме и теперь здесь. Потом вместе еще на Соловки собирались.

Вы, наверное, не поверите, но она долго стояла на коленях у окна и смотрела, как за маленьким круглым окошком теплохода в туманной дали исчезали деревянные купола русских храмов. На глазах у нее стояли слезы.

Мне тогда подумалось, что главная сила русского народа не только в ее стойких и храбрых солдатах, крепкой броне танков и мощных ракетах. Она всегда жила в этой удивительной хрупкой красоте, умевшей таким необыкновенным образом завоевывать наши сердца...

Кондопожский полет

Стоило только отъехать от Петрозаводска, как снова хлынул дождь. Настоящий летний ливень с пузырями на лужах и бурными потоками на стеклах нашего автобуса. Такой поворот погоды ставил под сомнение многие надежды, связанные с поездкой в Кондопогу. Мне хотелось сделать несколько зарисовок старинной деревянной церкви Успения. Ее там поставили в 1774 году, классический образец местной прионежской школы и по-

следняя лебединая песня русского шатрового зодчества. Считалось, что такие церкви не соответствовали новым православным канонам. Ничего подобного больше нигде не было.

Дорога здесь хорошая, федерального значения, ехали быстро. Тут всего-то около 60 километров. Справа от нас Мурманская железная дорога, а где-то слева Сямозеро. Билеты на этом маршруте продавали только на вокзале, и очень скоро автобус пошел почти пустым. Попутных пассажиров на остановках не брали.

- Что же мне, помирать теперь здесь? – горько пожаловалась старушка нагруженная сумками. – Будто на том свете живу в своей деревне...

- Прости, бабушка, не могу. Не положено мне попутных пассажиров брать, и билетов у меня нет. Мы теперь так с коррупцией боремся...

- Так и не узнает никто...

- Что ты, я так с тобой без работы останусь. Где ее потом найдешь?

На подъезде к городу корпуса каких-то заброшенных промышленных предприятий. Вокруг них тихо и пустынно. Трубы не дымили, только темные глазницы окон с выломанными рамами. На пятнистых от сырости стенах рекламные щиты о сдаче в аренду офисных помещений. Знакомая картина...

Водитель оказался из местных и поделился, что с работой теперь в городе непросто. Из действующих предприятий оставался только целлюлозно-бумажный комбинат, да и тот сильно сократил число рабочих.

Вскоре мы увидели его корпуса у самого берега. От производственных цехов потянуло неприятным запахом. Водитель автобуса привычно повел носом и уточнил:

- Это запах денег.

Пожалуй, самое точное определение, лучше не скажешь.

Сам город ничем особенным не запомнился. Впечатлил своим видом и размерами местный Ледовый дворец. Такое прекрасное сооружение могло украсить любой столичный город.

С водителем мы тепло попрощались на автовокзале. Он помог мне найти машину,

чтобы доехать до нужного места и пожелал хорошей погоды.

Отсюда нужно было проехать еще километров десять. Без знания местности здесь легко заблудиться. Церковь находилась в старинном селе Кондопога, давшем название самому городу. Единственный верный ориентир – береговая линия, а еще – огромный ЦБК, который виден почти из любой точки небольшого города. Сразу видно, кто в доме хозяин...

Водитель подъехавшей автомашины дружелюбно махнул мне рукой. Узнав, что я буду рисовать местную знаменитую церковь, только глазами сверкнул и был готов отвезти туда даром. Он даже оставил мне номер своего телефона, чтобы потом заехать и вернуть на автовокзал. Мы сошлись на очень небольшой сумме вознаграждения. Ему было около тридцати лет, и он еще никуда не ездил дальше Петрозаводска. Пока чаще перебивался случайными заработками. Он с интересом выслушал мой рассказ о Кижях и признался, что никогда там не был.

Церковь увидел издалека и попросил водителя остановить машину. Сердце затрепетало, дальше пошел пешком. Признаюсь, что такого раньше не видел. Издали она напоминала деревянную сторожевую башню. Церковь стояла на мысе, вдающемся в Чупа-губу. Стройное, легкое и сильное строение, словно рубленное одним росчерком плотницкого топора. Дерзко и гордо взмывало оно над гладью Онежского озера, настоящая башня-маяк. В ней чувствовалась какая-то необычайная сила, только не тяжелая и гнетущая, а приветливая и добрая...

Калитка и забор, маленькая сторожка у входа на территорию храма-музея. Смотрительница открыла дверь в церковь, даже за экскурсовода со мной поработала. Сюда все больше по одному или небольшими группами приходили. Так весь день каждого и водила.

Тихо и пустынно в церкви...

Ни звука, ни души...

Странные возникали у меня тогда ощущения: вроде, уже перед Богом стоял и отвечивал. Слышался только мерный плеск озерной воды за стеной. Озеро здесь, как на живой картине, оправленное в строгую дере-

вянную оконную раму. Бери и учись писать его у живой матушки природы. Дышалось в храме легко, будто и не было вокруг меня этих стен.

Над головой потолок-небо, расписанный Божественной литургией с образом Христа Великого Архиерея в самом центре. Вокруг него разные херувимы с серафимами и ангелы в дьяконском облачении.

Лики святых на темных иконах показались суровыми и строгими. Что-то не нравилось им в нашем нынешнем времени. Может, не так мы жили? На одной из стен висела большая икона, повествовавшая собой сцены Страшного Суда во время второго пришествия Иисуса Христа. Каждый человек на ней представлял перед судьей и получал по своим делам и заслугам. Кто же сейчас об этом думал, будут ли нынешние люди так же страдать и надеяться на милость Божью?

Икона была настолько велика, что ее и писали прямо здесь, в церкви. Так же теперь и реставрировали. Говорили, что сюда приходила молодая женщина и работала. Теперь эта икона с наклеенной тканью, поволокой и положенной на нее грунтовкой. Прежний рисунок под ними все еще неплохо читался. По нему икону сверху записывали, это реставраторы называли “поновлением”...

Заросла душистыми травами вся поляна перед старой деревянной церковью. Солнце поднялось высоко в небо и махало мне длинными крыльями, словно золотая мельница Сампо. Просыпалось светлым зерном на землю, искрилось на озерной воде. Все плохое в этом мире со временем пройдет и перемелется, мукою станет. Ждать и терпеть на Руси всегда умели.

Меняя позиции, принялся набрасывать эскизы. Церковь нравилась мне все больше, мысленно разговаривал с ней. Теперь разместился у самых стен. Опять пошел дождь, с озера задул холодный порывистый ветер.

Бревна старого сруба могучие и тяжелые, плотно сшитые. Каменным стенам не уступали. Тронутые временем, они жили и дышали. Здесь плел свою сеть неумолимый ткач паучок, считал отпущенные ему теплые летние дни. Я набрасывал контуры уходящего вверх

строения совсем близко, обдуваемый со всех сторон ветром. Когда совсем застывал, просто прикасался к бревнам сруба. Они были шершавые и теплые. Что-то перетекающее в меня постепенно согревало. Появлялось особое чувство, известное любому художнику. С ним работалось и получалось легко.

Кажется, у церкви теперь появился очередной новый посетитель. Смотрительница, усиленно помогая себе руками, что-то рассказывала ему. Теперь он подошел ко мне и осторожно заглянул в альбом. Высокий, темноволосый и смуглый молодой человек в черной куртке с металлическими заклепками. В руках у него мотоциклетный шлем. Теперь заметил, что у него открытая добрая улыбка и он, скорее всего рыжий, с большим количеством веснушек, покрывавших его лицо и руки. Мы познакомились. Он из Южной Германии и прилично говорил по-русски. По крайней мере, в нашем общении решил сразу отказаться от своего немецкого.

- Штефан, - коротко представился он.

- А как по батюшке?

- Что есть “по батюшке”?

- Мы так про отца своего говорим...

- В Германии так не принято.

- А у нас это напоминание о своих корнях, Отечестве...

- Да, понимаю. Я много путешествую в России на мотоцикле. Как-то сказал, что приехал из Германии и тогда в ответ мне закричали: “Neil Hitler!” Правда, потом потянулись обниматься и предложили выпить: “Мы с вами хорошо повоевали”...

- Наверное, твой собеседник искал общую тему и хотел быть понятым. У тебя хороший русский.

- Да, я учил его с детства, всегда мечтал объездить вашу страну.

- Нравится здесь?

- Очень...

- Сейчас попробую свой плохой школьный немецкий:

Ich weis nicht, was soll es bedeuten,

Dass ich so traurig bin;

Ein Merchen aus uralten Zeiten,

Das kommt mir nicht aus dem Sinn.

В переводе Левика это звучало бы при-

мерно так:

Не знаю, что стало со мною,

Печалью душа смущена.

Мне не дает покою

Старинная сказка одна.

- О, Генрих Гейне? Это очень приятно. У тебя не “страшный” немецкий. Просто нет нормальной разговорной практики...

- Видишь, Штефан, на Рейне и Онеге можно помнить не только черные страницы нашей истории. Меня никогда не учили ненависти, даже в военном училище.

Мы попрощались и пожелали друг другу новых встреч. Штефан сказал, что дальше поедет на Соловки. В ответ я рассмеялся и предположил, что мы обязательно снова увидимся. Так потом и случилось. Мы самым непостижимым образом в одно время оказались на мысе Лабиринтов...

Теперь окончательно распогодилось. Продолжил делать свои зарисовки. Мне хотелось найти новые интересные ракурсы любимейшей церкви.

Кто-то из местных жителей предупредил, чтобы я не ходил берегом “напрямки”, там болото. Этим удивить было трудно, болот в Ленинградской области мне встречалось сколько угодно. Иногда приходилось ходить за клюквой по осени. Попадались и самые настоящие, погибельные места, где ухало и булькало на поверхности. Про такие раньше говорили: “Лешак там живет”...

Все-таки, провалился тогда, вымок и вывалялся в грязи. Настроения все равно не испортило, залюбовался увиденной с берега вечерней картиной. Косые лучи солнца и розовеющие облака над онежской водой, горьковатый запах хвои и мокрых прогретых валунов. Воздух был таким плотным и упругим, что хоть черпай и пей или ешь его, набирайся силушки для добрых и славных дел.

Храм – застывший деревянный богатырь на узком скалистом мысу. Его шатровый купол теперь стал ратным шлемом, надвинутым до самых бровей. Он так вписывался в окружающий мир, что показался мне выточенным из местного карельского гранита. Резаный край его кровли точно повторял контур леса по линии горизонта. Ничего не укрывалось

от всевидящего ока богатыря: ни полет птицы, ни лодка случайного рыбака. Ежели рать вражью заметил, то непременно ударил бы в набат своим колоколом: “Вставайте, люди русские”...

Неожиданно мне пришла мысль, что этот деревянный храм не творение рук человеческих, а нечто, созданное самой природой. Казалось, что рядом больше не было древнего села и комбината с его трубами и корпусами.

Так и застыл, очарованный этим чудесным зрелищем. Следил, как медленно слабел вечерний луч за низкими грозowymi тучами, и храм постепенно сливался с темным небом. Он блеснул над озером в последний раз и тогда храм показался мне дрожащим пламенем свечи...

Вода, камни, леса – куда ни глянь. Только чайки с криком неслись над застывшей светлой водой. Столько пространства и воздуха над онежской водой, казалось: взмахни руками и лети белым лебедем или серым гусем. Все равно куда, лишь бы подняться в эту необыкновенную бесконечную высь...

“Кондопожский полет”. Рис. автора

Дорога на зону. Сегежа **Отрывок из повести** **«Светлая вода»**

В старом плацкартном вагоне душно и жарко. Пожилая проводница сердито ворчала на пассажиров и уверяла, что не включит кондиционеры до тех пор, пока не закроют все окна. Окна, наконец, закрыли. Через полчаса в вагоне стало еще жарче, поскольку кондиционеры не вышли на режим охлаждения и гнали горячий воздух. Окна снова открыли. В общем, знакомая любому пассажиру ситуация. Все знали, что этой ночью никому жарко уже не будет.

За полноводной Свирью лес стал заметно выше и темнее, настоящая тайга. Пошел сложный рельеф с поднимающимися сопками и глубокими складками, заполненными озерной водой. Повсюду поднимались скопления валунов и причудливых скал – следов ледника, покрывавшего когда-то всю территорию Балтийского щита. Это была уже знакомая ему Карелия. В этот раз он отправлялся к Белому морю, и это показалось Санину возвращением.

За соседней стенкой изрядно подвыпившая кампания шумно резалась в карты. Из тамбура вагона тянуло табачным дымом.

Проводница, как могла, убеждала пассажиров потерпеть временные неудобства.

- Пусть себе гуляют. Они же никого не трогают. Им замечание сделаешь – себе же дороже будет. Знаете, какие здесь места?

С ней не спорили. Кто-то вспомнил, что в прошлую поездку один пассажир вышел ночью в тамбур и не вернулся. Никто его больше не видел. Пассажиры слушали эти рассказы и внимательно оглядывали свои вещи.

Соседкой Санина в вагоне оказалась беременная женщина с рябоватым болезненным лицом. Они разговорились. Имени ее Санин не спрашивал и называл ее про себя: “Кроткая”. Почему-то ей это шло больше всего. Выражение лица молодой женщины постоянно застывало, словно там записывалось ее внутреннее состояние. Чаще всего это были тревога и грусть. Она ехала в Сегежу на свидание с мужем. Он получил пять лет общего режи-

ма. Срок отправили отбывать сюда, в исправительную колонию №7...

- Он у меня тихий, спокойный. Выпьет редко, а чтоб руку на меня поднять – никогда. Оговорили его, дружки. За них и сел.

- А ты не расстраивайся, вредно тебе будет, - насмешливо заметила полнотелая молодуха в облегающих спортивных брюках. – Там все такие невиноватые сидят. Виноватые сейчас на воле гуляют, на крутых машинах с охраной ездят. Нет, правда, “семерка” - не самое плохое место. Я туда на свиданку к мужу третий раз езжу. Нормальная житуха. От вокзала на такси быстро доберемся. Ее там все водители знают. Нам помощи ждать неоткуда. Продукты лучше в Сегеже взять. Магазины на зоне намного дороже будут. Приедем на место, сумки сразу на КПП бросим и айда в здание администрации, услуги оплатить. Гостиницей нас обеспечат. Потом свидание. Сумки проверят, все продукты понюхают. Через полчаса получишь своего мужика тепленького. Сразу положительных эмоций не обещаю. Никогда не знаешь, что у него сейчас на душе.

В общем, если все нормально будет, то четыре раза в год сможешь встречаться с ним. Если захочешь. А еще разрешают при встречах разговаривать через стекло. Скоро сама все узнаешь...

- Кормят их как там?

- Чтобы плохо – не сказать. Как себя поведет – так и будет. Дружить нужно с отрядником и бригадиром. Там быстро научат.

- Этого он как раз не умеет. Гордый...

- Тогда плохо. Мой Пашка на хорошую работу сразу пристроился. Говорит, что в армии ему хуже было.

- Так он у меня и в армии не служил.

Скоро интересную тему подхватили и другие пассажиры.

- А верно, что там олигарх Ходорковский сидит?

- Точно так, сидит. Сноха рассказывала, как его везли, отдельно от всех, в белом автозаке с целым кортежем сопровождения. Полиция с “мигалкой”, а впереди еще начальник колонии на своей машине. Такого наша “семерка” еще не видела.

- Да, важняк. Теперь Сегежу каждый день

по телевизору смотрют.

- Какой же он важняк? Вор он и есть вор. Зэка.

- Он там что, книжки в библиотеке выдает?

- Нет, его в девятый хозяйственный отряд определили, работает на зоне. Ходорковскому это не зазорно.

Оплата там “пионерская”, только ему она не больно-то и нужна. Такие вот, огурчики-помидорчики получают...

- А ты сам откуда все знаешь?

- У нас об этом весь город говорит. Сын у меня там охранником. Раньше на комбинате работал. Упаковку бумажную делали. Потом персонал сильно сократили. Теперь все молодые мужики идут в “вохру”- младшие инспектора, а жонки их - в “шмональщицы”, досматривать передачи. У нас так и говорят, что одна часть населения города сидит, а другая ее охраняет.

- Жонки, это у вас бабы, что ли?

- Бабами у нас сваи бьют...

Рассказывавший все это старик, сильно закашлялся и долго мотал головой.

В Сегежу поезд пришел утром, без опоздания. Стоянка маленькая, город тоже невелик. Кругом леса и болота, по дорогам лоси испуганные бродят. На платформе в лицо Санину пахло удушливым запахом тухлых яиц. Он против своей воли поморщился. Глядя на него, вчерашний старик только усмехнулся:

- У нас в Сегеже ветер главнее Путина. Даже он такого не может. Ветер сам решает, кому в городе можно дышать. Все зависит от того, в какую сторону подует.

Санин поинтересовался у старика рыбалкой, которой всегда славилась Карелия.

- Да какая здесь рыбалка, все испоганили, мать вашу! Даже рыба воняет. Теперь все уезжают подальше от города.

Старик сердито махнул рукой и твердой армейской походкой направился к выходу с вокзала.

Вокруг сновали бойкие таксисты, настойчиво зазывая гостей города посетить своих родных и близких в ближайших исправительных колониях общего и усиленного режима.

Возле одной из машин, захавшей прямо

на платформу, стоял крепкий еще седой старик в лняной майке-тельняшке и разминал застоявшиеся сухие мышцы. Все видимые части его тела украшали художественно выполненные татуировки.

Мощные колонки автомобильной аудиосистемы неожиданно рванули воздух: “Владимирский централ, ветер северный...”

Знакомая мелодия резанула грудь. Похоже, здесь кого-то встречали. Кажется, дождались.

Поезд снова уходил дальше, на север.

Где-то совсем рядом с железной дорогой проходил Беломоро-Балтийский канал. Временами, среди цепочки озер была видна линия его сооружений. Самый знаменитый канал, носивший в недалеком прошлом имя вождя всех народов и давший название популярным папиросам, теперь работал без нагрузки.

Когда-то эта великая стройка выковывала людей нового общества, перевоспитывала, но еще чаще перемалывала их своими страшными жерновами, не оставляя даже могил. Ее организаторы были убеждены, что самый верный путь к нему – принудительный. Пройдя через горн такого очистительного труда, многие люди уже никуда не приходили.

Здесь месили болотную грязь и вгрызались в мерзлую землю, навсегда оставаясь в ней. Когда брались за большое дело, с людскими потерями уже не считались. Известное дело: лес рубят – щепки летят. Человеческого материала в России хватало всегда.

Для Санина все это было не праздным любопытством, а возможностью увидеть места, в которых завершили свой жизненный путь его родные. В последние годы жизни мать стала рассказывать ему о родственниках, осужденных в 30-е годы. Причисленные к кулацким элементам, двое из них оказались на строительстве Беломоро-Балтийского комбината (ББК), находившегося тогда в ведении ОГПУ. Получилась у них дорога в один конец, неизвестно теперь какой березке поклониться. Мать словно исполняла какую-то обязанность перед ними и просила прощения за годы вынужденного забвения...

Чаще в семье рассказывали о брате ее отца, Якове. Говорили с осуждением, как о позорном поступке. Тот в самом начале войны попал в окружение под Каунасом. Его, светловолосого и голубоглазого парня, литовская женщина выдала за своего родственника. Всю войну прятала на хуторе. Когда пришла Красная Армия, Яков сам явился с повинной в НКВД. Срок отбывал в Пермском крае. Потом она приезжала к нему в больницу и забрала домой.

Якову тогда ампутировали обе ступни ног после обморожения на заготовках леса. Так всю жизнь вместе и прожили. Сажала его в специальное кресло и кормила с ложки. У Якова часто отказывали руки, и тогда он не мог делать самого простого.

Мальчишкой Санин увидел их дочь, красивую светловолосую девушку. Она приезжала к ним уже после смерти своего отца...

Из окон вагона не видно лагерей, но ощущение напряженного ожидания их присутствия по-прежнему оставалось. Большинство черных деревянных бараков, тянувшихся вдоль железной дороги, появились здесь во время строительства канала и в послевоенные годы.

Само слово “барак” пришло когда-то из Франции. Так раньше назывались временные кавалерийские казармы. Красавец-офицер Арман де ла Верн с лицом блистательного Жерара Филиппа и его “Большие маневры” были мало похожи на российскую действительность.

Ничего не было таким постоянным, как построенное на первое время жилье. Похоже, что за всем этим стоял обычный человеческий опыт. Ветхие бараки, по мере сил обустроивались, утеплялись, в них жили новые поколения людей.

Скоро небо затянуло серыми низкими тучами. Пошел сильный косой дождь, все скрылось за клочьями седого тумана. Унылый пейзаж за окном исчез, словно его вытерли хорошим ластиком...

ЛЕМПИ КАРЗОВА-ГОЛОВИНА

Смелый прыжок

Поселковая школа находилась в живописной местности на холме, в бывшем помещицьем доме. Любопытство влекло Людочку рассмотреть всю окружающую ее красоту. Иногда она с подружками спускалась по крутому склону к мощному источнику в Долину родников. Глаза ее светились радостью, наблюдая за множеством ручейков, стекающих к общему каменистому руслу. Девочка прислушивалась, словно старалась впитать в себя всю свежесть и звуки бьющих ключей. Отсюда быстрая речушка Стрелка несла свою хрустальную воду в Финский залив. Холмистый рельеф со склонами привлекал детей и зимой. Кому не хотелось покататься с гор на лыжах, на санках.

Уроки физкультуры проводились почти всегда на улице, особенно в зимнее время. Людочка для своего первоклассного возраста довольно-таки уверенно каталась на лыжах. Этому помогли лыжные прогулки в ближайшем лесу с папой и мамой. Она еще и в школу не ходила, когда родители каждое воскресенье отправлялись на лыжах в лес и брали дочку с собой. Домой они возвращались всегда румяные, слегка уставшие от пьянящего свежего воздуха.

Урок физкультуры начался как обычно. Сначала прошли намеченный путь по проложенной лыжне. Иван Михайлович шел на лыжах впереди, а весь класс за ним следом. Затем было прохождение дистанции на время. Кто-то из ребят отставал. Людочка не любила плестись в конце.

– Лыжню! – громко командовала она.

Но лыжню никто не хотел уступать, особенно мальчишки. Тогда Люда просто обходила мешавшего ей лыжника и опять устремлялась вперед. К финишу она пришла разгоряченная, но довольная собой.

Осталось свободное время и на развлечения. Дети могли вдоволь накататься с гор. Мальчишки и девчонки поднимались по склону вверх. Подъем был самым тяжелым. Зато

потом неслись с ветерком вниз, так что дух захватывало. Горки выбирались умеренные.

Но тут Людочка обратила внимание на старшекласников. Они присмотрели себе склон повыше и покруче. Девочка, затаив дыхание, смотрела, как паренек мчался вихрем с крутого холма. Вот он уже и внизу, как вдруг на его пути Людочка заметила преграду – высокий трамплин. Лыжник взлетел словно птица, перелетая через журчащую речушку Стрелка, которая не замерзала даже зимой. Он уверенно опустился на лыжи и направился к приятелям, как ни в чем не бывало. Вслед за ним такой же прыжок друг за другом совершили его товарищи. Людочка с возрастающим интересом наблюдала за ними. Ей показалось это удивительно красиво, здорово и не сложно.

– Я тоже так смогу, – подумала девочка, но одна она не захотела карабкаться на такую высоту.

Людочка обернулась, пытаясь найти себе спутницу. Недалеко от нее стояла Марина Миронова, тоже наблюдая за лыжниками.

– Пойдем, прокатимся с той горки, как эти ребята, – уверенно предложила она ей.

– Нет, я боюсь, – возразила Марина. Она плохо каталась на лыжах, но Иван Михайлович ставил ей четверки за старание.

– Ну, пойдем со мной за компанию, я одна съеду, – Люда настойчиво продолжала уговаривать одноклассницу.

Марина согласилась, и девочки стали подниматься на возвышенность. Наконец они достигли вершины холма. Именно там наверху Людочка похолодела от страха, и спуск ей уже не показался таким легким, как прежде. Как ей хотелось в этот момент вернуться назад не съезжая. Но отступить она не привыкла, и неудобно было трусить перед большими мальчишками, которые за ней наблюдали. Девочка подошла к краю холма, сердце ее сжалось. Постояв немного, она решительно тронулась вниз. Дух захватывало. Людочка, набирая скорость, стремительно неслась по склону. Ветер

свистел в ушах. Ей хотелось остановиться, прекратить этот безумный путь, но это было не возможно. Сердце бешено стучало.

– Скоро это закончится, я уже внизу, – успела промелькнуть мысль у нее в голове.

И вот перед ней этот ужасный трамплин. Девочка на большой скорости взлетела на него, перелетела через речку и упала разгоряченным лицом в холодный снег, который залепил ей глаза, ноздри, рот. Лыжи и палки разлетелись в стороны. Некоторое время она лежала плашмя, испытывая неприятные ощущения. Затем, понимая, что все уже позади, Люда приподнялась, стряхивая снег, прежде всего с лица. Слезы набегали на глаза. Она невольно бросила взгляд на другой берег речки. Там стояли старшеклассники, смотрели на нее и аплодировали:

– Молодец, девчонка. Вот дает. Такая маленькая, и не испугалась.

Это подбодрило Людочку. Она поняла, что нельзя плакать в такой момент.

– Потом себя пожалею, – подумала Люда,

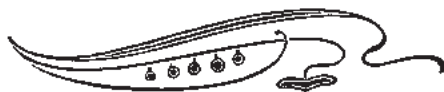
успокаиваясь.

Она стряхнула лыжный костюм от снега, взяла свои лыжи, палки и направилась наверх, где ее дожидалась Марина. С ней рядом уже стоял Иван Михайлович. Вероятно, он успел заметить безумный поступок своей ученицы и решил удостовериться, все ли с ней в порядке. Увидев, что она цела и невредима, Иван Михайлович посмотрел с усмешкой на Марину и спросил:

– Ну что, Миронова, теперь ты?

– Не-е, – протяжно произнесла Марина, покачав отрицательно головой.

У Люды тоже не возникло желания еще раз съехать. И девочки решили кататься до конца урока на более низких горках без трамплинов, где не было такого крутого спуска. Вскоре Людочка забыла неудачный прыжок и падение. Глаза ее лучились от восторга, на щеках горел здоровый румянец. Она наслаждалась катанием, получая от этого колоссальное удовольствие.

ЛЕВ ГОРЯНИН

Афон – Святая Гора

Отрывок из романа «Первопроходец»

На всем протяжении пути корабль друзей сопровождала группа дельфинов. Можно было подумать, что эти чудные создания послала проводниками сама Богородица, поскольку вели они корабль точно по курсу к Святой Горе Афон и привели его прямо к удобной бухте. Затем дельфины порезвились рядом с кораблем, демонстрируя перед командой изящество движений, а далее – вынырнули из воды, встали свечой почти на свой хвост и, раскачиваясь всем корпусом, издавая свистящие звуки, в вертикальном положении мордочкой к экипажу проплыли мимо «насады». Выполнив ритуал прощания с посетителями Горы, они скрылись в утренней дымке водного простора. В бухте вода кишмя кишела рыбой разных цветов. Они стремительно проносились рядом с бортами насады, не пугаясь ее вида.

– Ты только глянь, какой косяк рыб. До чего они нарядные! Столь цветов, какими их Бог наградил, я даже и не видывал в жизни своей, – умилялся Василий, перегнувшись через перила корабля, уткнувшись лицом в прибрежные воды.

– Ты ненароком-то в воду не бултыхнись, – покровительственно произнес Афона.

Иссиня-бирюзовая вода настолько была чистой и прозрачной, что позволяла рассматривать каменное дно бухты. При сходе с насады Крона пришлось оставить на корабле. Он рвался вместе с хозяином сойти на берег, считая, что без его защиты он может и пропасть, но друзья решили, что для птицы будет безопаснее, ежели она останется в каюте с командой.

Как когда-то была поражена Богоматерь сказочной красотой острова, так и наши искатели приключений были очарованы удивительным зрелищем. Причалив к острову, они оказались в обществе дежурного монаха. Он вдруг развеселился, увидев прибывших на остров гостей и, отвесив поклон, воскликнул:

– Никак сами русичи прибыли к нам в гости? Какая приятная неожиданность!

– Как вы rozpoзнали? Точно, русские мы. С самого города Твери.

– Да храни вас Бог! Нарекли меня на Горе Афиногеном – это я для того толкую, чтобы знать вам, как ко мне обращаться. Узнал же я вас по говору. Речь родную услышал. Хоть наговоримся теперь всласть, да новости познаю свежие. Мы ведь токмо слухами и живем. Добро пожаловать в нашу обитель.

Друзья охватили инока оценивающим взглядом, определяя по его внешнему виду, насколько тяжела аскетическая жизнь монаха на этом полуострове. Но, к их немалому удивлению, пред ними стоял молодой иннок довольно плотного телосложения (вместо изможденного, какого они думали увидеть). Его лицо и руки имели густой цвет морского загара. Открытое оживленное лицо монаха было привлекательным.

– Прибыли мы из далекой Руси по поручению тверского епископа Матвея. Повелел он нам привезти от вас иконы византийского письма, выполненные умельцами Афона для прихожан наших храмов. Тако же он просил передать вам наши иконы московских и тверских изографов да скромные подарки.

Лицо монаха от удовольствия встречи с настоящими русичами не расставалось с улыбкой. При общении с гостями он продолжал сиять от радости. Видно, истосковался он по родному языку изрядно и теперь наслаждался им в общении с гостями. Его веселое настроение передалось всем.

– От всей души благодарствую вам, милые моему сердцу сородичи. Дорогие подарки вы мне вручили. Я их непременно передам нашему владыке – игумену Назарию. Это напоминание нам о Руси великой.

Монах принял с поклоном подношения и предложил свое угощение:

– Откушайте то, что Бог повелел. Дорога

длинная, надобно пред нею подкрепиться.

Он преподнес каждому путнику по стакану холодной воды, по стопке анисовой водки¹ – к удивлению друзей! – и по чашечке сладкого черного кофе с восточными сладостями. Только увидев здесь на Святой Горе рахат-лукум, стало ясно, что турки своим завоеванием острова все же оставили след Ближнего Востока. Друзья приступили к завтраку. Водку они пили маленькими глотками, смакуя ее аромат. После водки кофе показалось просто божественным напитком.

– От сей пищи вы не получите насыщения, но благодать Божия вместе с ней ниспадет на вас.

– Хотелось бы нам пригласить местного проводника. Боюсь, что без него мы не обойдемся. Место незнакомое, можем и плутать, а то и напрочь заблудиться в лесных дебрях полуострова.

– Бог с вами. А я-то на что? Все святые места вам покажу. Их здесь великое множество – скиты, монастыри, обители. С помощью Господа доведу вас и до нашей великой святыни – чудотворной иконы Божией Матери «Достоинно есть». Даже припадете к ней устами. Вы своими зеницами увидите самое сердце Горы Афон – Святую Лавру и побываете в ней на молебне. Для вас наши изографы, коли уж вы для этого прибыли, напишут выбранные вами иконы. Их и вручите епископу Матвею.

Для начала инок повел гостей в Иверский монастырь. И не зря. Много чего узнали от него гости.

– Не всем я рассказываю так подробно о том, что попадаете на пути, а вам уж точно расскажу, потому как вы мои земляки и моя отрада, – инок говорил с чувством большой радости. – Так вот внимайте словам моим. В них одна правда, Бог в том свидетель.

Еще в X веке эта обитель отрады была построена преподобными Иоанном, Евфимием и Георгием на месте бывшей «Лавры Климен-

¹ Анис – это пряность, произрастающая в Средиземноморье. Водку, изготовленную на основе аниса, употребляют во всем мире. В Турции это – раки, в Греции – узо, на Ближнем Востоке – арак, во Франции – пастис, в Италии – самбука, в Испании – анисетта. Кочевые народы готовили арак из кобыльего молока под названием «кумыс», в России существовало сразу два вида анисовых напитков – «ликер» и «настойка».

та». Этот древний Иверский монастырь славится тем, что здесь хранятся замечательные реликвии: Святые мощи преподобного Петра Афонского и Иверская икона Божией Матери, которая к этому месту чудесным образом явилась пред братией иноков. Об этом диве, случившемся с ней, я и поведаю вам сейчас.

Эта икона, по церковному преданию, была написана в I веке святым апостолом Лукой, еще при жизни Пресвятой Богородицы. Во время царствования Византийского императора Феофила² ею владела некая благопристойная православная вдова, проживавшая неподалеку от города Никеи. В то время христиане, почитавшие иконы, подвергались жестоким гонениям. По указанию императора все иконы уничтожались и предавались поруганию.

В тот год, о котором я хочу рассказать, налетели воины Феофила в поисках икон на то селение, где проживала вдова. На своем пути они, подобно варварам, разрушали и сжигали все, что относилось к христианской религии. У бедной вдовы сразу появилась мысль о защите уникальной иконы. Надо было что-то предпринять. Но что? Как ее сохранить? А вдруг этот бесценный образ заберут враги, али еще хуже – вздумают надругаться над нею? И решила она пустить ее с молитвой в плавание по морю, уповая на то, что Бог не даст ей утонуть. Более 200 лет плыла икона по водам разных морей и только в 1004 году она сказочным образом в столпе божественного сияния, поднимавшегося до самых небес, достигла берегов Афона. Икона приплыла на место Климентовой пристани³, где когда-то высадилась с корабля Мария. Первыми увидели ее иноки. Подивились они этому чуду и достали икону из воды. Решили они в память о нем, о чуде данном, в этом святом месте построить Храм Успения Пресвятой Богородицы. Желание с делом у них никогда не расходилось. Восхотели построить, так и построили. Помните, что я уже вам об этом говорил? В X веке это было. Строителями этого храма были грузинские монахи, а потому и нарекли сей храм Иверским в честь древнего

² 829-842 г.г.

³ Пристань названа Климентовой в честь первого епископа Афона.

названия своей державы – «Иверии»¹. Икону, приплывшую по воде, поместили в храме, но утром монахи ее увидели над воротами обители. Повесили они икону на прежнее место но, глянув наутро, они сызнова обнаружили ее на выбранном ею месте. Несколько дней икона Божьим промыслом перебиралась к воротам храма. Так продолжалось, пока Матерь Божия не явилась во сне благочестивому старцу монастыря Гавриилу и не сказала ему: *«Я не желаю быть охраняема вами, а хочу быть вашей Хранительницею... Доколе будете видеть образ Мой в обители сей, доколе благодать и милость Сына Моего к вам не оскудеют»*. Монахи, услышав рассказ старца и, вникнув в его суть, перестали ее перевешивать. С тех пор она висит на самом видном, выбранном ею месте, над воротами Иверского монастыря и называется «Вратарница», – закончил монах свой сказ и внимательно посмотрел на слушателей, ожидая их восторг.

– Ну и удивили вы нас, Афиноген, сим случаем. Воистину пути господни неисповедимы. Что творится на этом острове? Подлинно здесь обитает сам дух Божий, оттого все эти чудеса и имеют Божественное начало, – довольный услышанным рассказом, молвил Афанасий.

Монах повел гостей в гору. С каждым шагом к вершине Святой Горы друзья все больше и больше ощущали, как благодать Божия разливалась по всему телу и проникала в их сознание. Несмотря на долгий подъем, никто из купцов не испытал усталости, а потому среди них, естественно, не было слышно ропота.

– Разве я когда-либо мог бы предположить, что эта Святая Гора подарит мне целое море удовольствий? Только представить – на голых скалах мы вдруг встретили богатейшую бурную растительность. Только духовное вмешательство в жизнь этого удаленного от всех стран места могло породить ее в этой сказочной разновидности. Мы здесь встретили обширные лесные уголья, кустарники, плодовые деревья. И вы, наш любезный монах,

уже успели угостить нас апельсинами, яблоками, грушами. Янтарными спелыми гроздьями встречали нас виноградники. Мы попали в сказку, в райский уголок.

– Не только ты, дорогой Афоня, дивишься увиденному чуду. Все это покорило и нас. Слава Богу, что нам выпала такая честь все это лицезреть, – поддержал Никитина Кондрат.

– Верно вы, милые моему сердцу гости, рассказываете. Вы попали в Божественный рай. Вдыхайте эту благодать. Она очистит вашу душу от скверны.

– Заметьте, друзья, что мы находимся под небесным чистым голубым куполом. Я понял, что весь Афон с его горами, лесами, обработанными угольями – это и есть единый храм, посвященный Богу, а мы находимся внутри него, оттого и чувствуем Божью Благодать. Недаром говорят, что Афон находится на полпути к Создателю. Благодарю Господа, что он сподобил нас посетить этот рай земной, – выговорился Василий.

Но здесь с друзьями произошел, можно сказать, смешной казус, однако он мог иметь и довольно грустное продолжение. По ходу движения попался склон, сплошь покрытый мелкой гранитной крошкой – щебнем. В этом месте вверху, под действием воды, ветра и воздуха разрушалась скала, нависающая над тропинкой. От нее постоянно отваливались кусочки камня. Они-то за множество десятилетий, а то и более того, создали склон из щебня. Это всегда происходит неизменно, когда гранитные горы переходят свой миллионный возраст. Михайло Земнов, не думая о последствиях, наступил на него. Ноги его разом заскользили по щебеночной поверхности. Он упал навзничь и понесся вниз по склону, как на санях, ускоряя движение. Афиноген не потерялся и ринулся за пострадавшим. Он легко бежал по осыпи, часто перебирая ногами, не давая им утопать в мелкой крошке. Вскоре он догнал Михайло и остановил его скольжение. Надо сказать, что это произошло вблизи страшного высокого обрыва, с которого щебень этот скатывался в море.

– Вы, не сопротивляясь движению, могли достичь самого моря. Тогда пришлось бы вам лететь и лететь, но уже по воздуху до самой

¹ В начале третьего века, принимая христианство, жители Иверии выбрали себе покровителем Георгия Победоносца. С тех пор Иверия (Византия называла ее Колхидой) стала называться «Георгией». Позже это имя видоизменили до «Грузии».

воды. Каюсь. Это моя вина. Надобно уметь пересекать осыпь, чтобы не допустить падения. Все очень просто. Перебирайте чаще ногами, и вы перейдете ее в нужном вам направлении. Эту ловушку легко перехитрить. Слава Богу, что все обошлось. А теперь следуйте за мной и в точности повторяйте мои движения.

Монах быстрым перебором ног скоро вывел Земнова на безопасный участок...

За разговорами и интересными рассказами монаха не заметили, как перевалили хребет и стали спускаться. Лес значительно поредел. Видно здесь монахи делали вырубку для запаса дров на зимний период. Впереди замаячили крыши монастырских строений и колокольня.

– Это наш дивный монашеский городок Каря¹, – оповестил гостей проводник. – Впереди вы зрите храм Успения Пресвятой Богородицы, – инок осенил себя крестным знаменем. – Заметьте, это Соборный храм всего Афона. Посетите его обязательно, не пожалейте. Одни богатейшие фрески XIII века чего стоят. Их написал величайший иконописец македонской школы – Эммануил Панселинос, – с любовью и почтением в голосе произнес монах. – В соборе вы увидите Божественным образом сохранившийся старый мраморный иконостас. На нем находится чудотворная икона Богородицы «Достойно Есть». Этот образ Божией Матери наиболее почитается на Афоне. Я поведаю о ней сейчас небольшую притчу.

Неподалеку от соборного храма жил святой старец. Никогда он не пропускал Всенощное бдение. Вот и в эту ночь, под воскресение, ушел он в Карийский собор. В келье остался его послушник, который изъявил желание исполнять это богослужение дома. Совершая песнопение во славу Богородицы, он вдруг услышал негромкий, но требовательный стук в дверь. Ученик открыл ее. Пред ним стоял незнакомый монах.

– Заходите в келью, будете моим гостем. Небось, устали от дальней дороги? Не желаете ли воды испить, али просто отдохнуть в тиши? – с добротой в голосе пригласил монах пришельца в свою келью.

¹ Каря (кариá) – ореховое дерево (греч).

Прибывший монах осмотрел внимательно жилье инока, ничего не сказал, но от услуг послушника отказался. Желая чем-то занять его, инок предложил ему вместе с ним спеть песню, восславляющую Марию.

– Спеть песню во славу Богородицы? – это я исполню с великой усладой, – воскликнул монах.

Они приступили к песнопению. И, о великое чудо! Незнакомец запел ее совершенно другими словами: *«Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную, и Матерь Бога нашего»*, – а к этому еще прибавлял и *«Честнейшую»*. Так он и допел куплет свой до конца. Подивился послушник словам гостя и тут же увидел, что на иконе, пред которой они так хорошо начали петь, Богоматерь внезапно воссияла таинственным светом. Ученик от этого видения ощутил в сердце особую радость и зарыдал от умиления.

– Диковинно! Непостижимо! – воскликнул он. Ваша песня мне больше нравится, чем та, которую поем мы. Да и Богородице она пришлась не иначе как по душе. Перепишите мне ее, я отныне буду прославлять Матерь Божию вашими словами.

– Хорошо, – согласился незнакомый монах, – дай же мне бумагу и перо.

Но, к несчастью, у послушника не оказалось в келье сих вещей.

– Не унывай. Нет, так нет. Если найдешь, то принеси мне большую плоскую каменную плиту.

– Этого добра у нас много, – радостно произнес он и вскоре приволок плоский камень.

Незнакомец взял его, положил, будто пушинку, к себе на колени и перстом стал водить по нему. Здесь произошло второе чудо. Камень оказался податливым, будто глина. Персты его входили в камень, оставляя глубокие борозды. На нем появились как бы вдавленные новые слова песни. Неизвестный монах подал сей камень послушнику и молвил: *«Отныне всегда пойте так: и вы, и все православные христиане!»* Молвив эти слова, он тут же исчез. А икона еще долго продолжала излучать чудесный свет. «Видно это был не монах, а посланник Божий», – рассудил послушник.

С тех пор слова, вырезанные Божественным способом в камень, старцы на Афоне включили в гимн славы Богородицы. Плиту же эту с почетом отправили в Константинополь патриарху, где она и по сей день хранится в храме Софии Премудрости Божией. А чудотворная икона Богородицы, что находилась на иконостасе стала называться «Достойно Есть». Позже незнакомый монах не раз объявлялся вновь. Как пояснил игумен, им оказался сам Архангел Гавриил.

– А сейчас, друзья мои славные, вы своими очами сможете увидеть эту чудо-икону, – молвил монах Афиноген. – Она размещена на мраморном иконостасе храма. На иконе Богородица изображена вместе со своим сыном, который со свитком в руке доверчиво прижался к материнской ланите¹.

Инок жестом руки показал на растворенные двери храма, приглашая гостей войти в него, а сам удалился в свой монастырь, исполнив свои обязанности по отношению к прибывшим русским.

Гости поспешили в храм, чтобы приложиться к чудотворной иконе. Византийский стиль Собора поразил их своею массивностью и строгостью. Несмотря на его большие размеры, он был заполнен монахами. В храме чувствовался запах благовония от кадила и горящих свечей. В нем шла вечерня. Однако добрые благочестивые греки, приметив русских единоверцев и уразумев их цель прихода, разом расступились. Гости свободно прошли к великой святыне. Друзья подняли вежды на икону и увидели, как Мария с иконы смотрит на пришедших. Ее глаза струили доброту безмерную да благодатные посылы исцеления душевных и телесных недугов. Гости с умилением прикоснулись губами к чудному образу Богородицы.

Закончилась служба. К гостям подошел преклонного возраста игумен. Спина его уже согнулась под тяжестью прожитых лет, но глаза – напротив, источали огонь души и смотрели на мир преисполненной добротой. Благодатная улыбка затерялась где-то в его бороде, но глаза выдали ее. Выслушав о цели приезда группы, он заинтересовался

¹ Ланита – щека.

ею и нашел время для беседы с гостями. Затем он повел их за собой в отдельный скит. Пред входом в него он осенил себя крестным знаменем, согнувшись, вошел в небольшую открытую дверь и передал гостей монаху со словами: «Отец Довмонт, сих отроков накорми ужином, поведай им о монастырях Афона и устрой на ночлег. Поутру проводишь их в монастырь Святого Павла, – тут же, обратившись к русским, рек: – Я тронут тем, что Бог ниспослал мне встречу с нашими гостями единоверцами, прибывшими из далекой Руси, и дал возможность побеседовать с вами. Да будет мир на вашей земле, да не оставит вас Господь своей милостью».

Старец, скромно поклонившись, ушел на свою ночную Божью службу.

– Я смотрю, что вы изрядно устали, – добродетельно глядя на гостей, молвил Довмонт, – откушайте наш скромный ужин да и с молитвой ложитесь отдыхать. Места всем хватит.

И опять на столе появился кофе, анисовая водка – по рюмочке каждому гостю. Но на сей раз, видно для разнообразия, а может статься, что таков у монахов был ужин, иннок подал свежеиспеченный хлеб и вдоволь вареной рыбы, которая оказалась очень даже кстати, учитывая их длительное воздержание от пищи.

Намаявшись за день, купцы уснули разом, хоть непривычным и жестким было ложе в келье. Лишь ранним утром разбудил их монах. Через небольшое время они уже были в пути.

Вновь замаячила впереди горная дорога. Но на сей раз каждый из друзей получил по мулу. Теперь уж отрокам не страшно было падение на щебень. Мул – животное осторожное, да и здешние тропинки знает не хуже монахов. Продвигались в густых зарослях орешника. Их сменил лес из каштановых, дубовых и других лиственных деревьев. Ближе к морю встретились цитрусовые плантации, яблоневые, грушевые сады. Здесь в обилии росли: черешня, грецкие орехи, виноград и оливковые деревья. Даже, ежели путник приходил сюда голодным, то вскоре, одолев весь путь к любому монастырю, он становился сытым от обильного употребления разных фруктов, за которыми и ходить-то не надо было – протяни

лишь руку и ты сорвешь все, что твоей душе угодно. Попадались склоны, сплошь заросшие непроходимым колючим кустарником, но если поднимались вверх по гребню, то оказывались на пустоши, покрытой вереском.

– Не будете ли вы так добры, не расскажете ли вы нам, дорогой наш отец Довмонт, чему обязано название этого Святого места? – спросил Афанасий монаха, отвлекаясь от чудесного вида, что раскрылся ему при очередном повороте дороги, но горя желанием услышать содержательный рассказ о полуострове.

– Почему не сказать? Я вам просто перескажу древнегреческий миф. Здесь уж в свое время расстарался выдающийся поэт Греции Гесиод¹. Он описал произошедшую битву между титаном Афоном и богом Посейдоном. По мифу титан Афон, сын Урана и Геи постоянно ссорился с богом водных просторов Посейдоном. И решили они после очередного спора померяться силами, дабы выяснить, кто кому должен был подчиняться. Эти два богатыря схлестнулись между собой, да так, что земля застонала. Афон схватил Посейдона за талию и уж почти переломил его, как бог морей призвал на помощь воды Эгейского моря и они обрушились на великана Афона, отбросив его на скалы. Сын Геи ухватился за одну из них, чтобы удержаться на ногах, но она оторвалась от монолитного утеса. В руках Афона оказалась скала огромной величины. Чтобы расправиться с Посейдоном раз и навсегда, он метнул в него эту оторванную глыбу. Там, куда она упала, похоронив Посейдона, образовались знаменитые три пальца полуострова Халкидики. Один из этих пальцев получил название Афона в честь победителя битвы – храброго и сильного великана. Два других полуострова названы: Кассандра и Ситония.

– Надо же, мы находимся в том месте, где когда-то сражался титан с богом Эллады. Непостижимо, – удивленно произнес Афанасий.

– Расскажите нам о монастыре Святого Павла, пока мы еще не дошли до него, – нижайше попросил послушника Василий Пипин.

¹ Гесиод – из Аскры в Беотии (жил во второй половине VIII века до н.э.) древнегреческий поэт, исполнитель эпических песен.

– Я весь к вашим услугам, так что распоряжайтесь мною так, как считаете нужным. Я о каждом православном монастыре, а их у нас на Афоне около 20, могу днями рассказывать. Кроме них на Афоне много скитов, еще больше келий. А вот монастырь Святого Павла, к которому мы подходим, – он особенный. Там одних Божественных реликвий столько, что пальцы устанешь загибать, считая их. Так-то вот. Ну, с Богом на устах и начну:

Монастырь сей основал преподобный отец наш Павел Ксиропотамский в конце IX века в честь Божией Матери и считается первенствующим, самым крупным на Афоне. Сам Соборный Храм, построенный в монастыре в IV веке, посвящен Сретению Господню². Вот в нем и находятся древние, чтимые четыре иконы Пресвятой Богородицы – *«Мироточивая» (Препоблагоденная)*, *«Зерцало»*, *«Филатусса» (Защитительница)* и *«Антифонитрия Лакку»*. Здесь же имеются главные святыни афонского монастыря святого Павла – *«Дары волхвов»* – эти части злата, ладана и смирны³. Подношения сии принесены Вифлеемскими Волхвами в дар Младенцу Господу Иисусу. Сохранила эти Честные Дары сама Богородица. Она бережно сберегала их при Себе во время всей Своей земной жизни. В монастыре хранятся: частичка Животворящего креста, часть мощей разных великих праведников христианства и ценная библиотека из нескольких тысяч древних книг и рукописей.

Вот мы и подошли к монастырю. Он напоминает больше древнюю, византийскую крепость. Нас уже встречают его три инока – жители обители.

Монахи увидели гостей и смиренно подошли к ним, приветствуя благочестивыми словами. Затем они повели их в трапезную,

² Сретение Господне – это встреча с Господом. В этот день Пресвятая Богородица, следуя ветхозаветному закону, принесла Младенца Иисуса в иерусалимский храм.

³ Золото в виде 28 небольших подвесок различной формы, искусно украшенных орнаментом в технике филигрании. К каждой из них на серебряной нити прикреплены бусины, состоящие из смеси ладана и смирны – царский дар, показывающий, что Иисус родился Человеком, чтобы быть Царем; Ладан – дар священнику, так как Иисус пришел стать новым Учителем и истинным Первосвященником; Смирна – дар тому, кто должен умереть, (смирну в Древнем Израиле употребляли для бальзамирования тела умершего).

где накормили путников оливками, медом и орехами. Только после приема пищи гостями иноки повели друзей в обитель святого Павла. Афанасий и его друзья были искренне удивлены тем, что совершенно незнакомых людей эти отшельники встречают таким радостным и теплым приемом, будто пред ними их ближайшие родственники. В честь прибывших гостей иеромонах храма провел несколько духовных песнопений и в молитвах своих просил Господа охранять их в пути праведном. Довмонт оказался большим знатоком монастыря. Все, о чем он подробно и с большой любовью рассказал гостям, увидели они доподлинно и даже получили разрешение прикоснуться до некоторых святых реликвий, испытав на себе несомую ими Божественную энергию.

После совершения молебна благодушный инок любезно согласился ответить на все вопросы особо пытливого Афанасия.

– Дорогой отец Довмонт. Я хотел бы расспросить вас о жизни монахов святого Афона. Не откажите мне в любезности ответить на ряд моих вопросов.

– Извольте, я с большим удовольствием подробно отвечу на них.

– Планируете ли вы как-то свой день? Насколько я успел заметить, вы почти лишены сна и завсегда отдаетесь молитве Господу. Так ли это?

– Жить в молитве – это наша обязанность. У нас за сутки проходит много служб. Это утренние и заутренние службы, вечерни и повечерья. Кроме этого есть и дневные службы, их обычно 4, а то бывает и больше. Существуют еще молитвы, коими мы предаемся в одиночестве по личному усмотрению, не покидая келий, и воспеваем в них нашего Бога и Богородицу. Между молитвами мы принимаем пищу и изредка спим. В среднем монах спит с перерывами на молитву в сутки не более 6 часов. Оповещает нас о службах звон колокола. В свободное время монах должен изучать Евангелие, читать Псалтирь, церковные книги.

– Хватает ли вам времени для сна?

– Здесь уж помогает привычка. У монаха она вырабатывается годами.

– А ежели у монаха есть какое-либо призвание, к примеру – талант скульптора, художника, али чеканщика, либо мастерство по злату, так ему запрещено заниматься любимым делом?

– Коли у него действительно талант, в таком случае ему дадут время на оформление иконостасов, либо чего другого. Мастеров здесь не ущемляют, наоборот, всячески поощряют.

– И все же тяжек ваш труд праведный. Я думаю, монахи часто покидают Афон и уходят в свободный мир. Кто эту суровую жизнь может выдержать? Только единицы отшельников.

– Нет, не правы вы. При моем пребывании на Святой Горе ушли в мирскую жизнь человек 20. Но это нормально. Насильно здесь никого не держат. Каждый волен выбирать свою судьбу. Но бывает и так, что иной монах уйдет отсюда, поживет вольно в Миру, а опосля вновь возвращается в обитель, и уж больше никогда не покидает ее.

– Но у вас кроме молебна есть какие-нибудь обязанности по работе?

– Конечно. За исполнением их следит мудрый наставник. Монах должен ухаживать за садом, колоть дрова, стирать свою одежду, собирать урожай фруктов, сажать и собирать овощи, выполнять любую общую работу.

– Вы не надоедаете друг другу?

Отец Довмонт этот вопрос, как решил Афанасий, оставил без внимания. «Может он не расслышал его?» – подумал гость, и чуть было не задал его повторно. Но в этот момент инок все же заговорил:

– Жизнь сообща заставляет монаха в молчании терпеливо выносить странности, допущенные грехи, недостатки всех и каждого в отдельности. Здесь встречаются разные люди и у них не единый характер. Надо быть очень внимательным, чтобы все это правильно воспринимать. Научиться руководить своими действиями – это задача каждого монаха во всех обителях. А главное, нельзя ему забывать, что он здесь не один и каждый из монахов имеет право на собственное мнение. Надобно уметь ладить со всеми. Этому нас учит совместная жизнь на этой Святой Горе.

– Истинные слова. Я и мыслил именно о подобном ответе. Иначе и быть не может.

Афанасий задумался над довольно тяжелой жизнью монахов. «Непостижимо, – размышлял он, – при всех сложностях службы иноков они не растеряли доброту, любовь к людям. Им привычно ходить с радостными лицами и приветливо встречать гостей. Как они всего этого добились? Неужто такими родились? Нет. Мне кажется, они с большим трудом создавали сами себя, порой ломая свои старые вредные привычки. Теперь же, видя их счастливыми, и сам уподобляешься им». Мысли его перебил монах словами:

– Далее мы отправимся с вами в Лавру преподобного Афанасия Афонского, а по ходу, чтобы не было вам скучно, я расскажу о ней все, что знаю. Вас вновь ждут уже знакомые вам мулы.

Известие монаха принято было друзьями с ликованием. Они повернули головы по направлению к Афонской Горе. Она просматривалась на фоне утреннего тумана и была довольно высока. Без мулов на нее, пожалуй, было бы забраться проблематично. На фоне чистого неба выступала ее вершина в виде раздвоенной горы. Над нею кружило облако. Но облако ли это? Может быть, это и был нимб святости Афона? Монахи говорят, что это облако никогда не покидает Священную Гору. Друзья залюбовались уже не мнимым, а настоящим видением.

Путники подошли к мулам и быстро их разобрали. Каждый взял своего.

– Какой же ты небольшой, да с худыми ножками, красавец мой, неужто такой выносливый, что потащишь меня на эту высоту? Ужели выдюжишь? Придется ныне тебе славно потрудиться, – душевно говорил своему верному четвероногому другу Афанасий, пытаясь завоевать у него к себе доверие. – Но ты особенно не горюй. Там, где тебе будет трудно взбираться, я сойду с тебя. И вместе мы одолеем эту Святую Гору.

В ответ мул только прял своими длинными ушами, потряхивал головой и подозрительно косил глазом на будущего своего наездника.

– Вот и поговорили, – произнес Никитин, похлопывая его по стриженной колючей гриве

и, незаметно для монаха скармливая ему кусок хлебной корочки. – Понял ли ты меня, друг?

Тихо тронулись по маршруту. Монах на муле уныло ковылял впереди. Тропа то расширялась так, что можно было ехать парами, то сужалась, до того, что и один всадник с великим трудом продирался сквозь спутанные ветки деревьев. По пути попадались глубокие овраги, а мул, будто не замечал сие препятствие, и смело шествовал в обход по еле заметной тропке. «Вот и думай что хошь. Жизнь твоя зависит только от ловкости твоего мула. Порой его копытца скользят по узенькому краю тропки, а вниз – хоть не смотри, голова может закружиться так, что свалишься с седла. Но другого пути нет. Придется отдаваться воле случая. До святой обители еще далеко. Она расположена на самой Горе», – так рассуждал Афанасий, радуясь, что скоро ступит ногой в Священную Лавру – основную цель прибытия купцов на Афон. Как же, он посетит главную обитель Святого места, названную его именем, пусть даже не в честь его, но все же сам этот момент был для него очень приятен. А в это же время Довмонт уже говорил о Святой Лавре¹. Предавшись своим мыслям, Афанасий часть рассказа инока пропустил. Пытаясь вникнуть в его слова, он сосредоточился на звуках голоса монаха и услышал:

– Наиболее почитаемый святой – преподобный Афанасий, на вершине Афонской Горы в X веке основал эту замечательную обитель.

«Слава Богу, я, похоже, почти ничего не пропустил из сказанного монахом», – подумал Никитин и, как всегда, принялся записывать суть его рассказа.

– А вот скажите, есть ли в нашем Собо-ре такое, что вызовет у вас особый интерес? Не угадаете – это собранная и представленная здесь библиотека. Она поражает монахов и паломников обилием древних священных книг². Это вторая библиотека по счету, но первая по количеству книг. Ежели помните, то мы

¹ *Лавра* – название некоторых крупных мужских монастырей, имеющих особенное историческое и духовное значение.

² Здесь хранится 2050 рукописей и множество печатных книг. Впервые в христианской Европе методика оттиска на ткани появилась около 1300 года.

говорили о библиотеке, которая находилась в монастыре Святого Павла. В Лавре много чего имеется и из святых реликвий. Главная – это рака с мощами преподобного Афанасия. Есть и редкая икона XII века с изображением Спасителя. В соборе хранится крест и жезл преподобного Афанасия. Здесь же хранятся: чудотворные иконы Богородицы «Экономисса», части Животворящего Креста Господня. Особая реликвия Собора – это честная глава святого Иоанна Златоуста и частицы мощей многих святых.

Жалко, что вы опоздали со своим приездом. Не так давно здесь прошел праздник – день памяти преподобного Афанасия Афонского. В этот день Богослужение без перерыва длилось более пятнадцати часов. По преданию этот праздник для монахов установила Сама Богородица, явившись во сне игумену. С тех пор и празднует этот день вся Святая Гора-Афон.

Мулы шли медленно. Никто из купцов их не понукал, вопреки наставлениям инока, который для этих целей дал каждому гостю по прутику. Густой почти непроходимый лес вдруг расступился, и путешественники увидели Лавру во всей ее красе. Кончился лес, кончился крик кукушки, которая изредка, перелетая с ветки на ветку и, обгоняя гостей, принималась куковать, отсчитывая каждому из купцов остаток лет, которыми он еще мог бы распоряжаться по своему усмотрению. Порой вдали были видны и кабаны, но это все закончилось с выходом путешественников из лесного массива.

Подъехали к Лавре. Спешились и вошли в ворота. Пред ними стоял огромный кипарис с черной, высушенной временем корой. Посажен он был самим преподобным Афанасием. Время его не пощадило. Вся его кора была изрыта глубокими шрамами и бороздами, в которые свободно помещался кулак человека. Обхватить его могли лишь несколько мужчин. Возраст этого кипариса уже почти дошел до 5 веков. Но даже сейчас он радовал здешних жителей. Друзья прижались к нему всем корпусом в надежде, что хотя бы малая часть его многовековой энергии перейдет к ним.

Путешественникам на этот раз очень по-

везло. Они попали на молебен, после окончания которого, к ним подошел престарелый игумен Назарий и, узнав, что они прибыли из России, с отрадой предложил им свои услуги. С ним вместе друзья обошли все святые места монастыря, приложились к непорочным иконам и осмотрели все имеющиеся бесценные сокровища обители, к которым очень трепетно относятся все монахи Святой Горы. Афанасий забросал игумена вопросами. Ответы на них он, как всегда, тщательно записывал.

– Пройдемте, гости наши дорогие в трапезную. Думаю, прием пищи вам не помешает.

Друзья молча последовали за отцом Назарием.

– Бог ты мой, до чего богат Афон. Такую трапезную я даже у князя нашего не видывал, – шепотом произнес Василий, склонившись к Афанасию.

– И не говори. Стены все в росписях, Везде фрески с портретами греческих философов.

– А почему здесь отдают предпочтение философам, а не великим святым Греции?

– Это ты у владыки спроси.

– С какой целью трапезную сделали такой просторной? Неужто с учетом гостей? – шепотом спросил Василия Афанасий.

– Думаю, что ты почти угадал. Мыслю, что в дни великих праздников сюда съезжаются паломники из всей Греции. Вот уж ежели это так, то и трапезная должна быть необъятной.

В это время начал свой рассказ игумен:

– Трапезная сия построена самим великим тружеником – преподобным Афанасием и имеет форму креста. Столы здесь мраморные, вечные. Они сделаны из подручного материала и нет им износа. Всего их 24. Росписи на стенах выполнены разными изографами критской школы под руководством Феофана Критского.

В это время в помещение стали входить монахи. Они проходили бочком, не смея помешать игумену. Владыка закончил свой рассказ и передал гостей одному из иноков, при этом игумен успел сказать, чтобы после окончания трапезы гости зашли к нему в келью, дабы забрать с собой приготовленные копии икон для

епископа Твери Матвея.

– Святой отец, – обратился Афанасий к игумену. – Ради Господа не откажите, хотелось бы нам взглянуть на могилы старых монахов, да помолиться за них пред Богом нашим за их упокой.

– Хорошо, отрок, я проведу вас в это траурное место, но только после вашего обеда. Подкрепитесь чем Бог послал. Вам сегодня предстоит еще много работы. Я непременно найду вас.

Монах по поручению игумена провел гостей к столику, на котором у каждого места уже стоял рисовый суп, рыба баккала¹ с фасолью и стакан красного местного вина. Быстро перекусив, друзья вышли во двор монастыря. В сторонке стоял игумен. Он подошел к ним и, поклонившись, изрек:

– Вы уже откушали, отроки мои?

– Премного благодарны вам...

– Коли так, то я провожу вас до этого прискорбного места, коим вы заинтересовались, да будет вам милость Божия за ваши благие мысли. Только я должен вам кое-что пред этим сообщить. Усопших братьев наших мы предаем земле только на 3 года. За это время кости их полностью очищаются от плоти. По прошествии этого срока мы вскрываем могилу и их останки тщательно промываем в вине с водой, а затем аккуратно складываем в костнице. Черепа их почтительно укладываем на полки. На каждом из них краской указываем имя, число и год кончины раба Божьего. На верхних полках черепа принадлежат игуменам, ниже – монахам. Не расхотелось ли вам после моего вступления, друзья мои, осмотреть бранные останки почивших?

– Нет, владыка. Немного страшновато, но после ваших слов теперь уж нас одолевает любопытство. Думаю, нам не будет хватать впечатлений, ежели мы откажемся посетить сей траурный уголок Лавры.

– Что ж, тогда идите за мной.

Друзья почувствовали тревожный трепет во всем теле, но все же остались верны своему желанию и последовали за старцем. Он шел не спеша, видно возраст давал о себе

знать. Зашли в здание с узкими окнами. Света в усыпальнице было вполне достаточно, чтобы увидеть все, о чем поведал им игумен. Кости усопших в костнице были уложены у стены тщательно и аккуратно высотой почти до ее крыши. На стеллажах отдельно от них покоились черепа. На них можно было прочесть, кому они принадлежали. Сверху над мощами висело изречение: *«Помни всякий брат, что мы были, как вы, и вы будете, как мы»*. После прочтения этого мрачного текста мурашки пробежали по коже купцов. Они решили быстрее покинуть это погребальное помещение.

В своей довольно большой келье игумен Назарий вручил Афанасию солидный сверток прекрасных и бесценных копий византийского письма всех икон, каковые особенно почитались на Святой горе.

Друзья поблагодарили святого отца и, благословленные им в дорогу, покинули Афон. Заботы провожатого взял на себя их старый знакомый, монах Довмонт.

Впереди предстояло вновь пересечь Эгейское море и возвратиться в Стамбул. Больше всех возвращению Афанасия обрадовался ворон. Своим птичьим умом он посчитал, что с хозяином он распрощался навсегда. Грустный его вид был этому подтверждением. Теперь же птица ни на миг не покидала плечо своего обожаемого друга – Афанасия.

Святая гора Афон постепенно исчезала в мареве бесконечности и, наконец, ее вовсе не стало видно. Однако чувство привязанности к этому месту осталось у каждого, кто побывал в том раю. Где-то в груди щемила тоска о том, что что-то не досмотрели, что-то не досказали этим милым добрым наивным и отзывчивым монахам. И все же, ни один из друзей не пожелал бы променять свою кипучую жизнь, на неспешное бытие монахов Святого полуострова. Все они чувствовали другое для себя предназначение. Их влекла новизна жизни, изучение мира, быстро меняющиеся события, наполненные ветром паруса и полет их корабля по волнам бурного моря в полную неизвестность.

¹ Баккала – вяленая треска

МАКАР АЛПАТОВ

Уважаемый читатель, автор искренне призывает вместе с ним попытаться понять – если в этой повести происходят реальные события, действуют существующие живые персонажи, тогда ПОЧЕМУ она называется сочинением? Может, есть ответ – ПОЧЕМУ?

Почему?

(маленькая повесть из писем и телефонных звонков)

*У меня зазвонил телефон – кто говорит?..
Письмо мне принёс почтальон – сердце болит...*

Письмо первое

Привет, давно я не писал писем ручкой – ох, уж это развитие техники на грани фантастики - то эсмэски в мобильнике, то сообщения в Интернете. Нет, конечно, на эмэйл письма, бывает, приходят, но большинство в спешке и коротенькие, а из привычного почтового ящика на первом этаже, в основном, парочка газет, поздравления, приглашения да реклама всякая ненужная – жить-то торопимся, но вот чувствовать почти совсем перестали в этой круговерти. Хочу с тобой посоветоваться, милая моя, а для этого телефонного разговора не хватит, даже по скайпу, глаза в глаза. Мой приятель едет к вам в Нью-Йорк, он и обещал тебе передать сие мое послание. Не спрашиваю, как вы там живёте, ибо знаю – нормально – и рад за всех вас, «американцев липовых». Шучу. У меня практически ничего нового – работы, как всегда, уйма – что и держит на земле. Да, «жизнь, она идёт - всё тоньше календарь». На этом «любезности» заканчиваются, и перехожу к цели моего письма. Даже не знаю, как начать. Лучше перешлю копию другого письма, с которого всё и началось и которое неожиданно многое перевернуло в моём житье-бытье.

Письмо второе

Вот – полная копия – направлено, уж извини за ошибки.

Здравствуйте! Не удивляйтесь моему письму. Я не умею писать письма. Не сердитесь. Я много раз его переписывала. И всё равно, как надо, не получилось. Вы меня почти не знаете и, конечно, почти не помните. А я Вас знаю уже больше шести лет. У Вас в театре есть такой цикл «Учителя и ученики», где выступают совсем молодые артисты-музыканты, певцы, чтецы, плясуны. Когда я была ещё маленькая, мой педагог привела меня в Ваш театр первый раз, не выступать, а посмотреть и послушать, что это такое. Концерт назывался «Мы зажигаем звёзды». Мы раздевались за сценой, и я впервые увидела Вас. Вы погладили меня по голове и спросили: «Этот ангелочек тоже будет участвовать?». Педагог ответила: «Сегодня нет, пока только присматривается». Вы опять погладили меня и сказали: «Жаль!». Отошли и забыли обо мне. Сколько будущих музыкальных знаменитостей прошло через Ваши руки, впервые выступили на Вашей сцене, на сцене театра «Родом из блокады» - один пианист Сергей Редькин чего стоит. И моя любимая пианистка Алина Федосеева, и её друг Влад Фёдоров. Иван Бессонов, которого Вы считаете похожим на Моцарта не только внешне, и я с Вами согласна. И Катя, и Илья, и наши малыши. А скрипачи? А мой любимый танцевальный ансамбль «Юный Ленинградец», у меня там подружки пляшут, которые обожают Вас и Ваш театр. А певцы? Я копила деньги с завтраков в школе, чтобы попасть на «Бал вампиров», где покоряли Иван Ожогин и Андрей Матвеев, где прекрасно пел и играл Ваш Георгий Новицкий, в которого влюби-

лись мои подружки, и не только они. Потом появился маленький красавец Гриша Калайда, наш смешной Буратино и исполнитель песен прошлых лет, военных. Я стала ходить на все выступления Вашего театра, на которые могла сбежать с учёбы, благо бесплатно, да и всегда днём в три часа, ведь на всех всегда не только вели, но и пели Вы. Я не знала, сколько Вам лет, и хоть Вы седой, но голос у Вас совсем молодой, да и на вид Вы производите впечатление совсем не старого человека, а именно настоящего мужчины, чего мало среди сегодняшних парней. Это так на меня подействовало, что я сама вдруг запела. Перевелась в другое училище на вокал. Но училась я у Вас, на Ваших концертах. Вы меня почему-то не узнавали, да я близко к Вам боялась подойти. Я была на двух конкурсах, где Вы были в жюри, но победить мне не удалось, хотя лауреатом я становилась. Так вышло, что Вы ни разу не награждали возрастную группу, в которой была я, я даже плакала из-за этого. В Интернете, в Контакте я тоже боялась попроситься к Вам в друзья, как некоторые наши вокалисты, но и сама, и через друзей научилась посещать Вашу страницу, смотреть Ваши фото и видео, слушать аудио, читать новости и т.д., что мне было очень интересно. Потом со мной случилось горе, погибли мои родители и брат, тяжело про это вспоминать. Я осталась почти одна, с бабушкой, жить мне не хотелось, но Вы и Ваш театр спасли меня, я бегала на все Ваши мероприятия, и это придавало мне силу. В августе я поступаю в Университет культуры и искусств, где Вы преподаёте, и хочу только к Вам в класс. Мне о Вас много рассказала Ваша ученица, моя тёзка, которая теперь живёт и работает в США. Ещё рассказали, что Вы - единственный педагог, который с некоторыми малоимущими занимается бесплатно. Я в Вас никогда и не сомневалась и всегда была в душе Вашей ученицей. Я всегда любила Вас и люблю. Не подумайте чего плохого, я была бы счастлива стать Вашей внучкой, творческой внучкой. Когда мне было плохо совсем, мне снилось, что Вы брали меня на ручки и качали и тихонько пели, и я говорила: спасибо, дедушка. Если можно, разрешите мне прийти к Вам на прослушивание. Я сделаю всё

возможное, чтобы поступить, и буду делать всё, чтобы стать Вашей достойной ученицей. Очень надеюсь. Извините, что отнимаю Ваше время.

С Уважением,
А.

Письмо первое (Окончание).

Ну, что скажешь, дорогая? Ты ведь меня знаешь. Я, конечно, далеко не святой, - тебе ли не знать? - но мои принципы хорошо известны: своих учениц не трогаю и блюду - не иронизирую. Да она ещё и сирота. Нельзя сказать, что у неё голос какой-то особенный, но что-то неуловимо своеобразное есть, заниматься стоит, без сомнения - ведь смогла же поступить на бюджет. Я-то в этом году не был в приёмной комиссии. Говорят, кто-то из имеющих вес позвонил декану, он ей теперь благоволит и просил меня взять девчонку в свой класс. Она чертовски хороша внешне, но её юность - она выглядит гораздо моложе своих лет - пугает, у неё чудный цвет лица, прямо земляничинка, изумительная кожа визуально, серые звенящие кошачьи глаза и светлые густые волосы, как у моей любимой жены Лены - помнишь свадебные фото? Как ты думаешь, дорогая, удержусь я на старости лет? Или, может, от греха подальше, не стоит её брать к себе в класс, и во внучки - творческие, разумеется. С другой стороны, хоть я и не могу жаловаться на одиночество - столько людей вокруг - ты знаешь - жаль, родных практически нет - или на том свете, или по миру разбросала злая судьба. Мне - Слава Господу! - помогают Людмила Ивановна, Гошина мама, внучка Лизонька - скрипачка, она уже совсем взрослая, ещё есть подружка - искренне, по доброму относится ко мне - да и ученики мои не забывают; но так иногда хочется, чтобы тебя приласкала родная сладкая душа, чтоб потеплело на сердце - именно ласки порой не хватает не только малому, но и старому, а когда круто болеешь, ноги не ходят и не держат, сил нет и надо, научившись смотреть правде в глаза, понимать, что времени остаётся всё меньше?.. Ладно, не будем о грустном. Об-

нимаю-целую. Не тяни с ответом, моя красавица, не только в твоём и моём театрах есть жизнь. Звони. Лучше по скайпу, чтобы можно было тобой полюбоваться да, может, и на Алису глянуть... А лучше приезжай в Питер. Покедова, бабанька...

Твой М.

Письмо третье

Привет! Как ты прав, дорогой мой! - давно не получала писем да и сама не писала. Всё накоротке. Будешь смеяться, соскучилась по тебе, хотя времени нет остановиться и оглянуться. Здесь – не у вас там: время действительно деньги. Напрасно ты думаешь, что всё так легко – за всё приходится платить. Да и крутишься так, что родной русский уже забывается. Твой знакомый навестил нас, много о Ленинграде, о тебе и твоём театре рассказать, конечно, не успел, но очень хвалил спектакли, концерты и артистов, а особенно тебя. Спасибо за фото – шикарно выглядишь, а всё жалуешься. Видно, твои дамы хорошо за тобой ухаживают - молодцы! Решила отправить тебе ответ сразу, поэтому времени много написать нет. Седина в бороду и в голову - бес в ребро. Может, ты влюбился? Эта девчонка права в одном: ты производишь впечатление настоящего мужика - я сама на это купилась в своё время, а современные хлюпки, чуть не голубые слабаки, не вдохновляют женщин всех возрастов, хотя, говорят, есть любительницы. Сейчас многие старики женятся на молоденьких. Тебе это надо? У тебя правнук скоро в школу пойдёт, а ты хочешь ещё ребёночка сделать на старости лет? Как ни крути, а вот дитя можно не успеть вырастить. Кто за это ответит? Всё равно ты всё сам будешь решать, а совета попросил так – для отвода глаз или для очистки совести? Когда я уговаривала тебя ехать со мной, ты понятно мне объяснил, что этого никогда не произойдёт, театр твой никуда не отпустит. Долго я не могла от тебя отвыкнуть, никто мне был не нужен, никому мне так не хотелось играть, но время - лучший доктор, как бы это ни банально звучало. Я тебя буду помнить до конца дней своих, но притупляется память и, несмотря на то, что жизнь

моя принадлежит театру, который ты начал, когда приезжал сюда, – за что громадное спасибо – мне хочется пожить и для себя, любимой. Дети выросли. Как говорится, обустроенны. Я знаю, тебе у нас не понравилось, и ты больше никогда не приедешь. Ты вбил себе в голову, что патриот России - скорее всего, так оно и есть, но мне от этого не легче. Женщины любого возраста всегда тебя любили. Где бы ты ни появлялся, в тебя на раз влюблялись и влюбляются до сих пор, но вот сам-то ты? Я тебя любила до самозабвения, а ты только пожалел меня и никогда не забывал свою первую и, как оказалось, единственную любовь. Не надо обманывать себя, ты до сих пор любишь так рано ушедшую из жизни Лену, а все остальные, в том числе и я, были просто проходящими, которые сами тебе навязывали себя. Так что, если тебе действительно нужен мой совет: не морочь девчонке голову, живи, как жил, нарциссом-эгоистом, хоть все вокруг утверждают, что ты живёшь для людей, и это, наверное, справедливо. Если так приспичило, переспи с ней. Она, я думаю, с удовольствием, как и все твои женщины, на это пойдёт – как и я, например, но вспомни, сколько тебе лет? И как она может воспринять, то, что после этого произойдёт. Ты ей нужен, она тебе нет, это я говорю, как женщина, которая тебя знает и любит уже почти 30 лет. Время моё заканчивается, письмо надо вкладывать в конверт. Мы с Алисой, она там развлекает твоего товарища, пока я пишу, тебе обязательно будем звонить и по скайпу тоже, как ты хочешь. Мы тебя будем всегда помнить и любить – ты наша жизнь, наша история, наша музыка, наше счастье и горе. Прости, расчувствовалась. Целую-обнимаю. Ничего не изменилось. Как ты любишь говорить и желать: «Будь!». Тоже вкладываю наши последние фото. Я седею, но по-прежнему молода душой. Твоё воспитание, спасибо! От Алисоньки-кисоньки привет.

Всегда твоя В.

Письмо четвёртое

Уважаемая Анастасия! Получил Ваше письмо, и Вы правы, был действительно крайне удивлён. В нашем театре появляются всё

новые юные артисты - внуки и даже правнуки блокадников, и это понятно, что всех нельзя узнавать в лицо. К тому же я стал плохо видеть. Да и растёте вы все быстро. К сожалению, не сразу Вас вспомнил, но когда посмотрел видеозапись Вашего прослушивания, облик, глаза и волосы показались знакомыми, я спросил о Вас у наших общих друзей, и память ожила. Вас хорошо, по-доброму характеризуют, это радует. Надо сказать, что со времени нашего знакомства Вы заметно выросли и возмужали. Внимательно послушал Ваш вокал. Есть претензии. Не только по звуковедению, по постановке дыхания, главное, как у большинства, - по дикции. Но полагаю – перспективы есть. Актёрское мастерство на уровне. Необходимо много и упорно трудиться – пусть это не покажется пустыми и обычными словами. Ко мне обратились с предложением взять Вас в свой класс и сообщили, что будете учиться ещё и как менеджер. Два факультета – это много и сложно, но Ваше образование освободит Вас от ряда музыкальных дисциплин и от фортепиано, которым Вы, судя по всему, отлично владеете – Ваш аккомпанемент второму произведению хорош - это даст время для других занятий. Признаюсь, пока у меня нет свободных мест, но буду думать, есть варианты. И ещё: я не люблю пустых сантиментов, и Вам, если я возьму Вас в класс, придётся соблюдать определённую дистанцию – педагог – ученик, хотя я, естественно, сочувствую Вашему горю, понимаю Ваше нелёгкое положение, сам потерял многих близких людей, но это не значит, что Вы будете иметь какие-то поблажки и послабления. В нашем классе строгая дисциплина - болеть и пропускать занятия не рекомендуется. Певец вообще не должен болеть, и этому надо научиться так же, как и хорошо петь. В Университете достаточно много настоящих педагогов эстрадно-джазового пения и, в зависимости от выбора направления в вокале, за полноценной исчерпывающей консультацией советую обратиться к Т. И. Ручинской. Ко мне приходите на прослушивание и для личного знакомства во вторник к 16 часам, возьмите ноты и минусовые фонограммы своего русского и зарубежного репертуара, документы. Номер ауди-

тории узнаете в деканате. На лёгкую дорогу не рассчитывайте.

Удачи! М. Л.

Телефонный звонок

Она: Привет, бандит и обманщик!

Я: Салют, американская троглодитка! Как Бруклин, ещё стоит как оплот капитализма? Она: Бруклин-то стоит, а ты не внял моему совету и таки взял эту красотку в класс. Помни моё слово, добром это не кончится. Что, занобило ретивое, таки потянуло на молодняк? Как там у тебя в стихах твоих блудливых? А, вспомнила: «Как запах кожи молодой зовёт желанья. Не даст висков убор седой урвать свиданья. Мне золото твоих волос блестит запретом, но как бы вместе не пришлось потом жалеть об этом...». Ну прямо лирик серебряного века. В одном флаконе Пушкинзон и Есенинберг с Мандельштамом. Посмотрела я её фотки в Инете – что говорить, и вправду хороша. Сбрэндил дедок на старости лет? И не стыдно? И что дальше?

Я: Вона как! И стихи мои наизусть помнишь – столько лет прошло? Только у меня – не запах кожи молодой, а бархат - чуешь разницу? И это не ей написано. Не переделывай автора. Эх, как тебя повело! Успокойся, не малолетка она, просто фантастически юно выглядит, а тебе завидно, что ли? Не переживай, она ещё, вдобавок, умница, этакая философка неожиданная, со своим взглядом на жизнь. На рояле играет круто – надеюсь, со временем сделать её своим концертмейстером – ты ведь рванула за океан и бросила меня на производство судьбы, а мне петь надо, чтоб жить...

Она: Да тебе лучше меня никто никогда не сыграет. Для этого любить надо исполнителя, всю душу отдавать, она ж соплячка пока ещё. Вот ты меня на сцене петь заставил, как я ни трусила и ни сопротивлялась, а она тебя перепоёт, вот увидишь, и наплюёт ради карьеры на бабушку.

Я: Узнаю тебя, родная Одесса. Темперамент с годами только растёт. Да не ревнуй - я ей и правда, как дед. Перестань реветь. У тебя полно родни. Мама – Слава Богу! - жива, дети, которые в тебе души взаимно не чают, а она –

сиротка. У неё, кроме старенькой бабушки да меня, никого нет – соображаешь? Да и я себя теперь чувствую Пигмалионом – есть собственная Галатея... Леплю!

Она: Я реву потому, что мне тебя, дурака, жалко. Куда смотрят твои родные, умная и опытная Людмила Ивановна, которая так о тебе заботится? Скажи честно, что ты не пропадёшь, а то полно таких девиц, кто идиотов, вроде тебя, падких на свеженькую клубничку, ловит?

Я: Да не бойся за меня. Вот посылаю тебе ещё одно громадное письмо от неё. Развлекись. Посмейся её философским выкладкам – она совсем ребёнок ещё. Ладно. А Алиса-то где?

Она: На записи. Тебе привет передавала, обнимаю, но она тоже твоё увлечение не одобряет. Она же старше твоей красотки, и многое Алису удивляет, хоть она тебе и не говорит об этом.

Я: Ладно, прочтёшь письмо, отпишись или отзвонись, а сейчас мне надо рвать когти не репетицию. Как обычно, обнимаю-целую тебя и Алису. Понапрасну не дёргайся. Всё путём у меня. Покедова.

Она: Береги себя. Непокойно что-то у меня на сердце. Бай...

Письмо пятое

Здравствуйте! Начался мой второй учебный год у Вас, и я снова решила Вам написать. Скоро День учителя и я хочу, чтобы письмо пришло к Вам к этому празднику. В нашей семье он имеет большое значение потому, что почти все мои родные – учителя русского языка и литературы. И бабушка, и погибшие в страшной катастрофе мама, папа и старший брат – о чём нельзя забыть никогда. И вот теперь и я – готовлю малышей к поступлению для обучения игры на фортепиано. Профессиональных музыкантов у нас не было, хотя дома для себя папа и брат пели и играли на гитаре, а мама и бабушка на стареньком пианино, доставшемся от прабабушки. Бабуля и сейчас, как она говорит, музицирует, играет и мурлыкает старинные романсы.

Мне хочется поздравить Вас с Днём учителя и сказать огромное спасибо, хотя я сама собой недовольна, но как Вы с нами мучаетесь, результаты должны быть больше. Я полюбила всех своих одноклассников, хотя они все разные, что, естественно, ведь из разных концов страны. Мне очень интересно сидеть на их уроках и учиться, своими уроками я дорожу, как драгоценными подарками судьбы. Как Вы всех нас тонко чувствуете! Даже когда Вы меня ругаете, мне приятно, и я начинаю больше стараться. Особенно нравится слушать Гошу, он хоть и занимается в классе у Ручинской – говорят, Вы отдали его своей знаменитой подруге, чтобы самому не баловать, но и у нас, бывает, поёт. Спасибо ему, мы побывали на шоу-мюзикле «Бал вампиров», влюбились в этот спектакль, и многие без него уже жить не могут. Я раньше всё ходила в филармонию, в оперу, в Октябрьский зал на выступления ансамбля «Юный Ленинградец», Гоши или Гриши Калайды которого полюбила, как родного, как он там здорово пел, а теперь на Бал вампиров, и не надоедает. И там тоже учусь. Гоша Новицкий поёт, как Бог. Нравятся Ожогин, Гогитидзе, Матвеев, Газаева, да все хороши. Почти все составы посмотрела – нашла способ не особо тратить деньги. Мне нравятся Ваши телепередачи о «Бале вампиров» на телеканале «Ваше общественное телевидение», Ваши радиопередачи о Театре «Родом из блокады», где часто слышу знакомые и любимые голоса. Помните споры в классе о популярности артистов? Наши приезжие студенты совсем не знают родной эстрады, собственных мастеров, да и я от них недалеко ушла. Вы сказали: поговорим только о певцах, которые пели и поют в концертах, и все сразу оживились и стали называть зарубежных знаменитостей. Можно подумать, что у нас до Глинки не было композиторов, а до Шаляпина и Руслановой певцов. Спасибо, что рассказали о наших эстрадных исполнителях, ведь если Лемешева, Утёсова, Бернеса, Шульженко, Отса, Трошина и следующее поколение – Пугачёву, Пьеху, Магомаева, Зыкину, Кобзона, Сенчину, Долину, Захарова, Лещенко, Леонтьева, Киркорова, Баскова – я, конечно, не всех вспомнила – знают, благодаря кино и

ТВ, то Вы тогда назвали других любимых певцов на эстраде России: Рождественскую, Кострицу, Нестерову, Анатолия Королёва, Юрия Гуляева, Лидию Клемент, Марию Пахоменко, Александра Малинина, других, и все мы бросились дома в Интернет искать их записи. Вы сказали, что к экзамену надо готовить не только англоязычные, но и песни на русском языке, что явно не всем понравилось. А мне очень. Надя тогда стала уверять нас, что и Вас будут помнить по кино и телефильмам, и тут же сыграла нам с телефона Ваши записи из кино вместе с популярными артистами. Вы на это не обратили абсолютно никакого внимания и тут же перешли к другой теме. И это мне очень понравилось. Мы с бабушкой просмотрели и прослушали все Ваши аудио и видео, которые есть в Интернете, и ещё Гоши, Гриши и некоторых других Ваших учеников и долго Вас обсуждали, тем более что бабушка убеждала меня, что Вы её любимый певец, особенно из-за на редкость красивого тембра, который хорошая вокальная школа помогает до сих пор сохранять. Бабушка любит слушать Вас в ариях из опер Моцарта, Верди, Чайковского, обожает Вашего Мистера Икса, романсы, а я поражаюсь итальянскими песнями, Вашей собственной музыкой и стихами, когда эти произведения исполняете Вы или Гоша Новицкий, и особенно меня потрясла у Вас ария Графа фон Кролока – «Умер Бог», которую Вы спели под рояль на своём недавнем юбилее. Когда Вы пели: «Ко мне навстречу, ангел мой, поспеши», то хотелось рвануться к Вам на сцену. Я не могла себе представить, что может быть такой Кролок. Я люблю слушать Ваш голос, меня притягивает бархатный тембр, разнообразие красок и полная свобода. Ещё бабушка считает, что Вы настоящий герой. Много наших знакомых менеджеров говорят, что, даже уйдя на пенсию, Вы могли бы пением зарабатывать кучу денег, а Вы создали благотворительный театр и работаете в нём абсолютно бесплатно, как и Ваши друзья. Сейчас России нужны герои, они есть и одним из них бабушка называет Вас. Она говорит, если бы Путин знал о театре «Родом из блокады», он помог бы Вам и объявил Вас настоящим героем. И ещё я учусь у Вас, как от-

носиться к товарищам по искусству. Согласна, надо понимать, насколько трудна наша работа, и ценить те усилия, которые прилагают даже те артисты, которые тебе не нравятся. Когда мы все обсуждали разные составы «Бала вампиров», Вы чётко сказали: каждый артист хорош по-своему, главный триумфатор – Юрий Шварцкопф, директор театра, который выстрадал и осуществил свою мечту. Замечательно все без исключения создатели этого шоу-мюзикла, так у меня записано, спасибо. Я очень горжусь, что мой реферат по Вашему очерку «Мюзикл – победитель музыкально-сценического жанра 21 века. Размышления о путях развития современного музыкального спектакля» был признан лучшим – эта работа мне многое дала, чтобы понять, что такое мюзикл. Ещё я благодарю Вас за то, что разрешаете помогать сдавать аппаратуру и ключи, идти вместе до метро, задавать вопросы и выслушивать ответы. Нам, тем Вашим студентам, которые не уехали на каникулы, было очень приятно посетить и поздравить Вас в День Вашего рождения и, если Вам нужна помощь, пожалуйста, не стесняйтесь. Я готова убирать Вашу квартиру, стирать бельё, готовить Вам еду, делать всё необходимое по хозяйству потому, что Вы не только мой любимый учитель, но и мой любимый певец и артист, мой герой, и мой дорогой творческий дедушка: я Вас всегда буду просить разрешить мне Вас так называть. И ещё напишу Вам по секрету. Стояла я сегодня перед зеркалом, долго смотрела на себя, всё искала, чем я на Вас похожа, Ваши черты. Мне кажется, много общего, а бабушка говорит: не выдумывай. Она удивляется, что у меня до сих пор нет постоянного друга. Это вопрос вопросов, и это надо воспринимать серьёзно, что я и делаю, хотя некоторые надо мной смеются. Я ко всем ровно отношусь, но особенно пока никого не выделяю. Жизнь сейчас такая сложная, не понять многого, да у меня и со временем всегда была напряжённость: учёба, работа, передышки и свободного времени просто нет. Приятно слышать комплименты, но я должна встретить хорошего человека, полюбить, и создать семью, и хочу, чтобы дети у меня были, но когда встану на ноги, это тоже по секрету. Я помню,

как Вы всех девчонок смутили вопросом о мужестве, я даже покраснела тогда. Не выдавайте меня. Я написала Вам поздравительные стихи ко Дню Учителя, но стесняюсь их отправить потому, что у меня записано, что Вы сказали в ответ на стихи одной своей ученицы. Я наизусть помню: «Не надо пушкинить и есенить, не надо лермонтить и маяковить, не надо графоманить-пустословить. Стихом, как сердцем, надо просто жить!». Вот и живите на радость нам, дорогой, любимый Учитель! Всю ночь писала и переписывала, простите, если что не так. Никогда в жизни так много не писала, извините. С праздником! Доброго здоровья! Какое счастье, что Вы у нас есть.

Ваша ученица А.

Телефонный звонок

Она: Алло! Алло! Слышишь?

Я: Да, вроде, слышу, говори громче. У тебя время-то есть поговорить?

Она: Скоро на репетицию. Алиса уже пошла машину прогреть. Слушай, прочла я письмо твоей наивной ученицы. Небось, приятно о себе читать такие дифирамбы? В облаках витаешь? Завуалированным признанием в любви пахнет. У меня впечатление, что она уж больно к тебе подлизывается и льстит так, что дальше некуда. Конечно, может, она действительно так думает, как пишет, но я далеко не во всём с ней согласна.

Я: Неудивительно. У тебя жизненный опыт, ты научилась быть дипломаткой, театром руководишь, двоих детей воспитала, а она...

Она: Что она? К тебе жить набивается? С бабушкой надоело? Вот Алиса тоже удивляется – чего ты именно эту студентку так выделяешь? Раньше такого не было...

Я: Да вот сам не знаю, что-то в ней такое притягивающее есть. Мне хорошо, когда она рядом. Ты не думай, я к ней правда, как ко внучке, отношусь и чувствую, что она любит меня, ну, как бы тебе это сказать, по-детски, что ли?

Она: Маленькая кокетка. Перед зеркалом красуется, твои черты в себе ищет. Но ты знаешь, я к ней постепенно начала привыкать и совсем не понимаю почему – может, из-за

того, что тебя-бандита знаю, мне её становится жалко. А ты опять, как собака, кобель на сене. Чувствую – уж не мне ли придётся тебя уговаривать не мучить девчонку и заставить вспомнить, что ты далеко не так уж и стар, если только не пытаешься выдать себя за супер-стар, нахал эдакий?

Я: А я уже окончательно привык к ней и мне кажется, что она всегда была и пусть будет. Но у меня, как ты о себе говорила в прошлый раз, непонятно беспокойно на душе.

Она: Извини. Надо бежать. Вот всё у нас с тобой всегда так. Я успокоюсь немного, ты психуешь, и наоборот. Ладно, пиши-звони, как что будет интересное, а у нас так, текучка. Обнимаю-целую, и Алиса присоединяется. Как всё-таки хотелось бы увидеться...

Я: Не буду врать и мне. Но всё – пустое. Ну, покедова, бабанька...

Три общения по скайпу пропущены, не были записаны, пропали.

Письмо шестое

Привет! Я в отчаянии... В горе. В ужасе. Как ты оказалась права! За что Господь Бог так карает? Я не ропщу, нет, но за последние 10 лет пережить такое количество смертей – да легче было бы самому умереть. Ну, если люди пожившие, именно вкушившие плоды жизни – и сладкие, и горькие – грешны все, безгрешных не бывает – это ещё как-то понятно, но юные и светлые, у которых вся жизнь должна быть впереди?.. Вот ты же помнишь, когда моя покойная мама болела, за ней ухаживали не только я, Людмила Ивановна и мой племянник Саша, но и соседка Маргарита, ещё школьница. Она погибла под нашими окнами в 16 лет. Не могу столько лет садиться в автобус на этой остановке в нескольких метрах от того места. Не забыть! Или вот. Одна моя подружка, что преподаёт классический вокал, из-за крутой загрузки попросила меня помочь подготовить к поступлению в консерваторию девочку из Сибири. Она поступила и сделала большие успехи. Редкой красоты mezzo-сопрано. Самородок. Готовая от природы певица-актриса. Здесь – только не испортить, а направить, привить общую культуру

и знания. И внешне хороша. Ей помогли, и она попала на стажировку в Италию. Звонила мне оттуда часто, делилась событиями. И вот, когда у меня был на занятиях Гриша Калайда, мне сообщили, что девушка утонула в озере, ударившись головой о камень. Гриша видел, чего мне стоило пережить это. Милая моя, я ушёл из Университета. Довёл до экзаменов тех, за кого взял ответственность на себя и - баста! Когда мы несколько раз соединялись по скайпу, я тебе хвастал, как хорошо пошло у девочки Настеньки. Её вокальные успехи за столь короткое время уверяли в том, что она может вырасти в настоящую певицу. Ты сама знаешь, популярность – это Его Величество Случай: блистательные Мастера не становились известными в силу не зависящих от них обстоятельств, а какой-нибудь безголосой бездарности вдруг неожиданно везло. Из всех средств массовой информации даже из утюга и унитаза публику уговаривали, что это хорошо, и ведь верили... А у неё не только голос, а ещё особое сценическое обаяние – харизма. Ты можешь сколько угодно трюндеть, что я необъективен, но я был не одинок в оценке её перспектив. По твоей просьбе пишу, как это всё случилось. Мы с концертмейстером Василиной ждали Настю на урок, по расписанию в этот день она шла последней. Наконец, сбылась её мечта, и я поставил её в программу Театра «Родом из блокады» с песнями из репертуара Лидии Клемент и Марии Пахоменко, да и экзаменационный материал – из репертуара Л. Фабиан и Л. Долиной лично меня вполне устраивал, но я, как водится, строжился, хотя предвкушал успех на фоне других, тем более, она казалась на порядок выше. Прошёл уже год, на прошлых зачёте и экзамене она не произвела должного впечатления, была скованна, перегорела, но на этот раз могла быть бомба, и даже Василина, которая редко кого из девочек любила и хвалила, отдавала ей должное. Но сейчас концертмейстер злилась, ей надо было встретить дочку со школы и отвезти в спортзал на занятия, к тому же платные. Настя никогда не опаздывала, более того, из-за свободного расписания - оценки по музыкальным предметам ей зачли по училищу - она дневала и почти ночевала в вокальном классе,

слушая всех без исключения и учась не только на своих ошибках. Мобильник студентки был вне зоны. Я отпустил концертмейстера, сказав: «Пускай она сама себе сыграет, раз опаздывает». Минут через десять зазвонил мой мобильник: «Ну, девочка, сейчас устрою тебе головомойку, хотя это впервые», - подумал я. Василина меня здорово накрутила, да и надо было освобождать класс – моё время заканчивалось. Но это звонили из деканата: «Вашу студентку час назад сбила машина прямо у перехода около Университета». Она не опоздала, хоть и торопилась, и пришла бы ещё до начала своего времени. Это значит, когда мы её ругали, она уже была в морге. Ужас! Но всё ещё далеко не кончилось: в течение более месяца – до окончания сессии - на остановке автобуса студентов и меня, грешника, и других преподавателей ждала её бабушка, единственная родственница. Эта симпатичная старушка потеряла и детей своих и внуков под колёсами автомобиля. У неё был один и тот же вопрос каждый день: «А Настенька скоро выйдет?» – пока она не попала в больницу и не умерла. Ты знаешь, дорогая, я даже, не подавая заявления – всё равно надо было продлевать договор – ушёл с работы: не мог, тем более что врачи давно ставили перед выбором: или преподавание, или театр - говорили: двойную нагрузку не выдержать, здоровье и возраст не позволят. Вот тут я понял, что окончательно постарел и хорохориться больше ни к чему. Я сосредоточился на театре, трудоголики без работы не могут. Уже больше 25 лет я полноценно не отдыхаю, но сцена компенсирует всё, ибо я живу только там. Ты знаешь, дорогая, я до сих пор не могу успокоиться: моя студентка, чуть не дожившая до 19 лет, помнится мне совсем маленькой, какой я увидел её, когда она пришла в наш театр впервые. И ведь она так и не сыграла и не спела на нашей сцене. Почему? К этому были все предпосылки. Не надо было откладывать на потом. Сейчас меня бы многие поддержали, это было нарождающееся явление. Она мне часто снится. И теперь я действительно беру её на руки, укачиваю, пою ей песенку, часто свою Молитву... Когда маленькая красавица засыпает, я целую и глажу девочку, которая всё-таки ис-

полнила своё желание и стала моей внучкой – пусть и во сне. Я молюсь и неустанно спрашиваю Боженьку: почему? Вот, дорогая моя, я выполнил твою просьбу, написал что и как. Да, сбивший девочку скрылся. Его не нашли. Видно, и не особо искали, уголовное дело заведено не было, я попытался, но по закону оказалось, что не имею права. Этот гадёныш даже не представляет, что, быть может, убил будущую знаменитость, которая могла бы прославить наше искусство. И снова возникает этот извечный вопрос: почему? Не уберёт я Настеньку-красавицу.

М.

Телефонный звонок

Она: Милый, я не буду много говорить. Я получила, и мы прочли твоё последнее письмо. Помолились за Настеньку, поставили свечи. Я теперь знаю и верю, она была хорошая, добрая, чистая душой девочка, она тебя любила по-своему, как могла, как умела, но я что-то предчувствовала и тебя предупреждала. Да и ты сам тоже чего-то боялся и ждал. Не зря. Почему так – я не могу понять и, думаю, на твой вопрос никто, даже Господь Бог Наш, не сможет ответить. Всё, что случилось, неправильно, несправедливо, но ничего не ис-

правишь, не вернёшь. Ты держись. Пусть это слова, но время – лучший доктор. Ну хочешь, мы приедем, хотя сейчас вырваться трудно?

Я: Спасибо, дорогая! Ты и Алиса - верные друзья. Значит, последнее моё письмо дошло до вас. Приезжать не надо - это сейчас очень дорого, да и у тебя всё спланировано, бизнес не пустит, и времени уже прошло достаточно много, а вот молиться и не только за её светлую память, а и за меня, грешника, я тебя и Алису попрошу особо. Господь Милосердный, Спаси и Помилуй, тебе только каюсь я болью своей... Пустота. Знаешь, такое чувство, будто я потерял себя, нет меня, никому больше не нужен, и то, что случилось, пусть не враньё, но и не правда. Такого не должно быть. Хорошие люди, друзья вокруг по-прежнему есть, надеюсь, они простят меня, поймут, не бросят, помогут, да и работать надо, всё задуманное необходимо осуществлять, пока ещё хоть некоторым кажешься живым. Сам ведь надел на себя хомут этот, никто не заставлял. Спаси, Господи! Но я не могу понять, за что и почему всё так? Почему?.. Вот об этом только и думаю...

Неожиданно зазвучали короткие гудки, связь прервалась и до сих пор никак не может восстановиться...

НИНА ОЗЕРОВА

Ты – это всё...

Часть 1

У Леночки, а теперь уже у Елены Павловны, был выходной день. Она собиралась вечером в театр «Музыкальной комедии». Это был не календарный выходной - нет! Это был её личный выходной, так как не надо было готовить обед, не надо было устраивать стирку, хоть и на стиральной машине, уборка квартиры тоже была сделана. И не надо было ехать на другой конец города, что занимало полтора часа, в детский сад за любимым правнуком Ильёй, чтобы дать возможность внучке не спеша пройтись по магазинам и расслабиться после трудового дня. Эти хлопоты для неё – прабабушки, были не обременительны, хотя и требовали сил. Напротив, они стали уже частью её жизни. Тем более, как говорят, «Господь даёт силы на добрые дела».

Она очень любила Илюшу, которому уже шёл пятый год. Он был внуком её старшего сына, безвременно ушедшего из жизни... И этот ребёнок был как бы частицей его, продолжением его и утешением от непреходящей душевной боли... И когда Елена Павловна приезжала за Ильёй в детский сад, он, предупреждённый мамой, уже ждал её. Они шли на детскую площадку, а в плохую погоду сразу ехали домой. «Домой» - это означало вернуться в тот же дом и в ту же квартиру, где когда-то выросла и сама Елена Павловна. Теперь эта квартира принадлежала её внучке. На первом этаже заходили в магазин «Керамика» - к дяде Васе, где громким лаем их встречал крошечный пёсик Фердинанд. Дома играли в «железную дорогу», читали книжки, разговаривали, и вместе им было очень хорошо. А когда возвращалась мама Ильи и Елене Павловне нужно было уезжать – расставание иногда сопровождалось слезами... Она очень любила Илюшу и всегда ждала встречи с ним, и скучала без него... И частенько шептала ему: «Ты для меня всё! Я тебя люблю!». «Я тебя тоже», - шептал он в ответ.

Итак, Елена Павловна готовилась к вечернему выходу. Внучка Машенька, мама Ильи, подарила ей билет на концерт «Бал оперетты» в театр Музкомедии. Оказаться в центре Петербурга на площади Искусств, ей, коренной ленинградке, – всегда праздник. Это место слишком много значило в её жизни... Она когда-то, в году эдак 1998, работала в «Русском музее» смотрителем. Часто бывала в Малом оперном театре со своей приятельницей Алисой, бывшей певицей этого театра, где с восторгом слушали прекрасный тенор В.А. Пищаева. В театре Музкомедии бывали тоже. Пройтись по Пассажу, зайти в кафе на втором этаже, выпить чашечку кофе, посидеть в сквере у памятника А.С. Пушкина - это ли не прекрасные воспоминания... Как стремительно пролетает жизнь....

Погода в этот августовский день была отвратительная: весь день шёл дождь, но это была всё же наша петербургская летняя погода. Несколько вариантов, как одеться, были отвергнуты, это при её любви и умении одеться для «выхода». Наконец-то решение было найдено в соответствии с погодой и температурой воздуха. Платье, туфли, сумочка, летнее пальто и вечный спутник петербургской дамы – зонтик, были приготовлены и ждали своего часа.

Елена Павловна, сделав маникюр, надела лёгкий макияж и занялась причёской. Она никогда не зависела от парикмахерских, так как умела сама укладывать волосы в причёску, что делало её привлекательной в любом возрасте. В это время на телеканале «Культура» шёл какой-то старый фильм. Она же, погружившись в свои мысли, не очень-то и прислушивалась. Но вдруг зазвучала приятная музыка, и её внимание привлёк музыкальный эпизод, где молодые артисты танцевали и пели на английском языке, изображая прогулку под дождём. Большое удивление вызвали костюмы артистов. На девушках были цветные прозрачные плащи и такие же косыноч-

ки на головах, на стройных ножках цветные резиновые полусапожки. Юноши были в прозрачных голубых дождевиках, надетых на костюмы. Всё это вызвало такое удивление, что пришлось заглянуть в телепрограмму и удивиться ещё больше! «Пока плывут облака». Мюзикл, США, 1946 г. Музыка Дж. Керна, - прочитала она. – Ведь это же год моего рождения!» - подумала Елена Павловна и досмотрела этот фильм до конца. В нём рассказывалась история жизни и творчества американского композитора Джерома Дэвида Керна, родившегося 27 января 1885 г. и умершего 11 ноября 1945 г. А фильм снят в 1946 г. в память о нём. Популярный американский композитор, прекрасный мелодист, автор мюзиклов, известный своими песнями уже в 1917 году...

Но, когда в конце фильма, наряду с популярными мелодиями прозвучала песня «Ты для меня всё», в исполнении молодого певца, Елена Павловна едва сдерживала слёзы от нахлынувших воспоминаний. Она знала эту мелодию....

Но время неумолимо бежало, надо было ехать в театр, и она заставила себя не думать ни о чем, кроме предстоящего концерта. После концерта, после прекрасной музыки и прекрасных голосов, хотелось скорее вернуться домой и остаться наедине со своими воспоминаниями о том далёком прошлом, в которое погрузила её эта мелодия с таким чудным названием «Ты для меня всё».

Часть 2

Во время войны, в годы тяжёлых испытаний, в 1943 – 1945 гг., мама Елены Павловны служила на Ленинградском фронте в Зенитно-артиллерийском Красносельском полку в звании младшего сержанта на должности радиста. Звали маму Элеонора Шульц, по отцу она была полька и крещена в костёле. Но все называли её Ларочкой.

Елена Павловна хранила удостоверения ВОВ родителей и их награды, и ещё страничку с маминой фотографией из её красноармейской книжки. Ей всегда до слёз было жалко маму, когда она рассказывала что-нибудь из своей нелёгкой жизни во время Войны.

Однажды во время войны, работая на Кировском заводе на оборону Ленинграда, воз-

вращаясь домой после тяжелейшей смены, обнаружила, что потеряла ключи от квартиры... Родителей к этому времени уже не было в живых - они умерли в блокаду. Их дом на Ушаковской улице был разрушен фугасной бомбой, видимо, не долетевшей до Кировского завода. И Ларочку приютила дальняя родственница тётя Груня, работавшая в госпитале. Она была на суточном дежурстве и должна была вернуться только к утру. Ларочка просидела всю ночь на лестнице. Утром, придя домой и выслушав всю неприятную историю с ключом, тётя Груня в порыве гнева выгнала бедную девочку. Своих детей у тети не было, муж погиб в первый год войны, и она никого не жалела....

Пришлось Ларочке слёзно проситься пожить к школьной подруге Тане, которая жила с бабушкой у Нарвских ворот. Она на тележке перевезла кое-какие пожитки, уцелевшие после бомбёжки на Ушаковской. Среди вещей самым ценным была ручная швейная машинка «Зингер», за которой мама Ларочки отстояла очередь на Невском в «К°Зингер» (теперь там Дом книги), и фотографии родителей. Ларочка работала, имела рабочую хлебную карточку и не очень обременяла подругу с бабушкой, а даже наоборот. Но, вскоре всё переменялось в её жизни. Однажды Ларочка увидела на проходной завода объявление: «Производится набор девушек на курсы радистов...». Так Ларочка оказалась в Сестрорецке, в лагере для курсантов-радистов. Слух у неё был музыкальный, она научилась безошибочно определять по звуку летящий военный самолёт, его марку, вражеский или свой... И азбука Морзе ей далась легко. А надо добавить, что Ларочкин папа обладал хорошим слухом и умел играть не только на гитаре, но и на домре с балалайкой и на пианино. Мама же пела в церковном хоре... По рассказам Ларочки, она с родителями частенько бывала в ДК им. Горького. Там в довоенные годы выступали с концертами артисты из Москвы. А она очень любила оперную музыку и романсы. Время обучения на курсах пролетело быстро. За это время девушка со впалыми щёчками окрепла, округлилась, порозовела. В ладно сидящей военной форме, с хорошей выправкой явилась по направлению в Зенитно-артиллерийский полк, размещенный в Красном Селе, для

прохождения военной службы...

И началась непростая фронтовая жизнь... Иногда по ночам, когда удавалось поспать после дежурства на радиостанции (а спали, не раздеваясь, в армейской форме, только сняв сапоги), по головам девушек, в самодельных бигудях из бинтов, пробежали крысы. Но, несмотря на военные будни и жизнь в блиндажах, на фронте была любовь, жизнь продолжалась...

Молодость брала своё... Сапоги кирзовые начищены, а умение намотать на девичью ножку портянку - целое искусство, и чтобы чулок был натянут при помощи круглой резинки... Юбочка подогнана по фигуре, гимнастёрка с белоснежным подворотничком, бляха на ремне начищена до блеска, и дополняла всё это лихо сидевшая на голове пилотка со звездой. В минуты затишья с разрешения полкового начальства, устраивались танцы под старый патефон... Однажды на фронтовой полосе было тихо, что случалось крайне редко. С обеих сторон не стреляли орудия. И каждый фронтовик, наверное, думал в этот момент: «Пусть эта тишина будет вечной, это лучше всякой музыки...». И даже земля отдыхала, а не ходила ходуном от выстрелов зениток.

В 1943 году армейский оркестр ВВС Америки под управлением Глена Миллера выступал на военных базах союзников и участвовал в сорока радиопередачах. Для солдат он был величайшим вдохновителем на европейском театре военных действий.

И, наверное, радистка Ларочка случайно услышала в такой момент по радиостанции, через жуткие помехи, немножко этой музыки. И каким-то образом одна мелодия, услышанная тайком, осталась навсегда в её душе. В ней, в этой мелодии, была тоска по уже далёкой довоенной жизни, по школьному балу 22 июня, по беззаботной юности, по умершим родителям... Но слышалась и надежда, что все невзгоды пройдут... Ларочка ещё не знала тогда, что это произведение называлось «Ты для меня всё», а написал ее композитор Джером Керн.

Даже на войне время летит быстро. 5 мая 1945 года Ларочка вышла замуж за офицера полка и сменила фамилию Шульц на Ларионову. А год спустя, в мае, родилась дочь Леночка....

Часть 3

«Какой красивый и сказочный фильм! – размышляла Елена Павловна. – Какие потрясающие костюмы на актрисах! Их макияж, причёски! Фантастика! А музыка Джерома Керна необыкновенная, мелодичная, романтическая... И это 1946 год!»

При какой хорошей жизни можно было поставить и снять такой шикарный фильм?! Вот она, Америка, в те годы! Её народ не пережил все ужасы войны. А что у нас тогда было? Но музы всё равно не молчали, вопреки расхожему: «Когда говорят пушки - музы молчат». И на наших фронтах во время войны для солдат звучали песни в исполнении К. Шульженко, В. Козина, Л. Руслановой, С. Лемешева и многих других. И по сей день песни военных лет «Утомленное солнце», «Платочек», «Счастье моё» являются самыми любимыми у старшего поколения. Но Елена Павловна с детства помнила мелодию без слов, которую напевала ей мама, и эту мелодию ни с чем нельзя было спутать...

После войны в Ленинграде все жили очень скромно, даже бедно, и это как-то уравнивало людей. Быт конца 40-х и начала 50-х годов был очень труден и суров. Страна, особенно ленинградцы, залечивали зияющие раны, заново отстраивали разрушенные города, люди жили тяжело, отказывая себе во многом. Одевались по необходимости скромно. Защитный цвет доминировал: донашивались военные шинели и гимнастёрки. Мамочка Леночки из своей шинели сшила пальто и долго его носила. Папа тоже долго носил гимнастёрку с ремнём и галифе с сапогами. Леночка росла без бабушек и дедушек... Поэтому с раннего детства были круглосуточные ясли, детский сад, а летом пионерский лагерь. Но какой это был праздник, когда в родительский день к ней в пионерский лагерь в Рощино приезжали родители! Мамочка в крепдешиновом платье, с химической завивкой на волосах, напудренная, с помадой на губах, с ароматом «Красной Москвы» и красивых босоножках, купленных на «барахолке». Папа в шёлковой рубашке, коричневом костюме и модных полуботинках на каучуковой подошве, или как тогда говорили, «на манной каше». «Они же были молодые,

модные, мои родители, - подумала Елена Павловна. - Царствие им Небесное... Как всё это уже далеко!»

И только в ранней юности, в четырнадцать лет, Леночка встретила с заветной мелодией... И это уже было частью её жизни, её история. Однажды в середине учебного года в школе, где она училась в седьмом классе, появился новый ученик. Все девчонки сразу обратили на него своё внимание, чем очень задели самолюбие одноклассников. В эти годы мальчики и девочки учились уже вместе. Новый мальчик был хорош собой: среднего роста, блондин с пышной шевелюрой и зелёными пронизательными глазами, лицо, как со старинного портрета, поражало своим благородством... Всегда в безупречно отглаженной школьной форме и начищенных ботинках. Звали его Олег Чистяков. Не влюбиться было невозможно. Его семья недавно приехала из Германии, где его отец продолжал служить и после войны. Олег родился там же. Теперь его папа преподавал английский и немецкий языки, а мама работала бухгалтером. Олег был очень доброжелательный и общительный, быстро нашёл общий язык с одноклассниками, и они сразу же его зауважали. Он был начитанный, знал языки - английский и немецкий. О своей жизни за границей предпочитал не распространяться... Леночка тоже влюбилась в него, но не подавала виду. Она и так выделялась среди одноклассниц. Была очень мила, с длинной каштановой косой, очень аккуратная. Всегда с белоснежным воротничком и манжетами на школьном платье, в отглаженном переднике. На школьных праздниках всегда появлялась в новом красивом платье, сшитом мамой. Летних же платьев, сшитых из ситца или штапеля, было всегда несколько. Соседи по дому, женщины, сидевшие во дворе в замызганных домашних халатах, всегда говорили им вослед: «Барыни пошли, воображали!».

И вот, в конце мая Олег пригласил троих мальчиков, с которыми был в приятельских отношениях, и трёх девочек, среди которых была и Леночка, к себе домой на день рождения. Праздник был назначен на шестое июня, как раз в день рождения А.С. Пушкина. Все пообещали прийти. Когда она с подарком, книгой А.С.Пушкина «Евгений Онегин», появилась у Олега, все уже были в сборе. Мама

Олега радушно приняла гостей, усадила всех за красиво накрытый стол. Красивая посуда, чайный сервиз – всё вызывало удивление, как и убранство двух комнат с коврами и полированной мебелью и радиолой на ножках. Салат под названием «Оливье» был для них в диковинку. Но особенно всем понравились пирожные, поданные к чаю, которые мама Олега приготовила сама – и на них они дружно налегли. После застолья Олег предложил ребятам послушать его пластинки и потанцевать. Все с интересом наблюдали, как Олег, подойдя к радиоле, открыл крышку – под ней оказался диск проигрывателя – положил на него пластинку, осторожно опустил на её край звукосниматель с корундовой иглой... и музыка зазвучала, пластинка закружилась на 33 оборота. Ребята как зачарованные смотрели, как крутится диск, и слушали. Одна мелодия сменяла другую, потом зазвучала третья – последняя, и Олег пригласил на танец Леночку. Это было какое-то волшебство, очарование музыки... Рядом красивый мальчик, и его рука на её талии... И вдруг до неё доходит, что она уже много раз слышала эту мелодию! Это она, мамочкина мелодия, которую Леночка помнила с детства, но никогда не слышала в оркестровом исполнении.

После танца Леночка попросила взглянуть на пластинку. Маленький чёрный диск с тремя мелодиями на 33 оборота, надписи на английском языке. «Как называется последняя мелодия?» - спросила она у Олега. «Это моя любимая пластинка, композитор Джером Керн. На ней три вещи: “Чудный роман”, “Дым”, а третья - “Ты для меня всё”, а на английском звучит так: “All The Things You Are” - тебе тоже понравилось?». «Да, - ответила она. – Очень!».

Тогда, обратившись к ребятам, Олег прозвонил: «Лена, я знаю, что твой день рождения был в конце мая, и я хочу подарить тебе эту пластинку. Кто за? Кто против?». Все дружно подняли руки и захлопали. «Но у меня нет проигрывателя», - несмело попыталась возразить Леночка, ей было неудобно перед ребятами, особенно перед девочками. «Возражения не принимаются! - улыбаясь, сказал Олег. – А проигрыватель у тебя обязательно когда-нибудь будет, и эта пластинка будет началом твоей коллекции», - добавил он.

Когда все вышли на улицу, Олег выжился проводить Леночку. Был волшебный июньский вечер. Ленинградские Белые ночи. Настроение было какое-то сказочное, всё происходящее казалось сном и не хотелось просыпаться... Её «принц» идёт рядом, у неё в руке его подарок - пластинка с любимой мелодией... Вот это и есть счастье! «Когда же я смогу послушать её у себя дома?» - подумала она. В этот момент Олег остановился перед Леночкой и сказал: «Лена, выслушай меня. Я хочу, что бы ты знала, ты мне очень нравишься. И понравилась сразу, как я появился в вашем классе. Ты не такая, как все - ты особенная! Мне очень хотелось увидеть тебя у себя дома. Поэтому попросил разрешения у родителей отметить свой день рождения и пригласил ребят. Ведь ты одна не пришла бы?! Я старше тебя на год. Учёбу пропустил из-за болезни. Ещё в Германии мне сделали операцию на лёгком. Я так мечтал потанцевать с тобой! И вот это произошло!». Леночка, опустив глаза, слушала его и мелко дрожала от какого-то неведомого ей страха, что их может кто-нибудь увидеть, так близко стоящих друг к другу. «Можно я тебя поцелую?!» - прошептал он. Леночка, услышав эти слова, почти потеряла сознание от возможного прикосновения чужих губ. Олег нежно коснулся губами её щеки. Она почувствовала, что краснеет, было страшно, сладко и стыдно....

Прощаясь у её дома, он спросил, есть ли у неё телефон. Телефона не было. Тогда он сказал: «Запомни мой номер и, когда захочешь меня увидеть, звони». Леночка недоумённо посмотрела на него, в её глазах был немой вопрос. Он всё понял: «На другой стороне улицы – почтовое отделение, там есть кабинка с телефоном, и ты всегда сможешь позвонить. Мне не хотелось бы, чтобы в классе о нас знали. И ещё – эта мелодия “Ты для меня всё” - пусть будет нашей с тобой музыкой. Согласна?». «Да», - прошептала она.

Поднимаясь к себе на третий этаж, Леночка размышляла: «Как это он мог догадаться, что тоже мне нравится? Ведь мы особенно с ним не общались. Это было моей тайной. Неужели по глазам...». Леночка не могла запросто подойти к Олегу и заговорить, как это делали другие девочки... Она стеснялась, но всегда смотрела в его сторону. Иногда они встреча-

лись взглядами, и Леночка сразу же отводила глаза. Вся её девичья симпатия к нему заключалась в желании видеть его, любоваться им и знать, просто знать, что он есть... Но, учебный год уже закончился. И лето уже бежало, уже была середина июня. Прошло более десяти дней с того памятного вечера, а, Леночка всё не решалась позвонить Олегу. Наконец-то, набравшись смелости, она очутилась в кабинке с телефоном-автоматом, опустив монетку в щёлочку, набрала заветный номер.

«Лена, это ты?! Как я ждал твоего звонка! Давай встретимся завтра в парке у памятника декабристам в пять часов вечера?!» - выпалил он. «Хорошо, я приду!» - ответила она.

Это было их первое свидание. Провожая её домой, Олег сообщил, что скоро он с мамой уезжает на море в Анапу к родственникам, и увидятся они только в сентябре, в новом учебном году, уже в восьмом классе... Леночка не подала виду, что это известие сильно её расстроило...

Леночка ещё никогда так не торопила лето – эту замечательную и беззаботную пору жизни. Она с нетерпением ждала сентября. Месяц маминого отпуска, проведённый вместе с нею на турбазе от швейной фабрики, где она тогда работала, пролетел довольно быстро. Посёлок Сиверский в июле, с красивой природой, запомнился на всю жизнь. С мамочкой Леночке всегда было хорошо. Однажды она рассказала ей о своей симпатии и даже про пластинку. И о названии мелодии и о композиторе. Мамочка, прослезившись ответила: «Да, я теперь знаю название мелодии, покорившей меня на фронте во время войны. Но ты не переживай, мы с отцом поднакопим денег и всё же купим тебе радиолу с проигрывателем. И тогда, родная моя, будем вместе слушать эту пластинку». И Леночка вспомнила, как мама, обнимая её, повторяла всегда эту фразу: «Ты для меня всё», потому что знала, что после перенесённой операции у неё не будет больше детей. И что Леночка у неё одна на этом свете, единственная родная душа.

25 августа 2016 г.

СВЕТЛАНА ПАНОВА

Приключения Нансона Окончание. Начало в №№12,13

Есть идея

- А ведь так мы можем попасть в тыл к противнику, - заключил Славка, поглядывая на жужжавших в сетке мух.

- Как это? – не понял Нансон.

- Очень просто, - заулыбался Слава. – Мы надеваем какие-нибудь тёмные балахоны и в них пробираемся прямо в воровское логово. Ведь у вас, профессор, найдётся чёрная одежда?

Архивариус поднялся со своего кресла и подошёл к вешалке, где на крюках в изобилии были навешаны старые хитиновые халаты, полинявшие надкрыльнички и накладные усы. Среди всей этой ветоши вскоре отыскались два вполне приличных чёрных плаща.

- Мы надеваем на себя это старьё, - крикнул Славка, подбрасывая кверху плащ. – Садимся на Шведских мух и вдвоём с Нансоном летим на разведку. Как это вам?

- Но это наверно очень опасно! – воскликнула Катя.

- Ой! Ещё как! – ойкнула Вика.

- Нансон, но вы же не будете ради смолы рисковать своей жизнью? – добавила Нюся.

- Не ради смолы, а ради тебя я готов на всё, - гордо сказал Нансон. – А вы, девочки, оставайтесь пока у Ноя, садитесь за компьютер и залезайте во всемирную паутину. Если вы в ней не запутаетесь, то обязательно узнаете о нас хорошие новости.

- Выпускайте из сеток мух! – скомандовал Ной.

Нансон со Славой, завернувшись в широкие чёрные плащи оседлали двух самых проворных насекомых, вскочив им на спину. Мухи, буравя воздух, тут же вылетели в окно и уже через 5 минут подлетали к старому дуплу, над дверью которого красовалась полинявшая вывеска: «Отель “Тихая пристань”».

Выключив моторы, мухи почти бесшумно прошмыгнули во внутрь «Тихой пристани». Нансон со Славой, укрывшись плащами, следовали за ними. Посреди залы они увидели длинный стол. За столом сидели Шведские мухи, ломехузы и какие-то чёрные жуки. И те и другие спокойно посасывали нектар из расставленных стаканов. Но вдруг на глазах у удивлённых ребят жуки весьма преобразились. Сняв с голов свои импровизированные шлемы с приклеенными усами, они вмиг обратились в обычных людей. Правда, лица у тех людей были весьма отвратительные, надо прямо сказать, не лица, какие-то разбойничьи рожи. Нансон со Славой подошли к стойке, взяли по стакану берёзового сока и присоединились к ним в надежде услышать что-нибудь интересное для себя. Но, увидев наших разведчиков, жуки почему-то сразу активизировались. Они зашевелили своими усами и вплотную придвинулись к путешественникам. С другой стороны на наших друзей напирала чёрные человечки, так что Слава и Нансон очутились в непроницаемом живом кольце. Отступая, друзья залезли с ногами на стол и уселись прямо на дубовый листок, заменявший поднос. Увидев это люди-жуки молча схватили листок и подталкиваемые со всех сторон посетителями, торжественно понесли его в кладовку. Очутившись взаперти наши путешественники несколько секунд сидели молча, пока Слава не отыскал в кармане брюк зажигалку. Он поднял горевший фитилёк над головой и друзья увидели, что находятся в небольшом круглом дупле, заставленном мешками и флягами.

- Как это они так быстро нас вычислили? - оглядываясь вокруг, удивился Слава.

- Наверно, по запаху. В мире насекомых запах играет не последнюю роль. Меня беспокоит другое: как мы отсюда выберемся, - ото-

звался из своего угла Нансон.

Пощёлкивая усиком по стенам кладовой, он тщетно надеялся найти выход. Тем временем Слава, забравшись на перевернутую корзину, исследовал сводчатый потолок, но нигде не было ни малейшей щёлки.

- Итак, мы в плену, - заключил Нансон, усаживаясь на бутылку с берёзовым соком.

Но не успел он опустить усиков, как почувствовал, что за шиворот ему что-то сыпется. Это явно были древесные опилки. Нансон поднял голову и увидел, что в расширяющуюся щель просунулись сначала усы, а потом и голова какого-то насекомого. Он присмотрелся к жуку, пролезающему в щёлку, и только сейчас признал в нём своего старого знакомого, маленького внука архивариуса, расторопного Клита.

- Как ты сюда попал? – изумился Нансон.

- Меня послал к вам на подмогу дедушка. После того, как вы улетели на разведку, дед вызвал меня в кабинет и дал указание проследить куда улетели мухи. Залетев противнику в тыл, я через проделанную короедами шахту, пробрался сюда, в дупло.

- Молодец, ты поспел вовремя, - похлопав друга по хитиновому боку Нансон.

- Мы и разузнать-то как следует ничего не успели, как были заперты сюда, - удручённо добавил Слава.

- Ничего, подождите, я тут пока искал вас, исследуя старые ходы короедов, наткнулся на престранное существо. У него туловище жука, а голова человека, - потирая измазанный в смоле бок, отозвался Клит.

- Наверно это один из обитателей «Тихой пристани» – догадался Слава. – Где же ты его встретил?

- Да вот тут недалеко в отсеке, среди опилок.

- Нам надо поскорее его увидеть, – стряхивая древесную пыль с усов, сказал Нансон.

Клит быстро расширил отверстие через которое только что вылез, и пригласил друзей следовать за ним. Они шли извилистыми переходами, то и дело натываясь на засохшие личинки. Наконец, за выступом они заметили маленького человечка. Он сидел на деревянном чурбачке и тупо смотрел перед со-

бой. Слава подошёл к человечку и, удивлённо глядясь в его лицо, спросил:

- Ты кто?

Человечек поднял на Славу грустные глаза, потом вылез из хитинового скафандра и подошёл к мальчику. Он будто слепой ощупал его лицо и куртку.

- Когда-то я носил гордое имя “Человек”, - тихо сказал он.

- А что, теперь потерял что ли? – допытывался Славка.

Посмотрев на мальчика отрешённым взглядом, человечек произнёс:

- Я не знаю, кто вы такие и откуда попали сюда, но мне кажется, вы меня поймаёте.

- Конечно, поймём! – заверил лилипута Нансон.

- Мне всегда не по нраву было то брэнное существование, которое мы вели в муравейнике. Не к лицу лилипутам сводить дружбу с разбойниками ломехузами. А теперь, когда я нашёл вот это, - человечек крепко прижал к себе какой-то круглый предмет, - мне совсем стало невмоготу.

- А что это? – поинтересовался Нансон.

- В заброшенной шахте среди древесной пыли я обнаружил бронзовую колбу. Когда я её откупорил, то не поверил своим глазам. В ней оказались посмертные записки нашего известного профессора истории Лукиана. И хотя в написании использован древний шрифт, мне всё-таки удалось его разобрать.

- А можно нам узнать о чём здесь написано? – спросил Славка.

Лилипут достал из колбы древнюю рукопись, развернул её и медленно, останавливаясь на каждом слове и бормоча что-то себе под нос, стал читать:

- Наше досточтимое племя древесных лилипутов обладает всеми достоинствами человеческой расы. Оно благородно, умно, тактично. Проживая на равнине, недалеко от Великой реки, мы освоили множество ремёсел. Мы возделывали поля, получая богатый урожай и ухаживали за животными, возводили дома и строили дороги. Природные катаклизмы не позволяют нам долее оставаться в низине, наши дома заливаются водой, поэтому мы спешно уходим в горы. От бурь и ветров

мы укрылись в дуплах деревьев. Мы нашли здесь пищу и кров. Сейчас мы оторваны от внешнего мира и не знаем, что происходит в других частях планеты. Нашими друзьями по несчастью и соседями стали насекомые. Они в некотором роде помогли нам адаптироваться в новых жизненных условиях. Мы теперь, как и многие их представители большую часть времени не спускаемся вниз. В морозы мы согреваемся, завернувшись в брошенные ими коконы. После долгого употребления соков неизвестных растений мы уменьшились в размерах. Но не это сейчас волнует меня. Главное, мельче становятся наши души. Боюсь, что вскоре мы превратимся в каких-нибудь жуков, промышляющих разбоем. Это, может быть, и возможно пережить, когда ты животное, но человеку такой образ жизни не к лицу. Я пишу эти записки будучи уже совсем стариком и некому передать мне ту печаль, которая овладевает мною временами. Но, может быть в будущем найдётся тот, кто продолжит начатое нашими предками дело и выведет племя древесных лилипутов на прямую жизненную дорогу. Всё проходит, уйдут в прошлое и природные катаклизмы. И, когда рассеются тучи и вновь засияет солнце, надеюсь, мой народ возродит своё былое величие и возвратится к жизни, достойной своего древнего рода. Я кладу эти заметки в колбу-амулет и оставляю здесь, в дупле, полагаясь лишь на волю случая.

Человечек замолк и посмотрел на слушающих его.

- На этом записи обрываются, - сказал он. - Как вы поняли, я тоже являюсь представителем племени древесных лилипутов, о котором упоминает в своих записках Лукиан и мне совсем не всё равно, что подумают о нас другие люди. Зовут меня Вен.

- Очень приятно познакомиться. Я полностью согласен с тобой, друг, - подойдя к человеку и пожав ему руку, сказал Слава. - Я Слава, а это мои друзья. Я тоже прилетел сюда, чтобы доказать, что не зря ношу высокое звание человека. У наших друзей насекомышей кто-то похитил несколько бидонов смолки. Мы ведём расследование и подозреваем тех из твоих соплеменников, кто водится с ломе-

хузами. Не мог бы ты нам помочь в поисках и подсказать где похитители прячут смолу.

Человечек задумался, затем пригладив на затылке взъерошенные волосёнки, произнёс

- А знаете, мне кое-что известно об этом деле. У меня в памяти сейчас всплывают подробности, которым я не придавал раньше значения. Ведь и правда, некоторые мои знакомые в последнее время престранно вели себя. Они очень часто разъезжали верхом на мухах и посещали «Тихую пристань». А однажды, зная, что я дружен с семейством Шмеля, всё допытывались, где он живёт. Вот сейчас я подумал, не спрятали ли они смолу у него в гнезде.

- А где его гнездо?

- Он живёт далеко, на лугу.

- На лугу? - изумился Нансон.

- У шмелей нет постоянного дома. Каждую весну перезимовавшая где-нибудь в щели дерева самка, оставшись совсем одна, подыскивает для своей будущей семьи новое место. Чаще всего это бывает чья-нибудь брошенная норка. Вот теперь, я знаю, они неплохо устроились в старой хижине мыши полёвки на лугу.

- Как же воры сумели спрятать такое большое количество бидонов со смолкой под самым носом у шмелей, а они этого не заметили?

- В гнезде обычно много ячеек, похожих на круглые сосуды. Они слеплены из воска, смешенного с пыльцой. В одних выкармливается подрастающая молодежь, в других хранятся запасы мёда на случай плохой погоды. Вылезая из ячейки, подросшая личинка, сама себе плетёт кокон, а сосуд освобождается. Но и свободные ячейки не пропадают зря. Рабочие шмели складывают туда пергу - медовое тесто. Если бидоны со смолой воры спрятали в шмелином гнезде, то наверняка никто из хозяев ничего дурного не заподозрил. Больше стало сосудов или меньше, их ведь никто не пересчитывает. Там много и совсем разбитых ячеек. У шмелей в гнезде вечный беспорядок.

- А как же чужаки проникают в шмелиное гнездо? - спросил Слава.

- Шмели часто пускают к себе посторонних. Занятые своими делами, они их просто

не замечают. В их ячейки даже можно подсунуть чужое яичко, и оно будет вскормлено, как своё. Этим, кстати, пользуются их соседи, шмели-кукушки. Они сами мёд не собирают, а как самые настоящие птицы-кукушки забираются в чужое гнездо и откладывают в ячейку свои яйца.

- Ну, - спросил Нансон, - как нам теперь быть?

- Лететь на луг, конечно! – воскликнул Слава.

- Как же мы полетим, если лететь не на чем?

- А Шведские мухи из отеля «Тихая пристань»? Ты что, забыл про них?

- Ничего я не забыл, - тряхнув усиками сказал Нансон. – Только как мы появимся в трактире. Жуки нас опять узнают и живо схватят.

- Не беспокойся, мы переоденемся, и никто нас не узнает, – поторопился успокоить приятелей Вен. – В нашей кладовой камуфляжных хитиновых скафандров на всех хватит.

Он подвёл друзей к одному из отсеков и быстро стал доставать оттуда один за другим чёрные костюмы. Вскоре все, кроме Клита нарядились в них, даже Нансон, который хотя и не походил на человека, но всё же боялся быть узнанным. На голову друзья водрузили шапки с торчавшими на них антеннами и мигом превратились не то в чёрных неповоротливых жуков, не то в космонавтов. Следуя за Клитом, они просунулись в узкий проход, проделанный короедами, и выбрались наружу. В сопровождении лилипута Вена разведчики вышли к отелю «Тихая пристань» совсем с другой стороны.

- Сейчас в этой «Тихой пристани» мы наделаем много шума, - прошептал Славка.

Глаза его сквозь прорези шлема как-то странно поблёскивали.

- Никакого шума не будет, - успокоил Славку Вен.

Он первый заглянул в приоткрытую дверь.

- Ну, что там происходит? – нервно теребя фальшивый усик, спросил Нансон.

- Мухи чистят крылья перед полётом. Ну, друзья, наш час настал, вперёд! – скомандо-

вал Вен и первый устремился вовнутрь помещения.

Оседлав несколько Шведских мух, переодетые лилипуты и ломехузы готовились к отлёту. Нансон со Славой и Вен с Клитом тоже тихонько подошли к свободным от седоков насекомым. Ничего не подозревавшие мухи заканчивали свой туалет. Через минуту наши друзья уже сидели на мушиных спинах и как заправские наездники прищпоривали своих «коней», стараясь пропихнуться к выходу. Вскоре целая стая Шведских мух поднялась в воздух и взяла курс на луг.

«При каких странных обстоятельствах приходится возвращаться к своим», - думал Нансон, свесив голову вниз и с высоты мушиного полёта пытаясь определить своё место положение. Вскоре он понял, что они летят вдоль ручья, начинавшегося сразу за рощей. Им часто стали попадаться здесь шмели, проносившиеся мимо с полными корзинками пыльцы. Завидев издали в траве наибольшее скопление шмелей, Шведские мухи с седоками стали спускаться. Лилипуты и ломехузы спешили и поспешили прямёхонько в шмелиный дом. Наши друзья последовали за ними. Шмелиное гнездо действительно располагалось в старой мышинной норке. Оно напоминало шар, сделанный из травы, мха и сухих прутиков. Вниз вела шаткая лестница. Друзья подождали пока лилипуты с жуками спустятся вниз. Когда воришки скрылись из виду, Вен позвал к себе одного из рабочих шмелей, отвёл его в сторону и о чём-то недолго посоветовался с ним. Шмель тут же загудел, при этом работали только его грудные мышцы, а крылья оставались неподвижны.

- Чего это он? – спросил Слава у Вена.

- Нагревается, - ответил Вен. – Сейчас разогреется и полезет в гнездо. Наши недруги в своих шлемах не вынесут высокой температуры и от духоты выскочат наружу. Тут мы их всех и схватим. Я уже предупредил шмелей, они помогут нам справиться с разбойниками.

Не прошло и пяти минут, как из норки, отдуваясь, вылезли на свет лилипуты, а за ними показались их помощники ломехузы. Наши друзья не теряли времени даром, и вместе с подоспевшими на помощь шмелями, быстро

связали им руки и щупальца липкой паутиной верёвкой. Со всех сторон к месту происшествия сбегалась и слеталась мошкара. Одних насекомых Нансон хорошо знал, другие были совсем ему не знакомы. Но всё равно все радостно приветствовали друг друга при встрече.

- Посмотрите, кто это летит сюда, - воскликнул Нансон.

Все посмотрели вверх. Подхваченная попутным ветром к ним приближалась стальная стрекоза из парка грузоперевозок. Приземлившись на лист подорожника, она тут же выпустила из открытой дверцы верёвочную лестницу. Больше всех удивился Славка, когда увидел спускающихся на землю Катю с Викторией, а за ними цепляющуюся за сходню Нюсю.

- Вот это да! – только и мог воскликнуть мальчик.

- Не удивляйся, мы увидели вас в новостях, которые передали по компьютеру у архивариуса и тут же решили лететь, - как всегда без умолку тараторила Вика.

Катя счастливо улыбалась, а букашка Нюся была удивлена не меньше Славы, когда из шмелиного гнезда вверх были подняты рабочими бидоны с чудесной смолкой.

Лилипуты с ломехузами увели в полицейский участок. Наступила минута прощания. Стальная стрекоза уже вращала огромными глазами-фарами.

- Нам пора, – дрогнувшим от волнения голосом проговорил Слава.

- Я провожу вас к волшебнице Арахне, как обещал, - обернувшись к ребятам воскликнул Нансон. Наверно, это будет моё последнее приключение.

- Ну, а ты Вен! Полетишь с нами?– положив на плечо лилипуту руку, спросил Славка.

- Нет, ребята, я останусь с моим народом. И мы, лилипуты, ещё докажем, что не зря носим высокое звание Человека. Прощайте.

Стальная стрекоза взмыла вверх, унося наших путешественников домой.

- Счастливого пути! – кричали им вслед собравшиеся на лугу насекомые.

ЮРИЙ ПАНТЕЛЕЕВ

Призрачная встреча (Дама Достоевского)

В конце июня, в солнечный теплый день, фотохудожник Егор Прозоров, стоя на Сенном мосту, задумчиво смотрел на игру солнечных бликов в тёмной воде Екатерининского канала. Приложив фотоаппарат к глазу, он увидел, что кованые решетки Сенного, деревянного моста отбрасывают длинные тени, которые в сочетании с продольными досками создают рисунок тюремной решетки. Во всяком случае, у него возникло такое сравнение. Надо сказать, что Прозорова, как истинного петербуржца и художника, очень притягивало и волновало творчество Достоевского, в особенности роман «Преступление и наказание». Прозорову пришла мысль, что старинный деревянный мост и тени решёток на нём, в проекции на чёрную воду канала с пляшущими солнечными бликами, очень символичен. Он стал вытягиваться, чуть-чуть приподнимаясь на цыпочках, в поисках лучшего ракурса, который вместил бы весь сюжет, как краем глаза заметил, что рядом прошла старушка. Вспыхнула мгновенная ассоциация – надо же, какие люди ходят – прямо старуха-процентщица. В голове пронеслось: жалко, сейчас уйдет, а вот, может быть, познакомился и попробовал бы её снять в образе старухи-процентщицы.

Прозоров сделал несколько дублей с разных точек, опустил камеру и посмотрел по сторонам. Незнакомка, как ни странно, стояла в нескольких метрах и пристально-изучающе смотрела на него. Егор обрадовался и одновременно удивился: «Надо же, не ушла!»

Она, тем временем, подошла к нему и довольно подозрительным голосом спросила:

– А чем вы здесь занимаетесь, молодой человек? Что фотографируете?

Егору понравилось, что старушка назвала его молодым человеком, но не понравилась, как ему показалось, её подозрительность. Поэтому он довольно сдержанно, но всё-таки с нотками доброжелательности, объяснил, что

работает над темой «Петербург – Достоевского».

Пожилая дама, как теперь её стал называть про себя Егор, довольно быстро среагировала и задала точный вопрос:

– И куда вы собираетесь это пристроить?

Прозорова немного кольнуло слово «пристроить» о своём творчестве. Но всё же он серьёзно и с достоинством сказал:

– Как пойдёт, может быть, выставку сделаю или чего круче, альбом издам.

– Да, это интересно. Здесь места Достоевского, он тут много ходил, – уверенно сказала дама. После небольшой паузы пожилая дама задала вопрос, даже с некоторым вызовом:

– А вы знаете, где я живу? – и, не дожидаясь ответа, продолжила: – В доме, где Гоголь написал «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Прозоров заинтересовался:

– И где этот дом, далеко?

– Да нет, совсем рядом, если у вас есть время, пойдёмте, я покажу.

Егор на секунду замялся, подумав, что сейчас как раз хорошее контрастное освещение с облаками на небе. Можно снять ещё несколько мест по теме, но с незнакомкой расставаться не хотелось. Дом находился действительно недалеко, в Столярном переулке. Пока шли, Егор решил познакомиться. Его спутница представилась и с достоинством улыбнулась:

– Меня зовут Августа Ивановна.

– Необычное у вас имя, – заметил Егор.

– Думали еще необычней назвать, да Достоевский помешал.

Прозоров хотел было спросить, каким образом помешал, но они уже подошли к дому.

Вход в арку двора был закрыт на решётку. Чтобы создать приятное настроение своей спутнице, Прозоров предложил Августе Ивановне сделать несколько фотографий. Она, ни на секунду не сомневаясь, отложила свою ко-

шёлку в сторону и, спокойно-уверенно, вполборота встала у решетки. Прозоров стал искать наиболее выгодные повороты для портрета, при этом удивляясь, насколько молодо, с изяществом и живо, не свойственно её возрасту, пожилая дама всё проделывала.

Когда закончили, Егор выдохнул:

– Вас интересно снимать и приятно.

Дама улыбнулась и показала рукой:

– Вот этот дом. А я живу в этом подъезде.

Прозоров обвёл взглядом довольно большой двор-колодец, выискивая глазами, за каким именно окном мог сидеть Гоголь и писать свои «Вечера». Вдруг он услышал или, ему показалось, странное, неожиданное предложение, исходившее от старушки:

– А если желаете, пойдём ко мне домой.

После этих слов, сказанных глуховатым голосом, у Прозорова почему-то непроизвольно пробежали мурашки по спине. Ему тут же вспомнился старый фильм «Вий» и та сцена, где старуха, пристально глядя на философа Хому, прохрипела: «А ты – уляжешься отдельно от своих товарищей». Мотнув головой, Егор внутренне усмехнулся – старуха – Достоевского – нечистая сила – Гоголя. Возникло ощущение чего-то нереального.

Августа Ивановна, тем временем, смотрела выжидательно.

– Да, да, конечно, буду рад. Несомненно, интересно побывать в таком доме. Скажите, а это удобно?

– Конечно, удобно, тем более что я живу одна!

Августа Ивановна открыла дверь. Они вошли в полутёмную парадную. И, как только начали подниматься по лестнице, Прозоров сразу же подумал, что именно по такой лестнице Раскольников шёл к старухе-процентщице. Старинный петербургский дом: тяжелые мрачные своды потолка, на каждой площадке этажа маленькие оконца слабо подсвечивают решётки лестницы, кругом гулкий камень. Августа Ивановна не быстро, но довольно уверенно, поднималась рядом с Прозоровым.

Между вторым и третьим этажом они остановились. Прозоров с интересом, но как бы стесняясь своего вопроса, осведомился:

– Августа Ивановна, а вы не боитесь не-

знакомого человека домой приглашать?

– Вас не боюсь, вы свой, я вижу.

Когда подошли к двери в квартиру, и старушка начала её открывать, Прозорову представилась сцена прихода Раскольников к процентщице. В голове пронеслось: «Только колокольчика на двери не хватает».

Дама, как будто подслушав его размышления, неожиданно сказала:

– Недавно у меня колокольчик здесь висел, за дверью, механизм вот стёрся, пришлось снять.

Августа Ивановна открыла дверь и предупредила:

– Осторожно идите, здесь три ступеньки вниз.

Из полумрака вошли в освещённую от окон комнату. Прозоров почти сразу увидел развешенные по стенам картины, в основном графику, но были и пастели. Сюжеты преобладали какие-то неопределённые, странные, но все связанные с морской тематикой.

– Августа Ивановна, а это чьи картины? – вежливо поинтересовался Прозоров.

– Все мои, – не без гордости похвалилась старушка. – Мой муж был моряком – капитан.

Прозоров что-то спросил о её личной жизни, но Августа Ивановна тактично ушла от вопроса, вздохнув и невнятно пробормотав слово – «магия».

– Желаете посмотреть мои фотографии в молодости? – и достала старый альбом, как будто приготовленный заранее для этого.

Рассеянно перелистнув несколько страниц альбома, Прозоров вскользь заметил фотографию молодой женщины, кого-то ему отдалённо напоминавшую. Ну, конечно, узнал хозяйку! Но, боже мой, подумал Егор, сколько обаяния и загадочности было разлито во всей фигуре и облике Августы Ивановны. Черты её лица были не то чтобы правильно красивы, а скорее обольстительно-порочны. Эта обольстительная порочность чувствовалась в призывном и одновременно отстранённом взгляде холодновато-серых глаз, в независимом повороте головы, в изгибе стройного тела, которое угадывалось под мягкими складками кокетливого платья. Егор не удержался от искреннего

комплимента. Августа Ивановна с полуулыбкой и отрешённым взглядом произнесла: «В молодости я была совсем иным человеком». Пожилая дама привстала со стула, пристально посмотрела на Прозорова и грациозно повела плечами. При этом, всё это было совершенно естественно, без какого-либо наигрыша. Егор, улыбаясь, без всякой подготовки выпалил:

– Августа Ивановна, а не согласитесь ли вы сыграть у меня старуху-процентщицу, так сказать, создать образ в фотографии?

Старушка оживилась, глаза её заискрились:

– Да, пожалуй, это интересно. А где будем фотографировать? – поинтересовалась она.

– Давайте попробуем на кухне у маленького окна, – ответил Прозоров.

Егор обратил внимание на это оконце ещё раньше, через него струился мягкий свет, создавая лёгкие блики на предметах, в полутёмной кухне. Такой таинственный свет, как представилось Прозорову, будет подсвечивать глаза, если стоять вполоборота к окну и выявлять фактуру лица. Августа Ивановна, тем временем, принесла старинный плед, сказав, что, вот, специально для съёмки подойдёт, и творческая работа закипела. Егор был сильно удивлён: перед ним явственно возникла живая старуха-процентщица, во всяком случае, так как он её себе представлял. Августа Ивановна была, что называется, в образе, как говорят в актёрской среде. Прозоров увлечённо импровизировал. Он в азарте просил её встать то ближе к окну, то повернуться вполоборота или встать чуть левее, либо немного правее. Августа Ивановна спокойно, без всякой усталости или напряжения выполняла все указания Егора, предлагая и свои варианты. Только однажды по её лицу пробежала тень удивления и лёгкой насмешки, когда Прозоров спросил, не утомилась ли она.

– От воспоминаний не устают, – прикрыв лицо рукой, произнесла пожилая дама, неожиданно молодым и слегка осипшим голосом.

А потом они сидели в комнате, пили чай и тихо разговаривали, как обычно беседуют люди в полумраке. Подавая Егору сахарницу, у Августы Ивановны неожиданно-странно блеснули глаза. Свет в комнате не был вклю-

чён, а за окном стужались сумерки, так что точечному лучу света в полумраке, неоткуда было взяться. Между тем, глаза блеснули, как бриллианты и в то же время, как-то задумчиво сузились. Всё произошедшее по времени заняло не более трех-четырёх секунд, но запечатлелось в сознании Прозорова, будто кадры из фильма.

Попрощались тепло, старушка на прощание записала свой телефон и адрес на бумажке. Прозоров, уходя, пообещал, что обязательно позвонит и посмотрел на Августу Ивановну совсем другими глазами! Даже в преклонном возрасте в ней сохранилась загадочная ускользящая красота.

Прошло недели три. Егор сделал пробные фотографии, ему очень понравились портреты пожилой дамы в образе процентщицы, и он решил порадовать Августу Ивановну. Прозорову даже, как ни странно, захотелось увидеть её взгляд. Позвонил – никто не отвечал, после этого звонил ещё несколько раз, в разное время, никто не снимал трубку. «Может быть, куда-нибудь уехала, или заболела», – раздумывал Егор. Наконец, месяца через два Прозоров решил, что надо всё-таки поехать по адресу, всё выяснить, тем более что его как будто что-то подталкивало. Поднявшись по гулкой лестнице до квартиры, Прозоров не без волнения позвонил. Дверь открыла средних лет полная женщина с интеллигентным лицом.

– Здравствуйте. Я знакомый Августы Ивановны. Она жива-здоровая? – сразу обозначил своё отношение к вопросу Прозоров.

– Августа Ивановна, – удивленно протянула женщина, стоя в дверях.

– Именно так. Вот её рукой адрес и телефон записан, – подал бумажку Прозоров, чтобы его не заподозрили в чем-нибудь нехорошем.

Женщина мягким движением руки взяла бумажку, поднесла поближе к глазам, прочитала и задумалась, что-то вспоминая:

– Вы знаете, мы живём в этой квартире пятый год, и никакой Августы Ивановны за это время здесь не было.

Прозорову стало немного не по себе. Он уточнил:

– Пожилая дама такая, можно сказать, ста-

рушка, лет восьмидесяти, восьмидесяти пяти. Мы познакомились два месяца назад на творческой почве. Я был приглашён в эту квартиру, поверьте.

Женщина посмотрела на Егора быстро, но внимательно, потом, вздохнув, задумалась:

– Подождите, я что-то пытаюсь вспомнить, так сказать, связать, – произнесла она, сосредоточенно всматриваясь в одну точку. - Несколько лет назад, не помню уже точно сколько, здесь появлялась раза два или три красивая молодая девушка с холодноватым и одновременно задумчивым взглядом. Я потому её запомнила, что она одевалась, как мне показалось, в элегантные, но очень старинные платья. Мне тогда ещё подумалось, чем-то её облик напоминает исторические портреты XIX века. А звали-то её – Августа! Точно, Августа!

Прозорова как током ударило! Поблагодарив женщину и спускаясь по лестнице, Егор вспомнил, до чего же странно в тот вечер, блеснули глаза у Августы, свет при этом, стал втягиваться через зрачки, будто река жизни, блистая и струясь, словно Млечный путь, потекла вспять. Прозоров машинально открыл тяжелую дверь и, с совершенно незнакомым для него тревожным чувством, вышел на улицу. Правильнее сказать – в Петербургский

двор-колодец. Прозоров стоял слегка оцепеневший и оглядывал полутёмный двор. Мысли вихрем кружились в голове:

– Гоголь здесь писал «Вечера на хуторе близ Диканьки», Достоевский и его герои ходили и жили на этих каналах и в этих домах. Да это же – настоящий Бермудский треугольник с провалами во времени и пространстве!

Егор вышел из оцепенения и почувствовал, как его тело и душу стало заполнять неведомое ему доселе состояние теплоты, возникло ощущение причастности к вселенской тайне жизни. Ему даже на миг показалось, что он обрёл некую высшую сакральную мудрость. Чувство это было радостное, но всё-таки беспокойно-волнующее. Прозоров, как и Андрей Болконский, со всей глубиной убеждённости осознал, что всё в мире взаимосвязано: и люди, и события, и время в пространстве, и даже город, тем более такой, как Петербург, который, возможно, является живой мыслящей субстанцией. Весь этот смерч неожиданных откровений и спорных открытий охватил Прозорова. И он, выйдя из двора, словно во сне, медленно подошёл к каналу, облокотился на решётку и, наклонив голову, стал пристально всматриваться в расходящиеся круги на тёмной воде.

Сентябрь 2016 г.

АЛЕКСЕЙ ВОРОНОВ

Тётя Мотя из Гранд-Марьинска

История эта случилась в Санкт-Петербурге, в самый разгар тех самых «лихих девяностых», о которых сегодня одни вспоминают с лёгкой усмешкой, другие с отвращением, а у третьих на этот случай даже подходящих слов нет – остались одни буквы, и те непризносимые. В те годы многие наши соотечественники, привыкшие к стабильности и порядку, чувствовали себя одинокими и беззащитными, словно младенцы в джунглях. Да и как было не растеряться, когда на одних «прихватизированных» предприятиях нескончаемым потоком шли увольнения, а на других зарплату или задерживали целыми месяцами, или выдавали механическими будильниками, ночными горшками, детскими сосками и прочей дребеденью, называвшейся по-заморски «бартером». На улицах и площадях нашего прекрасного города, словно ядовитые поганки, выростали уродливые коммерческие ларьки, в которых ценники переписывались заново чуть ли не каждый день – да не в рублях, а в каких-то неведомых «у-ях». Трамвайные пути ещё пролегали по центральным городским магистралям – однако самих трамваев становилось всё меньше и меньше. Они ходили так редко, что некоторые пассажиры, кукуя на остановке в ожидании нужного им маршрута, успевали за это время разгадать полдюжины ребусов или кроссвордов.

В тот хмурый осенний день на площади у Московского вокзала дежурил по городу недавний выпускник школы милиции, младший сержант Лопушков. Это было первое в его жизни самостоятельное дежурство, к которому новоявленный страж порядка подошёл со всей ответственностью, на которую был способен в свои неполные двадцать лет. В отполированных штиблетах и новеньком обмундировании с надраенными до зеркального блеска пуговицами, он фланировал по вверенному ему объекту, высматривая хулиганов, алкоголиков, карманных воришек и прочую уголовную нечисть. Вдруг, откуда ни возьмись, на него как коршун спикировал привокзальный

гопник Кочерыжкин. Он как клещ вцепился сержанту в руку и потащил его куда-то, заговорщически нашёптывая прямо на ухо:

- Гражданин начальник, разрешите обратиться. Есть дело на сотню баксов!

В первое мгновение Лопушков чуть было не потерял сознание – то ли от неожиданности, то ли от дивного аромата ближайшей помойки, давно ставшей для Кочерыжкина родным домом. Однако он быстро взял себя в руки и ответил максимально твёрдым голосом, дабы осадить не в меру прыткого нахала:

- Говорите, только коротко и по существу вопроса. Я нахожусь при исполнении!..

- Сейчас я тебе, начальник, всё разрисую в лучшем виде – торопливо зашепелявил Кочерыжкин. - Только сначала небольшой уточняющий вопросик задам. У вас за поимку особо опасных преступников вознаграждение дают?

- А как же! Всё как полагается.

- И порядочную сумму отстёгивают? Я имею в виду – сто баксов для меня найдётся?

- Смотря... какая у вас информация. Если особо ценная, то могут дать и больше.

- Тогда это как раз то, что мне надо!.. Погляди, начальник, какую кралю я тебе откопал. Не иначе – бандитка, а то и ещё хуже - вражеская диверсантка. Вот, прощу!

И Кочерыжкин широким, гостеприимным жестом указал на пожилую женщину, стоявшую неподалёку на трамвайной остановке.

- Какая же это гангстерша? – удивился Лопушков. - Обыкновенная пассажирка с поезда, ждёт трамвая. Ничего в ней нет особенного...

- А ты не спеши, начальник! – ещё пуще затараторил Кочерыжкин. - Я тоже сначала не обратил на неё внимания. Потом пригляделся: а тётка-то не простая, с подвохом!.. Прикинь, начальник: торчит на остановке уже третий час, а в трамвай так и не садится. Мало того – все вагоны, что возле неё останавливаются, зачем-то отменяет в тетради, которую у себя в сапоге прячет. Вот, полюбуйтеесь!

В это время к остановке как раз подкатил трамвай, при виде которого женщина тут же

достала из своего правого сапога школьную тетрадь и химический карандаш. Эти карандашом она что-то записала в тетради, после чего тут же спрятала свои писчебумажные принадлежности обратно в сапог.

- Ну! Что я говорил?! – возбуждённо застрекотал Кочерыжкин. - Стоит так уже три часа, не шелохнувшись, – и всё пишет, пишет... Не иначе как шпионские знаки своим сообщникам подаёт! А может быть, готовит объект для диверсии?!.. Брать её, надо, начальник, хватать обеими руками за жабры - и в каталажку, на допрос. Пусть она, паскудина, чистосердечно признается, на какую разведку работает – на английскую, на немецкую или, может быть, на индокитайскую... Давай, вызывай скорее группу захвата, да скажи им – пусть сто баксов для меня прихватят, в качестве вознаграждения.

- Да погодите вы, Кочерыжкин, со своими баксами! - одёрнул сержант не в меру ретивого осведомителя. - У нас так дела не делаются! Нужно сначала провести оперативную разработку на месте – установить личный контакт с подозреваемой и понять, насколько серьёзны её намерения и в какой степени они представляют угрозу для общества. А уже потом, если понадобится, и группу захвата вызывать...

- Замётано, начальник! – одобрительно констатировал Кочерыжкин. - Значит, расклад такой - ты её раскалываешь, а я поблизости на шухере постою. Только ты с этой кумушкой будь начеку! Я-то этих старушенций насквозь вижу - им только засунь палец в рот, так мигом из тебя весь скелет вытащат... И про мои сто баксов не забудь свистнуть кому надо.

Бдительный Кочерыжкин направился к газетному киоску, а замороченный им сержант подошёл к трамвайной остановке и начал пристально рассматривать подозрительную гражданку, стараясь держаться от неё на безопасном расстоянии – чтобы не спугнуть раньше времени.

С виду в облике женщины как будто не было ничего угрожающего – если не считать немного странного внешнего вида. Одетая она была в брезентовый плащ с капюшоном, наглухо застёгнутый сверху донизу. Снизу, из-под плаща выглядывали здоровенные кирзовые сапожищи. Именно так одевались вра-

жеские агенты в старых советских фильмах – только у них одёжка была чистенькая, без единого пятнышка, а у неизвестной гражданки весь наряд был сверху донизу забрызган грязью и глиной. Вместо привычных чемоданов и рюкзаков, у неё было два здоровенных тюка, в которых при желании можно было спрятать всё что угодно – от самогонного аппарата до портативного ядерного реактора.

«Конечно, на бандитку или лазутчицу она не очень похожа, - размышлял Лопушков, пытаясь наметить дальнейший план действий. - С другой стороны, противники тоже не дураки – они могут специально использовать в качестве агентов таких вот, с виду вполне безобидных существ. Так что, действуй, сержант, – и будь что будет!»

Он подошёл к таинственной гражданке, взял под козырёк и отчеканил, как на пишущей машинке:

- Дежурный патрульный, младший сержант Лопушков. Прошу предъявить документы для проверки!

- Документы?.. Какие ещё документы... Ах, да, вспомнила! Одну минуточку, товарищ сержант, сейчас всё покажу! - засуетилась-захлопотала старушка и торопливо вытащила из левого сапога что-то, завернутое то ли в носовой платок, то ли в тряпку, - Здесь и паспорт мой, и пенсионное удостоверение, и билет на поезд – всё как полагается!

- Сейчас проверим! – и Лопушков первым делом заглянул в истрёпанный паспорт с лохматыми краями. - Гражданка Домоседова Матрёна Тимофеевна – это вы?

- Она самая, товарищ сержант. Матрёна Тимофеевна, ну а ежели по-простому – тётя Мотя. Меня все так зовут-величают...

- Проживаете в селе Большое Марьинское?..

- Так точно. У нас в округе две деревни-то этих, Марьинские значит – Большое и Малое. Ну, Малое Марьинское совсем крошечное - не деревня, а настоящие выселки. Там всего три дома осталось, и то в них только летом дачники живут. А у нас, в Большом Марьинском – совсем другое дело, не хуже чем у людей. И коровник у нас есть, и свиноферма, и птичий двор. Ещё у нас почта и магазин имеются, а также амбулатория с библиотекой в придачу.

Правда, библиотека уже третий год как на амбарном замке – Люська-библиотекарша как в отпуск на курорт уехала, так обратно и не вернулась. А новую нанять не получается – говорят, зарплату платить не из чего. И в амбулаторию только с утра можно приходить, пока фельдшер ещё тверёзый. Потом он в обед, как обычно, наклюкается и дрыхнет до самого позднего вечера. А ночью, как проспится, всё по чужим огородам шастает, паршивец, да песни поёт...

- Спасибо за информацию, но эти подробности к делу не относятся! – прервал сержант не в меру разболтавшуюся бабуся. - Скажите лучше, гражданка тётя Мотя, давно ли вы прибыли в наш город и когда были в нём последний раз?

Этот безобидный, казалось бы, вопрос поверг несчастную женщину в полное смятение. Она остолбенела и на какое-то время, похоже, лишилась дара речи. Наконец, она с трудом вымолвила:

- В последний раз?!.. Да я отродясь не то что здесь - вообще в городе ни разу не бывала! Разве что в райцентр, по делам, заглядывала. Он от нашей деревни недалеко, всего шестнадцать километров, и то если по дороге, а напрямки, через лес, так и вовсе не больше десяти будет. Конечно, через лес я больше не шастаю – стара слишком стала, да и дорогу пешком осилить уже не вмоготу. Меня теперь Митька-тракторист, когда надо, подвозит на своём драндулете...

- Вот как! И с какой целью вы теперь к нам пожаловали?

- Так я дочку навестить приехала. Она у меня здесь, в Питере, сначала институт закончила, а теперь работает. Пока училась, так хоть на каникулы домой приезжала, а сейчас ей всё некогда, занятая очень. Вот я и приехала в гости к моей кровиночке – сначала на поезде всю ночь глаз не смыкала, теперь вот стою, трамвая жду... Ой, кажется идёт!

Действительно, в это время к остановке приближался трамвай, при виде которого тётя Мотя вновь достала уже знакомые сержанту карандаш и тетрадь. Он заглянул через её плечо и увидел, что в тетради аккуратным столбиком была записаны подряд цифры от «1» до «25». Из них первые тринадцать цифр были

зачёркнуты. Трамвай подошёл, старушка перечеркнула цифру «14» и, убрав на место тетрадь, продолжала стоять как вкопанная.

- Что-то я вас, гражданочка, не совсем понимаю, - озадаченно пробормотал Лопушков после того, как вагон тронулся дальше согласно маршруту, - Вам какой трамвай нужен?

- Двадцать пятый, - сразу же откликнулась тётя Мотя.

От такого ответа теперь уже сержант едва не лишился дара речи.

- Так ведь этот вот трамвай, который сейчас здесь останавливался – он и был двадцать пятый! – закричал он, показывая на только что отъехавшее транспортное средство. - Почему вы на него не сели?!.

Старушка ласково взглянула на представителя власти как на желторотого несмышлёныша:

- Нет, милый. У меня все трамваи записаны, что мимо прошли. Их всего тринадцать было, а этот вот, что сейчас проехал – четырнадцатый. Так что двадцать пятый ещё не скоро подойдёт...

«Одно из двух – или она чокнутая, или за всем этим кроется какая-то дьявольски хитроумная комбинация! - подумал сержант, лихорадочно соображая, как лучше действовать в сложившейся обстановке. - Может быть, вызвать силовиков, чтобы они как следует поговорили с этой таинственной мадам из Гранд-Марьянска?.. Нет, лучше попробую сам всё выяснить до конца».

- Вот что, гражданка тётя Мотя! – изрёк он таким грозным тоном, что у его собеседницы пошли мурашки по коже. - Я имею все полномочия немедленно задержать вас и отправить в отделение для проведения официальных следственных мероприятий. Если вы этого не хотите - потрудитесь сейчас же объяснить, от кого вы получили инструкцию по поездке в наш город, и в чём заключается смысл этих манипуляций с трамваями?

В ответ тётя Мотя снова завела ту же пластинку:

- Так я же говорю – дочь меня пригласила! Я-то сначала отказывалась, потому что страшно было очень ехать, да ещё в такой здоровенный городище. Это у нас, в районе, кругом тишь да благодать, а у вас тут такая

жуткая глухомань!.. Я у себя, в деревне, к соседке каждый вечер в гости хожу, телевизор смотреть. Как ни приду – он у неё вечно одно и тоже показывает: как у вас, в городе, над людьми издеваются. И грабят их, и режут, и прочие мерзкие пакости учиняют. «Да очень он мне нужен, этот город! - думаю я, - всю жизнь жила без него и ещё сто лет проживу!» А дочка мне и говорит: поезжай, мама, ничего не бойся. Главное, доберись на поезде, а я уж на вокзале сама тебя встречу и домой привезу. Ну, я и поверила, дура беспробудная!.. Подарки для дочери приготовила, деньги на билет собрала... С моей пенсии, конечно, не хватило бы – спасибо, соседи помогли, скинулись кто сколько мог. Куролесыч, счетовод наш из конторы, всё наилучшим образом устроил – и билет мне достал, и с шофёром Кешкой договорился, чтобы за три поллитры меня на самосвале прямо к станции отвёз. У нас-то, в райцентре, железной дороги нет, в соседний район надобно ехать, а это ещё почти восемьдесят километров. На тракторе такую дорогу и за целый день не одолеешь...

- Пожалуйста, ближе к делу! – заскрипел зубами Лопушков, пытаясь не сорваться раньше времени.

- Так я всё время о деле!.. Собралась я вчера в дорогу, жду машину, вдруг гляжу - почта-льонша наша, Милка Востроглазова, бежит и орёт во всю глотку: «Бегите, тётя Мотя, на почту, так ваша дочка звонит, у неё случилось что-то!» Прибежала я, схватила трубку, а дочушка говорит, что встретить меня на вокзале не может - заболела, а муж на работе день-деньской пропадает безвылазно... Меня от такого известия точно динамитом шибануло! Я уж и вовсе решила никуда не ехать, да дочь отговорила. Сказала, что расскажет мне со всеми подробностями, как от вокзала до её дома доехать и не заблудиться. Я за ней всё записала, слово в слово. Вот, взгляните!..

И она протянула сержанту листок бумаги, на котором крупными печатными буквами (и при этом с чудовищными ошибками) было нацарапано следующее:

«ВЫТТИ ИЗ ВАКСАЛА НА ПЛОЩАТЬ И ВСТАТЬ НА ТРАНВАЙНОЙ АСТАНОФКЕ В СТОРОНУ АБВОДНАВО КАНАЛА. ДОЖДАТЦА ДВАТЦАТЬ ПЯТОВО ТРАНВАЯ,

СЕСТЬ В НЕВО И ДОЕХАТЬ ДА АСТАНОФКИ «КУПЧЕНСКАЯ УЛИЦА». ТАМ ВЫТТИ ИЗ ТРАНВАЯ И ИТТИ К БАЛЬШОМУ ЖОЛТОМУ ДОМУ...».

Дальше на этом листочке был подробно весь оставшийся путь до дочкиной квартиры – вплоть до того, на сколько ступенек надо подняться вверх, выйдя из лифта, и с какой стороны находится нужная дверь на лестничной площадке – слева или справа.

- Так... кажется дело проясняется, - вздохнул бравый страж порядка, почесав в затылке. – И вы решили, что непременно должны пропустить первые двадцать четыре трамвая и сесть только на двадцать пятый?

- Неправда ваша, товарищ сержант! - горячо запротестовала тётя Мотя. – Ничего я не решаю. Я просто добираюсь до своей дочери - точно так, как она мне объяснила. А уж она-то, чай, не первый день здесь живёт, лучше меня знает...

- Да ведь вы же всё перепутали! – в отчаянии воскликнул сержант, и тут же получил в ответ гневную отповедь собеседницы:

- Выдумали тоже! Ничего я не перепутала. Всё сделала в точности, как мне дочка по телефону объяснила. Я даже в поезде эту бумажку всю дорогу читала, чтобы, неровён час, где-нибудь не ошибиться.

Почувствовав, что незадачливая путешественница вот-вот зайдёт в истерику, Лопушков попытался максимально смягчить тон.

- Вы просто неправильно поняли слова своей дочери, уважаемая тётя Мотя! – сказал он со всей учтивостью, на которую только в эту минуту был способен. - Вам совсем не нужно столько времени мёрзнуть на этой остановке и ждать, пока мимо пройдёт двадцать пять трамваев... Видите, вот тут, над остановкой, табличка висит, а на ней номера трамваев, которые здесь ходят – одиннадцатый, двадцать пятый, сорок девятый... Так что дождитесь трамвая, на котором будет нарисована цифра «25», садитесь в него и поезжайте туда, куда вам нужно. Вы поняли?!.

- Понять-то я, милоч, поняла... - недоверчиво покачала головой тётя Мотя. - Только... как-то уж очень мудрёно у тебя это получается. Какие-то циферки, номера... Уж лучше

я своего, двадцать пятого буду дожидаться, чтобы наверняка уехать... А если за то, что я здесь, на остановке место занимаю, денежку заплатить надо, так я заплачу. У меня ещё как раз немного мелочи осталось...

И она полезла было за своим кошельком - но её остановил сержант Лопушков, заоравший что есть мочи на всю Лиговку:

- Да нужны мне ваши копейки как попугаю компьютер! Вы же сами себя запутали, поймите!.. Объясняю ещё раз - если этот ваш двадцать пятый на самом деле окажется вовсе не двадцать пятым, а каким-нибудь другим трамваем, он вас завезёт неизвестно куда. И будете вы, тётя Мотя, ночевать где-нибудь на лавочке или в грязном, вонючем бомжатнике, а ваша несчастная дочь тем временем сойдёт с ума, обзванивая подряд все больницы и морги. Вы же этого не хотите, правда?.. Так вот, если вы не желаете для себя и дочери такой перспективы, умоляю вас – сосредоточьтесь хотя бы на одну минутку!.. Выслушайте меня!..

Но тётя Мотя, вместо того, чтобы последовать мудрому совету, вдруг залилась горячими слезами. Она внезапно спохватилась, что забыла отметить прошедший мимо трамвай – и теперь, трясясь от рыданий, причитала, что теперь никогда не сможет найти дорогу к дочери и навеки останется привокзальной сиротой.

Почувствовав, что с этим чудом природы ему в одиночку не справиться, сержант Лопушков обратился за помощью к пассажирам на остановке. На его счастье, среди них оказалась пожилая супружеская пара, которой нужно было ехать на том же трамвае, и даже выходить на той же остановке, что и несчастной тёте Моте. Совместными усилиями они кое-как привели в чувство горемычную старушку, объяснив, в чём была её ошибка. Тут как раз подоспел двадцать пятый трамвай, на который Лопушков и его новоявленные помощники заботливо усадили её, не забыв взгромоздить многопудовые тюки на заднюю площадку.

Проводив взглядом ушедший трамвай и убедившись, что инцидент исчерпан, Лопушков собрался было возвращаться на боевое дежурство – но тут до него снова донёсся голос Кочерыжкина:

- Эй, начальник! А где же мои сто бак-

сов?

- Вы что, издеваетесь над представителем власти?! – рявкнул в ответ Лопушков, - По вашей милости я битый час занимался какой-то ерундой – и этого, по-вашему, мало? Вы ещё хотите получить вознаграждение за это удовольствие?!

- Виноват, признаю свою ошибку! – торопливо забормотал насмерть перепуганный Кочерыжкин. - Поэтому и не настаиваю на сотне баксов. Только подкинь хоть какую-нибудь мелочишку на опохмелку. Башка, понимаешь, с самого утра гудит и раскалывается как чугунный котёл...

- Ты ещё здесь, кочерыжка безмозглая? – угрожающе прорычал разъярённый сержант. - Сейчас же убирайся отсюда, иначе мигом засажу тебя в кутузку... Пошёл вон!

- Что ж, момент ясен! Лавочка закрыта, облома не будет... - покорно вздохнул Кочерыжкин и уныло побрёл к вокзалу, заниматься своими обычными делами – подбирать засохшие окурки возле урн и выпрашивать у сердобольных простофиль немного мелочи для поправки своего изношенного организма.

...Но не успел Кочерыжкин перейти дорогу, как у самого светофора его нагнал запыхавшийся Лопушков. Он торопливо засунул ему в ладонь какую-то бумажку, прошептав при этом:

- Вот, возьми, это тебе! Только дружкам своим не проболтайся, а то начнут бегать ко мне как в кассу взаимопомощи.

Кочерыжкин обалдело посмотрел на свою ладонь – и увидел, что Лопушков отвалил ему денежную купюру – конечно, не эквивалентную ста долларам, но всё-таки на вполне приличную сумму.

- Это... за что же мне такая милость? – пробормотал он, вконец сбитый с толку, - Я ведь, кажется, ничего такого не сделал...

- Как это – за что?!. За то, что помог несчастной женщине уехать туда, куда ей было нужно. Ведь если бы ты не привлёк моё внимание, она так и простояла бы здесь до самой темноты. Так что возьми эти деньги, сходи в какую-нибудь приличную забегаловку и хоть раз в жизни пообедай по-человечески. Заслужил!..

АЛЕКСАНДР МАСЛЕННИКОВ

Короткие рассказы

* * *

Пространные тексты осенних наводнений с сутулыми ремарками на подтопленных берегах. Остылость камня набережных, протянутых из чужого прошлого в будущее-уже-без-нас, остылость настолько неизменная, что и «хорошо бы выпить кофе» стало здесь вечным лейтмотивом, и вот уже и последняя палая листва в парках пахнет «арабикой». Здесь вообще всё неизменно в своей цикличности, всё отмерено подвешенным к Полярной звезде маятником Фуко, и кажется, что, не родись Далай-лама в Тибете, то он, наверное, родился бы здесь, под нескончаемые, как инь – ян, смены утомлённых собою белых ночей, и пропитанной простудой, переросшей время суток и ставшей временем года, тьмы.

И твои слова, даже слова, произнесённые про себя, лишь эхо меж его стен, видевших всякое, видевших, как золото и серебро иных веков сменялись ржавеющим жестяным безвременьем, грохочущим от любого ветерка, и чего только ни слышавших, и никакой интонацией их тоже не удивить. И каждое утро здесь – это всегда в некотором роде продумывание предлагаемых обстоятельств. Сидишь с дымящимся кофе и, как в гримёрке, прислушиваешься к звукам, доносящимся из зала, на сцену которого ты выйдешь, сделав лишь шаг за порог своей двери. Я много лет пытался выделить главную тему в этой утренней полифонии, я надеялся, что она есть, казалось – найди её, услышь, и всё обретёт новый, доселе скрытый, смысл, и сфинксы у Академии художеств улыбнутся, и ши-цза на Петровской набережной расслабленно потянутся своими затёкшими телами... Но её нет - этой темы. И ни кирпичные тамтамы обалдевших от собственного нового пёстрого содержания лофтов, ни окрашенные в коньячные тона музыкальные цитаты кофеен, - они ни о чём, как, впрочем, и любые другие барабаны, и любые

другие цитаты. И лишь ликующий эрос в походках, жестах и взглядах девушек и некоторых женщин... И Река, равнодушно текущая помимо наших гранитных иллюзий.

А какие звуки доносятся по утрам до гримёрки давешнего вот, ещё, в общем, совсем не старого, человека, схема распорядка дня, да, впрочем, и жизни которого вчера стала так понятна. Эти полтора месяца, пока я работал в том районе, я встречал его каждый день, утром по пути на работу, и вечером, возвращаясь с неё, не обращая внимания на некоторые закономерности, просто проходил мимо, скользнув взглядом. Да отмечать-то в его облике нечего – всё та же, давно уже не новая, вязаная шапочка, всё та же неопрятная бородка, всё тот же пиджак, всё та же, им же самим, видимо, сделанная трость – не совсем по росту, и без особой обработки, корявенькая такая палочка, сильно сточенная и сбита снизу. Иногда он сидел на скамеечке в аллее парка, иногда мне приходилось его обходить, когда он стоял, глядя себе под ноги, на усыпанной хвоей дорожке. Иногда у него в руках была только палочка, а иногда и пакет с продуктами. И я никогда не видел, - я и это понял именно вчера, что вот до этого момента и не видел, как он ходит, как он вообще передвигается. А вчера... а вчера вот всё встало на места. По утрам у него в руках никогда не было пакета. Вечером он всегда был с пакетом, возвращаясь из магазина домой. И пару метров он одолевал не меньше, чем за минуту.

Так какая музыка доносится по утрам до его гримёрки?

К ноябрю пурпурные сны царей блёкнут, гаснут, осыпаются, и город, выметенный холдными сырыми ветрами, обнажается до своего костяка, до своей безлюдной геометрической идеи, до смерти, растворённой в вене-

цианском стекле его зеркал и витражей. И любая мысль о себе в этом городе бессмысленна, и любые мечты в нём пахнут ладаном, и прогулки по его набережным, наверное, сродни прогулкам по набережным Леты. Он чуток только к своей памяти, тёмной и сумеречной, как тысячелетняя дремота его сфинксов. И всё, на что ты можешь рассчитывать в самых летних своих грёзах – это кануть в эту его память, утонуть в её египетской тьме, и раствориться в ней, как в царской водке.

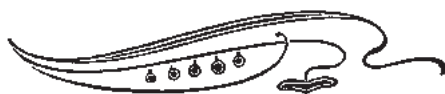
А потом придут метели, и южная его геометрия застынет заиндевелым лавровым венком, убийственным для любого триумфатора.

* * *

Кэйли, с улыбкой

Не знаю... Может быть и правы те, кто утверждает, что я не живу, а витаю в некой своей реальности, где снег из рафинада, а кровь – как ей и положено – из клюквенного сока, а бури да грозы, раскалывающие небо над моей головой – они из ящика театрального бутафо-

ра вытаскиваются и, отгрохотав своё, вновь занимают положенное им, пахнущее пылью и нафталином, место... Может быть и так. Но, чёрт возьми, та рыжая бестия, та зеленоглазая ирландка, коей – до сих пор! - и пить-то ещё нельзя и поэтому она, как и в те дни, когда меж нами не пробежала ещё кошка, предпочитает развлекаться своим, звенящим от подтекста и блещущим непередаваемыми оттенками молчанием, - так она таки кивнула мне вчера, опять задержав на мне тот взгляд, коим только меня она и достаивала, и – более того – она, задержав на мне этот свой взгляд, беззвучно, но демонстративно обозначила губами «привет», что вообще дело неслыханное, и это могут подтвердить все, кто хоть маломальски её знает. Это – было. И как стихло всё в пабе, куда я, в общем-то, совершенно случайно завернул, чтоб укрыться от отнюдь не бутафорского ледяного ливня, всё стихло, все как будто ожидали от меня чего то ответного, соответствующего бездонному изумруду её взгляда. И я сделал то, чего никто не мог себе позволить по отношению к ней. Я... я сел за три столика от неё, как в трёх часовых поясах, и мы улыбались своим мыслям друг о друге.

ГАЛИНА ТАРАСОВА

Этому нет названия (Продолжение. Начало в № 13)

...Я убрал старые координаты. Секунду поразмышлял и вбил новые, не глядя, с закрытыми глазами пробарабанив пальцами по цифровым панелям. Поставил отсрочку старта на 1 минуту, зашел в кабину дезинтегратора, заблокировал дверь и, архаично зажмурившись, стал ждать завершения своего постылого этапа жизни. Казалось, что сердце бешено колотится в горле. Капли пота струились по щекам, а может это были слезы – я не понимал. Я осознавал, что все-таки завершаю свой титанический труд, что сам ставлю увесистую жирную точку на разработанной теме, на всей своей научной деятельности и, возможно, на всей своей жизни. Раздался слабый щелчок – сработала кнопка старта. Легкое жужжание мгновенно превратилось в давящий уши рев, воздух вокруг уплотнился, последовала гигантская вспышка, мгновенная темнота и...

2

...Я медленно плыл в межзвездном пространстве ногами вперед. Громадная черная дыра¹ плавно и неотвратно затягивала меня в свой смертельный плен. Тело было словно парализованным, сознание отрешенным, безучастным. Я вяло изумлялся, что могу находиться в открытом космосе без скафандра, но думать об этом не было сил. Я был безжизненным мешком молекул, который скоро подвергнется процессу спагеттирования², превратится в поток субатомных частиц и, словно звездный ветер, промчится в объятия невидимого чудовища.

¹ *Черная дыра* – космический объект, гравитационное притяжение которого настолько велико, что покинуть его не может даже свет; граница этой области называется горизонтом событий.

² *Процесс спагеттирования* – находящийся в явной близости от черной дыры объект под влиянием мощной гравитации растягивается вплоть до полного разрыва.

«Cogito ergo sum³», – восторженно воскликнул вдруг сонный разум. «Sum!» – оживилось сознание. В голове начал раскачиваться остановившийся было маятник. Мысли набирали скорость. Жив! – вдруг невероятно четко понял я, ощущая это грандиозное открытие каждой своей клеточкой. Жив – не как пассивный представитель биологического вида, но – как личность. Жив мозг со всеми моими знаниями и умением вспоминать, сомневаться. Жива душа – мой маленький одинокий мир, затерянный в этой огромной вселенной – огромный внутренний мир в моем маленьком теле – моя родная, так щедро обжитая галактика. Не может же все это одновременно погибнуть и ссыпаться в никуда! Земля, Зигота... Полина, Ариадна... В мозгах как будто включилась тревожная мигающая лампочка: Я – ДОЛЖЕН – ВЕРНУТЬСЯ! Я – ДОЛЖЕН – ВЕРНУТЬСЯ! Да-да, мне было крайне необходимо вернуться и исправить множество своих губительных ошибок!

Ноги стало сдавливать сильнее, появилась боль в ушах, но я почему-то знал, что горизонт событий и точка невозврата еще не пройдены и надо срочно что-то предпринять. Но что я могу сделать буквально голыми руками? Мой ученый разум с горчайшим предсмертным сарказмом опровергал всякую надежду на спасение. Душа же, словно обладая более высоким знанием, протестовала и гневно требовала активных действий. Каких – я не представлял, поэтому начал просто отчаянно грести руками и ногами, сопротивляясь приливной силе черного гиганта.

Безвоздушное пространство оказалось густым. Я зыбко опирался на него проваливающимися ладонями и отталкивался, отталкивался, стараясь бросать себя в противоположном направлении. Я прилагал невероятные усилия, но все было тщетно. Тогда я страшно закричал, делая мощные гребки, извиваясь

³ *Cogito ergo sum* (лат.) – мыслю, следовательно, существую (Рене Декарт).

всем телом, и... стал захлебываться.

Мгновенно открыв глаза, я увидел вокруг синюю муть и мерцающий свет над головой. Скорее рефлекторно, чем осознанно, я понял, что нахожусь в толще воды и, до спазма напрягая все мышцы, стал устремляться к поверхности и, почти теряя сознание – вынырнул!

Надо мной в бескрайнем лазурном небе сияло яркое солнце, вокруг раскинулся синий, ослепительно блестящий морской простор. Я судорожно кашлял и дышал, дышал, втягивая живительный воздух, казалось, даже через кожу между ребрами. Затем в бессилии откинулся на спину и отдыхал, лежа в теплой и ласковой воде.

Что со мной произошло?.. Я вспомнил лабораторию, свой отчаянный поступок и взглянул на часы. Прошло меньше минуты с момента старта. Значит, открытого космоса и черной дыры не было?! Значит, поставив вслепую координаты, я интегрировался над морем, рухнул в воду, пошел ко дну, а спутанность сознания разыграла мне из ситуации маленький триллер на тему космоса?! Я ошупал свои ноги, руки, плечи, лицо – и радость захлестнула меня с невероятной силой. Телепортация – состоялась! Назло всему злу я сам провел испытания одновременно как ученый и как подопытное тело! Все мои разработки завершились успешным экспериментом! Все, все, чем я жертвовал во имя науки, было не напрасным! Я вывел человечество на новый этап развития!! Я воплотил мечту многих поколений людей – мгновенное перемещение в пространстве!!! Я плакал и хохотал как сумасшедший, кричал и бился в соленых брызгах до полного изнеможения. Затем, опять откинувшись на спину, я с наслаждением отдыхал, увлеченно размышляя.

Интересно, как телепортация войдет в повседневный быт? Мое воображение с удивительной легкостью стало рисовать красочные картинки жизни будущего. Вот разношерстные толпы людей, атакующих офисы Службы Доставки, чтобы оформить карты постоянного пассажира. Вот огромные очереди к блестящим красивым станциям со множеством отсеков, которые ритмично поглоща-

ют бесчисленные людские потоки. Я увидел счастливые лица провинциальных матерей, к которым ежевечерне стали телепортироваться на ужин сыновья-студенты, обучавшиеся в столицах. Сами столицы, наконец, перестанут превращаться в гигантских монстров, ежегодно пожирающих все новые и новые пригороды. Теперь не обязательно всем жить в этих бетонно-пластковых джунглях – ведь на работу за несколько секунд можно добраться хоть из другого полушария планеты. Жизнь обретет гармонию. Влюбленные не будут знать долгих разлук, престарелые родители – одиночества, путешественники с завидной интенсивностью смогут осваивать новые туристические объекты, а ученые – недоступные географические точки. Возможности человека неизмеримо расширятся, время и пространство обретут новое качество, масштабы космоса сократятся.

Теперь не надо монорельсов, вагонов, капсул, морских кораблей, сверхскоростных самолетов и даже машин воздушных такси – значительная экономия! Не зря Служба Доставки вкладывала гигантские средства в работу над мгновенным перемещением. Кто бы мог подумать, что маленькая курьерская фирма со временем превратится в гиганта-монополиста, подмявшего под себя все сферы каких-либо доставок: начиная с документов, еды, белья из прачечной и заканчивая доставкой грузов и пассажиров на Земле и в межпланетном пространстве. Теперь эти воротилы заполучили фантастический до сего времени способ отправки людей и грузов, а я бы мог стать одним из богатейших людей Солнечной системы!

С этой мысли настроение начало портиться. Нет, не потому что я жалел об упущенном грандиозном состоянии. Я вспомнил козни директора, и мне стало противно.

Я никогда не обращал внимания на завистников, интриганов, ничтожных личностей около науки. Я просто старался на совесть выполнять свою работу. Когда-то, молодым специалистом я оказался на распутье: прислуживать высшему чину, раздающему привилегии и карьерный рост, или верой и честью служить науке, невзирая на отношение

ко мне больших и маленьких боссов. Недолго думая, я выбрал большую работу с маленькой зарплатой и был счастлив. Со временем упорный труд принес благие результаты: мои открытия подняли престиж лаборатории, всего научного заведения, и меня нельзя было не продвигать по служебной лестнице. Мое имя зазвучало в международных ученых кругах, и начальство не могло не считаться со мной. Появились широкие возможности разработок прогрессивных тем и хороший материальный достаток. Когда на Зиготу отбирали лучших из лучших для работы в закрытом экспериментальном НИИ, я был вне конкурса. Моей семье предоставили комфортный современный дом, жене хорошую работу, а мне – все условия для работы над телепортацией...

И я ее завершил. Моя совесть ученого – чиста. Свой долг я выполнил, теперь – свободен. Свободен от подлецов, интриг и даже от огромных денег, которые порой опасней для души и мозга, чем деменция¹.

Я никогда не был рабом маммоны. Мне счастливо удалось избежать ее коварного порабощения. Так воспитала меня бабушка. Когда народы разных стран неуклонно пристращались к материальным благам и развлечениям, превращаясь в стада послушных потребителей, бабуля прививала мне любовь к ограничению комфорта, дающую внутреннюю свободу и независимость. Еще с детства она рассказывала мне, что на Руси всегда считалось правильным иметь средний достаток. «Надо, чтобы деньги служили тебе, а не ты им!» – объясняла она и добавляла, что позже, когда человечество Земли поразила «эпидемия бараклизма», бактерию которой вывели в психолобораториях еще до Третьей мировой войны, русичи массово отвергли учение и веру христианских предков, помогавшую сохранять силу духа и Отечества, и устремили все влечения к физическому комфорту, теряя силу и независимость, пока не грянула беда... Я слушал это, как страшную сказку, горько

¹ Деменция - приобретенное слабоумие, стойкое снижения познавательной деятельности с утратой в той или иной степени ранее усвоенных знаний и практических навыков и затруднением или невозможностью приобретения новых.

переживая своей детской нежной душой, а повзрослев, оценил несокрушимую логику ее спасительной мудрости и принял как неукоснительный закон жизни. Так что теперь, не будь у меня бабушкиной закалки, я стал бы разнесчастным человеком, сгрызаемым мыслями о потерянном громадном богатстве, остался бы жертвой и рабом чужой подлости.

Я вернулся к реальности. Мое воображение погасло. Все восторженные фантазии разбились о гладкую поверхность пустынного океана. Их радужные брызги увлекли с собой остатки горечи, поднявшиеся со дна души, и тихо растворились в глубоком небосводе, оставив в настроении яркие блики.

Из пучины морской я словно родился заново. Свежим взглядом я замечал разнообразие оттенков красок неба, воды, ощущал великую животворность теплого солнечного света. Хотелось навечно запечатлеть все это в памяти или на холсте, хотелось рассказать Полине и Але об этой невероятной красоте, хотелось радостно жить с ними подальше от городов, внимая первозданной гармонии, в счастье и любви... Что же, пускай плоды моих трудов, авторство и славу присвоит себе высокопоставленное ничтожество, а я теперь буду – просто ЖИТЬ! Я разыщу своих единственно близких и любимых! Я вымолю у них прощение. Для этого мне нужно обязательно – выжить.

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛОВА

Критическая масса Повесть

*Несоделанное мое видесте очи Твои,
и в книге Твоей все напишутся,
во днех созиждутся и никтоже в них.*

Пс.138, ст. 16

Часть 1

...и крыло мухи имеет вес...

Иеросхимонах Аристоклий Афонский

1

- Значит, вот ты какой.

- Что удивляет тебя, Наставник?

- Я не умею удивляться. Я просто говорю о том, что вижу: тебя прислали ко мне Учеником – на вторую ступень. Ты – из Пришедших.

- Прости, я еще не привык. Вернее, не до конца разучился.

- Это ты прости – я думал, ты не до конца выучился.

- Я не о том, Наставник. Я имел в виду, что я не до конца разучился чувствовать. И предполагать чувства в других.

- Тем вы и отличаетесь от Изначальных. Мы умственны и не знаем ваших бед. Но это пройдет, не сомневайся... На предыдущей ступени ты ведь

не одно прижизненное Хранительство изучал?

- Не одно, Наставник. Я и на Мытарствах был. Но лишь как наблюдатель. Мы с Хранителем больше всего боялись за пятое...

- Как обычно...

- А не уберегли уже на третьем... Все отдали, ну и...

- Можешь не рассказывать. Когда я был Хранителем, мне случалось терять своих прямо на первом. Вы в каком веке работали?

- В двадцать третьем от Рождества Христова...

- Так ваш подопечный, считай, праведник, если вам удалось его в такое время до третьего поднять... А сам ты – Пришедший – из какого века?

- Из семнадцатого. Но там от Сотворения считали. Едва-едва седьмое лето не перешагнул – и...

- Хорошо, что не успел. Тогда не быть бы тебе с нами. А из каких весей?

- Из Московии, Наставник. Тогда как раз...

- Знаешь, Ученик, Изначальные говорят, что от вас, Пришедших, нужно держаться подальше, чтоб не заразиться чувствами. Я сейчас, право, улыбнулся бы, если б знал, как это делается.

- Почему? Там тогда было вовсе не забавно – там как раз...

- Там никогда не было и не будет забавно, там всегда что-нибудь «как раз» – это тебе не Византия. А улыбнуться можно было бы только от радости за тебя. Ведь именно туда мы с тобой сейчас и отправляемся... На твою земную Родину, в стольный город Москву...

- Нет... Это вовсе не радость. Я бы не хотел вновь увидеть свою мать – там, зная, что... Видишь ли, я ведь не встретил ее здесь – нигде. Ни на Мытарствах, ни... выше. Ее нет. Совсем.

- Ну, значит, она либо там, куда даже нам по чину не разрешено подниматься, либо не прописана в Книге, только и всего. Второе, как ты и сам знаешь, гораздо более вероятно.

- Тебе не понять, Наставник. Прости.

- Да. И не хотелось бы понять однажды. Но ты напрасно беспокоишься: мы идем на этот раз не в семнадцатый век, а в двадцатый. Итак. Я покажу тебе работу Встречающего. С Хранителем ты посмотрел на Мытарства. А я тебе покажу, что внутри. Что происходит с теми, кого Хранители теряют. Они теряют, а мы – принимаем, потому что человек никогда не остается без помощи, даже там. Потом ты сам решишь, кем станешь – Хранителем или Встречающим. А может, выберешь и другую стезю. Но Пришедшие все-таки чаще всего предпочитают одно из этих служений... Конечно, до того тебе дадут самостоятельно побыть и тем, и другим – если заслужишь...

- Наш подопечный – мужчина или женщина?

- Женщина. Она умерла в шестидесятом году двадцать первого века, в возрасте девяноста четырех лет. И нам надо поторопиться, потому что краткий отдых, разрешенный ей, заканчивается, ее сейчас разбудят те. Вот она, смотри... Просыпается. В семьсот тридцать шесть тысяч четыреста девяносто второй раз.

Девочка считала, что ее имя – это первое, с чем ей основательно повезло: пока что только раз в жизни она встретила обладательницу такого же сокровища, но ее смело можно было не принимать в расчет. Ибо другая Инна, с мокрым от восторга

подбородком, вышагивала на помочах по коридору детской поликлиники, ведомая, будто щенок боксера в шлейке и при поводке, гордой и строгой бабушкой, увенчанной рубиновой брошкой, как кремлевской звездой. В одиннадцать лет она вычитала у Куприна, что имя ее – парадоксально мужское. Это было второе везение: ведь всем известно, что мужчиной быть лучше, потому что он – если настоящий мужчина – то командует, а женщиной – легче, потому что за нее делают всю тяжелую и грязную работу – если она настоящая женщина, разумеется. Но ведь можно научиться совмещать то и другое... Тут могла помочь третья удачно, шестеркой выпавшая кость: отражение в зеркале. В свои тринадцать Инна прочитала уже столько книг, что научилась наблюдать окружающую жизнь сквозь совсем не детский прищур и сумела сделать наиважнейший вывод: подлинная красота только помешает в жизни стоящему человеку. Удача – это когда ты видишь в зеркале приятное лицо без вызывающих изъянов – будь то уродливый нос или мохнатое родимое пятно – лицо, которое ты потом сама сделаешь таким, каким тебе будет нужно. А красавица... Она может рассчитывать только на одно: быстро выйти замуж по своему выбору, а там... А там – ничего. Киндер, кухне, кирхе. И однажды повеситься в туалете.

У Инны были гладкие русые волосы, стриженные под «сессун», большие серые глаза, прямой тонкий нос и умеренно пухлые губы. У них в классе учились девочки гораздо красивее – кудрявые, глазастые, чернобровые – а вот записки с гадкими и соблазнительными словами и рисунками мальчишки клали только в ее парту. Это в нее метили из пластмассового корпуса авторучки жеваной промокашкой, ей как-то раз вылили суп в портфель – но ей же и подбросили туда однажды заботливо очищенную от жестоких игл веточку белого шиповника... Это именно ее, в конце концов, девчонки инстинктивно ненавидели – но она-то читала уж как-нибудь побольше их, и прекрасно знала, почему... Да потому что из них еще неизвестно, что и когда получится, и получится ли вообще, а она уже – состоялась. Женщина с мужским именем...

Она проснулась оттого, что, уютно повернувшись в постели на традиционный «бочок», угодила глазом прямо в жирное солнечное пятно, расплывшееся по подушке. Обманчиво-яркое, будто летом, но безлико-холодное, как и положено в середине ненавистного сентября. Ужасное, потому что в ту же секунду Инна, еще пребывая почти во сне, припомнила, что учебный год, для нее – седьмой, только начался, а значит, перед ней разверзается целая вечность тоски и ежедневного отвращения. И это еще не все – пришел самый подлый день недели –

суббота. День, когда все нормальные люди могут спать до обеда, и только подневольные школьники (ну, еще студенты – да на тех плевать, они взрослые и все равно живут, как хотят) обязаны подниматься в любую погоду... О, нет! Инна решительно отодвинулась от солнечного зайца – скорей, жирного кролика – разлегшегося на ее подушке, как у себя дома, и закрыла глаза... Хоть пять минут... Все равно сейчас придет мама – и начнется: «Инна, вставай сейчас же! Ты что, с ума сошла – до сих пор валяться!». Но вдруг сердце возбужденно подскочило: мать не обязательно проснется сейчас! Инна вспомнила, что глубокой ночью, поднявшись в туалет, она поддалась соблазну повернуть одну редкую, но славную операцию: в темноте, не скрипнув предательницей-половицей, не задев бедром подлокотник легкого, всегда ворчливо ерзавшего в таких случаях кресла, прокралась в мамину комнату и точным движением «придушила» взведенный, как курок дуэльного пистолета, ее верный звучный будильник. «Тук, тук, таки-токи», – не прервал своего вкрадчивого монолога он, а девочке удалось выскользнуть так же бесшумно. Теперь злое прибор не зазвонит в половине восьмого утра – мама вполне может проспать аж до десяти – и тогда буквально ворвется в комнату дочери поздним утром: «Инна, вставай, мы проспали! Я будильника не слышала!» – и можно будет покапризничать: «Из-за тебя контрольную по русичу пропустила! Между прочим, «пятерка» была почти в кармане! И вот, пожалуйста...». В конце концов, мама хмуро спросит: «Сколько уроков ты теперь пропустишь? Только к середине третьего попадаешь в школу? А четвертый какой? Рисование? А пятый есть? Пение? Хм... – тут она соорудит знакомую обнадеживающую гримаску с намеренно глупо вытаращенными глазами, поднятыми донельзя бровями, выпученными губами при несомненном главенстве верхней и напряженным подбородком, пошедшим мелкими частыми ямочками. – Ну и ладно, зачем тогда вообще огород городить, сиди уж дома...».

Но только успела вдохновленная надеждой Инна в подробностях просмаковать выпуклую мечту, как спиной почувствовала легкое дуновение ветра от распахнутой двери – и голос матери торжествующе зазвучал на пороге: «Инна! Мы чуть не проспали! Но меня вдруг ка-ак подбросит! Ка-ак подбросит! У меня ведь – «сутки» сегодня плюс студенты в отделении! Вот была бы история! Смотрю на часы – без четверти! Но ничего! Успею! Наскоро ополосни лицо, а я пока быстро глазунью пожарю!». «Ну и обошлись бы там без тебя лишних пару часов в твоей больнице... Чай, не уволили бы... – раздраженно подумала девочка, со стоном отбрасывая одеяло. – Тоже мне, про-

фессор кислых шей...».

Мама ее, Алла Юрьевна, работала врачом-гинекологом в клинике Первого Медицинского института, параллельно занимаясь какими-то невнятными научными исследованиями, и, когда удавалось, подрабатывала левыми абортками, честно деля в таких случаях на троих с подружкой-анестезиологом и надежной акушеркой полученный по твердой негласной таксе хрустящий – или совсем занюханый – фиолетовый четвертной. К мужчинам она испытывала нечто вроде снисходительной ненависти – за то, что ни один из них не сумел разглядеть в некрасивой долговязой девушке с водянистыми глазками ее таких очевидных ей самой душевных достоинств и не догадался хотя бы полусерьезно поухаживать за ней; ну, а женщин презирала на вполне законных основаниях – за их животную зависимость от мужского внимания – и за то, что всех ее пациенток это внимание хоть раз, да не обошло. «Что, больно? – с удовольствием спрашивала она «неблатных» абортисток, которым полагалась лишь условная, местная анестезия. – А с мужиком в постели кувыряться не больно было?».

Дочку свою, Инночку, она заполучила случайно, после того, как, бурно отметив в ресторане на улице Горького с одноклассниками пятнадцатилетие окончания школы, она неожиданно проснулась поздним утром в чужом деревянном доме, на железной кровати с никелированными шишечками (- Так, на всякий случай, Ученик, наблюдай земные парадоксы: через сорок три года, когда домик давно уж от старости развалится и будет покинут вместе с этой ржавой кроватью – вон от той левой металлической трубки забежавшие поиграть ребятишки откроют, наконец, шишечку. В трубке что-то загремит, и они заинтересуются. Окажется, что там спрятано несколько тяжелых свертков в промасленной бумаге, в виде таких колбасок, я сам видел: Хранителем у одного из мальчиков был, уже на восемнадцатом Мытарстве потерял его – так жаль было, думал, дотяну – редко ведь кто до той высоты сразу поднимается... Так вот, в каждой «колбаске» было завернуто по сорок золотых царских червонцев... Если хочешь, можем сейчас посмотреть, кто и когда их туда положил.

– Не хочу, Наставник, если ты не возражаешь. Это ясно даже мне. А имя... Там тот человек свои червонцы назад не получил – а уж здесь они ему тем более не пригодятся.) среди горы вышитых думок, под тусклым фотографическим портретом крестьянина в пиджаке и косоворотке. Рядом, разинув белозубую, как у молодого пса, пасть и выложив на лоскутное одеяло темно-коричневую трудовую пятерню, оглушительно храпел смутно

знакомый мускулистый пролетарий – и парной запах его здорового пота вызвал у Аллы отчетливый приступ тошноты. Сделав усилие, она с изумлением опознала Витьку-Как-Его-Там, трижды второгодника, неинтересно существовавшего где-то на последних партах... В школе его для нее просто не существовало... Оба они лежали рядышком, запутавшись в несвежих пятнистых простынях, но совершенно голые, так что сомневаться в том, что именно произошло между ними минувшей ночью, не приходилось. Заглушая громоподобный Виткин храп, казалось, прямо под окном застрекотала шустрая электричка, будто Зингеровская швейная машинка вздумала шить перед мощным микрофоном... Желая тихо сползти с кровати, Алла осторожно пошевелилась – но не тут-то было: старая панцирная сетка, как оказалось, таила в себе целый оркестр, немедленно грянувший из-под Аллиной тощей попы, что сразу оборвало Витькино мощное соло. Под русым, как положено, кучерявым чубом неожиданно прорезались на его обветренном лице два глупых тускло-серых глаза, и загорелась придурковато-восторженная улыбка: «Алка! – гугнивым со сна голосом простонал он, простирая к ней загребушие свои руки. – Невеста моя желанная!». Полностью лишившись от ужаса языка, она молча шарахнулась вбок, скатилась на кривой крашеный пол, ловко вскочила на ноги и, схватив со стула, через голову напялила выходное кримпленовое платье – черное с белыми полосами и крупными синими цветами. Витька и внимания не обращал на ее жалкую панику – а может, посчитал за проявление законной девичьей стыдливости – во всяком случае, наблюдал он за Аллиными суелливыми перемещениями с некой властной нежностью – словно считал ее законной собственностью и в ответных чувствах не сомневался. «Ты, Алка – того... Ты ничего плохого не думай... – грубовато-ласково убеждал он. – Что я – не понимаю, что ли? Раз испортил тебя – так и женюсь, чего такого? Давно уж пора, да невесты хорошей не было. А теперь вот сам Бог велел, так что ты не бойся, не брошу... Детишек народим... Я машинистом работаю, полдома, вишь, нам с матерью-покойницей от депо дали... Хороший дом, да жить некому... Так что хозяйкой будешь... Ты-то мне еще в школе нравилась... Строгая такая, не то что эти вертихвостки... А что до свадьбы не утерпел – так «под мухой» был, извини уж... Ну, ничего, не говори никому: распишемся по-быстрому, да и дело с концом...».

Алла уже нашла под кроватью остроносые лодочки, впихнула в них босые ноги и теперь лихорадочно трепала пальцами свою развалившуюся «бабетту», пытаясь придать хотя б наполовину приличный вид на совесть начесанным и налачен-

ным вчера, а сегодня похожим на рухнувшее осинное гнездо волосам. Она уже не искала ни белья, ни чулок... Кое-как скрутив и зашлифив липкие жесткие волосы и коротко взвывая от мимолетного взгляда в мутный осколок зеркала над железным рукояйником (то, что она там увидела – чернопестрое на глинисто-сером – осмыслению не подлежало), несостоявшаяся невеста подхватила с того же стула черную лаковую сумочку и, закусив от нетерпения губу, буквально вывалилась из дощатой двери в странное захламленное помещение, проковыляла по щелястому полу и, наконец, оказалась на воздухе, прямо перед железнодорожной насыпью – и опять откуда-то нарастал шум недалекого поезда... Потом она мылась из черной колонки на земляной дороге ржавой тепловатой водой, напоминавшей на вкус кровь из губы, и мокрые ноги не лезли обратно в раскисшие туфли, и три недели страстно ожидала так и не пришедших месячных, и – внезапно успокоилась, поняв, что с ней негаданно произошло то же самое, что и с теми дрожащими тварями, что ежедневно, сбившись в трусливую кучку у белых дверей малой операционной, ожидали своей незавидной участи... И тогда Алла решила сохранить ребенка – для себя. Родила, назвала Инной и полюбила. И радовалась, что девочка не унаследовала ни безнадёжной материнской некрасивости, ни столь же разительной тупости своего случайного отца. Она росла миловидной и неглупой – а значит, имела высокие шансы на лучшую, никогда даже в мечтах не приходившую к ее рассудительной матери долю...

Алла прекрасно знала, что Инночка снова придала будильник среди ночи – но, поскольку позволяла она себе такое нечасто, свято чтя невидимые, но очень хорошо чувствуемые рамки, за которыми находилась наказуемая наглость, умная мать в очередной раз сделала вид, что ничего не заметила. Она бы и теперь с удовольствием проспала до десяти, а потом разыграла с дочерью привычную мизансцену, кончавшуюся добродушным родительским попустительством – но Инна не учла или просто забыла, что такие фокусы можно проделывать только в те субботы, когда мама выходная. Взрослая работа – это святое, и ребенок не должен организовывать родителям служебные неприятности ради своих капризов; девочка была немилосердно разбужена, накормлена простой яичницей (сама виновата, что на взбивание любимого омлета по всем правилам не осталось времени) и выпровожена из дома как раз в те последние секунды, когда вполне успевала добежать до «Сокола» и вскочить в автобус, что доставит ее к школьным воротам без трех девять. У Аллы между тем оставалась еще минуточка на пару

глотков живительного кофе, пока милые резвые ноги дочурки, обутые в замечательные бежевые чехословацкие туфли на каучуке, беспечно несли ее к остановке по оранжевым палым листьям, наискосок через обширный газон...

До «Сокола» Инна легко домчалась и по инерции запрыгнула в отходивший автобус – верно, благодаря удобным мягким туфлям, словно так и предназначенным для упругого бега, но внешне все-таки, по ее мнению, слишком детским... Она на вид – совсем девушка и вполне заслуживает каблук! Но стоит только заикнуться об этом матери, как готово – слушать противно: «Рано... Не по возрасту... Люди примут тебя за лилипутку – маленькая, а туфли на каблуках... Ноги испортишь – там кости формируются... Ты и без того одета слишком по-взрослому...». Тьфу. И, главное, не докажешь ей ничего. И пальто коротковато уже, выше колен на две ладони, совсем по-девчоночьи выглядит, хотя само – красивое, польское, из мягкой шерсти в сине-зелено-серую клетку и с капюшоном. По-настоящему хороша только дамская коричневая кепочка из замши – импортная, конечно, маме какая-то знакомая пациентка подарила, ей оказалась мала, ну, а Инна – головастая девушка... И славно смотрится с этой новой, совсем взрослой стрижкой (парикмахерша даже стричь ее так не хотела, все бормотала, дура, – зачем, дескать, тебя стричь, как тетку для фотографии на паспорт, давай оставим побольше на макушке, чтоб можно было завязывать такой большой красивый бант, – ну, не идиотка ли?)... К кепочке идеально подходит старая мамина сумка – вместительная и тоже из коричневой замши – всяких там школьных портфелей Инна давно уже не носит: стыдно, не первоклашка ведь!

В этих мыслях она не заметила, как автобус подвалил уже к последней остановке перед той, на которой следовало выходить – и так протяжно, будто по кариозному зубу, прошла вдруг по сердцу нудная тупая боль: не хочу-у! – простонала сама ее душа. Инна быстро оглянулась: ни одного знакомого в салоне не оказалось, все ее обычные попутчики успели прибыть в школу предыдущим рейсом; только на задней площадке смеялись две простецкие старухи, да равнодушно стоял высокий мужчина в кожаной куртке. Желтые двери длинного «Икаруса» сложились гармошкой, и, даже не успев принять конкретного решения, Инна с облегчением выпрыгнула на сухой пыльный асфальт.

- Вот он. Теперь все-таки будем внимательней. Конечно, каждый раз все, как правило, идет точно так же, как и всегда, но... Изредка они все-таки что-то меняют на ходу, и можно не успеть

вмешаться... У меня так, правда, случилось только однажды, в Римской Империи. Я был Встречающим одного новокрещеного, который шел на тайное собрание своей общины и все никак не мог столкнуться со стражниками, которые поймали и отвели на суд, мучения и казнь всех его товарищей, а он не дошел буквально полсотни шагов. После он прожил еще лет тридцать, со временем попал под влияние дурной женщины и отрекся. Так вот, стражники четыре миллиона триста тысяч сто шестнадцать раз появлялись за городской стеной у старого кладезя. И я никак не мог подогнать к нему подопечного вовремя, чтобы он, наконец, прошел свое Мытарство. А на сто семнадцатый они вдруг появились еще до ворот – и схватили бы его, наконец, если бы я преступно не расслабился и сумел бы отвлечь внимание подопечного, который успел их увидеть и спрятаться... В результате, мне так и не удалось помочь ему: он шел на то собрание еще сколько-то сотен тысяч раз, пока, наконец, не достиг своей критической массы, не попался им в руки сам и не умер от пыток. Его можно даже видеть на одной иконе всех святых – не отдельно, правда, а в лике первомучеников, одиннадцатым слева в восьмом ряду – но и это уже кое-что...

- Не понимаю, а где – Встречающий этого мужа? Ведь мы могли бы связаться, обустроить... А он один... Почему?

- Потому что это не его Мытарство, а ее – и просто воссоздается нужная ситуация. Это девочке именно здесь и сейчас нужно пройти правильным путем, а исправлять путь мужчины – не нам и не теперь; с ним другие работают, в других местах и по-другому – если он в Книге. А если нет... В любом случае, незачем это проверять.

- Я понял, Наставник. Ее будут будить в одном и том же дне до тех пор, пока она не проживет его так, как было нужно?

- Ты не совсем понял, Ученик. Да, ее будут будить в том же дне – луч, подушка, помнишь? – и, прожив его, как раньше, она продолжит жить – день в день, шаг в шаг, жест в жест, слово в слово – смерть в смерть, как сотни тысяч раз жила эту жизнь и умирала. У нее не будет никаких воспоминаний о прежнем, поэтому в бесконечности все пойдет совершенно одинаково: она ни разу не вздохнет ни короче, ни глубже. А умерев, опять проснется на той же подушке... И так до тех пор, пока не накопится у нее некая собственная критическая масса. Что это – нам неизвестно, но так говорят... Если я не сумею помочь ей раньше. И когда она поступит как должно, ее выпустят – и Хранитель пойдет с ней выше. Ну, потом он, конечно, опять ее потеряет, а я снова приму на другом Мытарстве и стану думать, как ей уско-

ритель его прохождение. Как видишь, ничего сложного...

- Это больше, чем ужасно, Наставник.

- А что ты хотел – это Мытарства. То, чего на земле боятся даже праведники. И притом, это не последнее ее испытание. Не забудь, на пути вверх стоят и другие стражи, а откупиться от них ей давно нечем...

- Но успеет ли она пройти все? Я слышал, времена подходят к концу...

- Не нам рассуждать о том. Сразу видно, что ты не Изначальный. Но не бойся – она успеет. На земле, в ее времени, лишь десятый день после смерти – урна с пеплом даже еще не замурована в нишу.

- А если о ней кто-нибудь оттуда попросит?

- Смотря кто и как. Но о ней – некому попросить... Да никто и не захотел бы... Хотя... Прислушайся... Я не ошибся?

Бабушка Катерина проводила Макса до самого выхода в запущенный дворик дома престарелых. Сегодня она, вопреки обычаю, не спрашивала его о том, когда он собирается, наконец, вернуться к «родной жене» и «брошенным малюткам», не упрекала в измене «Таточке, милой девочке» и не обзывала Светлану проституткой. Надо же – ни признака маразма в бабке, ни провалов в памяти, а как заело старую: «Надо жить с матерью своих кровиночек. Пока не вернешься в семью – дом на тебя не перепису». А то, что они с Татой развелись – по обоюдному согласию – целых шестнадцать лет назад, до войны еще, когда их дети заканчивали институты, и теперь у этих детей собственные перешли в старшую школу, что Света – его верная и любимая жена уже полтора десятилетия, и, кстати, тоже мать его умницы Олечки – упорно не принимает в расчет. Вздорная, упрямая и жестокая бабка. Прекрасно знает, как им трудно сейчас, как мучительно пережили проклятую войну, сколько друзей потеряли – не говоря уж о крове, какая нищета беспросветная одолела... Нашла себе повод для радости: соседка по этажу умерла – такая же гнусная, сварливая, похожая на старого бультерьера, весь свет ненавидевшая старуха, Инной звали, а по отчеству... черт бы ее побрал... – и можно переехать в ее более светлую угловую комнату...

Макс раздраженно плюхнулся в старую битую машину, рассеянно ткнул было в кнопку автопилота, но спохватился и сразу отменил приказ: нет уж, на этой старой раскорячке тридцать шестого года выпуска... Он лучше сам поведет, плевать, что другие подумают, а то не дай Бог, как в прошлый раз... Вспомнить страшно – только чудо спасло: автопилот решил на высокой скорости произвести вертикальный взлет, и тут его, как раньше говори-

ли, заглощило... Ни отключить, ни руль разблокировать... «Господи! – крикнул он в отчаянье. – Я еще дочке нужен!!!» – и расклинило, вот чудеса... Схватился за баранку, на последнем дыхании вырулил... Считай, второй раз родился – а все мало ему, все не нравится... Бабу Катю вот костит за глаза, а покойницу эту постороннюю, Инну, или как ее там... черту посулил... Он перевел глаза на небольшой пластиковый складень, прикрепленный у сенсорной панели, и виновато пробормотал: «Упокой, Господи, душу новопреставленной рабы Твоей Инны... И учини ее... Ну, куда-нибудь там учини, где получше... Не такая уж она и плохая была, наверное, как нам кажется... И меня, грешного Максимилиана, прости, Господи, и помилуй...» – и Макс, быстро оглядевшись, украдкой перекрестился.

- Ты слышал?

- Да, Наставник. Скажи: у нее появилась надежда?

- Пришедший, она никогда и не исчезала.

2

- Для кого ты basiшься¹, коли муж твой на купле²? – немолодая соседка в ярком зеленом летнике стояла на крыльце рядом с Мишуткиной матерью, с утра нарядившейся в алую шиденную срачицу³ с расшитым подолом, который и виднелся теперь из-под легкого свободного платья цвета цини⁴. – На боярыню хочешь походить? Смотри, Маша, дорядишься... Жена красовита – безумному радость⁵!

- Для себя, – презрительно ответила мать, высокая полная женщина с румяным, намазанным лицом, и, оглянувшись по сторонам, откинула с головы тонкий плат, из-под которого сразу же гладко хлынули неубранные коричнево-золотистые волосы – словно мед потек. – Жарко, сил нет... Лету самый межень⁶... – ее взгляд упал на неугомонного сына, как раз затеявшего рискованную игру с соседским Васяткой: мальчишки сговорились прыгать через сливную канаву на манер саранчи травной⁷, совокупив обе ноги, а прыгнувшему двенадцать⁸ раз подряд, не угодив в воду, предстояло получить в каче-

¹ Баситься – наряжаться (арх.; здесь и далее – примечания автора).

² Быть на купле – уехать торговать (арх.)

³ Шиденная срачица – шелковая сорочка (арх.)

⁴ Цвета цини – синий (арх.)

⁵ Поговорка

⁶ Межень – середина (арх.)

⁷ Саранча травная – кузнечик (арх.)

⁸ Двенадцать – двенадцать (арх.)

стве награды большую сахарную коврижку, ожидавшую своего жребия поодаль, на чуть колыхавшейся доске покинутых качелей.

- Мишутка! Сил моих нет больше! А ну, как ноги переломаешь! Лучше коником скачи – да на ровной дужайке, там-от, раз уж на месте не сидится! А не то в дом пойдите, бабка Дарья вам молока с малиной даст! – крикнула Маша в сторону вовсе не обращающих на нее внимания ребятишек.

- Да брось ты себе сердце рвать попусту... Пусть себе резвится, пока живой... В гробу, чай, не попрываешь... Мало кто из робят в возраст войдет... Без них горе, а с ними – вдвое¹, – соседка Мавра облокотилась на перильца рядом с Машей и зевнула, равнодушно созерцая детскую возню: оба мальчика были уже по уши мокрыми, но больше полудюжины раз никто из них не сумел благополучно перелететь канаву. – Ты лучше послушай, что в городе делается... Оногды², сказывают, в большом доме у мугазенных амбаров³ у купца Евлогия служилые люди зятя дó смерти убили, когда за книгами старыми пришли. Евлогий с семьей крепко старой веры держится, ну, зятя их отдавать и не захотели... Так одному все персты отсекали на десной⁴ руке, когда разжать их на Псалтири не сумели, а другого по лбу топорищем огрели – так к вечерне из него и дух вон... А сама ты, подружие, сколькими перстами крестишься?

- Сколькими поп велит, столькими и крещусь, в еретицы подаваться не собираюсь, – мягко огрызнулась потемневшая ликом Маша, все так же неотрывно глядя на хохочущего в радужных каплях сына. – А коли, в воду упав, заклёкнется⁵... Как думаешь, Мавра?

Подруга снова от души зевнула и принялась обеими руками махать себе на влажное свекольно-красное лицо:

- Ух, и жарщица... Но знаешь, я хотя и пущеница⁶, которую ни один поп не перевенчает, а простоволосой, как ты, даже в закрытом дворе не останусь: еще заглянет кто – сраму не оберешься... Без того всякий, кому не лень, готов камень кинуть... И как ты – мужатица⁷, а не боишься... А коли челядь мужу донесет, он, как вернется, – ох, за власы-то тебя оттаскает...

- Не заклёкнется Мишутка мой в канаве той дурацкой? – досадливо перебила ее Мария. –

Вон уж сколько раз с головой туда ёбрюшился⁸!

- Мо-ожет... – Мавра медленно повела крупным плечом. – Вон, смотри, Васятка Алёнин чуть продышался... У меня и самой один заклёкнутлся. Не в канаве правда – в Москве-реке... На ту излучину, что под холмом нашим, с холопчиками⁹ побёг, а я недоглядела... Да и сама молода была – двадцать¹⁰ лет той весной миновало. Вто́рый он был у меня, да остальные шестеро на то лето уж померли, а этот в отроки вышел¹¹, уже уставом¹² писал... Ни глотошная¹³ его не взяла, ни трясца¹⁴... Думала, хоть этого женю, а тут... Как принесли его с реки без дыхания, я сама три дня аки мертва, пролежала: я в то лето ведь не брюхатела – мой совсем уж лазить на меня перестал. Оно и понятно: когда нас венчали, ему за сорок¹⁵ далеченько перевалило, а я ему двенадцатной¹⁶ досталась. У нас ведь как? Невеста родится – жених на конь садится¹⁷... А у моего уж и внуки были... Но ничего, потом прокинулась¹⁸ – а куда деваться: на рать сена не накопишься, на смерть робят не нарожаешься¹⁹... Так что и ты к своему не очень-то прикипай, сама знаешь: десятерых родишь – одного женишь. Редко, когда двух... Мишутка-то твой у тебя который, соседушка?

- Тотже только вто́рый, потому и хоронить не обвыкла, – отбросив ладонью волосы и так замерев, тихо отозвалась Маша. – Марфинька, старшая-то, на третьем году сырным заговеньем²⁰ преставилась от лихоманки... Так я тогда с печали едва ума не отбыла. А если и с Мишуткой что – так мне и вовсе свету больше не взвидеть: других-то не родить уж: стара... Тридцать²¹ и семь по осени сравняется – да и откуда? Муж и раньше-то не охоч был до игрищ тех со мной – всё приговаривал: кабы вы, детуш-

⁸ Ёбрюшился – упал (арх.)

⁹ Холопчики – дети рабского сословия (арх.)

¹⁰ Двадцать – двадцать (арх.)

¹¹ То есть, ему исполнилось семь лет.

¹² Уставом – печатными буквами (арх.)

¹³ Глотошная – скарлатина (арх., диал.)

¹⁴ Трясца – лихорадка; любая болезнь с высокой температурой (арх.)

¹⁵ Сорок – сорок (арх.)

¹⁶ Двенадцатная – двенадцатилетняя (арх.)

¹⁷ Поговорка

¹⁸ Прокинулась – очнулась (арх., жарг.)

¹⁹ Поговорка

²⁰ Сырное заговенье – сырная неделя (Масленица), когда заговляются на Великий Пост и уже не едят мясо, но всю неделю разрешены молочные продукты (арх.)

²¹ Тридцать – тридцать (арх.)

¹ Поговорка

² Оногды – позавчера (арх.)

³ Мугазенные амбары – торговые склады (арх.)

⁴ Десная – правая (арх.)

⁵ Заклёкнуться – захлебнуться, подавиться (арх.)

⁶ Пущеница – разведенная женщина (арх.)

⁷ Мужатица – замужняя (арх.)

ки, часто сеялись, да редко всходили¹... Ртов, вишь ты, плодить не хотел, по девкам блудным шастал... А как видел, что я брюхата – так и по пелькам² меня, аспид, и по чреву, и под гузно³ – пока дитя само не вывернется... Когда – зарод, а когда и образ... Сам всех в выгребную яму вынес... Ничего, – говорил, – за то поп епитимьи не наложит⁴... Насилу жива осталась... – Мария увидела, что, устав от прыжков и воды, но так и не выявив победителя, Мишутка с Васяткой уже мирно сидят на двух перевернутых горшках посреди двора, и каждый бойко жуёт свою половину коврижки – и расслабилась, отпустила руку: – Так ты, значит, соседка, потому своей волей к другому мужу ушла, что еще деток родить хотела?

Мавра покачала головой:

– Нет. Ты хоронить не обвыкла, а я устала. Аки сука щенная каждое лето ходишь, да у той что ни приплод – так половина выживет... А у меня – не стоят. Сломалась я на Гришаньке моем... Знаешь... – она невесело, половиной рта улыбнулась. – Зндёбка⁵ у него тут вот на вые⁶ была багряная... Боялась, женить трудно будет: побоятся девку отдавать, чтоб детям зндёбка на чело не перескочила... Не того, выходит, боялась...

– Ты, верно, как брюхата им была, пожар видела, – ласково сказала Маша.

Мавра отмахнулась:

– Пустое. Так вот, не за новыми детушками я к другому мужу пошла – просто пожить захотелось – дблюби⁷, пока нутро не засохло. Еще за венчанным моим будучи, когда бражничал и дома по две недели не живал, часто во сне видела, якобы спасти с другим на едином ложе и сладостно во сне любовастася⁸... А как дома муж явится – так скимер-зверь⁹ рядом с ним котенком покажется! Места живого на мне не оставлял, иной день от утрени до вечерни на мосту¹⁰ проваляюсь, кровями плюя... Я уж и сама с ним упьянчива стала, известно ведь:

¹ Поговорка

² Пельки – женские груди (арх., жарг.)

³ Гузно – ягодицы (арх.)

⁴ Церковное покаяние (от 5 до 15 лет земных поклонов, поста и отлучения от Причастия) накладывалось на женщину только в том случае, если она сама вызывала у себя выкидыш; если это происходило в результате побоев, то епитимьи не полагалось.

⁵ Зндёбка – родимое пятно (арх., диал.)

⁶ Выя – шея (арх.)

⁷ Долюби – досыта (арх.)

⁸ Любовастася – была ласкаема (арх.)

⁹ Скимер-зверь – злое сказочное чудовище (арх.)

¹⁰ Мост – деревянный пол в доме (арх.)

страшно видится, а выпьется – слюбится¹¹. А однажды у кумы-попадья в обед гостевала – и вошел он, серцо мое... И со мной, как с той злой женой – помнишь? – приключилось: «...составы мои расступаются, и все уди тела моего трепещутся, и рuce мои ослабевают, огонь в сердце моем горит, брак ты мой любезный»¹²...

Маша, продолжая коситься на сына, подо двинулась ближе к Мавре:

– Впервые слышу такие непригожие речи... Так ты, значит, злая жена у нас, подружие? Хорошую память Бог дал тебе – а другое, оттуда же – не забыла? «Аще жена стыда перескочит границы – никогда же к тому имети не будет его в лице своем».

– Стыд не дым, глаз не выест¹³, Машенька! Мне к исповеди не ходить, я невенчанной живу – зато счастливой! И робят мне больше не надобно: чем ложесна напоить¹⁴, чтоб не зачать невзначай – и тебя научу, если хочешь...

Собеседница сухо отстранилась:

– Мне поздно уже. Да и грех ведь это какой – с мужем приближенье иметь не деторождения ради, а слабости! И чего ты сладкого находишь в ласкательстве том? Я за отдых почитаю, когда мой на купле или по девкам... И сама подумай: за то на пятнадцать¹⁵ лет отлучают. Впрочем... Ты ведь пушеничеством своим сама себя отлучила... Как же ты без церкви живешь, Мавра?

Но та вдруг борзо обернулась к Мишуткиной матушке и возвысила голос:

– А ты?! Я и в дому своем молюсь – да крещусь двоеперстно! А как тебя стыд не берет – кукишем крестное знаменье творить¹⁶?! Я хоть и пушеница – а Святой Троицы не четверю: трегубо «аллилуйю» не пою, славлю сугубо¹⁷! Я Святого Духа по-старому Истинным¹⁸ называю – а ты что ж? Как я без церкви обхожусь,

¹¹ Поговорка

¹² Из «Беседы отца с сыном о женской злобе» – нравоучительного произведения XVII в.

¹³ Поговорка

¹⁴ Применить противозачаточное средство.

¹⁵ Пятнадцать – пятнадцать (арх.)

¹⁶ Креститься тремя пальцами, по новому обряду, введенному Патриархом Никоном.

¹⁷ Согласно старообрядческому учению, «аллилуйя» должна петься два раза (сугубо) – «по-ангельски», а третий – «Слава Тебе, Боже!» – «по-человечески», в то время как после реформы Патриарха Никона ее стали петь трижды (трегубо) «по-ангельски» и четвертый раз – «по-человечески», что старообрядцы считают оскорблением Святой Троицы.

¹⁸ Реформой Патриарха Никона из «Символа Веры» было убрано слово «истинного», относившееся к Духу Святому..

спрашиваешь? А вот и я спрошу – как ты туда ходишь, как без стыда чтёшь новые книги... поганые, где все слово Господне выхерено¹?

Ни одна из женщин не заметила, что Ваятка с Мишуткой давно уж во дворе были порознь: первый из всех сил пытался поделиться малым остатком коврижки с брезгливо воротившим сытую щекастую морду котом, не решавшимся, однако, пустить в дело только что преостро наточенные когти, а второй, незаметно подобравшись под высокое крыльцо, нашёл там недогрызенную кость их сторожевого кобеля, как раз отлучившегося по важному делу, и увлеченно пробовал ее на вкус, параллельно краем уха слушая разговор матери с соседкой. Теперь, когда Мавра заговорила с матушкой дерзостно, она совсем разонравилась мальчику, по первоначально залюбовавшемуся было на ее новый летник из доброй зендяницы², надетый вращающуюся³, и на сверкающее в лучах обеденного солнца дорогое ожерелье с розовым жемчужным саженьем... Хотя и не уразумел несмышленный Мишутка, все еще не обсохший после прыжков по-саранчиному, почему вдруг соседка с матушкой друг на дружку взъярились, но приятно ему было услышать, что матушка в долгу не осталась и стала храбро наступать на обидчицу:

- Не за то побьет меня муж, что во дворе у себя простоволосая стояла – а за то, что блудные речи бабы отлученной на своем пороге слушала! А уж от пущеницы до еретицы – недолог путь! Ты вот что, Мавра: иди-ка со двора моего, пока я твои-то бесстыжие волосы не повыдергивала!

Наверху послышалась весьма красноречивая возня, и осторожно высунувшись, мальчишка успел увидеть, как Мавра, быстро нагнувшись, подобрала с полу материнский убор, легкомысленно сброшенный тою с влас, и с размаху швырнула его Марии в лицо:

- Вот твой кокуй – в нём и кукуй⁴! – зло крикнула она и бросилась вниз по лестнице.

Проводить ее взглядом Мишутке не удалось, потому что в темной сырости вдруг блеснул

¹ Выхерить – перечеркнуть (арх.)

² Зендянца – хлопчатобумажная ткань, поставлявшаяся в Москву из Новгорода, а туда – из села Зандана, находившегося недалеко от Бухары (арх., диал.)

³ Вращающуюся – нараспашку (арх.)

⁴ Искаженная поговорка (в оригинале «Вот тебе кокуй, с ним и ликуй!»), означавшая, что, выйдя замуж, женщина обязана была постоянно носить головной убор «кокуй» (по-другому «кокошник», «кику»), видоизменявшийся с течением времени, но всегда являвшийся символом зависимости и покорности.

коричневой с золотом гибкой спинкой быстроногий жижлец⁵ – и, вскрикнув от радостной неожиданности, мальчишка плашмя упал на брюхо, чтоб успеть схватить увертливую добычу...

- Ты не здесь, Ученик?

- Прости, Учитель, я задумался.

- Чем скорей ты забудешь прежнее, тем более преуспеешь в учении. Мужчина сейчас вон там – наблюдает за девочкой сквозь кусты, со скамейки, но подойти не осмелится: кругом гуляющие. Так что наша подопечная пока в безопасности – вот она, хочет покормить белку, а белка не ест.

- Это неудивительно, Наставник: белки не едят хлеба. Некоторые люди просто не знают об этом. Его и птицы берут только зимой, когда умирают с голоду. Их пища – зерна, червяки и насекомые.

- Похоже, Ученик, ты тоже хочешь в чем-то быть моим Наставником.

- Я думал, может, ты не знаешь о том, как живут белки и птицы, а я знаю, и очень хорошо.

- Ты прав, я редко задумывался о животных, с ними работают другие, но, когда они мне нужны в моем служении, я просто спрашиваю, вот и все. Эта белка нам не понадобится. Но, знаешь, тебе может оказаться в чем-то легче, чем мне, например, и вообще Изначальным. Вы, Пришедшие, всегда будете лучше ориентироваться в мире людей, потому что видели их жизнь изнутри своими глазами – недолго, конечно, но ваши семь земных лет дорогого стоят. Недаром среди вас так много хороших Хранителей. Ты интересовался – почему тебя не пустили дальше младенчества?

- Да, Наставник, но мне запретили прозревать. Сказали – еще рано.

- Теперь пора, я думаю. Посмотрим вместе, когда закончим работать с Инной... Почему ты вдруг опять отошел куда-то? Я теряю с тобой связь, это неправильно.

- Я подумал: вдруг нам снова не удастся ее оградить? Этот муж ведь учинит над ней насилие – так? Или даже смерти ее предаст?

- Ученик, ты все еще рассуждаешь, как Хранитель, а здесь ты сопровождаешь Встречающего – не забывай. Я говорил – она умерла в девятности четыре года. И мы здесь не защищаем ее, а помогаем пройти Мытарство и, кстати, избавиться от этих отвратительных восьмидесяти с лишним лет, которые ей предстоят. Оградить... Она почти миллион раз успешно ограждала себя сама! Вот хотя бы предыдущий тебе покажу... да все равно, какой: все они похожи больше, чем близнецы. Смотри.

⁵ Жижлец – ящерица (арх.)

Гулять в одиночестве по Покровско-Глебовскому лесопарку Инне скоро наскучило: неприятное чувство предощущения неминуемого разоблачения с последующим наказанием (оно может быть ужасным: мать не пустит ее в следующее воскресенье на день рождения к Лёльке и денег на подарок не даст) никак не покидало девчонку. Сколько она ни убеждала себя, что классная, у которой в субботу, как у всех порядочных людей, – выходной, не полезет проверять журнал в понеделник в поисках затесавшихся прогульщиков – все равно свербело в душе – мелко и остро, как соринка в глазу, которую никак не сморгнуть. Да вдобавок, и есть захотелось невыносимо: сдуру осталась без второго завтрака, недалновидно раскрошив всю домашнюю слойку привередливой осенней белке, отравившей на подачках такие бока, что походила уж на закормленную морскую свинку с пришитым хвостом. Явиться в школу – хоть к третьему? Но, настроившись на незапланированный выходной, не так уж и легко было переключиться обратно, да и математичка, змеюка, чего доброго, вызовет... Словом, путь лежал в обратном направлении, домой, где матери не будет до утра, а значит, можно после обеда зайти за Лёлькой, старшей подружкой-девятиклассницей с четвертого этажа и затащить ее вместе смотреть телевизор – после программы «Время» покажут какую-то там серию «Знатоков»... Кстати, если мать открыла ту бутылку «Плиски» – ведь она прикладывается по ночам в одиночку, Инна знает – то они с Лёлькой легко отцедают отсюда по рюмочке, совсем незаметно... И тогда может накатить охота поиграть «в мужа и жену»... Лёлька всегда с удовольствием исполняла роль мужа, но Инна никогда не бывала до конца довольна этими их редкими игрищами, иногда даже рыдала после них по ночам, потому что смутно чувствовала, что подружка не умеет дать ей чего-то самого главного, что сразу сделает ее совсем взрослой, того, ради чего люди и занимаются таким делом по-настоящему, а не как они – по-детски и будто понарошку. Правда, однажды соседка одолжила у себя в школе иностранный журнал, в котором на цветных фотографиях были только женщины – вдвоем и втроем – но попытки неуклюже изобразить то, что они там проделывали, привели только к неприятным и некрасивым последствиям для Инны, так что пришлось наскоро – дело происходило у Лёльки, и вот-вот должен был прийти с работы ее отец – отмыть обивку их совсем нового мягкого дивана в гостиной. Правда, после того случая Лёля сказала, что, когда все заживет, они смогут играть уже посмелее и пожестче, и пообещала Инне кайф, с которым ничто и никогда не сравнится. И в следующий раз, тоже в субботу, когда родители подруги еще не пришли

из театра, Иннина мать дежурила свои очередные «сутки», а они только что посмотрели в темноте глупейший старый фильм и решили поиграть, Лёлька принялась уже по-хозяйски, опытными прикосновениями, от которых хотелось крикнуть то ли «Хватит!», то ли «Еще!», искать какую-то «заповедную точку» у Инны, уверенно ее нашла – и у той вмиг ослабело все тело, и она повалилась лицом в подушку. «Муж» оставался где-то сзади, уже не ведая никаких препятствий, а у Инны внутри словно начал медленно надуваться огромный воздушный шар, и девочка уже знала, что как только он не выдержит, лопнет – сразу придет то ощущение, ради которого люди убивают, истязают и предают; оно уже подступало, исподволь накатывая мощными волнами, шар в ней достиг невероятных размеров, она напряглась, готовясь к неведомому, страшному и вожделенному взрыву, оставались доли секунды – и вдруг темноту прорезал длинный и острый, как удар кинжала в печень, дверной звонок. Это Лёлькины родители вернулись из театра... После того случая девочки избегали друг друга всю весну и лето, каждая с острым стыдом вспоминая секунду, в которую они мгновенно разъединились и соскочили с дивана, дико глядя друг на друга и силясь перевести дыхание... И только после летних каникул, в сентябре, случайно столкнувшись в лифте, они вновь заружились, вполне невинно, с бурными танцами под магнитофон и прогулками в отделы духов и ювелирии, но каждая, определенно, ожидала от другой тайного сигнала – взгляда, кивка, двусмысленной улыбки... И тогда, знала Инна, все завертится опять – и уже по-настоящему. Они обе хорошо помнят тот воздушный шар – и уж теперь-то он у них лопнет, можно не сомневаться! И так будет происходить каждый раз... Так вот, сегодня она этот знак – подаст. И пусть Лёлькины родители смотрят на здоровье там у себя идиотов-знатоков, нудно распутывающих простейшие преступления (Инна каждый раз с самого начала легко определяла, кто виноват, и дальше смотрела фильм, только чтобы убедиться в правильности своей догадки) – они с Лёлькой телевизор и включать не станут. Этих полутора часов им с лихвой хватит для того, чтобы вырастить в ней шар, соизмеримый с дирижаблем – и он разорвётся, лишь когда она, Инна, ему позволит... И в ту же секунду она станет взрослой!

В автобусе она вдруг заметила того же статного мужчину в дорогой кожаной куртке, что ехал с ней еще в ту сторону и вышел на той же остановке, у входа в парк. Девочка присмотрелась к нему повнимательней – просто так, из чистого любопытства – и, прежде всего, привлекала его роскошная куртка, ясно указывавшая на высо-

кий статус владельца. Даже ее небедная мамгинеколог очень долго не могла позволить себе такую же, но женскую, и только полгода как ею обзавелась... Инна вздохнула: ей самой одеться в такую замечательную лайку не светило еще лет... Столько, что в эту бесконечную даль времен не стоило и заглядывать. Он, наверное, директор комиссии, этот высокий мужик, или ресторана, или... Машина у него сегодня в починке, вот он и отправился на автобусе прогуляться по осеннему парку, пока ее ремонтируют, а сейчас едет забирать – мгновенно придумала она коротенькую, вполне правдоподобную легенду. Ему можно было дать на вид лет тридцать пять, и собой мужчина был так хорош – ну, просто загляденье! – что Инна даже уставилась на него почти откровенно. Высокий, с широченными плечами и узкой задницей, как и положено безупречному красавцу, с четкой ямкой на твердом подбородке, с приятным, правильным и ясным лицом, с крупными длиннопальными руками самой благородной формы – он мог влюбить в себя не только простушку-школьницу, но и любую, самую шикарную и недоступную женщину... Следующий вздох Инна подавила, потому что вдруг вспомнила, сколько ей на самом деле лет, несмотря на потаенное «почти взрослое» состояние. Что толку на него пялиться! Ей нужно прожить еще, по крайней мере, столько же, сколько она уже прожила, чтобы такой, как он, хотя бы второй раз глянул в ее сторону... Она отвернулась и принялась смотреть в окно – до «Сокола» оставалось уже всего ничего. Сейчас она прежде всего хорошенько поест – там, кажется, мясо тушеное в латке оставалось, и картошка в кастрюльке – выпьет чудного мамино компота, а потом... Только бы Лёлька никуда не ускакала вечером со своими друзьями-старшеклассниками!

И тут что-то произошло. Словно на какой-то далекий город упала атомная бомба, и световое излучение, достигнув на излете, в один миг горячо опалило девчонку с головы до ног. Даже не боковым зрением, а почти затылком девочка уловила острый жаркий взгляд, и уже знала, чей он. Инна мгновенно обернулась и успела заметить, как все тот же стоявший на задней площадке мужчина быстро отвел от нее пронзительные глаза и вновь принял безразличный, едва ли не сонный вид. Но ничто уже не могло обмануть Инну: он только что смотрел на нее, и смотрел со жгучим интересом. Ее сердце заколотилось было от радости, но сразу проснулся никогда особо не дремавший разум: этот красивый жеребец не мог принять ее за взрослую – пока еще очень редко посторонние люди говорили ей «вы», а несколько раз даже случались уж совсем неприятные казусы. Например, не далее как вчера одна женщина в метро из-за спины

сказала ей: «Разрешите пройти, пожалуйста», но, когда, протискиваясь мимо, увидела Инну в лицо, поправилась: «Пропусти, девочка» – а Инна чуть не заплакала. Тогда почему, видя, что она школьница, он сейчас смотрел на нее... так... как на взрослую? Она испытывала все нараставший неуют и долго не могла понять, что тревожит ее, но тут как раз водитель буркнул в микрофон: «Сокол!» – и она бессознательно выскочила напротив входа в родной двор и бросилась наискосок по газону к воротам. Оглянулась: мужчина быстро шел в том же направлении. «Он хочет меня изнасиловать и убить», – вспыхнула яркая мысль, и девочка ни на секунду не усомнилась в ее правильности, словно кто-то подсказал ей, что ошибки нет. Но он же не мог напасть на нее во дворе, где в этот золотой полдень резвились дошколята, чесали языки мамы с колясками, расселись бабульки по всем скамейкам вокруг детской площадки, как курочки-рябы по насестам, а в самом центре двора на пожертвованном кем-то ради святого дела столе резалось в домино около десятка пенсионеров в сдвинутых на упрямые затылки одинаковых шляпах! Инна перевела дух, спокойней направилась к своему подъезду, и, оглянувшись на ходу несколько раз, убедилась, что мужчины во дворе нет – она все себе придумала! Действительно – чушь какая! Зачем такому кого-то насиловать – да ему бровью повести достаточно, чтобы к нему выстроилась очередь из влюбленных красавиц! У него же наверняка каждый день – новая! Ну и дура же она – бегом от него бежала! – то-то он хохочет сейчас, наверное, идя по улице своей дорогой! Инна досадливо мотнула головой, едва не стряхнув от досады свою хорошенькую кепку, рванула дверь подъезда – и вдруг услышала справа быстрые твердые шаги.

Он не стал преследовать ее во дворе на виду у всех. Он тихо проскочил, никем не замеченный, по асфальтовой дорожке прямо вдоль дома, пригнув голову под сочными ветвями старых акаций, что ломятся в окна первого этажа. И теперь ему оставалось не более пяти шагов, чтобы войти в подъезд вслед за жертвой. Но на эти пять шагов она его – опередила. Это была данная ей кем-то добрым и заботливым маленькая, но спасительная фора: мужчина еще не мог дотянуться до нее руками и заставить повернуть, куда ему было нужно – налево, в темный угол к лифту, где девочка оказалась бы в полной власти насильника и убийцы. И она еще успевала свернуть направо – туда, где были почтовые ящики, лестничные пролеты и квартиры, где жили люди, где можно было позвать на помощь и где он, скорей всего, не решился бы поднимать шум... Инна успела. Она не только свернула, куда нужно, но и взлетела стгоряча на один пролет

– и вдруг остановилась, не слыша погони...

Она медленно обернулась, удивляясь, что ужас, схватившей ее было за горло несколько секунд назад, пропал, как стертый ластиком след мягкого карандаша. Да, она оказалась права: маньяк не решился преследовать ее вверх по лестнице – да и смысла в этом особого не было: даже догони он ее на площадке – куда бы ему деваться оттуда со своей сопротивляющейся добычей? Мужчина стоял в нерешительности у подножия лестницы, и солнце било прямо ему в лицо из лестничного окна напротив. Теперь Инна разглядела его вполне – и вновь поразились, насколько же он красив! Его большие, чуть затененные глаза смотрели на нее снизу вверх с бессильной алчностью загнанного за решетку хищника, перед которым с вызывающей беспечностью прогуливается ускользнувшая жертва – желанная, ненавистная и недосыгаемая. И, глядя в эти глаза, Инна торжествующе-злорадно ухмыльнулась: «Что, руки коротки оказались?» – ясно сказала ее победительная полуулыбка. Несчастный не выдержал. С полсекунды он шатался, как дом перед тем, как рухнуть от прямого попадания снаряда, затем круто повернулся и ринулся вон – лишь пушечным выстрелом бахнула дверь на улицу...

- С того дня – до последнего – прошел семьдесят один год. Через четверть часа после того, что мы сейчас видели, Инна стала любовницей старшей развратной девочки, и с тех пор у нее было еще много любовниц и любовников – так много, что и счет им она лет через тридцать потеряла. Но никто из них долго не продержался рядом с ней, потому что каждого она как-нибудь предала или оскорбила. Никакой профессии Инна так и не сумела получить, полагая, что и без всякого образования – она великий художник, поэт, философ и ученый, заглазно и в лицо обзывая «недоумками» всех, кто считал иначе. Соответственно, она никогда себя не обеспечивала, постоянно живя у кого-то на содержании – и всегда за это подло и жестоко мстила при расставании. Правда, один из любовников случайно стал отцом ее ребенка – мальчика, которого она сначала отдала в детский сад на пятидневку, потом – в школу-интернат, а после – в кадетский корпус. Сын вырос и сначала просто презирал ее, а потом – возненавидел, когда она разрушила его брак с любимой женщиной, потому что считала ее недостойной быть невесткой «гордости нации». Он спился и умер, но мать даже не пришла на его похороны. Она проклонила и внуков, и правнуков, считая всех пигмеями, не стоящими ее мизинца, но одну из правнучек – больше всех, потому что та, наконец, сдала ее в дом престарелых и никогда

не навещала там. При этом она, правда, исправно оплачивала прабабкин отдельный номер и особый диетический стол, иногда последними деньгами, отказывая своему ребенку в самом необходимом. Когда Инна умерла, ее сожгли без отпевания, и на кремацию не пришли даже соседи по богадельне, вспоминавшие ее только с отвращением. Но она – крещена, в отличие от всех своих потомков, и пошла по Мытарствам, потому мы и бьемся за нее здесь, чтобы и такой дать шанс не погибнуть до конца...

- Как же нам помочь этой несчастной, Наставник? И можно ли помочь?

- Разумеется. Пока не пришел Самый Последний День, помочь можно любому. Сейчас, Ученик, для этого нужно просто сделать так, чтобы у нее не оказалось тех пяти шагов. Но вот они едут в автобусе – в семьсот тридцать шесть тысяч четыреста девяносто второй раз – а я все еще не могу сообразить, что для этого нужно сделать.

- Наставник, возможно, следует просто наместить побольше листьев на дорожку, по которой пойдет мужчина? Девочка может не услышать его, а увидеть только, когда он подойдет к ней вплотную.

- Листья? Что ж, почему не попробовать... Все-таки, знаешь, я рад, что мне дали ученика из Пришедших – ваши мысли текут непонятным, но подчас правильным руслом.

- В этом нет ничего необычного. Мы там всегда старались идти по траве или листьям, а не по камням или сухой земле, если не хотели, чтобы нас услышали – только и всего... Но скажи, Наставник, если мы отнимем у Инны эти пять шагов – что с ней случится?

- То, что должно было случиться с самого начала, чтобы пресечь проклятый род и повернуть время вспять. Ты ведь знаешь уже, что Вечность живет не по земным законам, и разные миры подчиняются разному времени. Гляди.

...Инна досадливо мотнула головой, едва не стряхнув от досады свою хорошенькую кепку, рванула дверь подъезда и юркнула туда. Она любила пыльный солнечный полумрак своей лестницы, ее просторные каменные пролеты с витыми решетками, широкие теплые подоконники, на которых они с Лелькой еще совсем крошками играли «в повара» или «в детский сад», когда снаружи шел дождь – так за городом в непогоду дети играют в беседке или под навесом крыльца. Иногда она даже не спеша поднималась на свой шестой этаж пешком, чтобы насладиться по дороге простыми детскими ассоциациями – но сейчас голод и смутное нетерпение, касавшееся предстоящего вечера, погнало ее налево, к лифту... Жаль, что Лелька

еще, наверное, в школе – нельзя заскочить к ней прямо сейчас и договориться о встрече, намекнув, что сегодня хорошо бы возобновить старую игру – тогда она уж точно не запланирует ничего другого! А вдруг она сегодня тоже сачканула? Нет, надо все-таки заехать на четвертый – чем черт не шутит! Тогда можно пообедать и у нее... Или пообедать – потом... После того, как... Как лопнет шар, который уже обозначился где-то внизу – такой еще маленький, но уже пересыхает во рту... Вот под ее нетерпеливым пальцем вспыхнула красным прозрачная кнопка, и двери лифта, ожидавшего прямо на первом этаже, начали гостеприимно разезжаться.

Вдруг сзади послышался шорох – но Инна не успела обернуться. В один миг в лицо ей впечаталась огромная влажная ладонь – и сразу же перекрыла дыхание. Одновременно ее грубо пихнули в спину – а позади негромко сомкнулись двери. Она забилась в чьих-то железных руках – еще полностью не осознав происходящего, но уже озаряемая мгновенной догадкой: это он, догнал ее все-таки, а она не видела и не слышала! Рука по-прежнему зажимала ей рот и нос, в голове начинало мутиться, но глаза еще видели – и перед ней мелькнуло знакомое лицо: да ведь он же вовсе не красавец, а – урод! – какое страшилище, с оскаленными зубами! – глаза, как у бешеной собаки! – девочка начала беспорядочно молотить слабеющими кулачками по твердому, будто каменному торсу, обтянутому гладкой коричневой лайкой, и услышала срывающийся хрип над ухом: «Затихни, а то сдохнешь прямо сейчас... сладкая маленькая шлюха...» – но ее парализовало лишь на секунду. Бешено извиваясь, Инна инстинктивно пыталась вырваться, освободить лицо, крикнуть – и все усиливался зверский нажим на голову, уже некуда было ее отклонять – не может быть, чтобы я сейчас умерла – нет, кажется, умираю – еще жива – попытаться – и она рванулась вбок... Что-то треснуло, легко и сухо, как мертвая ветка, в глаза плеснуло огненно-красным – да, это смерть, вот это как, оказывается... всё... Всё.

- Ты опять ушел, Ученик. Так нельзя. Ведь это вовсе не грустно – то, что я тебе сейчас показал.

- Я не о том Наставник. Я подумал о ее матери. Она вернется на следующий день – и узнает? Или ей сообщат сразу?

- Уж о ней не печалься, Пришедший. Хотя она – не наша, но ведь мы и ради нее тоже стараемся. Просто знай, чтобы утешиться: только в тот день она убила двоих детей – своими руками; одного – за деньги, а другого бесплатно: он был сыном ее лучшей подруги. А до этого... постой...

две тысячи одиннадцать. Потеряв дочь, она пересматривает свою жизнь. Хочешь увидеть ее? Смотри вверх... нет, еще выше... еще: вон та, в белой мантии. На земле – монахиня Феоктиста...

- Я понял, Наставник. Но от этого не становится легче. Позволь опять отойти ненадолго – ведь «Сокол» еще не скоро...

3

- Не во времечко белы снежки выпали... Они выпали межень лета теплого... – напевала Мишуткина старая мамка¹ Орина дребезжащим – точь-в-точь как у их серой козы – голоском.

Весь последний год, укачивая Мишутку после вечерни, она вышивала и вышивала зелеными и алыми нитками все одну и ту же ширинку² – но, то ли ширинка ее была слишком длинная, то ли по старости уж не осталось в Орине хитроручного изрядства³ – а все казалось мальчику, что алого и зеленого узора по-прежнему намного меньше, чем чистого белого полотна.

«Глупость какую бормочет... – раздраженно думал Мишутка, моргая на ровный огонек Ориной лучины. – Как могут снежки – да летом выпасть!». Ему не спалось нынче, потому что, хоть первая ночная стража уже миновала, но за мутной слюдой узкого окошка все еще мерцал теплый оранжеватый свет, и в их с Ориной малой полатке⁴ было душно и жарко, хотелось все время ворочаться с боку на бок на своей маленькой лавке, сбивая в комок тонкую летнюю перину... А туда, на двор, знал мальчик, как раз сейчас пришла бархатная прохлада. Как бы хорошо, если б матушка позволяла ставить ему лавку на ночь во двор, под пышный куст боярышника – спит же так Васятка – и ничего! Попроситься разве у матушки еще раз? Мишутка украдкой глянул на Орину: голова ее упала на грудь, изо рта свисала длинная нитка слюны, корявые руки с вышиваньем замерли на коленях; лучина догорала, слегка чадя. Мальчик осторожно сполз на пол, бесшумно ступая по гладко струганному, до бела выскобленному полуловицам, легко добежал до двери и, не скрипнув ею ничуть, выскользнул на узкую темную лестницу. Семь невысоких ступенек вели в материнскую светлицу – оставалось только надеяться, что мать еще не спит. Мишутка поскребся у двери, как котенок, и сразу услышал знакомый приветный голос: «Мишутка, ты, что ль?

¹ Мамка – няня (арх.)

² Ширинка – полотенце (арх.)

³ Хитроручное изрядство – умение искусно заниматься рукодельем (арх.)

⁴ Полатка – комната (арх.)

Взойди, свет мой!».

Матушка боком сидела на спальном лавке, в простой льняной срачице, с распущенными волосами, горевшими янтарем в свете сразу двух толстых лучин и, наклонясь к дубовой укладке¹, быстро-быстро писала что-то острым гусиным пером на большом куске белой голландской бумаги – по какой часто водила рукой сына, показывая ему сложные буквицы устава. В ее светелке тоже стояла липкая глухая жара – и спасу от нее не было.

- Что, не спится тебе?... – не оборачиваясь, спросила она. – Погоди, докончу... Там-от на мисе² у меня полоса арбуза в патоке есть – хоть и малая отрада – да покушай пока себе на здоровье...

Мальчик жадно набросился было на арбуз, предвкушая его сладкую, пахнущую морозом мокроту – но он оказался теплым и приторным, клейким от густой вязкой патоки.

- Матушка... – робко начал Мишутка... – Ты б велела, как давеча Васяткина мати, мне постелю во дворе постлать... Под боярышником...

Но она не слушала, остро глядя в написанное и удовлетворенно шепча:

- ...богомерзкие книги старого обычая чтёт... «аллилуйю» поет сугубо... троеперстие кукишем предерзко обзывает... Ага... как же подписать теперь... Машка, Ивашкина дочь, купца Афанасия Васильева сына Зотова жена...

С довольным и красивым в полутьме лицом она поворотилась к собравшемуся было показательно всплакнуть Мишутке:

- Думала – оскорбила меня гораздо – и как с гусыни вода. Высоко запурхивает³ – да как бы не расшиблась, падаючи! Нет уж, Мавруша, добрая жена уж как-нибудь да пущеницу перещипит⁴! Отберут теперь книги-то твои еретицкие, а саму, небось, с невенчанным-то мужем разлучат, да на поклоны поставят не на одно лето – будешь знать, как женам непорочным их честные уборы в лики швырять... – пробормотала Мария, словно обращаясь к кому-то невидимому, стоящему за спиной сына, потрясла над написанным из маленькой железной песочницы⁵, улыбнулась и принялась осторожно сворачивать бумагу. – Ну, чего кручинишься? Слышала – стара, да не глуха еще: сейчас велю

тебе постелю стелить под нашей березой покляпой⁶ – там прохладой с Москвы-реки веет, а боярышник твой на слетной⁷ стороне, туда рано жара придет...

Просияв, мальчишка с великою резвостью помчался по лесенке, крича на весь дом:

- Эй, челядь! Просыпайтесь все! Мне матушка в эту ночь во дворе стелить велела!

А снежки взяли да выпали.

Ден через несколько они с матерью как раз гостили у вдовой Алены, и в гостевой горнице Мишутка с сыном ее Васяткой, дружком закадычным, сидя на сундуке чуть поодаль от женщин, утешались румяными имбирными хлебцами и глиняными расписными кониками, когда за узким слюдяным окошком в полдень вдруг потемнело, словно неожиданно пришла ночь. Где-то грохнул ставень, брошенный о стену дома порывом дикого ветра, на улице взвыло, как перед концом света, и ребятишки, ничуть не заробев, ринулись на крыльцо, желая подышать свежим воздухом ливня. И остолбенели враз, увидев, как с неба – на сочную зелень, на высокий деревянный забор, на далеко видимую с холма реку, на обезумевшую черную суку и мелко крестящуюся от ужаса молодую холопку косо валят с сизого неба мягкие комья размером с детскую длань... И матери их, и кривая приживалка Фетинья, и мамка Васяткина Гликерья – все столпились позади них на крыльце – и дивились, кто радостно, а кто боязливо.

- Не к добру это, вот поглядите еще... – гнусаво предрекла приживалка, кладя мелкие крестики на своей впалой, словно сухотной⁸, груди. – Двадцать с лишком лет тому солнце среди дня черным стало⁹ – так с Немецкой слободы моровую язву принесло. Ну, а нынче чего доброго и ожидать-то, коли у нас два царя теперь и одна царица¹⁰... От века такого на Руси не водилось...

- Хватит жерствовать¹¹, старая! – оборвала ее черноглазая Алена. – Лучше пойди, вели еще медку нам подать! – она подмигнула подружке и мамке: – А то голова что-то больно ясная, со снежков, наверное...

Небо неожиданно посветлело, и снегопад как отрезало – будто кто-то там, наверху, вспо-

¹ Укладка – сундук (арх.)

² Миса – блюдо (арх.)

³ Запурхивать – залетать или заскакивать (арх.)

⁴ Перещипать – взять верх над кем-либо (арх.)

⁵ Чтобы чернила скорее высыхали, написанное присыпали сверху песком.

⁶ Покляпый – наклонившийся (арх.)

⁷ Слетный – южный (арх.)

⁸ Сухотный – чахоточный (арх.)

⁹ Полное солнечное затмение можно было наблюдать 22 июня 1666 года.

¹⁰ Малолетние цари Петр I и брат его Иван V при регентстве их старшей сестры царевны Софьи.

¹¹ Жерствовать – вещать (арх.)

рол огромную перину, вытряхнул из нее разом весь пух – и ушел. Переглянувшись, мальчишки, не сговариваясь, кинулись вниз с крыльца – и принялись скакать, хохоча, босыми ногами по быстро таявшей рыхло-белой холодной каше, горстями подбрасывать к небу отяжелевшие снежные перья...

Матери по-прежнему, блаженно и глубоко дыша, стояли под высоким навесом, не желая возвращаться в прелую духоту дома. Мишутка умаялся и повлек Васятку на крыльцо, ожидая, что тетка Алена и им предложит угощение – сласти какие-нибудь заморские, на которые так были падки все в доме этой богатой беззаботной вдовы, что даже и челядь ходила уж с черными зубами. А вот у его матери зубы были всегда белые – сам не раз видел, как тайком – от всех, но не от несмышленого Мишутки – чистила она их не только костками из курячих голен, как то рекомендовали умные книги, но квасцами и даже порохом!

И правда, дали им по четыре сахарные фижи каждому – мальчишки принялись лакомиться ими на ступеньках не торопясь, чтобы растянуть удовольствие.

- А что, – вдруг вспомнила Алена и, помрачнев, поставила свою кружку на перила, – я чай, Мавра-то пущеница – подружие твоя?

- Была, – повела плечом Мария, – во времена досюлешние¹. Раздор у нас вышел с ней, теперь врагиня она мне: обиду нанесла смертную – не знаю, как и к отцу духовному с тем пойду.

Собеседница молчала. Всегда веселая, словно не помнила в своей жизни никакого злосчастия, она вдруг без улыбки повернулась к Мишуткиной матери, и он, случайно увидевший Алену в тот миг, удивился, как посерело вдруг ее лицо в обрамлении низанных жемчугом рясы². Когда она заговорила снова, голос ее пресекался:

- Так это не ты ли, случаем... Та Мария, Иванова дочь... Что изветную челобитную³ на нее... в Ямской двор⁴ написала?..

- А ежели и я? – гордо вскинулась Мария. – Что плохого в том, чтоб дерзкую пущеницу и еретицу окоротить маленько? Пусть бы суддебные ярыжки⁵ книги ее поганые поотнимали,

а саму ее в Православную церковь, к духовному отцу вернули. К пользе и епитимья б от него пошла... И муж венчанный, глядишь, обратно бы взял... А то что – только мне одной тычки да алабуши⁶ всякий день от пьяного сносить, как он не на купле? А ей в ее старушечьи лета – с купавым⁷ молодцем любовастася, да без брюхатости?

Ее подруга отступила на шаг:

- Маленько, говоришь... Алабуши, говоришь... Епитимья... А про Софьины дванадцать статей⁸ ты что же – не слыхала?

- Пошто они мне нужны... – чуть смутилась Мария. – Я еретицей и во сне не бывала...

- А ведь по ним и тебя кнудом было бить положено за то, что с Маврой речи водила...

- Меня? Кнудом?! – отшатнулась матушка, а Мишутку на крыльце взяла оторопь: бежал он раз с холопчиками тайком смотреть, как вора на Лобном кнудом стегали – мясо так во все стороны и летело – и потом унесли замертво; а ежели матушку... Того он и помыслить себе не мог!

- Теперь-то уж не за что... – с горечью отозвалась Алена, а у него отлегло от сердца. – Теперь тебе, пожалуй, еще кунных шкурок от казны пожалуют...

Мишуткина мать вспыхнула и задохнулась, а он, досадливо отбрасывая руку Васятки, тянувшего его вниз с крыльца с намерением утащить в сад за зелеными еще яблоками, напряженно слушал взрослый разговор. Алена говорила прерывисто:

- Из челяди моей девка одна – кума приказного подъячего⁹ Дёмки. Так вот, сказывал он ей, что в дознании у них оногды Маврутка-пущеница была. Расспрашивали ее против изветной челобитной некоей Марии, Ивановой дочери – чья жена она была – он того не запомнил, а я-то на тебя и не подумала... Питана была Мавра на пытке в три стряски¹⁰, да суставы все выломаны, да семьдесят ударов ей дано – а она и на пытке говорила дерзкие речи: в церковь Божию ко отцам духовным ходить исповедатися и тремя-де первыми перстами во образ Святыя Троицы креститеса не будет – то-де печать антихристова; хотя ныне ее и смертию каз-

¹ Досюлешние – прежние, давние (арх.)

² Рясы – бахрома из нанизанных на нити жемчужин или драгоценных камней, украшавшая женские головные уборы (арх.)

³ Изветная челобитная – донос (арх.)

⁴ Устаревшее на тот момент название Земского приказа, в компетенцию которого входили, в числе прочего, суд и дознание по гражданским и уголовным делам.

⁵ Ярыжки – нижние полицейские чины (арх.)

⁶ Алабуш – подзатыльник, оплеуха (арх.)

⁷ Купавый – красивый (арх.)

⁸ Закон правительницы Софьи об усилении наказаний, пытках и казнях для старообрядцев и их приспешников.

⁹ Подъячий – низший административный чин, чсто писец, делопроизводитель, поvyтчик во время допросов (арх.)

¹⁰ То есть, ее три раза вздергивали на дыбе.

нят – она-де к тому готова... В срубке ее с другими еретиками жечь хотели, да Бог иначе судил: как с пытки сняли, так из нее и дух вон...

Светлое, мыльной травой с чистотелом измытое лицо Марии пошло пунцовыми пятнами, уста мелко задрожали:

- Так то, может, не наша Мавра, другая..

- Брось, – строго отрезала Алена. – Пуще-ниц на Москве немного, сама знаешь: женитьба есть, а розженитьбы нет¹. А чтоб еще и Мавра, да еретица... – она вдруг жестко усмехнулась: – А к отцу духовному ты ходить не бойся: куных шкур не добудешь, но ежели мелкое что в тебе обретет – на поклоны не поставит, так отпустит, довольна будешь. Ну, а Господь что на это скажет – то одному ему ведомо... Токмо за дитем-то своим последним пуще теперь гляди: Маврина-то древняя мать-старуха теперь одна да без пропитания, ведь она у нее дочь единая оставалась, сын на Крым пошел с Голицыным², да загинул.

- Я не ведала... Хотеньем не хотела... Я думала... – залепетала Мария, пятась от нее и дрожая уже всем телом; на краю ступенек спохватилась: – Мишутка! Собирайся, дружочек, загостились мы...

Мальчик снова не очень хорошо уразумел – отчего так размолвилась вдруг его матушка с еще одной доброй своей подругой, но бесхитростное сердчишко его дрогнуло, почуяв страшное не просто где-то в стороне, с чем он к концу младенчества уж и обвыкаться стал, а прямо рядом, едва ли крылом его не задевающее. «Права Фетинья, добром не кончится», – пронеслось у него при взгляде на уж совсем посеревший и расплзшийся, как труньё³ на каликах⁴, июльский снег...

- Ты вот что, Мария... – сурово сказала веселая Алена им вслед. – Ты Мишутку своего к моему Васятке больше не пускай. Не оттого что Иудино отродье – а чтоб и мой с ним под расправу не попал, ежели что...

И Мария не огрызнулась, не вскинулась на обидчицу, а, лишь крепче ухватив сына за руку, зашагала с ним прочь со двора.

- Я не спрашиваю, где ты был, Ученик. Не могу запретить этого, но поверь: для тебя же лучше, если ты пока пребудешь в этой Московии, а не в той.

- Эта Московия, Наставник, ту даже не на-

поминает.

- Тем лучше. Но на самом-то деле она всегда одинаковая – даже когда еще считалась Тартарией – ты позже и сам поймешь. Мне тоже приходилось работать там – в пятнадцатом, потом в двадцатом несколько раз, затем в тринадцатом, а после – в двадцать четвертом. Туда отправляют самых опытных Извечных, потому что работа в той земле трудней любой другой. Ну, а ты, если останешься в Хранителях или Встречающих, пожалуй, до века обречен на Московию: Пришедшие почти всегда работают там, откуда пришли, – по крайней мере, с людьми, родившимися в тех же весях.

- Не знаю, радоваться или огорчаться тому, Наставник.

- Ни то, ни другое. Просто принять как данность, которую не изменить.

- Буду учиться этому... Пока я отсутствовал – сколько времени здесь прошло, Наставник?

- Четыре секунды, если считать по-земному. Ты хочешь еще о чем-то спросить, пока они едут?

- Да. Почему род нашей подопечной должен пресечься на ней? То есть, я понимаю это, просто хочу увидеть и соизмерить...

- Видишь ли... Она из тех, кто просто не должен был родиться. Вообще. С ними всегда больше хлопот, чем с теми, другими... Но, поскольку люди имеют свободную волю, а пользуются ею, в основном, во зло... Для начала вот тебе один пример, будет недостаточно – потом покажу и другие.

...Весна не торопилась, но маки в тот год зацвели уже в конце зимы: на серых шинелях солдат и черных бушлатах матросов-балтийцев, на кокетливых пальто нарядных петроградских барышень, на нелепых тужурках румяных возбужденных студентов, над бляхами утративших строгость дворников, на кургузых армячках вездесущих уличных мальчишек – всюду атели пышные революционные банты.

К вечеру буйная толпа на Знаменской площади поредела, но кое-где еще вспыхивали небольшие стихийные митинги «местного значения» – и брадобрей Прошка, ровесник молодого еще века, пока собственной бороды не отрастивший, мечтал пристать к какому-нибудь из них – чтоб не возвращаться в длинную холодную комнату деревянного флигеля в глубине Лиговских дворов – косоного, исподволь уходившего под землю. Три окошка жилища, которое делил он по-братски с половым Фомкой и рассыльным Гриней, заглядывали во двор уже как бы из-под мостовой – флигелек выглядел, как не доросший до стола ребенок, что смотрит на яства, стоя на цыпочках и вытянув шею. Дровяные

¹ Поговорка

² В неудачный поход против крымских татар фаворита царевны Софьи Василия Голицына.

³ Труньё – отрепья, лохмотья (арх.)

⁴ Калики – странники (арх.)

деньги три друга в том месяце уже проели... Ну, положим, не проели, а... Но, в конце концов, то их были кровные, по грошику скопленные чаевые, кому какое дело, на что их потратили уже совсем взрослые парни! В любом случае, топить сегодня было совершенно нечем, дрожать одному под тощим сыроватым одеялом не хотелось отчаянно, особенно сейчас, когда такое дело кругом творилось – революция! Да и вечер страшно хотелось провести с пользой.

- Товарищи! Временный Комитет Думы издал приказ об аресте всей полиции! Всех до одного полицейских – в тюрьму, товарищи! Этих извергов и паразитов, топтавших нас лошадьми и хлеставших нагайками! Презиравших и ненавидевших трудовой народ! Теперь они узнают, кто есть настоящий преступник, когда мускулистая рука мирового пролетариата дотянется до каждого из них – и свернет его подлую шею! – подпрыгивая от возбуждения на перевернутом ящике из-под вина, по-хозяйски прихваченном на митинг из час назад разграбленной винной торговли, испитым баритоном вещал красивый чубатый парень с дополнительным мазком красного еще и на рукаве.

- Правильно! Свернуть! – одобрительно загудели голоса их отдельного митинга. – Попили нашей кровушки, гниды! Пусть теперь своей понохают!

Тут и там как по команде запылали костры, потому что вечерний свет стремительно гас, и Прошке подумалось еще: как же красиво! Оранжевое пламя выхватывало из темноты пунцовые банты и полоски на рукавах и высоких солдатских шапках, лица горели прекрасным нечеловеческим огнем.

- Не робей, пацанва! – дружески хлопнул его кто-то сзади по плечу, так что Прошка едва устоял на ногах. – На-кась лучше, приобщишься по-солдатски!

И темная рука протянула ему початую бутылку.

- Ты вот скажи, – с напором продолжал солдат, чуть насмешливо глядя, как паренек, притворяясь бывалым и прожженным, торопливо делает большие тугие глотки дармового вина. – Ты городских – любишь?

Прошка кое-как перевел заколдобившее дыхание, шикарным жестом утер поджатые губы – и бурно потекший нос заодно. Вино оказалось крепким и горьковатым, очень, верно, дорогим, и юный брадобрей сразу почувствовал, как ему словно ударили чем-то тяжелым и мягким по затылку. Голос вернулся не сразу, зато прозвучал, как надо – по-ямщицки сипло и основательно:

- Не-е... Кто ж их любит, поганых... Меня, вон, шашкой раз по спине рубанул – как пополам

не перерубил... У-у, сволота!

Скажем, не рубанул его тогда околоточный, а лишь хорошенько протянул – плашмя да несильно – чтоб наверняка отучить с лотков у разносчиков товары таскать. Прошка и не таскал больше, навек зарекся – вспоминая, что с месяц после того лежать навзничь не мог вовсе, а Гриня с Фомкой, в очередной раз обзрев его, голого, сзади, докладывали, как поперек спины переливается от черного к желтому (через синюшный, багровый, фиолетовый, сиреневый, коричневый и зеленый – последовательно) длинный и толстый, как полоз, кровоподтек... Зато теперь перед солдатом он выглядел едва ли не героем, пострадавшим за дело революции.

- Ишь ты... – уважительно протянул тот, почесав затылок под серой бараньей шапкой с красным лоскутом спереди. – Так ты, выходит, не простой хлопец – а борец за рабочее дело!

- А как же! – подбоченился Прошка. – Ясное дело, не капиталист какой-нибудь!

- Господа-товарищи, господа-товарищи! – раздался вдруг сбоку верещащий, будто бабий голос – и тем удивительней показалось, что принадлежит он высокому студенту с длинными волосами и круглыми, полыхавшими из-под фуражки очочками. – А у нас городской во дворе живет! Пойдемте, покажу! Он у меня сколько раз, сволочь, прокламации вытаскивал!

- Ура!! – в одну грудь отозвались десятки собравшихся. – Молодец, товарищ студент! Даешь бить городского!

Уже подросшая, словно подойдя на дрожжах, оранжево-черная толпа колыхнулась и тронулась, увлекая Прошку в моргающую редкими факелами темноту; откуда-то густо грянуло знакомое:

- Смело, товарищи, в ногу, / Духом окрепнем в борьбе!

Он хотел радостно подхватить – что-то про дорогу в царство свободы – но от волнения позабыл слова и лишь ускорил шаг, расстегивая на ходу пальтун: непонятно, почему его вдруг бросило в самый настоящий жар, хоть прикуривать давай. Студент и еще несколько уродливых девиц – тоже в очках и заломленных, как бескозырки, шляпках, вприпрыжку носились туда и обратно по бокам факельного шествия, визгливо торопя и науськивая... А толпа уже начинала втягиваться в зловещую пещеру недалеко подворотни.

По мере приближения к цели, шаги становились все упруге и слаженней, гулко и ритмично застучали десятки сапог и башмаков по черным бульжникам, словно уже не кучка озлобленных крыс неслась покусать врага и отойти в беспорядке, а один голодный великан-циклоп, целеустремленно шагал за добычей с дубиной на саженом

плече...

- Во дворе – налево! – суетливо пищал студент, появляясь тут и там с обеих сторон. – Дверь крашенная, звонок бронзовый!

Но звонком никто и не думал пользоваться. В дверь забарабанило сразу множество рук и ног – еще немного, и ее бы попросту вынесли внутрь, как вдруг она быстро и тихо отворилась сама, открывая взорам картину самую мирную, резко полоснувшую Прошку своим несоответствием тому, что творилось снаружи, где десятки горевших революционной яростью лиц разверзали в свете факелов кривые дыры ртов, беспорядочно выплевывая обрывки фраз:

- ...городового подавай!.. ..именем рабочего класса!.. ..арестовать!.. ..приказ Государственной Думы!..

- Онуфрий Петрович на службе, – растерянно отвечала из теплого полумрака, стоя с керосиновой лампой в руках, простоволосая круглолицая женщина, за спиной которой, в проеме второй распахнутой двери, ведущей в комнату, виден был в неярком свете угол накрытого простой скатертью стола, круглый медный бок самовара, зеленый огонек лампадки под двумя темными ликами в тусклых окладах...

Толпа дрогнула лишь на секунду – но одна из очкастых барышень-курсисток, уже без своей потерянной в революционном раже кривой шляпки в числе первых взлетевшая на крыльцо, подняв руку, обернулась к собравшимся:

- Она врет, товарищи! Убийцу покрывает, подстилка полицейская! Не верьте ей, там он, куда ему деться!

Курсистка едва успела отпрянуть и прижаться к перилам крыльца, когда ею же вдохновленная толпа с рокотом хлынула в открытую дверь – и Прошке удалось особенно ловко втечь с нею в крошечную темную прихожую, откуда в ужасе отступала, уронив погасшую лампу, женщина. Она метнулась в угол, закрывая собой короткую детскую кроватку с сеткой, завешенной стеганым голубым одеяльцем.

- Дите не напугайте! Видите же – нету Самого дома! – умоляюще простонала хозяйка.

- Ишь, хоромы какие себе отгрохал, кровопивец! А народ трудовой по сырým подвалам сидит да по казармам, по кубрикам вонючим перебивается! – рывкнул по соседству с Прошкой давешний матрос, угостивший его вином. – Круши тут все, братва!!! Бери, кому что приглянется!!! Это добро на наши трудовые куплено!!! Рабочей кровью полито!!!

Прошка немедленно смекнул, что раз уж ему повезло оказаться в числе первых, то нельзя зевать, пока не опередили. Он тотчас подскочил к

буфету, распахнул хрупкие дверцы, счастливо наткнулся на коробку с серебряными ложками, успел запихнуть ее в карман, но рядом уже гремели подстаканниками другие быстрые руки, летели на пол ящички с мелочевкой, кто-то шустро прополз по полу, лоя юркнувшее под комод колечко. Позади с грохотом обрушился стол, взвыла медь самовара, на секунду взлетел крик грудничка, немедленно оборвавшийся, чей-то голос отрывисто приказал: «Да добей уже об стенку это отродье – вишь, пузырьрится!», женщина завизжала как-то неправильно, по-звериному – как, бывало, орали кошки у них в подвале, когда Фомка смеху ради выжигал у них сигаркой зенки – а чего им зыркать, шелудивым! – на секунду среди общего грохота и рева прорезался голос курсистки: «Товарищи! Товарищи! Так нельзя! Вы же не бандиты и насильники, а народные мстители!» – но ей справедливо велели заткнуться, пока самой не навешали... Прошка рассовал по карманам еще какую-то мелочь, да прихватил с полу орластый, никем не замеченный полтинник, вспомнил про бабу и заработал локтями в направлении эпицентра возни и брани – но ее уже уволокли два матроса за уцелевшую ситцевую занавеску, у которой, отчаянно матерясь в нетерпении, изнемогало в очереди несколько человек. Прошка тоже пристроился среди них, то и дело грозно, как сам был уверен, гнусава в сторону занавески: «Ну, скоро вы там?!! Другим тоже надо!» – но кто-то по-доброму окорачивал его: «Не торопи людей, малец... Дай им полакомиться-то... Всем хватит...». «Не хватит, – снова возник рядом Прошкин знакомец в серой шинели. – Как твоя очередь дойдет – там уже только мешок с костями останется, какая в нем сладость...». Но Прошка, притоптывая на месте и прижимая картуз к груди, лишь упрямо мотал своей круглой бритой головой...

- *Дальше смотреть нет нужды, Наставник. Кто он ей?*

- *Помнишь четверогодника из домика, где потом нашли клад?*

- *Да Наставник. Мальчик станет его отцом, я прав?*

- *Именно. Через двенадцать лет, и тоже случайно. Они оба даже не шли по Мытарствам. Ведь и это еще нужно заслужить. Как бы там ни было страшно – но тот путь ведет наверх, и каждый, идущий по нему, имеет надежду.*

- *Инна выходит из автобуса, Наставник. И тот мужчина за ней.*

- *Я вижу. Это то, что не может измениться. Если б ты знал, как я устал каждый раз видеть одно и то же.*

- *Я все-таки намел побольше листьев на его*

пути. Смотри, они оба уже во дворе...

- Да. Остались две местные минуты. Сейчас он выбежит из двора – и лицо его будет лицом безумца. Тот ее взгляд на лестнице – ты помнишь – он воспринял, как высшее оскорбление своей мужественности; в злой гордыне Инна унизила, пригвоздила его, как к позорному столбу, – и теперь несчастный будет мстить за это всем девочкам, до которых сможет дотянуться. Всего он изнасилует и задушит их тридцать шесть. Младшей – девять лет, старшей – четырнадцать. Его долго не смогут поймать, потому что он из тех, на кого редко падают подозрения. А когда все-таки поймут... Женщины прорвут кордон милиции у здания суда, и он попадет им в руки... Знаешь, даже я, хотя повидал многое, отвел взгляд, когда увидел то, что они с ним сотворили... Но если Инна станет первой его жертвой – то время для нее вернется вспять, и она останется единственной. Когда этот ребенок, наконец, умрет у него в руках, преступник ужаснется содеянному, больше ни разу не поддастся отвратительной страсти, и все те тридцать шесть девочек останутся жить и вырастут... Вот почему я устал, Ученик. Я устал видеть собственную несостоятельность. Не хочу смотреть.

- Но мы должны?

- Пропустим один раз, Пришедший: еще взгляды, даже ты устанешь... Побудем здесь, у ворот. Уже через... сорок одну... земную секунду он промчится сквозь нас со сжатыми кулаками и пеной на губах. А пока я покажу тебе то, ради чего мы это делаем.

- Я подчиняюсь, Наставник... Но те листья...

- Забудь о них. Смотри.

4

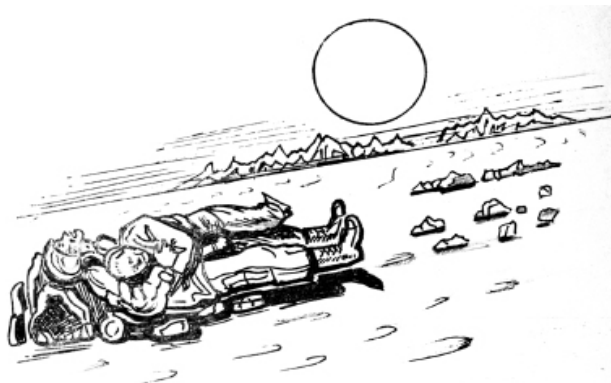
У них здесь даже местное плоское солнце выглядело мертвым, но от него все-таки шел неподвижный, удушливый жар. Беспощадно-бледное, оно слало на раскаленную каменистую землю пронзительный бело-огненный свет, похожий на тот, что горит в операционной – и пыточной. Ему хватило когда-то сил не сдохнуть в первой и не предать – во второй... Может, потому что Сергею тогда только-только перевалило за двадцать, он лишь полгода как надел погоны лейтенант-летчика и много размышлял о чести. Впрочем – думалось позже с ухмылкой – он сделал бы, конечно, либо первое, либо второе, только чуть позже, если б сначала не встала к столу, пожалев белокожего светловолосого раненого, виртуозная хирургиня-негритоска (честное слово – у той восьмидесятилетней бабули над зеленой маской горели ледяные

голубые глаза на густо-шоколадном лице!), и спустя год не вызволила бы его мимоходом пехотная разведка, совсем другое задание выполнявшая во вражеском тылу... Одного сержанта отрядили тащить к своим охреневшего от невероятной боли окровавленного офицера – и паренек ни на минуту не задумался вкатить запытанному оба обезболивающих укола из собственного пакета первой помощи. Разведчик тащил его, словно вынутого из уже принявшей пережевывать пасти, на своей широкой теплой спине – а Сергей удивлялся сквозь наркотический туман: ведь теперь если парень попадет под лазер – умрет от болевого шока. «Я бы так не смог. Я бы все-таки второй шприц для себя сохранил», – уважительно мелькнуло в уме.

Но оказалось, прекрасно смог. Когда увидел, что недавно золотисто-смуглое, мягкое лицо Рифката Мухамедзянова за последние несколько часов стало пепельно-серым и острым, как у одного из древних, наполовину занесенных песком черепов, которые в этой страшной стране встречаются едва ли не чаще, чем оскольчатые камни... «Привал, Рифкат!». Три укола он ему уже сделал, и, обнажая иглу четвертого шприца, Сергей лишь коротко подумал: «Если не попаду под лазер – можем выжить оба. Попаду – уколюсь или нет, обоим кранты. Не уколю сейчас Рифката – он умрет максимум через час...» – и уже без всяких колебаний закопал в раскаленные камешки пластмассовый колпачок... Подтащил штурмана чуть глубже в тень от случайного небольшого валуна – единственную, драгоценную, лишь головы их укрывавшую от убийцы-солнца, поднес к облепленным коркой жара губам последнюю – две другие выпили – флягу. Сам поглядел на нее – оставалось с четверть – и пить не стал: «Глотну, когда уж совсем немоготу станет, можно еще потерпеть...». Щеки друга чуть порозовели, ресницы дрогнули, открылись запавшие глаза – без блеска, как дыры:

- Не геройствуй, Серый... Мне все равно лучше сдохнуть... куда я теперь... без обеих ног...

- А сам ты как поступил бы на моем месте? – прошептал, облизывая губы, Сергей и, не дождав-шись ответа, усмехнулся: – То-то же... Не ссы,

капитан, прорвемся. Протезы тебе сделают – как новый станешь. У Вована из второй эскадрильи – помнишь, старлей белообрый такой, в веснушках весь – так у него от паха всю ногу лазером оттяпало – а биопластмассовую прижили – и ничего, летает. Говорит, даже баба его не сразу расчихала, что нога искусственная. Их теперь как-то так научились делать, что они, вроде, даже теплые на ощупь. А у тебя, считай, вообще полный порядок: оба свои колена целые. И моргнуть не успеешь, как опять вместе полетим...

- Я моей Райке... ни с ногами, ни без ног не нужен... – горько отозвался Рифкат.

Даже в таком крайнем положении он вспоминал о своей шалаве без гнева, давно простив ее гнусное бабье вероломство; Сергей такого не понимал: легче застрелиться, чем бабу, которую кто-то другой попробовал, обратно допустить – пусть хоть на брюхе ползает, стерва.

- Так еще и лучше, – ободрил он друга. – Никто над тобой соплей размазывать не станет... Сейчас дух переведу – и дальше пойдем. Нельзя здесь надолго: заметят – враз каюк, – а в сторону добавил: – И хорошо еще, если враз...

- Я вот о чем думаю... – прерывисто зашептал штурман. – Как они нас... засекли – мы же невидимки... И без звука летаем... А они ведь – варвары... У них и зенитки-то... столетние... или больше... В двадцать втором веке... похожие пикалки делали – там, у нас... А уж оптика... Как они смогли, Серый?.. Ведь это узнать надо... Иначе... сколько наших еще...

В этом был весь Рифкат. Даже сейчас, с гладко срезанными молниеносным лазером ногами (в этом, как цинично ни звучало – а был свой плюс по сравнению с обычным осколочным или пулевым ранением: ни кровопотери, ни инфекции – сверхгорячий лазерный луч мгновенно и герметично запаивал срез живой плоти), штурман думал не о своей иссякающей жизни, а о ребятах. И ведь не русский – татарин, креста не целовал, на Коране приносил присягу Российской Империи... И если б он, Сергей, в бою его не знал... А по первоначальному с недоверием отнесся к инородцу, приставленному штурманом – и вот, пожалуйста: не каждый русский так несокрушим, великодушен и щедр... Далеко не каждый...

- Трогаемся, Рифкат. Нам бы только до тех холмов доковылять, а там... Там – вода, тень, и вообще проще будет... Может, связь удастся наладить... Ты вот что – ты глаза не закрывай, в небо смотри: вдруг наши дроны¹ заметишь...

Это последнее он так сказал, без надежды,

¹ Дрон – беспилотный летательный аппарат круглой формы, с вертикальным взлетом и посадкой, предназначенный для выполнения различных разведывательных, поисково-спасательных или технических задач (воен.-техн.)

просто чтобы дать парню дело, заставить его почувствовать себя не бесполезным кулем на плечах у товарища, а как бы нужным ему, даже здесь и сейчас – штурманом, а не безъязыкой, мучительно неподъемной поклажей...

Но Рифкат не обманулся:

- Кто их сюда пошлет, в эту жопу... дронов-то... Никто не знает, где мы... Все случилось... так быстро...

Сергей стиснул зубы:

- Неважно. Ты, главное, смотри.

...Солнце вконец обезумело. Его убийственный жар высушивал насквозь, заживо превращая человека в мумию, сворачивая кровь, лохмотьями срывая сожженную кожу – и вот больше не осталось ни воды, ни уколов...

Но холмы уже близко – и Рифкат еще жив.

Раз я сделал этот шаг, значит, смогу сделать и следующий.

- Это, Ученик, далекий потомок одной из девочек, которые вырастут, если умрет Инна.

- Он дойдет, Наставник? И спасет товарища?

- Нет, Пришедший. В тех холмах их ждет засада, и они примут свой последний бой через... Да, через двенадцать минут земного времени.

- Зачем же тогда та девочка должна уцелеть?

- Чтобы дать ему однажды **пойти** по этой каменной пустыне с раненым другом на плечах, Ученик. После того неравного боя он придет в место гораздо более важное, чем то, в которое стремился. А товарища его запишут в Книгу – за то, что он закроет Сергея собой и умрет на две с половиной секунды раньше. Мы здесь и ради него тоже.

- Я понял, Наставник... Как причудливо переплетены меж собой нити людских жизней...

- Так бы не было, если бы люди не вкусили от Добра и Зла. И вот теперь мы выправляем путь каждого – так, чтобы получилось единственно правильно вытканное полотно – и только тогда исполнятся Сроки.

- Я помню... Но где же насильник, Учитель? Уже прошла сорок одна секунда с четвертью.

- О, Боже Милосердный... Неужели... Туда.

Он заметил ее еще в автобусе, когда ехал на утренний спектакль, – и сразу от шеи до копчика словно пробежала горячая змейка, руки затряслись так, что пришлось спрятать их в карманы куртки. Девочка как девочка... Школьница... Как бы не так... О, нет, он бы поклялся чем угодно, что перед ним – не ребенок, хотя и было ей на вид лет двенадцать... Нет, пожалуй, четырнадцать...

Или около... Да, не больше. И все же у средней двери, готовясь к выходу, стояла женщина. Его единственная. Долгожданная. Не хватало воздуха. Ну, почему?! Если бы его интересовали девицы хотя бы на три-четыре года старше – приглянись какая-нибудь, и подошел бы не мешкая: «Девушка, извините, это не вас я видел вчера в Третьяковке?» – и вечером они бы уже резвились в постели у него на даче... Вадим и сам знал, что отказать ему невозможно – с рожденья имел он особую, роковую, никогда не изменявшую власть над женщинами. Власть, которая была совершенно ни к чему, потому что по-настоящему прельстить его могла только девочка не старше пятнадцати лет – а лучше бы двенадцати-тринадцати. «Когда ты, наконец, женишься?! – ломала руки старуха-мать. – Ты соображаешь – мы с отцом еще в прошлом веке родились – а до сих пор не нянчили внуков! Что, кругом мало красивых и добрых женщин? Не хочешь на своей, на артистке, – да хоть на ком женись, за тебя любая пойдет!».

Спектакль было суждено отыграть дублеру – Вадим едва доскакал до телефонной будки, в холодном ужасе неся кенгуриными прыжками, панически оглядываясь: боялся потерять девчонку в парке, где она, милая прогульщица, принялась упорно охотиться за неблагодарной белкой – он, пока бегал звонить, черта молил, чтоб она не ушла с той полянки... Не ушла. Вадим уселся боком на скамью неподалеку, закинув локоть за спинку, положил ногу на ногу и развернул удачно прихваченную из дома газету: ни дать ни взять – обычный субботний отдыхающий ловит последнее тепло. А сам смотрел на желанную почти в упор и каждым нервом своим чувствовал: вот она. Та самая. И он либо умрет сегодня, либо... А вдруг с ней можно будет... договориться? Эти вовсе не угловатоподростковые, а уверенные женские движения, эти припухшие, будто нацелованные губы... Эта пионерка не девственница – пусть ему хоть сейчас рубят любую руку. Она все знает... Все испытала... Много себе позволила... То, что не каждая взрослая баба... Да нет, глупость – просто девочка одета по-взрослому, вот и все. Мечтает поскорей вырасти, как и большинство из них... Это только его фантазии... Но вот, подбирая что-то в палых листьях, маленькая чертовка наклонилась, стоя к нему спиной. Вадима обожгло так больно и сладостно, что потребовалось несколько глубоких вздохов, чтобы остановить, не дать перелиться через край так бездарно, раньше времени... Нет – либо она совершенно невинна, что так наклоняется, либо... она хочет. Не его, конечно, кого-то другого, но... Интересно, про какого ублюдка она думает?! Не может же быть, чтоб про какого-нибудь сосунка-одноклассника! Онаниста с мокрыми ру-

ками... Эта не из таких... Вот бросила свою белку и пошла обратно... На автобус? О, черт, только бы не в школу!

В автобусе у него мутилось в голове от одной мысли, что, может быть, пройдет всего лишь несколько минут – и она уже будет извиваться под ним от боли, стыда... А может быть – от наслаждения?.. Но как это делается – научил бы лукавый, раз уж подсунил ее... Вот обернулась, хлестнула взглядом – почувствовала? Поняла? Спокойно, спокойно... Куда эта маленькая развратница направляется? Вдруг встретит какую-нибудь подружку или мамашу, и вместе пойдут? Тогда останется только повеситься... Хотя нет, можно выследить, и в другой раз... Пошла к дверям – внимание! Бежит... Торопится куда-то или заметила его? Ну, это уж бесполезно, догнать нетрудно – с его-то ногами... Черт, черт, черт – сколько народу в этом проклятом дворе! Идет вдоль дома, хорошо бы в подъезд – там подвал, и, если никого нет... Она и не пикнет. Или в лифт, на верхний этаж – и на чердак... Как карта выпадет... Скорей, скорей, терпеть уже нет сил... Ага, дорожка вдоль дома, кусты какие хорошие... Оглядывается, сучка... Нет, его не видно, а она меж ветвей – как на ладони... Какие бедра... Ножки... Только бы никто не помешал, ничто... Дьявол, если ты действительно существуешь – пожалуйста! Я тебе что хочешь... Я не буду с глупостями, как Фауст... Что за мысли дурацкие, какой еще дьявол – вон она, сама как юная дьяволица... Счастье, что тут листья влажные под ногами, толстый такой слой – шагов почти не слышно... Снова оглянулась у подъезда, да не туда! Ну, вот ты и попалась, все теперь...

Вадим догнал беглянку как раз в тот момент, когда перед ней пригласительно разъехались автоматические двери узкого лифта – и тут же втолкнул в тускло освещенную кабину, одной рукой зажимая девчонке рот, а другой тыча в верхнюю кнопку. Лифт медленно, очень медленно, со вздрогами и спотычками, потянулся наверх – и там-то уж ему не составит труда загнать ее по маленькой, везде одинаковой лесенке на чердак... Она отчаянно сопротивлялась – горячая, хрупкая – скажите-ка! – а он думал, что ее парализует от страха. Вадим уже только одного боялся: как бы ей не удалось вывернуться и крикнуть... В остальном же шансов у нее было не больше, чем у котенка перед утопителем, быстрые острые удары ее крошечных кулачков, которыми она часто колотила его по животу, только сильнее возбуждали – как будет жаль, если все кончится в первые же секунды, как он ее заполучит... И выйдет, что овчинка выделки не стоила... Нет, надо срочно уgomонить мерзавку – «Затихни, а то сдохнешь прямо сейчас... сладкая маленькая шлюха...» – но у нее, верно, отшибло мозги в те

секунды, потому что билась девка уж как-то слишком бешено, зубки так и впились в ладонь – крик был уже где-то близко, даже мычание стало таким громким, что могли услышать... Гадюка, если не хотела – зачем тогда так ходила?! Так двигалась?! Так взглядывала?! Так наклонялась?! Да замолкни же!!!

Он не слышал, а почувствовал рукой среди возни и стонов, как что-то быстро хрустнуло, будто куриное крылышко, какое он, бывало, так любил смачно обглаживать в конце обеда, когда был уже сыт, – и сразу тщедушное тельце обмякло и повисло в его руках, голова девочки запрокинулась. В ту же секунду с легким жужжаньем разошлись двери, и в наступившей тишине с ее русских прядок тихо соскользнула и шмякнулась на пол до тех пор чудом державшаяся замшевая кепка. Вадим задом шагнул на площадку, таща под мышки сползшую вниз добычу, и наружным, еще не спохватившимся умом соображал, как будет поднимать ее на чердак – но некое внутреннее сознание громко подсказывало ему, что все это уже лишнее, и, главное – мгновенно затихла во всем теле только что бушевавшая оглушительная буря...

Он осторожно опустил свою невесомую ношу на каменные плиты – и голова его жертвы случайно попала в золотой солнечный квадрат. Ничего не соображая, он опустил на четвереньки и легонько коснулся одним пальцем неподвижного, еще теплого лба. Сиреневатые веки неплотно закрытых глаз и чуть приподнятые светлые брови делали не успевшее застыть лицо мертвого ребенка особенно беззащитным, словно слегка удивленным: как – уже? Так быстро? А я думала...

- Господи... – прошептал Вадим, и пальцы его инстинктивно потянулись куда-то вверх, сложившись в неуверенную щепоть. – Господи... Ведь совсем дитя... Как же это я... Почему...

Он не видел и не мог видеть, что позади него на площадке находились трое: потрясенная молодая женщина с волосами до пят и залитым слезами белым лицом поднималась с колен, протягивая руки Двоим, молча стоявшим над нею...

- Вот и все, это испытание ты прошла – и... *благодари сего Пришедшего. Он в прошлом – один из вас и сумел помочь тебе лучше, чем я... Я был бы рад сказать, что больше ты не будешь страдать, но... Скорей всего, нам еще предстоит встреча – и не одна. Сейчас иди туда... да, туда – выше. Там встретит тебя твой Хранитель и поведет дальше. Ступай...*

- Она теперь снова пойдет по Мытарствам, Наставник?

- Да, и ты немало ей в этом помог... Знаешь, Ученик, тебя уже смело можно считать готовым к самостоятельному служению – конечно,

под присмотром пока, но... Буду просить об этом Выших. Ты хочешь узнать о работе Встречающих еще что-нибудь?

- Да, Наставник. Ты сказал, что Инна не должна была родиться. Почему же она родилась?

- В свое время, когда я был Хранителем, я не сумел этого предотвратить. В результате, мне пришлось стать ее Встречающим – я сам наложил на себя такое наказание.

- А почему ты... не смог, Наставник? Разве у Хранителя нет полной власти над подопечным?

- Конечно, нет. Мы можем только наставлять и советовать – ну, и ограждать от бед, когда это позволяют Вышие. Но действуют люди лишь по своей воле, а поскольку она у них злая, разум помрачен, а внутренние очи у большинства подопечный упорно стремится навстречу гибели – и ничем его не пронять, не свернуть... Тебе тоже скоро предстоит такое.

- Ты покажешь мне, Наставник, или это запрещено?

- Отчего же нет? Вот те злосчастные дни – за шестьдесят пять с половиной человеческих лет до того, в котором мы с тобой только что побывали... И за три с лишним месяца до их первой мировой войны.

5

В Санкт-Петербурге, в похожем на именинный торт Измайловском соборе, во время пасхальной заутрени стояла липкая сладкая духота – от дрожащих кисточек пламени множества свечей, зеленоватых клубов ладанного дыма и горячего дыхания многочисленных верующих. Гимназистка-семиклассница Наденька уже корила себя за то, что поддалась уговорам набожной Шурочки Ястребовой, пол-Страстной убеждавшей ее, что пропустить церковную службу на Пасху – великий и строго наказуемый грех. Было так жарко и тяжело, что голова под шляпкой чесалась от пота, мягкий французский корсет, недавно выпрошенный у матери под многочисленные, заведомо невыполнимые клятвы, ощущался не иначе как гибридом вериг и власяницы, а новенькие лаковые ботиночки на шнуровке, которыми Наденька так гордилась еще вечером, причиняли, казалось, не меньше страданий, чем знаменитый испанский сапог, который надевали на несчастного благородного Ла Моля¹. Она с раздражением покосилась на истово молившуюся Шурочку, чье миленькое, еще не избывшее детской припухлости личико,

¹ Герой романа А. Дюма-отца «Королева Марго», популярного в XIX-XX веках.

определенно, выглядело глуповатым, когда подруга восторженно выкрикивала вместе с толпой: «Воистину Воскресе!». Сегодня Надя, вообще-то, обычно любившая эту добрую и безотказную девушку, испытывала к ней самую настоящую неприязнь – происходившую из самой черной зависти, внезапно посетившей в таком неподходящем месте. Дело в том, что Шура честно и по всем правилам отпостилась весь Великий Пост, с трепетом приобщилась Святых тайн в Чистый Четверг – и теперь готовилась простодушно разговесть после заутрени. Дома у Ястребовых – Надя зашла перед службой за подружкой на Тринадцатую Роту – стоял дым коромыслом: родители и старшие сестры отправились занимать в храме лучшие места, но сбившаяся с ног принаряженная прислуга еще металась вокруг блестяще накрытого стола... Так что Шурочке через какой-нибудь час предстоял настоящий праздник – с долгожданными лакомствами и подарками, даже лучше, чем на Рождество...

Надя тоже была звана и, разумеется, собиралась пойти, только ничего особенного ей не предстояло – разве что зевать за ночным столом, изо всех сил изображая бодрость. Что ей за радость все эти бесконечные окорока, жирные пироги с гусиной печенью, нарядные пасхи и крашенные яйца – ведь в их доме никакие посты не соблюдались. Надина мама, женщина-врач, после давней смерти мужа воспитывала своих двоих детей в строгости – но отнюдь не религиозной. Она внушала им, что человек обязан быть хорошим сам по себе, не имея над головой вечно занесенной дубинки Божьего наказания. «Кто добр из страха – тот зол», – внушала она Наденьке и Павлику, что был двумя годами ее моложе. Существования Бога она, правда, не отрицала, но смеялась над образом бородатого Мужчины, восседавшего на троне поверх пушистого облака: «Вы же понимаете, что облако – не ковер, чтобы ставить на него стулья! Это всего лишь скопление водяного пара – и любое кресло сквозь него немедленно провалится!». Дети ее прочно усвоили, что Богу, то есть, Высшему Разуму, управляющему всем сущим на их планете, совершенно безразлично, что они едят на завтрак, обед и ужин, с кем соединят потом свою жизнь. Ему важно видеть их добрыми и справедливыми, и можно рассчитывать на счастливую судьбу, только если посвятишь себя гуманистическому служению... Так-то так, но сегодня для многих из этих людей (Наденька исподтишка прошлась взглядом по окружающим лицам, и отчего-то особенно красивым показался ей не молодой породистый поручик, а благообразный, смутно знакомый мужик) жирная ветчина и красное куриное яйцо покажутся лакомством и отрадой... А для нее – обыденной пищей, не очень-то и желанной: совсем недавно

заботливая мать, вовсе не протестовавшая против того, чтобы дочка пошла в церковь с подружкой по гимназии и «посмотрела русские обычаи», заставила ее съесть перед выходом полную тарелку наваристого мясного супа с ложкой густой сметаны – чтобы не ослабела, если служба затянется... Пасху у них дома, правда, тоже варили – вкусную, малиновую – и яйца брат Павлик любил собственноручно разрисовывать, а уж куличи с цукатами кухарка Прасковья пекла – не оторвешься: мать считала необходимым соблюдать древние традиции и не допускала ни в себе, ни в детях никакого превозношения над не просвещенным пока простым народом. Сама она была образцом передовой женщины, зарабатывая на жизнь себе и детям тяжелым и нужным трудом: с утра – оперировала в Мариинской больнице для бедных, с обеда до ужина – принимала там же в амбулатории бесконечных больных. Дома мать тоже обустроила для своей довольно успешной домашней практики просторную приемную – с пола до потолка в белом кафеле – куда по воскресеньям, а иногда и среди ночи, будя весь дом пронзительными звонками с черного хода, постоянно приходили ее небогатые пациенты. Семья ни в чем не нуждалась, ведя разумный и нерасточительный образ жизни, а дети знали, что мать расшибется в лепешку, чтобы Павлик непременно окончил Университет, а Наденька – Высшие женские курсы...

Она встрепелась и подтолкнула подружку плечом: пойду, мол, назад ненадолго, там попрохладнее – и стала пробираться ближе к выходу, откуда порой приятно веяло ночной апрельской свежестью. Оказалось – хорошо: где-то, вдобавок к центральной, открыли боковую дверь, и замечательно было встать, разгоряченной, под струю холодного воздуха, незаметно расстегнуться, освободить шею, подставить ее освежающему дуновению...

- Я только и делал тогда, Ученик, что метался от одной двери к другой, чтобы обе оставались открытыми – все ждал, что простудится на сквозняке, ляжет ненадолго и никуда не пойдет...

- Она не простудилась, Наставник?

- Простудилась. Но это не помогло.

Наденька не понимала, почему насморк считается самой легкой болезнью на свете – и никто не относится к нему всерьез, жестоко обращаясь с изнемогающими от страданий насморочными больными. «Ну, что делать, – ртом будешь дышать», – неизменно говорила мама, отправляя в гимназию кого-то из детей, гугниво канючившего у нее хоть денек передышки. Надя дышать ртом

– не умела. Она задыхалась, подсакивала, обливалась слезами и соплями, вырывая из носа фитили с мазями и швыряя их через всю комнату, а когда сопли густели – то и дело ворочалась по ночам с боку на бок, чтобы дать им возможность перетечь из верхней ноздри в нижнюю, чтоб хотя бы одной, на время освободившейся, кое-как подышать... Девочка умоляла мать закапать ей эфетонину¹ для облегчения мук – но та неумолимо запрещала это «баловство» почти всегда, кроме уж самых «непробиваемых» случаев.

И сейчас такой случай как раз настал: Надя заболела прямо на Пасху вечером, но ей хватило ума выкрасть у матери из приемной целый пузырек заветных капель, не выпрашивая их у нее, как милости, – и вот, с утра понедельника лежала у себя в комнате на диване, одетая, лицом к стене, и несчастная до крайности. Она теперь уж и во все не сомневалась, что жизнь ее навек разбита, любовь поругана, и впереди – только море одиночества, болезней и людского равнодушия... Еще в соборе во время службы, когда удалось немного охладиться и переключить мысли от сиюминутного неудобства на главное, Наденьке стало ясно, что Коля к ней не вернется никогда. Отец его – какая-то важная шишка в Адмиралтействе – уехал с семьей к новому месту службы на юг России, и письма от возлюбленного, определенного там родителями в выпускной класс местной гимназии, – поначалу страстные и мучительные, потом грустно-ласковые, а последнее время – уже дружески-прохладные, приходили все реже и реже, а любовь к Наденьке и мечты об их скором воссоединении Коленька постепенно заменил восторженными описаниями морских красот и мощи российских броненосных крейсеров. К Пасхе и вовсе пришла только оскорбительная в своей обязательности открытка с пошлыми фиалками, приторно умильными детками и дежурными словами поздравления... Словом, нужно было оказаться уж совсем никчемной дурочкой, чтобы и теперь убеждать себя, что летняя встреча (которая, кстати, находилась под очень большим вопросом) вернет их былые доверительные и нежные отношения. Вдобавок, очень скоро предстояли выпускные экзамены – в восьмой педагогический класс она не пойдет, уж дудки! – и давнишний утробный страх перед злым и ехидным латинистом, с его презрением ко всем женщинам вообще, а к гимназисткам в частности, гадко заворочался в душе, будто глист в кишках. Переэкзаменовка, кажется, обеспечена...

¹ Капли с небольшим содержанием наркотика и алколоида (впоследствии *эфедрин*), применялись для быстрого облегчения симптомов насморка в первой половине XX века.

hoc beatam agricola²... Чтоб ему лопнуть... Хотелось отравиться, глотнув из какой-нибудь склянки в приемной, но было жалко маму – а на Павлика и Колю наплевать.

Достав из-под подушки пузырек и пипетку, Надя закапала себе в обе ноздри по щедрой порции эфетонина – и ей ненадолго полегчало. Хоть бы Наташа фон Берг телефонировала! Они познакомились еще в десятом году, летом, когда обе семьи снимали для детей соседние дачи неподалеку от Гельсингфорса – и с тех пор дружили и в городе. По воскресеньям и праздникам ходили вместе в Летний сад или на общественный каток в Юсуповский сад, устраивали на Рождество детские любительские спектакли, купили недавно вскладчину волшебный фонарь... Наташа жила далеко – на Бассейной³, но обе девушки всегда находили лишний двугривенный, чтобы встретиться где-то посередине пути от одной до другой и хотя бы просто поболтать в скверике или прогуляться вдоль Фонтанки, если уж совсем не было денег, чтобы погреться в кондитерской или полакомиться жареными пирожками у Филиппова... Небогатые фон Берги оба преподавали, дочь у них была единственная, а стало быть, балованная – и училась в Павловском институте, который терпеть не могла, завидуя гимназической свободе Наденьки. Но минувшей зимой обрушилась на Наташу страстная любовь к кадету Жоржу Волкову – вполне, впрочем, взаимная, так что обезумевшая от первого счастья Наташа все выходные и праздники проводила теперь уже с ним, отдавая подруге только те редкие дни, когда Жоржика за какую-нибудь провинность лишали в корпусе очередного дневного отпуска... В этот раз Наташа положительно обещала телефонировать ей на второй день Пасхи вечером, если родители уйдут, как собирались, с визитами, а прислуга разойдется по гостям. Хорошо было бы подняться, встряхнуться, перестать чувствовать себя, как раздавленная жаба на дороге... Когда нет Наташиных родителей, можно всласть побеситься и побояться в ее комнате – обе обожали страшные истории в темноте – и даже тайком выпить немного вина. Но телефон молчал, хотя длинный апрельский день уже порозовел за высоким окном, выходящим на узкую Третью Роту. «Ну, конечно, – обиженно думала Наденька, покусывая подушку. – Если ее родители надолго ушли, а прислуги нет дома – то она лучше со своим Жоржиком будет на свободе целоваться, чем лучшую подругу пригласит... Изменщица...».

² hoc beatam agricola (лат.) – этот счастливый земледелец; традиционное словосочетание из учебников латинского языка, которое и по сей день предлагается просклонять по падежам.

³ Ныне улица Некрасова..

- Телефон не звонил потому, что я испортил провод внутри дома, Ученик. Боялся, что она поднимется даже больная – и не зря. Поломку обнаружили и исправили только на следующее утро... Это никому не повредило: я знал, что неотложных больных у ее матери в тот день не будет. На всякий случай посмотри сюда: нежелательные звонки подопечным в девятнадцатом и двадцатом веках устраняются так: видишь этот провод? Переламываешь его вот здесь...

- Я понял, Наставник. Но ты сделал это напрасно?

- Да. Воля людей не ломается так легко, как провод. А здесь ненароком постаралось несколько человек.

И когда Наденька уже совершенно разочаровалась в людях и дружбе, сочтя свою жизнь окончательно пропащей, звонок прозвенел – но не телефонный, а у парадной двери. Она даже не обернулась: кто к ней придет сегодня без договоренности? У всех сейчас, на пасхальных каникулах, свои веселые и важные дела! А у нее ни Коли, ни Наташи... Хоть бы кому-нибудь она была нужна!..

- Барышня, вас там спрашивают, – горничная просунула голову в Надину дверь.

«О, нет, значит, из гимназии – только не это...» – из своего класса Надя могла хоть как-то терпеть только Шурочку, но та уехала сегодня поздравлять бабушку на Петербургскую сторону.

- Гони в шею... Скажи – болею... Ступай, – гнусаво пробормотала она, но в последний миг любопытство все-таки одолело. – Постой, Дуня. Кто спрашивает-то?

- Из десятой квартиры, Зуевых старшая барышня.

Инженер Зуев со своей полной добродушной женой и многочисленными детьми – было их человек семь, не меньше – жил как раз под ними, точно в такой же квартире на втором этаже. Старшая, почти взрослая девочка – глазастая светлокудрая Мэри – училась, кажется, в каком-то институте, а еще она помнила пухленькую, всю в локонах, Женечку лет десяти. Три младшие девочки – Клава, Валя и Кира – слились в Надином представлении в одного открыточного ангелочка, а два больших сына, чьих имен она не помнила, учились в мужской гимназии на Восьмой. Зуев принципиально лечил своих чад и домочадцев у другого доктора, не доверяя женским способностям в области медицины, семьи равнодушно-приветливо здоровались на лестнице, понемногу судачила меж собой их прислуга, но тем всегда и ограничивалось соседское общение. Странно было бы предположить, что Надя зачем-то им понадобилась!

- Проси! Не держать же ее в парадном...

Юная соседка при ближайшем рассмотрении оказалась чудо как хороша – и красота ее была настолько светлой и простой, что не вызывала зависти даже у Наденьки, втайне переживавшей из-за собственной «обыкновенности» и отсутствия хоть одной запоминающейся черты своего прозаичного лица. А эта... Пушистые кудри, большие и наивные серые глаза, изумительная чистая кожа матового оттенка – такая девица точно не будет знать отбоя от женихов... И уже, наверное, не знает... Сколько ей? Лет пятнадцать?

Мэри механически сделала изящный институтский книксен.

- Je vous demande pardon¹, что беспокою вас – я не знала, что вы больны. Но мне только что телефонировала моя... скажем так... l'amie principale²... по институту, Наташа фон Берг. Видите ли, она никак не может соединиться с вами: телефонная барышня все время говорит, что связи нет. Вероятно, что-то на линии... Так вот, зная, что я живу на Третьей Роте, она поинтересовалась, далеко ли от меня дом два. Я ответила, что в нем и живу, в квартире десять – а она так обрадовалась! И говорит: сбегайте, душка, прямо сейчас в двенадцатую – она ведь, должно быть, над вами? – спросите там Надю и передайте, что я ее жду, как договорились, – она поймет. Ну вот, собственно, я вам и передала. Но, раз вы больны... Может, телефонировать ей от вашего имени, что вы не сможете?

- Нет, нет, я буду! Телефонуйте, что, наоборот, – еду! – отбрасывая колючий шерстяной плед, Наденька уже вскакивала с дивана. – Не могу больше лежать, все тело заостенело... Будь что будет, эфетонину с собой возьму... Ах, милая Мэри, спасибо вам за вашу доброту!

Хотя и зная, что дома у Наташи, как и положено в Пасху, полно всякой вкусной снеди, являться в гости с пустыми руками Надя считала не очень приличным, а деньги – целых четыре рубля – ей удалось скопить из своих подарочных. Поэтому, до того, как кликнуть извозчика, она пошла, пригнув против ветра голову во взрослой парижской шляпе, чтоб не быть узнанной каким-нибудь некстати подвернувшимся учителем, в сторону Измайловского проспекта, где рядом находились виноторговый магазин и лавка восточных сладостей. Сначала она уверенно забежала во вторую с намерением купить за тридцать копеек двухфунтовый брусочек косхалвы. В этой лавке ее продавали не с привычным арахисом, а с цельными орехами фундука, и клали их так щедро, что сливочно-белый брусочек получался как бы весь в крупных коричневых бородавках. Имелся здесь и еще один не-

¹Je vous demande pardon (фр.) – прошу прощения

²l'amie principale (фр.) – старшая подруга

большой фокус: иногда брусок весил меньше двух фунтов, и тогда приказчик длинным тупым ножом откалывал от особого, специально для этого предназначенного и весьма уже изломанного брусочка небольшой ломтик – и клал его на весы в качестве довеска, который тут же покупателем и съедался – а что с ним еще делать... Много лет это было одним из нескольких маленьких тайных счастлих Наденькиного детства – наряду, например, с редко-редко обретаемой в тарелке супа настоящей сладкой-сладкой мозговой косточкой. Каждый раз, подходя к лавке, Надя загадывала: если сегодня мне будет довесок, то... – и дальше четко проговаривалась дежурная девичья мечта. Но в этот раз она плохо себя чувствовала и впервые ничего не загадала, а когда вспомнила – то пожалеть не пришлось: довеском ее приказчик не порадовал.

В винную торговлю Наденька вошла уже гораздо более робко, гадая про себя – выгорит ли она распушенной гимназисткой или все-таки уже тянет на взрослую барышню, что вполне может купить вино для праздничных нужд.

- Мне надо шампанского, любезный... – с преувеличенной уверенностью начала она, и молодой развязный приказчик, с насмешливой проницательностью глядя ей в шляпу, зачастил:

- «Вдову Клико» желаете или «Пол Рोजе»? А может быть...

- «Помпадур Розэ!» – гордо отрезала она, удачно вспомнив название, прозвучавшее на днях из уст матери, когда та заказывала кухарке пасхальный обед.

- Сию минуточку, – поклонился он и вскоре вынес бутылку кипучего розового вина...

- Тебе может оказаться понятней, чем мне, Ученик. Видишь ли... Надежда проживет еще более двадцати четырех лет – восемь тысяч девятьсот девятнадцать дней – но среди них почти не будет таких, когда она не вспомнила бы вкус той косхалвы и шампанского...

- Она тоже поняла, Наставник, что этот день был решающим?

- Да. Почти сразу. Всю жизнь оглядывалась на него и думала: а если бы я не пошла тогда к Наташе – как сложилась бы дальше моя жизнь?

- И как же, Наставник?

- Также невесело, но не для стольких людей. Вскоре начнется большая война, потом в той стране произойдет кровавая революция – и опять война. Надежда переболеет тифом и холерой, будет жестоко голодать, ворочать мешки с дровами и гнилой капустой, потеряет от цинги почти все зубы... Мать умрет от пневмонии у нее на руках, а брата расстреляют. Замуж она так никогда и не выйдет, потому что всю ее силу за-

берут болезни и печаль, а красоты у нее и с самого начала не было. Она станет именно тем, чем быть не хотела – учительницей математики – и посвятит свою одинокую жизнь чужим детям, которые зато полюбят ее. В горе она вспомнит и о Церкви, и уж не будет маяться от скуки на службе, попав в незакрытый и непоруганный храм... Проживет она на три года дольше, чем в случае, если пойдет к подруге – и ее застанет на земле вторая большая война. Конца ее Надежда не увидит, потому что по пути в эвакуацию попадет в поезде под бомбежку и погибнет мгновенно, даже не успев понять, что умирает... Если хочешь, можешь взглянуть на нее. Нет, не там – ниже... У подножия северного склона...

В передней фон Бергов счастливая, розовая, как шампанское в хрустальном бокале, наспех застегнутая Наташа, с губами, похожими на маленький растрепанный пион, провожала любимого Жоржика. Он обязался не позже семи добраться с поздравлениями до богатого строгого старика-крестного, имевшего весьма похвальный обычай дарить крестнику на каждый праздник по красненькой¹, которую влюбленные планировали завтра же прокутить у Дюка – причем, Жорж уже почти уговорил Наташу взять отдельный кабинет...

- Их любовь тоже плохо кончится, Наставник?

- Я ими не занимался, но давай посмотрим... Нет... Не успеет. Георгий через десять месяцев погибнет в Мазурских болотах² от заражения крови – а Наталия умрет почти одновременно с ним – родами... За страдания им будут облегчены Мытарства, и они благополучно пройдут их – каждый с небольшими задержками... Ничего особенного, Ученик. Давай не будем отвлекаться.

- До чего осточертела мне, барышни, эта серая шкура! – небрежно говорил Жорж, интересный темноволосый юноша с быстрыми вишневыми глазами, застегивая перед зеркалом кадетскую шинель и поправляя фуражку так, чтоб она выглядела чуть-чуть более лихо, чем позволялось.

- Потерпи до осени, – нежно одергивая на нем вовсе не нуждавшуюся в том полу, отозвалась Наташа. – В юнкерской черной ты будешь смотреть-

¹ Десятирублевая купюра в Царской России (жарг.)

² Героическая оборона окруженного в Августовских лесах в районе Мазурских озер в Восточной Пруссии 20-го русского корпуса против втрое превосходивших по численности германских войск 25 января – 13 февраля ст.стиля 1915 г. в ходе Первой мировой войны.

ся неотразимо, и я влюблюсь в тебя еще раз...

- И я, чего доброго... – с деланным смехом подержала Наденька, снимая шляпу и встряхивая своими пепельными, коротко остриженными волосами.

- Сразу видно – пойдешь на Курсы, – одобрительно кивнул ей Жорж.

- А куда еще... – притворно вздохнула она. – Не замуж же...

- Ой, девчонки, совсем забыл! – прыснул вдруг при этих словах кадет, оборачиваясь в дверях. – Я вам сейчас такое расскажу – животики надорвете... В тебя, – он невежливо ткнул пальцем в Надю, – наш Тюля по самые уши врезался. Со мной вчера после заутрени разоткровенничался. А как узнал, что пойду к Наташе... Ой, не могу, умо-ра!.. Замолви, говорит, за меня перед Наденькой словечко, если увидишь! Вот я, считай, и замолвил... Ну что, Надя – может, замуж вместо Курсов, а? А я шафером буду... – он махнул рукой и подтянулся: – Ну все, лечу... А то мой старый хрыч мне за опоздание, чего доброго, штраф назначит... – он шутливо отдал честь и ловко выскользнул на лестницу.

Тюля? Да, Надя помнила его: Юра Тюленев, высокий, мешковатый и неуклюжий, неизвестно как попавший в кадеты юноша – вероятно, родители, особо не задумываясь, просто отправили сына по обычной в их кругу дороге – и в самом деле похожий на грустного тюленя с красочной иллюстрации к статье «Ластоногие» в энциклопедии Граната... Он сидел, откинувшись на диване, в стороне от танцующих, когда праздновали у фон Бергов последнее Рождество, и не сводил с нее слегка раскосых, ярко-голубых глаз... «Ну и дурак, – раздраженно думала она в те минуты, вальсируя с веселым взрослым студентом-естественником. – Если я ему нравлюсь, так подошел бы, заговорил... Что проку паялиться, как баран на новые ворота!»... Но сегодня, когда по спине словно бегали тысячи холодных мышиных лапок, в тяжелом лбу переливалась густая, тягучая боль, а беленькая, крошечная, как спиц, Наташа и не думала скрывать своей торжествующей радости перед подругой, которую недавно постиг жизненный крах, – сегодня и незадачливый Тюля не казался ей жалким рохлей... А что? Он окружит ее заботой и вниманием, станет баловать, посылать цветы и конфеты, водить в синематограф... А летом покатает на лодке, подержит над ней зонтик в дождь или зной... Но уж никаких поцелуев – хватит, нацеловалась! Чувствуя себя любимой и нужной, она постепенно оправится, выздоровеет душой и телом, запишется на Курсы – юридические или литературные? – ладно, это потом... Появятся новые знакомства... Настанет совсем

другая, взрослая жизнь... А Тюля... Да такому туповатому пентюху в любой момент можно дать отставку!

- А знаешь что, Наташа? – задумчиво протянула Наденька, все еще глядя на захлопнувшуюся за Жоржиком дверь. – Ты скажи ему – пусть этому своему Тюле мой телефонный номер даст. Так, смеха ради... Мне, может, развеяться нужно...

- Ну и развейся. Полно тебе горевать... – легко согласилась подруга и затеребила ее: – Так что в сверточке-то у тебя? Признавайся, грешница, – сверточек-то тяжелый!

- Пожалуй, достаточно, Пришедший. Все уже ясно.

- Не совсем, Наставник. Что, в этом Юрии – корень ее бед?

- Корень бед только в самом человеке. А Юрий – вовсе не рохля, не пентюх и не тюлень. И уж тем более он не туповат. Когда он телефонирует Надежде и они встретятся, она сразу поймет, что он умен, образован, необычен, по-своему красив и вообще не похож ни на кого другого. Тогда она полюбит его – так мощно, жертвенно и безоглядно, как редко любят там, на земле. Они вскоре, уже осенью, обвенчаются, но детей у них долго не будет, и Алла, мать нашей Инны, станет через двенадцать лет их единственным ребенком. Она родится уже после того, как отца арестуют и казнят. Надежда умрет от рака, когда дочке будет только шесть лет, и девочку возьмет к себе вдова Павла, Надиного расстрелянного брата. Что дальше – тебе известно.

- Я, возможно, миллион раз неправ, Наставник, но не могу усмотреть ничего плохого в той любви, что ты мне сейчас описал.

- В ней и не было ничего плохого – и все же лучше бы она не начиналась. Пойдем немного дальше – там прошло четыре года. Но прежде укрепи себя. Даже мы не на все можем смотреть без трепета.

Арестантам никогда не говорили, что ведут их расстреливать – понятно, почему: чтобы избежать всяких там женских истерик, поповских молитв на исход души, да чтоб запуганное офицерье не вспомнило вдруг про свою затоптанную беляцкую «честь» и не решилось на какой-нибудь мелкий бунт по пути в подвал.

- Внимание, арестованные! – распахнув дверь камеры, рявкали туда Юра или Матвей. – В камере будет производиться дезинфекция, поэтому все вы временно переводитесь в другую. Прошу следовать организованно, соблюдать в коридорах тишину и порядок.

Они и соблюдали, овцы поганые, – покорно

шли, куда велели, исподтишка косясь по сторонам, что было, вообще-то, запрещено, но тут не препятствовали: максимум через пять минут всем им предстояло превратиться в бессловесные уродливые туши – так что какая разница, что они там углядят... По лестнице вниз – и первая дверь налево. Ее отпирали, и смертничков всем гуртом так туда по инерции и всасывало; правда, пока подтягивались задние ряды, в передних возникало легкое недоуменное бурление при виде багровых стен и плохо отмытого пола с косым стоком – но тут уж не церемонились: пинками заталкивали последних, быстро пропускали ребят с маузерами – и те начинали пальбу. Юра на это не смотрел (хотя не слушать – не удавалось, и тут его не так выстрелы смущали, как постепенно спадавший вой и визг), стоял с другом в коридоре; у них с Мотькой, как у старших по команде, была задача только побыстрее прикончить недостреленных. Сам он старался это делать аккуратно – четким выстрелом в лоб, висок или затылок – что у кого оказывалось подставленным – из родного трофейного револьвера, вынутого когда-то после боя из окостеневшей руки белого офицера – пажа, судя по перстню, который снимать не стал – и никогда ничем подобным не занимался: этим пусть пробавляется несознательное быдло, а он не мародер – он идейный красный комиссар, всегда чисто служивший делу революции. Мотька же предпочитал штыком – с оттяжкой, особенно если попадалась ему девушка с умоляющими глазами или гимназист какой-нибудь, откровенно пищавший «Дяденька, не надо...». Юра потом долго топтался во дворе, сапоги от крови – и еще какая там требуха налипнет – то снегом, то травой, то листьями по полчаса отчищал. А Мотьке – хоть бы что: у меня, говорит, отец резник был – привык я...

- Довольно, Наставник, я видел и осознал.

- Ты еще ничего не видел, Ученик. Досмотри до конца.

Но сегодня вышла кошмарная неувязочка: как погнали по коридору очередное убойное стадо, окошко одной из камер, имевшее, как потом выяснилось, замок с дефектом, вдруг распахнулось от мощного толчка изнутри, и за решеткой показалось желтое лицо той чахоточной эсерки, что при водворении в их Чрезвычайку крыла конвоиров таким изобретательным матом «в тридцать девять накатов с переборами», что даже из дежурки ребята в кожанках сбежали послушать и поучиться. «Во дает, баба! – уважительно качали головами некоторые – а были среди них и бывшие балтийские матросы. – Таковую даже в расход выводить жалко...».

Но сейчас эсерка не материлась, а, увидев в коридоре человек десять, среди которых были три оципантные институтки, заплаканная вдова уже прихлопнутого присяжного поверенного с двумя жавшимися к ней детьми-подростками и четверо парнишек-кадетов, неожиданно звонким для своей болезни голосом крикнула:

- Товарищи! Не верьте им! Вас ведут на расстрел! Из этого подвала никто не возвращался! Долой узурпаторов революции!

Мотька подскочил к двери и быстро захлопнул форточку, изо всех сил прижал ее обеими руками – но было поздно. На несколько секунд Юра остался со своим револьвером один охранять смертничков – и тут кто-то из бывших кадетов, ловкий, видать, малый, не сдрейфил и выхватил маузер из кобуры на секунду повернувшегося спиной Мотьки. Умел бы он им пользоваться – и чекисту бы тут же хана, но парень замедлил на миг, разбираясь с незнакомой системой, и этого мига Юрке хватило, чтобы красиво всадить ему пулю в центр лба. Но маузер-то отлетел не к пятившемуся в ужасе Мотьке, а прямо под ноги другому кадету – и тот тоже не растерялся: дважды выстрелил в сторону Юры, промазал, институтки истошно завизжали, кадет палил в белый свет как в копеечку, вдова принялась закрывать собой отпрысков и что-то глосить на тему «Это же дети!!!», справа и слева из запертых камер понесся рык и стук... Помощь уже спешила – со всех сторон слышался тяжелый топот ног – но пока обескураженные ребята добежали до Юры, ему самому пришлось положить из револьвера еще шестерых из десяти арестантов прямо тут, посреди их некогда мирного коридорчика... Когда патроны кончились – живы были только две безобидные институтки, уже лишившиеся голоса со страху, и мамаша, вдруг грозно восставшая от своих еще трепыхавшихся на полу мальчишек. Она подняла окровавленную руку и мертвым взглядом уперлась Юре в лицо: «Проклятье на твой род, – сказала она спокойно. – Проклятье на твой род до четырнадцатого колена». Кто-то из ребят тут же выстрелил в спятившую бабу, она свалилась ему под ноги, а Мотька тем временем успел пригвоздить к стенке штыком вывученного у кого-то ружья уже вторую институтку, которая смотрела на него огромными, совершенно белыми, выкатившимися шарами глаз и молчала, хватаясь голыми руками за хрустко ворочавшийся в ней штык. Первая колотилась на полу, зажимая перерезанное горло, и никто не торопился ее прикончить. «Хорошо, что у нас с Надеей детей нет... А она еще жалеет об этом, дура...» – проскользнула у Юры суеверная мысль; он хотел перевести дух, но никак не мог.

Рядом встал закончивший свое дело Мотька, положил руку другу на плечо.

- Если б не ты... – Он помедлил и повернул к Юрке свое красивое бледное лицо с пасмурными ночными глазами, никогда не блестевшими, будто вырезанными из траурного бархата. – Я тебе тоже одну услугу хочу оказать. Это не всем... – он кивнул в сторону суетившихся в коридоре чекистов. – Могут понять неправильно. А ты вот что...

Мотыка быстро сунулся в закуток для дежурного и сразу же появился оттуда с тонким стаканом, на ходу выплескивая из него остатки чая. Сделав несколько шагов, склонился над потерявшей сознание, но еще булькающей институткой, жестко отвел ее судорожные руки от шеи, из которой иногда толкалась алая кровь, подставил стакан под рану, подержал – и вернулся к тяжело дышавшему Юре, протянул:

- Вижу, ты никак не разучишься переживать. Пей. Сердце как каменное станет. Проверено!

Юра не сопротивлялся – он твердо взял теплый стакан и, выдохнув, выпил уже начавшую густеть кровь до дна – как подогретое молоко, только солонее... Вернул товарищу, встряхнул головой, будто после водки.

- Ну что, легче? – Матвей хлопнул его по плечу и слабо ухмыльнулся: – Только забыл предупредить тебя, друг... С бабами ты по-прежнему сможешь, даже еще лучше, но... Без любви. Навсегда.

- Останови это, Наставник. Ты забыл, что я не Изначальный. Я пока не могу, как вы.

- А мы уже видели все, что надо. Пойдем.

- Скажи... Такое можно исправить на Мытарствах?

- Нет. Он переполнил меру и обрек себя. Люди иногда делают непоправимое.

- Я не про него, я про Надежду. Почему ее не возвращали в тот день миллионы раз, чтобы она превысила свою критическую массу и однажды не пошла к подруге?

- На Мытарство отправляют за содеянное неукупленное и не отмоленное личное зло. А в ее выборе не было зла. Это был просто – выбор.

- А как же Инна? Ведь не злом было убежать от убийцы?

- Ее злом было то, что она обернулась на лестнице, Ученик, и посмотрела на него... так, как посмотрела. Один тот взгляд отразился на сотнях людей – ты знаешь о некоторых, двоих даже видел.

- Благодарю тебя, Наставник, хотя сегодня ты преподнес мне один из самых сложных и тяжелых уроков.

- Рад работать с тобой, Пришедший. Я обещал показать то, что в свое время тебе запретили прозреть самому. Теперь можно, смотри.

Часть вторая

*Яко тысяща лет пред очима Твоима, Господи,
яко день вчерашний, иже мимоиде, и стража нощная.*
Пс. 89, ст.5

*Помню, кто-то крылами шуришал,
Очень часто мешал...*
А. Маничев

Боль имеет цвет – красный. Ярче, чем кровь. Зато у нее нет звука – все тонет в твоём собственном крике, которого ты не слышишь. Боль всех равняет – холопа и дворянина, богатыря и девицу. Раньше он слышал, что именно женщины оказываются более стойкими на дыбе, а мужчины, захлебываясь слезами, рассказывают все, уже когда палачу только делают знак вздернуть пытаемого еще раз... Второе

он блестяще доказал, а первое... Хотя Ефросинью¹ не пытали – она сама с охотой – еще бы! – предложила извергу и хитрецу Толстому² рассказать все, что знает, и кого выдала – а кого и оговорила... И его, Михайлу, в числе других. Что с нее взять – рабского звания баба, она царевичу из крепостных Вяземского досталась. И как открыла рот в Тайной Канцелярии с первого дня дознания – так и не закрыла до тех пор, пока не подвела под плаху почти всех, кто окружал наследника Алексея Петровича... Ему, небось,

¹ Эпизод со стаканом крови не выдуман автором. Он взят из книги С. Мельгунова «Красный террор в России», Берлин, 1924 г.

¹ Любовница царевича Алексея Петровича

² Петр Андреевич Толстой возглавлял тайный политический сыск при царе Петре I

тоже теперь несладко придется – только Михайло об этом уже не узнает. Он сам теперь губитель неповинных: как вырвалось у кого-то из под кнута имя бывшей царицы Евдокии – так за него и взялись круче прежнего – кому, как не ему, секретарю царевича, было из Тироля, а потом и из Неаполя грамоты возить от сына к матери в монастырь и обратно... А имя Степана Глебова¹ так само из Михайла и выскочило – мимоходом, уж и не считал он, на каком ударе... Этот несчастный преступлений «противу первых двух пунктов»² не творил, всего лишь Евдокию бедную приласкал немного – а жизнь его молодую он, Михайло Васильев, Афанасьев сын, языком своим пресек. Потому как тут и к бабке не ходи – плаха Глебову. Если еще не кол – с Петра станется³. Вся Русь облавынил⁴, ирод, а всем кто за старый обычай стоял – смертушка лютая... Ему, Михайле, хороший палач попался – заботливый: как с дыбы второй раз снял – сразу опять суставы на место поставил, потому как, если сразу не вправить – заплывут плечи с локтями – так навсегда и останутся. Навсегда... Он усмехнулся: надолго ли?

Сегодня Михайло уже мог даже подниматься кое-как: как его в неосознанности в камору тюремную принесли и брюхом на тюфяк кинули, то раны от кнута сразу густо обложили капустным листом, чтоб затягивались. Неужели опять на пытку поволокут – о чем его еще спрашивать, все рассказал! Даже как Ефросинья в мужеское платье перерядилась, чтобы с царевичем Алексеем Петровичем за границу бежать. Про всех гонцов, которые письма из замка Эренберг, что в Тироле, Карлу австрийскому доставляли, про то, как потом из Неаполя царевич у шведов армию просил, чтобы с ней в Россию идти войско противу отца мутить... И посла Веселовского выдал, что царевичу сочувствовал и от отцова гнева его укрывал⁵... Сколько покойничков, поди, на совести, да и он, Михайло Васильев, считай, один из них теперь – государев изменник...

Он сполз с гнилого от протухшей крови, во-

¹ Тайный возлюбленный опальной царицы Евдокии

² Государственна измена

³ Степан Глебов действительно был посажен на кол

⁴ *Облавынить* – перекроить на западный лад, в более широком смысле – осквернить (арх.)

⁵ Предположительно, царевич Алексей Петрович имел намерения, опираясь на военную помощь шведского правительства, захватить Российский престол, в чем активно помогали ему некоторые облеченные властью в России люди, недовольные реформами Петра

нючего соломенного тюфяка на каменный пол и завыл от бессилия: опереться руками, чтобы встать, не удавалось: вправленные – но ведь разорванные же! – плечи огрызались горячей болью. И ведь не вьюнош⁶ он зеленый – зрелый муж почти что четьредесяти⁷ лет – а, когда подвешивали, визжал не хуже пороса, коего на ветчину режут... Стиснув зубы, он исхитрился подняться на одно колено – перед глазами уже плясали огненные языки – но потом удалось и на ноги встать с Божьей помощью... Нет, окно все равно высоко – не заглянуть. А если б и заглянул – ничего веселого: мощный двор Петропавловской крепости, глухие серые стены... Кажется – гул толпы вдалеке? Неужели и сегодня казнят кого-нибудь? Или это ревет страшная, всегда свинцовая, ненасытная Нева? Какой ужасный город строит здесь этот царь-гордец... Как преддверье преисподней на земле... Мужескому сердцу, знал он, достоин разумом рассуждать о всякой печали, хотя что и печально припадет – того не допускать до сердца своего... Легко о том в книге прочитать, а вот, в крепости сидючи, попробуй...

Ему уже казалось, что все осужденные гибнут только по его вине. Если б он, Михайло, стерпел пытку, как, говорили, Александро Кикин? Нет, не может быть, чтобы Кикин стерпел – он по сути своей трус и прохиндей, бывший денщик, тоже холопья душа... Неужели ж можно стерпеть? Нет, не может быть того... Не зря ведь и Церковь Христова под муками от веры отрекшихся только на три года отлучает – а баб, что рожать не хотят, – на пятнадцать. Значит, это по естеству человеку – при муках отречься? А Алексей-то царевич – чай, не Господь!

И все равно горечь и отвращение к самому себе не отпускали, да еще и заноза одна сидела внутри у него – малая, а цепляла: он уже не помнил, в каком возрасте осознал, что матушка его когда-то на староверку Мавру донос написала – и та на пытке дух испустила. Кончилась – а не сломалась ведь! Руки – сломались, а душа – устояла! А ведь ее – помнил он, хоть и шесть годов всего было, когда слышал, – в три стряски пытали, не в две! Ах, да что там... Он-то на первой все выложил, а второй раз Толстой его так, для порядку велел вздернуть... Вспомнил Михайло, как, бывало, с удовольствием смотрелся в великое зеркало⁸ – аравитской⁹ меди, что от матери покойницы досталось

⁶ Вьюнош – юноша (арх.)

⁷ Четьредесять – сорок (арх.)

⁸ Зерцало – зеркало (арх.)

⁹ Аравитский – арабский (арх.)

– и видел кряковнистого¹, как дуб столетний, мужа с суровым пронизательным взором из-под насупленных бровей – не щипа² какого-нибудь пустопорожного... Казалось, никакая буря не возьмет – и вот, хватило одной стряски... Всех предал, и впереди – только плаха... Уж не так страшна она видится, потому что страшной – с этим жить... Господи, яви последнюю милость: только бы плаха – не кол!

Почему так шумит за недоступным решетчатым окном толпа?

- Ну что, Пришедший, не жалеешь теперь?

- Я не жалел никогда, Учитель, – просто хотел знать, почему. Теперь знаю.

- Я призвал тебя, чтобы сказать, что Высшие позволили тебе самостоятельное Хранительство. На первый раз – ненадолго, всего около семи земных лет. Когда нужно будет отступить от подопечного – тебе скажут, что делать. Отправляйся снова в свою Московию... Ты не рад?

- Я боюсь ее, Наставник. Век хотя бы не семнадцатый? Не восемнадцатый?

- Нам не к лицу бояться. Мы, Изначальные, так и вовсе этого не умеем – хотя и трепещем иной раз там, на земле – но не от страха, а от высшего ужаса. Ты его тоже неизбежно познаешь. А сейчас у тебя, Пришедший, главная задача – приобрести бесстрашие. Но на этот раз не смущайся. Высшие учли твой опыт и не хотят мучить понапрасну... Может быть потом, когда наберешься уменья... Нет, век – двадцатый. Хотя по мне – так семнадцатый спокойней, а восемнадцатый веселей. Но тебе лучше знать...

- Ты будешь по-прежнему со мной, Наставник?

- Не всегда. Я занят Инной – она вновь на Мытарстве, как мы и предполагали. Но наша с тобой связь теперь неизменна. Если встретишь трудности – стоит только позвать меня... Ну, вот, знакомься. Его зовут Димитрий, и родился он в том городе, который ты только что видел...

- Питербурх³... Я чувствовал, что мне никуда от него не деться.

- В двадцатом его называют иначе. Кроме того, ты уже видел Москву примерно того же времени – много ли в ней было сходства с той, что ты знал раньше? Так и Питербурх...

- Ты прав, Наставник, прости мою строптивость. Я отправляюсь и жду твоих указаний.

- Иди, Ученик, – и постарайся не ужасаться. Земной ужас так часто оборачивается спасением...

¹ Кряковнистый – крепкого телосложения (арх.)

² Щип – щеголь (арх.)

³ Изначальное название города

Росту в Маргарите Сольцовой был один метр восемьдесят три сантиметра – и удивительно еще, что она них остановилась. «И куда ты растешь?!» – в настоящем отчаянье восклицала мама, чья голова вместе с прической едва-едва возвышалась над плечом дочки, заканчивающей гимназию. И платья, и юбки для любимой «Маргаритки» она заказывала с большим запасом не в ширину, а в длину – подол всегда приходилось основательно выпускать не позже, чем через три-четыре месяца. При всем том у Риты были узкие острые плечи, длинные руки и неуклюжая, загибающаяся походка, а в довершение впечатления, ее мягкий невыразительный нос украшали круглые черные очки с выпуклыми линзами. Все материнские попытки как-то украсить девушку – дорогими ли нарядами, особенной ли прической, идеальными ли манерами – неизменно терпели обидный крах, потому что сама Рита от природы не умела даже казаться хорошенькой – и научить ее этому чаще всего с рождения присущему женщинам искусству не могло ничто. Замечательные шелковые платья всегда выглядели на ней, как на кухарке, вырядившейся в дареную барыней поношенную вещь, тщательно уложенные матерью при помощи искусной горничной локоны делали ее суженное книзу лицо похожим на овечье и смотрелись всегда растрепанными, а манеры, по мнению всех до единой родственниц, больше пристали мальчишке из ремесленного училища... Родители готовы были дать ей в приданое хоть доходный дом на Миллионной – но молодые люди к ним больше одного раза не приходили, потому что даже последний из них понимал, что его приглашают только с целью женить на этой сидящей на мешке с золотом крокодиле, что может стать хуже любого рабства... Мать плакала по ночам. Но ее Маргаритке и в голову не приходило особенно огорчаться – ее мечты текли совсем в другом направлении: она намеревалась стать сестрой милосердия – и это притом, что размер капитала ее родителей позволял им купить дочери любого мужа, по ее выбору. Этим родительница себя и утешала: пусть какой-нибудь и на деньгах Риточкиных женится – но обязательно разглядит со временем, какой золотой души жену ему Бог послал – и полюбит уже по настоящему, а не за глазки-лапки...

В отличие от матери, отец свое единственное чадо терпеть не мог. Всю сознательную жизнь он, если на что и тратил деньги без счета – так это на красивых и ласковых женщин, с которыми сходил без оглядки на тихую жену, кровоточивую, как в Евангелии, и привык считать, что знает в них толк. Полагал, что дамочка может быть любой масти и

комплексии – но смазливость для нее обязательна, хотя и не это главное – порода должна присутствовать! Ручки маленькие, лодыжки тоненькие, шейка стройненькая, носик точеный... Мозгов много незачем – курсисток там разных и учительниц от всей души презирал – но голосок обязана иметь приятный, смех – колокольчиком, глазки ясные... Когда дочка только родилась – думал, станет его первой и единственной платонической любовью. А выросла... Разочаровался и стал ею попросту брезговать, а иногда, в минуты тяжкого внутреннего раздражения, искал выпустить пар, отвесив ей хорошую затрещину.

«Что руками размахалась, облизьяна чертова! – рывкал он на свою уродицу за столом, отвечивая ей тяжелую оплеуху при гостях и прислуге, когда дочь неуклюжим взмахом плоской длиннопалой кисти опрокидывала на хрустящую скатерть свой стакан. – Не рыпалась бы, раз воспитанной барышней держаться не умеешь!» – в ту же секунду он видел, как маленькие, неопределенного цвета глаза за идиотскими очками, розовея, набухали слезой – и у него отлегалось от сердца. «Вот не дам за ней вообще ни копейки – пусть в монастырь идет...» – уже более мирно думал он, в глубине души зная, что на такое все-таки не решится.

В начале войны девчонка, за неделю до того отметившая четырнадцатилетие, вдруг сбежала на фронт, записавшись сестрой милосердия и соврав на комиссии, что ей девятнадцать лет, а метрикуде затеряла (и поверили, солдафоны неотесанные, – ведь дылда же!). Когда удалось найти дочь в полностью готовом к отправке санитарном эшелоне и вернуть (отец застал ее в перевязочном вагоне неловко щиплющей корпию), он с досады взял ее дома за косу и пару раз приложил об стенку для острастки – так, не больно, по коврику настенному проташил, просто чтоб впредь неповадно было. Решила в себе, видно, что раз не красавица – так хоть героиней станет; начиталась, видите ли, газет этих ура-патриотических. Будь его воля – он бы баб ни читать, ни писать не учил, а Священное Писание пусть бы в церкви слушали: потому как если в мозги их куриные еще и пихать чего ни попадя...

В восемнадцатом году после покушения на Ленина бывший купец первой гильдии Осип Сольцов был расстрелян в числе тысяч других заложников, и Рита вдруг с изумлением поняла, что никакого по случаю положенного горя не испытывает... Сердобольные женщины их круга, тоже несшие бесконечные потери, искренне сочувствовали ей («Бедняжка, несчастье какое...»), и мама, как-то вдруг превратившаяся из молодой модной женщины в маленькую старушку с лицом, похожим на потрескавшийся кусок мыла, причитала,

уткнувшись в угол дивана: «Нет больше нашего папочки, Риточка, как же мы теперь без него...» – а Маргарита растерянно искала в своей душе хотя бы крохи дочерней скорби – и не находила их ни в каких тайниках. «Никто меня больше не ударит при всех по лицу, – против воли мелькало в ней. – И маму никто не оскорбит, не унизит...». Она мотала головой, стряхивая прилипчивую крамолу, и начинала усиленно тереть кулаками глаза, чтобы выжать из них подобающую времени и событию слезу.

Профессию фельдшера она все-таки решила получить в девятнадцатом, когда по всему Петрограду пооткрывалось вдруг великое множество всяких бесплатных курсов, где можно было научиться чему угодно – от стихотворчества до коновальства. Достаточно было, не предъявляя никакого удостоверения личности («Теперь не старое время, когда бумажка была в чести, а не человек!»), просто назвать свою фамилию, которую тотчас же улыбчивый молодой человек в кожанке заносил в длинный список; потом он вставал и с широкой светлой улыбкой протягивал записавшемуся руку: «Поздравляю, товарищ! Учитесь на здоровье! Теперь всякий в своем праве!»... На курсах читали интереснейшие лекции лучшие университетские профессора, светила отечественной медицины, и фельдшеры новой формации порой получали не меньше знаний, чем имели врачи – а уж как интересно было учиться! Рост, внешность? Какая глупость, когда так легко и весело жить, все набираются знаний и работают с таким подъемом, полны таких грандиозных, великолепных планов! Вот она, например, получив свидетельство, поедет, как доктор Чехов в свое время, «на чуму» – и там будет свободно и бескорыстно служить людям... Им с мамой нечего есть, ежедневно деля на двоих ее, Ритин, скудный паек из тощих селедок и полфунта пшена? Не беда – вон, сколько дорогих и бесполезных вещей у них осталось от прежнего времени! Обменять их на сало, муку, картошку... Продержимся!

Не продержались. В декабре двадцатого, постояв с утра дотемна на рынке с мужниным пальто, предлагаемым к обмену на два фунта конины, и в конце дня их героически добыв, мама мясному супу так и не порадовалась. К вечеру у нее обложило горло и поднялся жар – такой, что любая еда казалась нежеланной и безвкусной, и сколько ни приставала к ней дочь с тарелкой целительного бульону – больная лишь с отвращением сделала несколько глотков... Вскоре она и вовсе не могла ни глотать, ни говорить из-за множества гнойных нарывов в гортани – и лишь цедила в просветах тяжелого забытья из последней серебряной ложки теплую воду с крупинками выменного Ритой

сахару... Порошки, принесенные серьезно качавшим головой пожилым врачом, что руководил на курсах практическими занятиями, не подействовали ничуть, и он потом – когда мама безгласно отошла, не имея возможности даже пожаловаться или проститься, смущенно оправдывался перед Ритой, говоря, что злокачественная гнойная ангина и в старое-то время да при хорошем уходе почти неминуемо сводила больных в могилу, а уж сейчас... Да еще когда в комнате почти что вечная мерзлота...

Летом она получила свидетельство фельдшера, но ни на какую «чуму» проситься уже не хотелось: чума свирепствовала кругом – как она этого раньше не видела? Почему ей такими счастливыми и вдохновенными еще недавно казались все эти уродливо одетые, темнолицые люди, с опущенной головой спешащие по каким-то мелким крысиным делам вдоль замусоренных улиц в эти круглосуточные пыльные дни¹? Как легко, без особых сожалений, отдала она свое красивое, сытное и уютное прошлое ради этой сомнительной «новой жизни»! Еще год назад Рита в помрачении считала, что временные трудности вот-вот закончатся – и с законной гордостью преодолевшей она станет, многозначительно улыбаясь, вспоминать о них – а потом наступит долгожданная, небывалая, ослепительная жизнь! Но вместо этого Рита заметила однажды, что и она теперь ходит так же, как и все окружающие – глядя себе под ноги и съезжившись, словно вечно куда-то опаздывая... Не считая отца, не оставившего по себе ни одного хорошего воспоминания, она уже лично знала четверых вполне порядочных и достойных людей, без следа сгинувших в Чрезвычайке! Она старалась не думать, чтобы не испугаться по-настоящему, и с головой ушла в трудную работу – служила по протекции преподавателя, у которого была когда-то любимой ученицей, в детском хирургическом отделении, где, как ей казалось, главный ужас заключался в безответных ребячьих страданиях, перед которыми отступали все остальные, внешние страхи...

Но не так-то далеко они и отступили. В конце двадцатых годов, когда вдруг начали ссылать за происхождение и «контрреволюцию» старых врачей, ее тоже едва не уволили заодно с ними, вспомнив, чья она дочь, – и потребовав решительно отмежеваться от покойного отца-эксплуататора. Рита отмежевалась – громко и убежденно, на профсоюзном собрании, заслужив одобрительный гуд коллег – а изнутри, несмотря на застарелую нелюбовь к отцу и только неприятные мысли о нем, все равно рокочуще поднялось недовольство собой: отец был плохой человек, мучил жену и дочь – но

¹ Декретами Совнаркома РСФСР стрелки часов дважды переводились на час назад

ведь его *расстреляли*. Вывели в какой-то двор, завязали глаза... Впрочем, нет... Это раньше, в благородные времена, так казнили, а его... Скорей всего, он, беспомощный, ничего не понимающий, попал в кровавую бойню, где кругом кричали, молили и проклинали, падая наземь, и он стоял в недоумении и смертной муке вместе со всеми, а потом упал и, может быть, не сразу умер... И вот, спустя десять лет дочь публично отреклась от его памяти, от его боли и ужаса, все, быть может, испутивших...

Чуть позже страх дотянулся до нее опять – это когда родительскую квартиру быстро и жестоко заселили по ордерам, раздав пролетарским семьям все комнаты, кроме детской, в которой Рита как жила с рождения – да так и осталась... Ей иногда чудилось, что их огромная барская квартира с двумя уборными превратилась в городскую окраинную улицу: с утра до ночи прямо под дверью то возникала крикливая перебранка, то плакали дети разного возраста, то звала на помощь избиваемая женщина – и Рита далеко не сразу начала понимать, что никто никакой помощи не ждет... С ней считались и часто даже мыли, когда подходила очередь, вместо нее туалет и ванную, потому что «дохторша» – человек при любой власти полезный и ценный, и лучше ей на всякий случай угодить... Она накладывала бесконечные свинцовые примочки на подбитые женские скулы, ежедневно смазывала йодом детские локти и колени, щупала вздувшиеся животы, лазила ложкой в гнилые взрослые пасти... Все по-соседски, бесплатно, за почет и вымытый нужник... Возвращаясь в свою комнату, сверху донизу заставленную уцелевшей дорогой мебелью, Рита сразу ложилась спать – чтобы поскорей разделаться еще с одним бессмысленным и тошнотворным днем. Измученная работой, засыпала быстро, а когда открывала глаза, млечное утро такого же невеселого дня было тут как тут... И однажды, уже в начале тридцатых, когда в шесть часов утра с перекинутым через плечо полотенцем Рита ожидала в коридоре своей очереди в ванную, к ней неожиданно подошел сосед – одинокий жилец из бывшего маминого будуара. Его звали Семеном, на своем ремонтном заводе он занимал почетную должность старшего мастера цеха и считал себя безупречным партийцем, в гражданскую довоевался до красного командира в восемнадцать лет, росту был высокого, глаза в глаза с Маргаритой, лицо имел настороженно-волчье, несмотря на гладкую выбритость – сероватое снизу, и дремучие, тускло поблескивавшие глаза – на кухне о нем говорили, как о роковом красавце. Он уверенно дотронулся до руки Риты чуть повыше кисти, и ей показалось, что по коже жестко провели скребком.

- Очень извиняюсь, – откашлявшись, хрипло сказал Семен, ничуть не смущаясь присутствием других соседей. – Но как бы это нам с вами вечером вместе провести? Тут вот у нас в рабочем клубе концерт намечается по случаю Первомая – ну, и танцы потом, само собой. Да!.. И буфет с пирожными... В общем, это... Культурно все, не как-нибудь там...

Рита презрительно подняла бровь в его сторону – но вдруг ее как прострелило: а ведь это – единственный раз в жизни; больше – никогда; и детей – своих – не будет, до конца дней – только чужие...

- Ничего не имею против, – каменно отозвалась она.

Митенька родился синим мартовским утром тридцать третьего года – и в окно родильного зала колотилась черная на золотом фоне оттаявшая ветка старой липы. Как раз накануне его отец, уже неделю ходивший с почерневшим от неотступного недоумения лицом (на партийном собрании бывшего красного командира вычистили¹ за связь с «чуждым элементом» – матерью его ребенка), получил повестку в Большой дом, куда пошел охотно, горячо обещая «доказать», «разобраться», «дать по шапке» – и не вернулся. Появившись на шестой день дома с туго запеленатым, похожим на завернутую французскую булку новорожденным сыночком, Рита стала объектом всеобщего кухонного сочувствия. Несмотря на то что у них в квартире никого прежде не арестовывали, женщины всех социальных слоев, как оказалось, были прекрасно осведомлены о том, куда нести передачи для сидельца, где справляться о ходе следствия, как писать прошения прокурору – и даже с готовностью вызывались посидеть с бедным дитятей-безотцовщиной, пока несчастная пойдет по этим дополнительным женским мукам – а то родовых мало! За бурный век, минувший со времени бессмертного, но какого-то слишком комфортного подвига декабристок, муки эти усилились многократно и, более того, приняли массовый характер, поэтому никто не сомневался в Ритиной готовности пожертвовать собой ради вызволения отца своего ребенка...

Но с ней вновь, как в восемнадцатом году после гибели Осипа Сольцова, приключился непонятный ступор. Рита вспомнила – вернее, никогда не забывала – это первое пьяное насилие над ней, когда Семен молча повалил ее на кучу реквизита в чулане рабочего клуба, одним резким движением почти пополам разорвал на ней нарядную, собственноручно состроченную минувшей ночью кофточку, и остро пахнуло немывтым мужицким

телом... «Ну чё ты ломаешься... Чё строишь-то из себя... По-простому давай...» – бурчал он де-вушке в ухо, и это были единственные услышанные ею в те минуты слова, которые заслуженный партиец искренне считал ласковыми и приятными... Позже он не жалел для своей сожительницы затрещин гораздо более увесистых, чем когда-то полученные от отца, и заработать их можно было за что угодно: «Ну чё ты расквохталась!», «Живей копытами шевели!», «Расселась тут!», «Шурши давай, лохудра!» – после любой из подобных фраз немедленно следовал сочный удар в ухо или по затылку, несильный и беззлойный – для порядку, чтобы все хорошие люди видели, что Семен свою бабу в узде держит и вообще заботится – без уче-нья не оставляет...

Поэтому Рита снова не могла горевать – наоборот, из последних сил гасила в себе бодрый огонек радости: никто ей и маленькому теперь не помешает, и молоко у нее от слез не пропадет, как пропало у соседки Нюры, в первый же день после роддома для острастки побитой благоверным... Писать прокурору? А вдруг он возьмет – да Семена выпустит за ненадобностью?! Чтобы не упасть в глазах причитающих соседок, Рите пришлось прибегнуть к непривычной хитрости: однажды она ушла из дома на несколько часов – не отдав им, правда, ребенка, а взяв его с собой, – погуляла в мокром Летнем саду среди голых статуй, неприятно таращивших на нее слепые бельма глаз, и вернулась, солгав на кухне, что отстояла очередь к прокурору; но заявления и передачи, дескать, принимаются только от родственников, а она Семену – посторонняя... На ее счастье это было действительно так: год назад он сам дальновидно отговорил ее от традиционной «прогулки в Загс», разумно мотивировав это тем, что их, как молодую семью, загонят жить в одну комнату, а «лишнюю» жилплощадь – Семенову, что поменьше – отберут в пользу Жакта и заселят новыми жильцами... Логика в его словах, безусловно, присутствовала железная – и подумать о законном браке было страшно: тогда она лишилась бы последнего собственного пристанища, где хоть изредка забывалась от печали...

Но опечатанную комнату арестованного вскоре как ни в чем не бывало распечатали и, выкинув из нее нехитрый скарб бывшего хозяина, снова заселили – одинокой и безработной старой барышней, почти такой же некрасивой, как и Рита. Это могло означать только одно: возвращения Семена можно больше не опасаться... На кухне плакали, Рита ходила с непроницаемым лицом, как римская матрона, что немедленно нашло свое объяснение: несчастная женщина окаменела от горя...

Но она просто боялась выказать неуместную

¹ *Вычистить* – исключить из ВКП(б) (жарг.)

радость!

Довольно и той, которую разрешалось проявлять на законных основаниях: Митенька рос здоровеньким и крепким ребенком, хорошо кушал и спокойно спал, вовремя показывал маме молочную крошечку на нижней розовой дёсенке – первый, второй, третий и четвертый зубик – довольно гулил, забавляясь унаследованными от подросших соседских ребятишек игрушками... В свои сроки он уверенно пошел по светлому паркету навстречу Ритиным раскинутым рукам, с улыбкой назвал ее, ошалевшую от солнечного счастья, мамой, осмысленно ткнул пухлым пальчиком в дореволюционной книжке на «заю», «лисю» и «мишу»... Случалось ему, правда, и устраивать своей матери мгновенный смертный испуг, от которого останавливалось сердце: однажды, расшалившись, сдернул хваткой ручонкой скатерть со стола – а вместе с нею и только что вскипевший чайник, но чудом ни единой капли не попало на его нежную кожу; в другой раз, душным летним вечером уложенный своей матерью на взрослом диване спать у открытого окна, в которое слабо текла влажная прохлада, он проснулся и через спинку тихо-тихо перебрался на широкий подоконник... Рите долго снилось в кошмарах, как она подняла голову от своей медицинской книги и увидела только круглую персиковую попку сына – в то время как ладошки его уже беспечно лежали на теплом покатом карнизе их шестого этажа, и юный исследователь как раз заносил над рамой ножку в трогательных перевязочках, чтобы окончательно перелезть на карниз – но все никак не мог достаточно высоко поднять толстенькое колено... Случилось ему положить себе на язык крупинку марганцовки – успел слизнуть только одну, и то сколько реву было – перед этим счастливо уронив на пол склянку с остальным порошком... Младенцем он выпал во дворе из коляски, когда неожиданно впервые в жизни самостоятельно встал, держась за бортик – и попал головой точно в мягкую кучу осенних листьев, а не на черные булыжники мостовой... Он подавился найденной в углу, должно быть, еще бабушкиной бусиной, но с испугу споткнулся, упал – и страшный предмет сам вылетел у него из дыхательного горла от сотрясения...

Обо всем этом жутко было вспоминать – и Рита предпочитала думать о том, каким умненьким растёт ее мальчик, какая хорошая у него память: вопросы его, пятилетнего, – «А почему, мама, у тети Нюты много мужей, а у тебя – ни одного?» – подчас заставляли его маму неопределенно мычать, наскоро придумывая ответ, а уж стихи он запомнил с лету – и пятилетним, случалось, безо всякого стеснения встав на табуретку в центре кухни, от начала и до конца шпарил без запинки любимый

стих про Тараканище, не понимая, почему взрослые, как-то странно смущаясь, прячут глаза, когда он с выражением читает: «Поклонилися звери Усатому –/Чтоб ему провалиться, проклятому...».

Как медик, Маргарита, к тому времени уже прочно «Осиповна», никогда не сомневалась, что отдать ребенка в советские ясли или сад – значит позволить ему переболеть всеми существующими детскими болезнями, и, желая этого избежать, пригласила в качестве няни приличную старую деву по имени Ева, вселенную в комнату сгнувшего Семена и сразу навязавшуюся в крестные. Впрочем, симпатичного, забавного и рассудительного «дохторского» Митю дружно обожала и баловала вся многократно леченная женская половина квартиры – и ему постоянно то совали в коридоре пряники или капустные кочерыжки, то несли прямо в комнату дымящийся кусок свежееиспеченного яблочного пирога. Ева же просто души не чаяла в своем воспитаннике и крестнике, готовая проводить с ним рядом сутки напролет, и ненадолго отлучалась только в тех редких случаях, когда ей вдруг самым положительным образом думалось, что у нее начинается с кем-нибудь долгожданный «роман». Тогда, судорожно отпрашиваясь у хозяйки, она неслась, обнадеженная случайным мужским теплым словом, в очередную «киношку» с мимолетным знакомым – и всегда возвращалась грустная, с глазами «на мокром месте», так и не дождавшаяся приглашения на следующее свидание... В такие дни, если нужно было идти в больницу, фельдшер Маргарита Осиповна без сомнений брала сына с собой на дежурство: в их стерильном хирургическом отделении заразных больных и в заводе не было, а мальчика она решила с детства постепенно приучать к мысли, что он, когда вырастет, непременно станет доктором. Митя никогда не мешал работать добродушно кивавшему персоналу – наоборот, иногда ухитрялся помочь замотанным палатным сестрам быстрее разнести больным порошки, утешал скучавших по родителям выздоравливающих – а потом сладко спал до утра на кушетке в теплой раздевалке у душевой. Присев среди хлопот рядом со сладко посасывающим во сне кончик заштампованной простыни ребенком, Рита чувствовала иногда, как у нее по-настоящему ноет сердце: это оно раздавалось вширь, не в силах вместить и без того огромного, но все растущего и растущего счастья.

3

- Ну вот, Ученик твое первое самостоятельное деланье завершается. Короткий путь твоего подопечного подходит к концу. Трудно ли было работать?

- Нет, Наставник, скорей, приятно: однажды струю кипятка из упавшего чайника отвел в сторону, другой раз целых четыре минуты земного времени держал подопечного за ногу, пока его мать не заметила, что дитя сейчас вылетит из окна. Потом выбил у него из рук пузырек с марганцовкой... Ну, еще пододвинул кучу листьев младенцу под голову, когда он вздумал падать на камни, хорошенько потряхнул и бросил на пол, чтобы вышибить бусину у него из горла... Да много чего пришлось сделать по мелочам: то кошкину лапу с когтями перехватил у самого глаза, то успел задержать электрический ток у кончиков пальцев, едва мальчик засунул в розетку две материнские спицы, то выключил примус за миг до того, как тот вспыхнул бы рядом с ребенком... Всего не перечислить, Учитель.

- Ты заслужил похвалу, Пришедший. Ну, что ж... Скоро тебе держать экзамен перед Высшими, а я буду твоим ходатаем, но сначала... Приготовься к завтрашнему – по их исчислению – дню: исход подопечного – дело едва ли не самое ответственное в служении Хранителя.

День выдался бело-голубой и снегириный. В полдень, когда Рита ходила с сыном в булочную, желая пусть и в мороз – но дать ему чуть-чуть подышать воздухом для закалки, они пересекали наискосок двор бывшей женской гимназии, а ныне обычной ленинградской школы имени товарища Кирова, и задержались перед входом.

- Через два месяца тебе исполнится семь лет, и к осени я запишу тебя в эту школу... – начала было Рита, но речь ее пресеклась, а дух захватило: – Митя! – дрожащим голосом выдохнула она. – Ты только посмотри!

Справа от здания, на пышном, сплошь заснеженном кусте, сидело десятка три круглогрудых снегирей.словно зрелые райские яблоки небывалых размеров, они облепили сверкающие на солнце ослепительные ветки сирени и не торопились покидать их слишком скоро – верно, стая остановилась отдохнуть на пути к таинственной цели, а звенящая городская стужа нипочем была этим радостным зимним птицам... Мать и сын застыли в почти священном восторге – казалось, сделай одно движение – и вмиг исчезнет чудо, смажется неизъяснимо красивая живая картина... Сколько продолжалось нездешнее очарование? Секунды мчались и мчались прочь, а волшебные птицы все не улетали – и длилась, длилась мучительно прекрасная бесконечная минута... Их никто не спугнул. Повинуясь какому-то своему, недоступному людям сигналу, снегири вдруг разом затрепетали крыльями – и мгновенным пламенем вспыхнул вздрогнувший куст. Осыпался снег, оголились

кое-где ветки. Пропало виденье – но осталось навсегда.

Домой они пришли тихие, счастливо-грустные. Рита стала задумчиво мазать маслом чуть теплую свежую булку; она хотела перед уходом на работу к трем часам сама хорошенько покормить сына, чтоб не оставлять этой заботы няне, вечно проявлявшей мелочную и бесполезную пунктуальность – например, она не позволила бы Мите отломить в свое удовольствие руками хрустящую корочку, как он любил, а стала бы скучно резать батон тонкими ломтиками... Еще, пожалуй, повязала бы ему вокруг шеи детскую салфетку – а ведь он уже большой мальчик, и это ему может быть обидно...

Дверь их комнаты распахнулась, и за полчаса до предполагавшегося времени Ева буквально ворвалась к ним – с широко открытыми горящими глазами и папилютками в жидких бледных волосиках:

- Риточка Осиповна! Риточка Осиповна! – возбужденно выкрикнула она. – Простите, миленькая, – не могу! Позвонил! Сейчас! Только что! Позвонил Аркадий Львович! «Большая жизнь»! Фильм с Бернесом! Билеты взял! Не сердитесь!

Сердиться и невозможно было: Ева работала у них практически без выходных, считалась почти родственницей, и уж конечно, имела полное право раз в пару месяцев потратить несколько часов и на себя... Рита искренне желала ей счастья перед каждым ее заведомо обреченным свиданием – но снова и снова какое-нибудь забавное, но роковое обстоятельство мешало дальнейшему развитию многообещающего Евиного романа. То ее вдруг начинало от волнения тошнить прямо в театре на глазах у кавалера, то она ломала каблук и некрасиво ковыляла, теряя все свое маленькое очарование, то еще какая-нибудь мелкая беда обрушивалась на ее незадачливую головку...

- Конечно, идите! Желаю вам приятно провести время с хорошим человеком! – от всей души порадовалась за нее Маргарита Осиповна. – Мы с Митенькой отлично и вдвоем подежури́м, правда?

Мальчик подскочил от восторга: на службе у мамы он чувствовал себя вполне взрослым, почти что доктором – только чуть-чуть подучиться – и даже свой маленький белый халатик у него там был, оставшийся от уволившейся санитарки-липуточки.

...Когда в полночь мама ушла с хирургами на срочную операцию, Митя осторожно вылез из-под серого солдатского одеяла, укрывавшего его на довольно жесткой клеенчатой коврике около душевой. Он взобрался на широкий подоконник, поставив ноги в кожаных тапочках на теплый ра-

диатор парового отопления, и принялся задумчиво смотреть на пустую узкую улицу, тонущую в фантастическом, оранжевом в свете фонарей снегу. Ему не спалось, а мечталось. Почему именно врачом? А если летчиком, как Чкалов? Или, когда папанинцы соберутся на новую зимовку, отправиться с ними – ведь он уже успеет вырасти? А может быть, стать пограничником, чтобы уж наверняка иметь собаку от государства, раз мама не разрешает? Или все-таки хирургом – и вот так же оперировать глубокой ночью, как лысенький толстячок дядя Коля, который сейчас в операционной вовсе не кажется смешным, а уверенно командует басом: скальпель! зажим! дренаж! шить! – Митя пробрался однажды днем в смотровую со студентами, и они, шушукаясь и подсмеиваясь, по очереди закрывали его собой от старенького профессора, который в конце концов рассердился на всех, а Митю вывел прочь за ухо...

Сидеть стало скучно, и мальчик направился в спящий затемненный коридор, где неприятно пахло пресной больничной едой и бродили по стенам тени от редких машин, и принялся слоняться без цели, разглядывая цветные плакаты. «Бе-ре-гись-вшей, – читал он по слогам, напрягая зрение. – Дизен-те-ри-я-бо-лезнь-гряз-ных-рук...» – но и это скоро прискучило. Оглянувшись на тяжело дремавшую под зеленой лампой медсестру на посту и чуть скрипнув высокой дверью, Митя выскользнул на лестничную площадку. Там тоже было окно, и у окна, положив локти на подоконник и склонив на них растрепанную черную голову, стоял кто-то маленький, утонувший в буром казенном халате – только две ножки-палочки в огромных шлепанцах виднелись из-под подола. Услышав скрип двери, фигурка вздрогнула, и сразу тревожно обернулось заплаканное девичье личико. Девчужке было примерно столько же, сколько и Мите, но маленький рост и общая шуплость делали ее, похожую вблизи на обиженного вороненка, младше и беспомощней, что сразу заставило будущего докторалетчика-пограничника взять над ней снисходительное шефство:

- Чего реवेशь? – деловито спросил он тоном старшего и назидательно добавил: – Спать надо.

- Ага-а, – еще пуще захныкала девочка. – Сам бы спал, если такой у-умный... А меня сегодня выписать обеща-али! И мама... – она протяжно всхлипнула. – Мама даже пришла с вещами... А докторша меня ей не отдала...

- Почему? – поразился мальчик, невольно делая шаг к лазаретной пленнице и заглядывая ей в лицо, изрядно измазанное соплями. – Как так – не отдала?

- А потому что я вчера... на сквозняке простудилась и насморк... заработала... – уже спокойней

объяснила девочка. – А больных детей не выписывают, даже если швы сняли...

- Ну-у, – совсем по-взрослому протянул Митя и смутно припомнил фразу из давней сказки или стишка: – Это горе – не беда...

Он решительным, скопированным у няни движением, вытер ей слезы и сопли рукой:

- Пойдем-ка, в палату тебя отведу. Поспи все-таки. А утро вечера мудренее, – кстати подвернулось еще одно сказочное выражение.

Мальчик взял девочку за плечи и осторожно повлек в коридор. Она не сопротивлялась. Всклоченные мягкие волосы пахли деревенским курятником. Медсестра на посту все еще крепко спала.

- Вот, собственно, и все, Ученик. У девочки не простой насморк – а менингококковый назофарингит – так эта болезнь называется у людей, но в данном случае никто об этом не знает. У девяноста восьми человек из ста заразившихся она протекает в виде легкой простуды и дает пожизненную устойчивость к возбудителю – менингококку. Но двое заболевают тяжелым менингитом, и твой подопечный – один из таких двоих. В первой половине двадцатого века лекарства от этой болезни еще не знают, и заболевшие дети умирают всегда.

- Его смерть будет мучительна, Наставник?

- Нет. Ни он не согрешил настолько, ни родители его, Пришедший. Утром он потеряет сознание и к обеду, так и не придя в себя, умрет. Его смертная мука пройдет в бреду, так что не стоит жалеть.

- А его мать?

- Она трех лет не доживет до следующего века – такая длинная жизнь ей отмерена – а дальше я не смотрел: нет надобности.

- Скажи, Наставник, имею ли я право спросить, что ждало бы его, если б няня осталась с ним дома, – или это слишком дерзко с моей стороны?

- Тайны нет. В таком случае ему просто был бы нужен другой Хранитель, более опытный и проницательный. Намного более. И, скорей всего, с ним бы даже работал Изначальный, потому что вести такого трудней, чем канатоходца... Но здесь, у нас, ему в любом случае уготовано быстрое восхождение...

- Его ждало бы много скорбей и опасностей на земле, Учитель?

- Искушений, Ученик. Суди сам. Обращал ты внимание на того одинокого не очень чистоплотного старичка из дальней комнаты, где когда-то жила горничная? Он спит на полу, на ветхом матраце, носит одну и ту же пиджачную пару, зи-

мой накидывает поверх старое одеяло, а всю его комнату занимают ящики. Пока мальчику еще рано, но если его няня однажды останется с ним, вместо того, чтобы уйти в кино...

Однажды он доберется до тех ящиков и обнаружит в них книги... Сотни и сотни книг. Старик, у которого в семнадцатом сын и дочь погибли на Западном фронте, младшие дети умерли в Петрограде от тифа, а единственный внук – от голода, этот старик охотно допустит любознательного мальчика до своей сокровищницы. И произойдет это именно тогда, когда никто, даже самый искусный Хранитель, не смог бы спасти обреченного отрока: ведь гораздо легче помешать человеку упасть со скалы в пропасть, чем низвергнуться в бездну отчаянья. А в такую бездну превратится в те месяцы весь этот город – и полтора миллиона человек, включая и няню Еву, поглотит она. Но старик и дитя, накрывшись одним одеялом и по очереди отщипывая по крошке от стограммового куска влажного хлеба, будут читать при свете чадающего светильника – каждый свое... Вечером Маргарита принесет им в котелке из госпиталя пол-литра замерзшего по пути тощего варева, они разогреют его на маленькой печке, съедят, уступая другому по пол-ложки, – и снова примутся читать – пока не заснут... В той маленькой прожорливой печке сгорит вся оставшаяся в опустевшей квартире старинная драгоценная мебель – но книгами топить ее не станут, Ученик... Так и выживут. У твоего подопечного будут два случая, когда он не умрет только из-за жажды узнать, как выберутся Том Соьер с Бекки Течер из подземелья, и чем закончится эпопея пятнадцатилетнего капитана... Но оба раза подоспеет суп, и с ним – возможность пожить еще. Когда кончится и та большая война, старик перед смертью подарит подростку все свои книги, зная, что только он сумеет распорядиться ими как должно... Но все дело в том, что романы о страстях и странствиях скоро перестанут удовлетворять юношу – и он разыщет для своей новой потребности другие книги. В библиотеке найдутся исторические изыскания, философские труды, богословские трактаты... Он изучит и обдумает Священное Писание, а уже к окончанию школы состоится серьезная проба пера – юный Димитрий тайне напишет блестящее эссе, переосмыслив в свете современной ему жизни учение блаженного Августина...

- Я все-таки хочу услышать, что ты решил, сынок...

Маргарита Осиповна – с короткими седыми волосами, забранными назад под гребенку, заметно ссутулившаяся с возрастом, – стояла спиной к

раковине в маленькой кухне их новой миниатюрной квартирке на Охте, выделенной матери с сыном, когда старый, в блокаду пробитый во многих местах и кое-как залатанный дом через пять лет после войны все-таки был признан аварийным и расселен.

Изо всех сил Рита пыталась говорить спокойно, не дать вспыхнуть своей давно таившейся удивленной обиде на сына. Она так на него надеялась! Учился Митя легко и непринужденно, никогда не прикладывая на занятиях особого труда, – и многие учителя, не таясь, предрекали ей, что из мальчика явно выйдет толк. Любой, даже самый трудный институт, куда рядовому хорошисту путь заказан – как пустое семечко для ее одаренного сына, уверяли они. Вскоре мать поняла, что увлечение медициной осталось для сына далеко в раннем детстве, когда он, бывало, прилагал все силенки, чтобы помочь врачам и сестрам в больнице, и стала подталкивать мальчика к будущей профессии ученого-авиатора. Записывала в кружок авиамоделирования – через неделю он бросал ходить в Дом пионеров: неинтересно. Тогда мать начинала представлять своего ребенка блестящим инженером у кульмана, окруженного восторженно внимающей талантливой молодежью... Покупала дорогие конструкторы – они пылились годами едва распакованные. Водила в Военно-морской музей – Митя вежливо смотрел на витрины, трогал пальцем ботинок Петра... И все. Торжественные парады на Седьмое ноября не производили на него никакого впечатления – и становилось ясно, что бравым офицером ему тоже не быть, а потом еще и обнаружилось плоскостопие... Изо дня в день, из года в год наблюдая запойное чтение сына, мать в последние годы принялась утешать себя тем, что, видно, Митенька станет учителем, раз уж ни к какой крепкой мужской профессии не лежит его мягкое сердце. А что? Будет преподавать деткам историю, например, или литературу... Мужчина-учитель теперь редкость – тем больше почет. Но и к возне с младшими ребятами не выказывал он никакой склонности – скорей, сторонился их... Неужели эта его непонятная пассивность, отсутствие твердого стержня и мужского влияния теперь погубит все такие очевидные таланты, превратит здорового и умного парня в рыхлого, ничего не достигшего в жизни мещанина?

- Так что же? – настаивала она, строго глядя в хорошее и правильное юношеское лицо прямо сидевшего за столом Дмитриия, на его непокорную прядку, упрямую, как и сама его крутая макушка, на которой она всегда победительно топорщилась. – Выпускной позади – куда ты намерен поступать?

- Мама, я боюсь, ты можешь неправильно по-

нять меня и не одобрить моего выбора... – смущенно проговорил, наконец, сын молодым звучным баском. – Я решил...

- Я поддержу любое твоё решение! – горячо воскликнула мать. – Лишь бы будущая профессия была и тебе по душе, и людям приносила бы пользу!

- ...стать священником, мама, – твердо закончил он.

Стало тихо.

- Это... шутка такая... да? – через какое-то время выдавила Рита. – Скажи – да? Я знаю, что у тебя очень... своеобразный... юмор...

- Я не шучу, – мягко ответил Митя. – Ты, может быть, знаешь, что в Ленинграде теперь снова открыли Духовную семинарию... Так вот, туда я и...

- Нет!!! – неизвестным доселе ей самой утробным рыком разгневанной львицы взревела Рита. – Ты не посмеешь!!! Ты – этого – не – сделаешь! Сколько попов – расстреляли! Даже твоего отца – коммуниста – репрессировали! Видит Бог – я его не любила!! Но я – не переживу! Если что-то случится с тобой!! – и вдруг, оторвав ладони от раковины, она всплеснула ими и тяжело грохнулась на колени, на крашенные красной масляной краской доски, и никогда не изведенные раньше рыдания рванулись из груди сами собой: – Ну, стань учителем... Ну, что тебе стоит... Учи детей истории... Чему там еще... И будешь жив и здоров... Только не свя... свящ... – слезы захлестнули ее, как волна, в сердце словно воткнули железный кол – и ворочали, ворочали, ворочали – она поникла, оседая на пол: – Я одна растила тебя... Ты у меня... единственный... Никого на свете... Скажи, что ты не... не... Скажи!

Митя тщился поднять свою высокую и угловатую мать, тяжело и нелепо упавшую на подвернутую ногу, но выходило это у него плохо, поэтому оба неуклюже барахтались под раковиной, мокрые от ее слез...

- Хорошо, хорошо, но только не учителем... – растерянно шептал, возясь с нею на полу, юноша. – Потому что я не умею врать... Я, оказывается, совсем не умею врать, мама...

- И он не станет священником, Наставник?

- Нет. Он поступит на философский факультет Университета, но через год уйдет оттуда сам, не выдержав еще большей лжи – и больше никуда не пойдет учиться. Да и чему было учиться ему – там и тогда?

- И никто, никогда не поддержит его? Даже жены у него не будет, Наставник?

- Будет жена, Ученик. Красивая девушка с длинными светлыми волосами полюбит его за

необычность, за странную философию, за непонятные стихи, которые он посвятит ее глубоким синим глазам... Она родит ему сына – нескоро, в семидесятом году... А это – уже восемьдесят пятый. Взгляни.

Рано увядшая сухопарая женщина со скорбным ртом и паутинкой частых неглубоких морщинок на худом желтоватом лице, перекинув через плечо длинное вафельное полотенце, привычными движениями перетирала вымытые тарелки. Звучные настенные часы настучали уже половине первого ночи, а будильник в спальне, где, все еще не поднимая головы от письменного стола, сидел ее муж, был заведен на шесть. Но ей кровь из носу надо было покончить с посудой перед тем, как лечь спать: пунктуальность характера в совокупности с тревожностью сердца все равно не дали бы заснуть с мыслями о недовершенном деле – такой уж родилась эта женщина... Ну, а сегодня она припозднилась: просидела с Петрушей за алгебраическими примерами почти до полуночи – сама ахнула, когда глянула на часы. Но не даются парню точные науки – просто беда! Зато сочинения по литературе на шестнадцати страницах пишет, без толку мыслю по древу растекается, и училка, дура, потом их перед классом зачитывает... Сколько раз просила ее не возвращать в мальчишке никаких ложных и никчемных мечтаний, предупреждала, что решила направить сына совсем по другой стезе! Он мальчик – и, значит, должен закончить технический вуз. Она не даст ему пойти в отца и превратиться в бесполезного тюфяка-гуманитария... Сделает его настоящим мужчиной – ответственным человеком с уважаемой профессией, кормильцем, семьянином. Все силы на это бросит – все, все! «Боже мой, Боже мой... – женщина со стоном прислонилась лбом к белому настенному шкафчику. – Хоть бы завтра он дал мне поспать на час подольше и сам бы доделал с сыном уроки... Физику эту проклятую... Так ведь нет – сейчас погоню его из спальни, а он опять на кухне засядет со своими бумажками. И, когда мой будильник прозвенит, *Этот* как раз спать ляжет – и хоть из пушки пали. А что ему? Работает сутки через трое... Ха! Работает...». Уголки ее рта опустились еще горше, брови трагически изломились... «Устала. Устала. Господи, как же я устала...» – прошептала она, не в силах оторвать голову от прохладного пластика.

Позади нее с шумом распахнулась застекленная дверь, и тотчас зарокотал сочный мужнин бас:

- Люся, послушай! – возбужденно говорил Дима, широкоплечий русобородый мужчина, не обращая никакого внимания на то, что жена его

изнеможенно стояла спиной, и он мог видеть лишь ее короткие, пережженные перманентом жесткие кудряшки. – Только не перебивай. Я полгода вынашивал, все не понимал, к чему такое в голове вертится, вертится... И вот сейчас – как молния вспыхнула. И я – представляешь – на одном дыхании, только что...

- Труба иерихонская... – глухо отозвалась жена, не поворачивая головы. – Ребенка разбудишь...

- Да он дрыхнет без задних ног... – отмахнулся муж. – Так вот... В общем, зачитаю я тебе сейчас один набросок, но, чтобы было яснее, сначала объясню, что и как. Короче, есть такой сто тридцать восьмой псалом у Давида, и всегда меня, знаешь, царапал этот русский перевод с церковнославянского... Что-то там не вытанцовывалось... Перевели, умники: «Зародыш мой видели глаза Твои»... Да почему зародыш-то, когда в псалме ясно сказано: «Несоделанное мое видели очи Твои». Да не имел тут в виду Псалмопевец никаких зародышей! Тут речь идет, Люся, – о сослагательном наклонении, вот что! Глаза Господа видели то, чего я не сделал, но мог бы сделать! – вот о чем пишет Давид, и этот псалом – особенный, он не просто славит величие Божье и утверждает Его вездесущность, но и говорит умеющему слышать, что то, что *было бы* – тоже рассмотрено и оценено Богом! Вот я и написал по этому поводу маленькое исследование Псалтири – так, страниц на восемнадцать-двадцать печатного текста... Сейчас прочту, ты только сядь, стоя неудобно слушать... О, Господи, я и сам оглушен, все в себя никак не приду – да садись же ты, наконец, – не могу же я все время голову задирать!

Люся медленно повернулась к мужу, и на лице ее читалось такое презрение, смешанное почти с ненавистью, что он осекся и озадаченно пробормотал:

- Люсенька, что?

- Что? Что? – шепотом переспросила она, медленно садясь за стол, округляя глаза и неприятно скалясь. – Ты сам не догадываешься – что? Если ты еще не смотрел на часы – так посмотри: на них час ночи! А вставать мне в шесть! В шесть, Дима! Чтобы успеть разбудить нашего сына, на которого тебе плевать, накормить его и доделать с ним уроки! А потом мне к половине девятого ехать на работу, где торчать до полшестого за ЭВМ! И не напутать там ничего, и самой не сдохнуть! И ты при этом собираешься три часа читать мне какую-то ахинею?! Тебе вообще хоть до чего-то в этой жизни есть дело, кроме своих идиотских фантазий?! – под конец женщина сорвалась на визг, сама забыв о священном сне ребенка.

- Они не идиотские... И вообще не фантазии...

– обиделся Дима. – Ты просто не хочешь понять, потому что никогда толком не слушаешь...

- И не буду слушать! – из глаз у Люси вдруг брызнули усталые злые слезы. – И никто не будет ни слушать, ни читать! Потому что ближайшие пятьсот лет это все равно невозможно напечатать! Опомнись, оглянись – на что ты жизнь тратишь! На дворе конец двадцатого века – какие еще псалмы?! Ты любого... вот любого человека на улице останови... Останови и спроси: «Что такое псалом?» – и ни один не ответит тебе, ни один!!! – она уже неостановимо рыдала, закрыв лицо руками и сотрясаясь, но сквозь рыдания все же неслись горькие упреки: – Тебе за пятьдесят перевалило, борода, вон, седая, волосы выпадают! А все, как мальчишка, в котельной за восемьдесят рублей сидишь и бездельничаешь, я одна вкалываю каждый день в институте и дома! В приличном месте работаю, а хожу оборванкой – порядочные люди смеются! У Петруши одни ботинки на все случаи жизни – а ты статьи на отвлеченные темы пишешь! Которые никому не нужны, и их никто, никогда, нигде не прочтет!!!

- Прочтут, кому надо... И где надо... – хмуро отозвался Дима. – Может быть, не здесь и не сейчас...

- А где? Где? На Западе?! – пуще полились ее слезы. – Ты еще и сесть хочешь вдобавок ко всему, диссидент хренов? Мало тебе того, что ты мою жизнь в грязь втоптал – ты и ребенку ее искалечить хочешь?!

Дима уже не слушал ее – большой, угрюмый и нескладный, он молча собирал с кухонного стола свои исписанные размашистым почерком листы. Сложил в аккуратную нетолстую пачку, постучал ею по столу, выравнивая...

- Я имел в виду – *совсем* не здесь, – тихо сказал он. – И не сейчас – в *другом* смысле...

Его жена махнула рукой и уронила голову на стол.

- Скажи, Наставник, а то, что он писал...

- Он во многом ошибался, Пришедший, как любой человек. Но ошибался он меньше других – вот в чем дело. А иногда – редко, но чаще мало кто может вместить – был и вовсе настолько близок к истине, насколько это вообще возможно для смертного... Он не сражался и не погиб за правду, как мученики, он просто и незаметно потерял все, кроме нее. Его Хранителю почти никогда не пришлось бы спасать его земную жизнь, но вечно ходить за ним над такой пропастью смог бы не каждый. Поэтому менингококк той девочки...

- Я понимаю, Наставник. Еще один вопрос, если позволишь: неужели он не получит при жизни вообще никакого утешения?

- Так не бывает ни у кого, Пришедший. Даже ты получил его в свое время. А твой подопечный... Смотри, что было бы с ним еще через четырнадцать лет, в его последний земной день.

- Было бы, да. Не так уж неправильно он понял тот псалом, Учитель...

- Отец, ты дома? – Петруша открыл дверь своим ключом и дважды щелкнул выключателем.

Свет не загорелся; молодой человек стал осторожно пробираться в полумраке по захламленному коридору, задел тренькнувший велосипед – и сразу же, как по сигналу, из-за полуоткрытой двери в единственную комнату, откуда тек слабый голубоватый свет, раздался взрыв надсадного кашля. Он толкнул дверь и вошел к отцу.

Дмитрий Семенович сидел в большом покойном кресле под торшером и тяжело, с хрипом и свистом, дышал. В комнате стояла влажная духота, но окно было не только закрыто, но еще и тщательно законопачено грязным рыжим поролоном. Петруша заметил, что даже за те полмесяца, что он не навещал своего больного родителя, тот еще больше исхудал и опустился: всклокоченная борода, вся в перьях от подушки, падала на грудь, остатки серых волос свалились, гноился правый глаз... На плечи его был накинут теплый клетчатый плед, но старик все равно зябко ежился и потирал руки, как на морозе. По обе стороны от кресла стояли деревянные табуретки, одна из которых была сплошь заставлена пузырьками и коробочками с лекарствами, а другая гордо держала на себе неровную стопку книг и множество испещренных записями блокнотных листочков, придавленных, будто пресс-папье, граненым стаканом в подстаканнике. Молодой человек сел на тахту:

- Ну, как ты, папа? – спросил он нарочито бодро. – Все еще кашляешь?

- Не разговаривай со мной, как с маразматиком! Терпеть этого не могу! – прохрипел отец, и в груди у него грозно забулькало. – Ты прекрасно видишь, что настали мои последние дни.

Петя не умел бездействовать никогда, а сегодня ему еще и было стыдно из-за того, что он так долго не приходил к старику:

- Тебе нужно срочно в больницу. Вот что: сейчас я позвоню в «скорую», и они обязаны будут тебя госпитализировать!

Дмитрий Семенович протестующе поднял руку:

- Ни за что! Не могу больше в больницу. Там только мучают, а легче не становится... Да и нет таких лекарств, чтобы я перестал задыхаться. Видишь ли... Я прозадыхался всю жизнь – дома, на работе, среди знакомых – хотя и дышал тогда еще полной грудью. Теперь я умру от того, чем

невидимо страдал все эти годы: задохнусь по-настоящему, явно для всех. Знаешь, я даже рад, что Бог посылает мне именно такую смерть.

- Нельзя так говорить! – наставительно сказал Петя, хотя у него и мелькнула странная мысль: а ведь это правда, как ни страшно звучит; но согласиться вслух было невозможно, и он сам почувствовал, как фальшивы его слова: – Тебе надо лечиться регулярно – вот и все. Хотя бы лекарства вовремя принимать...

Отец посмотрел на него с усмешкой – и опять надолго закашлялся. Продышался и попросил:

- Передай-ка вон ту прыскалку... Мне самому не дотянуться...

Петя взял в руки пульверизатор, посмотрел, возмутился:

- Папа! Ведь этот препарат применяют максимум два раза в день – утром и вечером! Потому что возникает привыкание, и можно просто подсесть на него! А ты в который раз сегодня собираешься?

- Не считал. Да это уже не имеет значения... Человек слаб – никто не хочет умирать в мучениях. В смысле – в слишком уж больших мучениях.

Сын покачал головой, но флакон больному протянул.

- Сменим пластинку, – сказал старик, после того, как с наслаждением вдохнул лекарство. – Как мама? Мужем своим довольна?

- Ты все двенадцать лет каждый раз спрашиваешь, – пожал плечами Петя. – Сам знаешь, что довольна. Когда был у них последний раз – она нахвалиться не могла: и деловой, и с руками, и головастый он у нее... – Петя помедлил. – Тьфу.

Дмитрий Семенович повернул голову и внимательно, почти пронзительно глянул на сына, легонько хмыкнул, приподняв бровь, – но ничего не сказал. Помолчали минутку, и молодой человек решил:

- Папа... а моя книга... Ты нашел время... или...

Больной молчал, поджав губы и мелко кивая головой, наконец, вскинул ее, и сын поразился ясности и твердости отцовского взгляда:

- Видит Бог, – медленно и тихо заговорил отец. – Видит Бог, я сделал все, чтобы ты писателем не стал. Я считал это своим долгом, но Он... У Него, вероятно, на тебя какие-то другие планы. Потому что ты – писатель, и никуда от этого не деться. Я читал твой роман запоем. Наплевать на горячий максимализм, на недостатки стиля... Это уйдет. Но ты, сын, написал – Трагедию. И мне остается только благословить тебя.

- Папа! – Петруша вскочил и взволнованно забегал по комнате, сам от себя пряча вдруг жарко поднявшиеся слезы. – Но ведь ты всегда так ругал

меня... Говорил, что ничего из меня не получится, убеждал заниматься каким-нибудь «настоящим» делом... А теперь...

- Это и есть твоё настоящее дело – но оно в конце концов разрушит твою жизнь, вот в чём беда... Я боялся за тебя, сынок – просто, как отец, боялся за своё дитя... – прошептал, опустив голову, больной. – Я не хотел, чтобы ты повторил мой каторжный путь – без друзей, без признания, без понимания со стороны самых близких... Я мечтал для тебя о хорошей семье, работе... Простой, чистой и счастливой жизни, любящей жене...

- Ася любит меня, – быстро вставил Петр.

- Не сомневаюсь... – отец опять обхватил фиолетовыми губами горлышко пульверизатора, перевёл дыхание, лицо чуть порозовело. – Она милая и умненькая девочка, но... Дай-то Бог, чтобы этого не случилось, конечно, но ты должен быть готов к тому, что и она не выдержит...

Он выжидающе посмотрел на сына, предполагая возражения – но Петя горько покачал головой:

- А я готов, папа... Давно готов – с того момента, как сел за самую первую рукопись... – он поднялся: – Знаешь, сейчас я должен бежать в садик за дочкой, но завтра мы с Асей...

Дмитрий Семенович махнул рукой:

- Конечно... Постой-ка. Наклонись – переkreщу. И вот что... Не сегодня, а потом... Совсем потом... Ну, ты понимаешь... Ты скажи ей когда-нибудь... Ну, дура этой... Что я её одну в жизни любил. И сейчас люблю. Как в день свадьбы.

- Как видишь, Ученик, такая жизнь под силу только титану. Нет, двум: второй – тот безумный Хранитель, который согласится работать с ним.

- Да, Наставник. Тут нужна отчаянность. Та, которая в хорошем смысле.

- Тебе-то откуда знать? Ты делай, что велено: проследи за менингококком, потом прими подопечного как должно – тебя учили... По Мытарствам ему не идти – он младенец, так что все просто.

- Он станет одним из нас, Учитель?

- Не думаю. Скорей, Высшие решат учить его другому – но то не наша забота. Жди меня завтра по земному времени – я приду поддержать тебя, когда ты предстанешь перед Советом... Ты понял? Что ты молчишь?

- Да, Наставник. Прости, я опять задумался.

4

Ни Мишутка, ни Васятка своих матушек, конечно, не послушали. Оба одинаково вралли им,

что бегают на реку с другими соседскими отроками, и проверить их матери, разумеется, не могли. Был у них придуман особый ясак¹ для вызова друг друга со двора по-хитрому, чтобы ни мамки, ни челядь не заметили: весной еще оба они, шутки ради скоморошествовая, выучились на свободе грать по-враниному², так что теперь, как только раздавался у кого-то из них за забором надрывный грай, будто смелый кот прихватил зазевавшуюся ворону, мальчишка тут же срывался с места и, запихивая за пазуху любую сыть³, до какой удалось дотянуться, бежал на улицу, не обращая внимания на ворчливую ругань мамки. Правда, мамки у обоих были уже старые и особенно за ребятами не ходили, считая их почти за отроков, коим дозволено гулять по своей воле.

Местом встречи всегда назначалась негустая осиновая роща над речной излучиной и, накупавшись до зубовного стука, синие от ледяной воды, ребята с наслаждением садились голыми на упеченке⁴ и честно делили меж собой, кто что принес из дома пожевать на пабедье⁵...

Июль уже готовился перетечь в август, а жары стояли прежние – и, если б не река с ее черной прохладой, то совсем бы беда, согласно думали юные друзья, жуя уже чуть подванивающего от жары осётрика вперемешку с первыми, незрелыми яблоками. Они знали, что под вечер у обоих прихватит животы, – ну, да то дело было привычное; случалось, и белые черви то у одного, то у другого из задю вылазили – никто в том беды не видел... Лишь бы хвост осётрика, под носом у мамки Орины с ледника ловко выкраденный, доест поскорей, пока совсем не провонял... Огрызки яблок они кидали в реку – кто дальше – потом, откинувшись на мягкую траву, безмолвно глядели в небо, задремывали...

- Где-то там батюшка мой обретается? – задумчиво проговорил Васятка. – Видит он меня сейчас, Михайло, как думаешь?

- Знамо дело, видит, – убежденно отозвался его дружок, приоткрыв один глаз. – И как ты у дьяка из сада яблоки воровал – тоже, – в его хитром зеленом райке играли искорки.

- И это?.. – упавшим голосом пробормотал паренек. – Ну, все тогда... Как встретишь с ним на небесах – точно возжжой отделаешь...

- Когда ты на небеса попадешь, ты и сам уже во какой большой будешь... Пусть попробуй-

¹ Ясак – условный сигнал (арх.)

² Грать по-враниному – каркать, как вороны (арх.)

³ Сыть – пища, еда (арх.)

⁴ Упеченка – солнцепёк (арх.)

⁵ Пабедье – второй завтрак (арх.)

ет! – утешил Мишутка. – Да и забудет он. Нам с тобой до этого еще знаешь сколько...

Позади них в густых кустах ольшаника слышалось как бы слабое скуление, и ребята враз обернулись.

- Кутёнок¹ там, что ли? – заинтересовался Мишутка и, не раздумывая, бросился раздвигать ветки. – Ишь, плачет, малой...

То был не кутёнок. Под густыми ветвями сидел и дрожал молодой черноногий лис, смотрел на людей затравленными желтыми глазами – и плакал. Во всяком случае, жалобная морда его была мокрым-мокра. Мальчик осторожно протянул руку, готовясь к тому, что зверь отдернет голову и умчится, но тот покорно, как добрая собачка, подставил шелковый лоб под человеческую ласку и даже как бы подался вперед.

- Ух ты, ручной! – восхитился Мишутка и, присев рядом с ластящимся животным, принялся наглаживать его. – Кушать хочет. А мы рыбку-то сами съели... Экие шалыги²!

Сзади опасливо подобрался Васятка, вытянул было палец, чтобы потрогать серый от жары лисий нос, но отдернул руку:

- А не бешаной он, часом?

- Да не пес же он, чтоб ему бешаному быть, – резонно возразил друг. – А коли и был бы, так кушался бы и пеной почему зря исходил. У нас, когда у соседа собака сбесилась, так она ему, прежде чем околеть, во дворе всех котов и кур передрала и даже из челяди кого-то укусила... Я в щелку смотрел – и то страшно. А этот... Хворый просто... Надо его к дому поближе перенести и выходить... Во! Знаю, куда! В заброшенный амбар! Я ему ужю курятину туда носить буду, – мальчик с нежностью склонился над больным зверем: – Лисенька-лись! А, лисенька-лись? Пойдешь с нами в амбар курочек кушать?

Лис лънул к нему, всем своим видом выражая полное согласие. Кряхтя, ребята вдвоем подняли тряпкой повисшую у них на руках лисицу и, хоронясь от взрослых, по-за домами затрусил в старый обвалившийся амбар. Васятка вызвался сбегать за куском мяса, потому что домашнее воровство выходило у него как-то ловчей и безнаказанней, а Мишутка кинулся в свой двор и молча унес у изумленного дворового пса из-под носа полную плошку воды. Примчался в дырявый амбар, плюхнулся на колени перед мелко подергивающим всей клочкастой шкурой зверком:

- Лисенька, видишь, как я быстро... Пей, миленький! – и он стал совать плошку к пону-

¹ Кутёнок – щенок (арх.)

² Шалыга – дубина (арх.)

рой морде.

Но лис не пил. Наоборот, он напрягся и начал судорожно сглатывать – не воду, а воздух, будто давился костью. Глаза его смотрели мутно и трагически.

- Э, да я вижу, ты совсем плоха, скотинка несчастная... – искренне огорчился Мишутка. – Почто не пьешь? Надо, друже, – жар у тебя... – запрокинув лисице голову и зажав ее локтем, он принялся обеими руками раздвигать стиснутые челюсти, намереваясь влить воду в пасть силой.

Дикий лесной зверь одним движением вывернулся, в дремучих глазах его мелькнула мгновенная злоба – и мощные белые клыки быстро сомкнулись на детском запястье. Брызнула кровь, мальчик вскрикнул, прижимая руку к животу:

- Вот ты какой... – обиженно прохныкал он, глотая подступающие от боли слезы, но природная доброта пересилила: – Дурашка...

Ветхая косая дверь распахнулась, в солнечной полутьме возник деловитый Васятка – и рубаха у него над поясом недвусмысленно оттопыривалась: мясо было добыто.

- Что тут? – испуганно спросил он, увидев пополам согнутого дружка. – Цапнул все-таки?

Мишутка кивнул, удерживаясь от плача из чистого молодечества. Руку ему они туго перевязали вдвоем – как раз той подобранной во дворе тряпичей, в которую был аккуратно завернут Васяткой кусок недоваренного мяса, борзо утянутый им прямо из кипящего чугунка.

- Заживет, – сурово успокоил он страдальца. – Ты вот что: рукав-то у рубахи вниз раскатай, чтоб Орина твоя или, хуже, матушка не заметила. Я тоже однажды локоть распорол – о сук – во была раница! – и только малый рубчик розовый остался... Помнишь, это на Петровках³ было – а теперь хоть бы что...

Покончив с перевязкой, ребята дружно обернулись на виновника. Лис не шевелился, лежал, вытянувшись, на соломе; в чуть оскаленной пасти тусклым жемчугом поблескивали белоснежные зубы, меж полузакрытых век грязно-перламутрово отсвечивали мертвые белки глаз...

- А давай его на большой муравейник за Москву-реку оттащим? – с ходу предложил неугомонный Васятка. – Когда мураши с него всю мертвечину объедят, мы его кось-главу⁴ на палку вденем и Парашку с Любавкой до поноса напугаем...

³ Во время Петровского поста, до 29 июня по ст. стилю

⁴ Кось-глава – череп (арх.)

- А ведь и правда, чего добру пропадать, – загорелся Мишутка. – Сейчас и пойдём, пока обедать не кличут.

Рука у него уже почти не болела, да и не видел он ничего особого в случайном лисьем укусе: сколько раз его собаки дворовые – свои и чужие – со злости за икры хватали, да и босыми ногами на что только не наступал! Иногда ему мамки гной выпускали для облегченья, да отваром романовой травы¹ измывали оцур², а чаще – само проходило... Вон, у холопчика Егорки уж куда как худо было дело: ему бабка из струна зудящего, что на лбу торчал, живые мушьи личинки выковыривала – и то зажило, как на кошке... Некогда горевать – пока теплынь стоит, пока вода в Москве-реке не замерзает, пока зрелая малина в садах так и падает в ладонь, оставляя на ветках короткие белые стерженьки, пока дожди еще в радость, а ночи стоят душистые...

Мишутка и думать забыл о неприятном случае – уж к Успенью³ и корочки отвалились со следа лисьих зубов, оставив на память кучные красноватые пятнышки – да то не единственная его признашка⁴ была, и посерьезней имелись метки... Вспомнил он о давнем укусе лишь во время торжественной обедни, изнывая в церкви от духоты в своей праздничной под горло застегнутой рудо-желтой⁵ рубахе, рядом с прямой и гордой, нарядившейся басы⁶ ради в платье из дикой венецицкой камки⁷ матушкой... Зажившую рану отчетливо покалывало изнутри – пришлось зажать руку под мышкой, но легче не стало – наоборот, приспело и жжение. Такого никогда до сих пор не случалось, и Мишутка грустно подумал, что и у него, должно быть, под свежей розовой кожицей завелись жирные желтые личинки – не миновать теперь длинной кривой иглы, как холопскому Егорке...

В последний раз подошел он к Причастию без исповеди вместе с младенцами: знал, что по осени сравняется ему семь годов, и кончится воля, придется перед духовным отцом за каждую чужую ягодку ответ держать – каково, а? Мальчик закручинился, а руку все дергало, непонятная тоска тихой сапой заползала в сердце – и поначалу он ее никак с той давней раной не связывал...

¹ Романова трава – ромашка (арх.)

² Оцур – открытая рана (арх., диал.)

³ 14 августа по старому стилю

⁴ Признашка – отличительный признак (арх.)

⁵ Рудо-желтый – оранжевый (арх.)

⁶ Баса – красота (арх.)

⁷ Дикая венецицкая камка – серо-синий венецианский шелк (арх.)

За обедом есть не хотелось. Напрасно Орина соблазняла его присланным батюшкой с купли виноградом – целых пять кистей еще утром доставили вкупе с другими гостинцами – Мишутка сидел снулый и сонный, в голове стоял отдаленный звон, по плечам бегали мурашки.

- Докупался, – шершавая ладонь мамки провела ему по голове. – Горишь ведь! – и она немедленно послала за матушкой, что в горнице угощала ради праздника духовного отца своего с попадшей Настасьей.

Она пришла как была, пощипая⁸ и веселая, присела на корточки перед печально сидевшим на лавке сыном, жемчуга на очелье⁹ ее убора блестели, будто зубы мертвого лиса. Хотелось плакать, как маленькому, болела спина...

- Вели уложить меня, матушка... – попросил он.

- Простыл, дитяtko? – ласково спросила мать, отбрасывая ему волосы со лба и рассеянно ероша их: – Ишь, оброс... Как встанешь – остричь велю... И впредь купайся поменьше.

- Все это лис окаянный, матушка, – пожаловался Мишутка, смутно уловивший связь между жжением в старой ране и нынешним своим недомоганием. – Верно, червячки под кожей завелись. Ты накажи Егоркиной бабке их повытянуть, а я ничего – потерплю...

- Какой еще лис? – насторожилась Мария.

- Который сдох, – объяснил ей сын. – Но перед тем кусил меня дюже. Мы с Васяткой руку ту трунью перевязали, да ранка и зажила... А сегодня в церкви как начало в ней печь! И по всем удам¹⁰ так жар и растекается...

Она отпрянула, не удержалась на весу – и жалко плюхнулась на гузно. Мишутка изумился тому, как быстро с лица матери стекала вниз природная розовость, руки ее судорожно поднялись к горлу – и она все не могла сделать настоящего вдоха.

- Государыня¹¹! – захохотала мамка. – Не зашиблась ли? Братчина¹², что ль, в ноги кинулась?

Мария тупо посмотрела на нее помутневшими глазами – и опять вспомнился мальчику околевший лис. Она так и сидела на полу, отмахиваясь обеими руками от мамкиной помощи, но вдруг спохватилась и начала выкрикивать:

- В Немецкую слободу!.. Сейчас пошли!..

⁸ Пощипая – нарядная (арх.)

⁹ Очелье – часть женского головного убора, соприкасавшаяся со лбом и щеками (арх.)

¹⁰ Уды – части тела (арх.)

¹¹ Обращение не только к царице, но и просто к хозяйке дома, имения

¹² Братчина – хмельной напиток из меда (арх.)

Сейчас!.. Лучшего лекаря немчина сюда!.. Искуснейшего! Вот... вот... – она принялась стаскивать с пальца что-то сверкающее. – Жуковинье¹ возьми... С лалом²... Только скорей чтоб! Только скорей!

Старуха-мамка, поначалу забормотавшая было о том, что из-за легкого озноба на лекаря тратиться – хозяин зашибет, но, узрев протянутую драгоценность, вмиг схватила ее и, на ходу пряча в складках старого летника, с великою борзостию ринулась прочь из полатки.

Лекарь, не старый еще человек, одетый в странные темные одежды – узкие порты и короткий кафтанчик – был гладко выбрит, так что лицо его смотрелось совсем как гузно с глазами. По-русски он говорил прекрасно, только чуть-чуть чудно, и сразу принялся расспрашивать Мишутку – но тот едва мог отвечать: отчего-то сводило челюсти, и в горле появилось неприятное чувство застрявшего куска, который никак не глотался, сколько ни пытался парнишка то выкашлять, то силой продавить его внутрь. Потом немец долго и больно жгал твердыми пальцами на розовые рубцы – и, наконец, поднялся, хмурая кустистые брови. Некоторое время он молча простоял над Мишуткиной постелью, губы его сложились в узкий, задумчивый, смешно ходивший туда-сюда хоботок. Из-за суконного плеча виднелись только черные глаза матери, отражавшие пламя всех четырех лучин, которыми ради лекаря осветили спальню – но свет сегодня был чем-то ужасен для мальчика, он болезненно жмурился и прятал лицо под перину.

- Воды, – коротко потребовал немец и, немедленно получив из рук мамки детскую кружечку, поднес ее к губам больного: – Пей, Мишутка.

Мишутка и не знал, что у воды есть запах! Ничего отвратительней он не вдыхал отроду – но глотнул через силу – и вода пошла обратно... Лекарь убрал кружечку и резко оборотился к Марии:

- Государыня, у вас есть еще дети? – голос его походил на пронзительный птичий крик.

Мишутка смутно, уже нехотя удивился: почему, коли матушка одна, лекарь обращается к ней, будто их две, – и все потонуло в тягучей судороге, прошедшей от головы к ногам. Мария опустила голову:

- Нет. Была еще Марфинька...

- Это прискорбно, – равнодушно сказал немец. – Потому что вашему сыну врачебная наука помочь бессильна. Та лисица, что укуси-

ла его, была бешеная, и зараза попала ребенку в кровь. Если бы он сказал сразу... Можно было поставить кровососную банку, и она, возможно, оттянула бы больную слюну... Но теперь... В вашем возрасте еще могут быть другие дети.

Пока он говорил, Мария не переставая мотала головой, а когда замолчал – горько улыбнулась:

- Нет. Я уж давно не брюхатею. И, ежели Мишутка мой теперь преставится, то я и сама себя живота лишу.

- Тогда вы больше с ним не увидите, – таинственно отозвался лекарь.

Мария снова замотала головой.

- Послушайте, – продолжал он. – Зрелище будет тяжелым. Вам лучше не видеть – такое даже для меня трудно. У мальчика не получилось сделать ни одного глотка воды – значит, я не смогу напоить его и сонным отваром, чтобы страданья свои он прошел в беспомощности. Но напиток пригодится вам, государыня. Для вас будет лучше опочивать, потому что вы сыну ничем не поможете... Этот маковый отвар дает на время забвение, подобное смерти.

И тут Мария кинулась на лекаря, как медведица:

- Опочивать?! Опочивать?! – дико взвела она ему в лицо. – Когда дитё мое единое смертную муку принимать будет?!!

Легко отшвырнув лекаря, она рванула с головы убор и простоволосая бросилась на колени перед Мишуткиной лавкой, накрыла собой его сотрясавшееся тельце:

- Дитячко мое! – взревела она, терзая рассыпавшиеся волосы. – Насилу свет от слез вижу! Чрез меня, твою мать окаянную, пришла тебе пагуба! Иудин грех совершила из зависти – под дыбу подвела Мавру-подружью! И как мне теперь в том каяться?! Коль и церковь поставлю обыдённую³ – не отмолить греха такого! Мишутка, свет мой ясный, – лучше б, как отец твой меня, брюхатую, чоботами⁴ колотил – мне б с тобой вместе да убиенной бысть, чем тебе на головушку безвинную смерть лютую призвать! Ты с собой теперь возьми меня – туда, куда уходишь от матери! Укуси меня за персты, что извет на Мавру писали, чтоб я тоже бешаной стала и в мученьях скончалась! – и, помутившись разумом, Мария поднесла руку ко рту метавшегося мальчика.

Мамки оттаскивали ее; позади бритый лекарь тихо давал сбившейся в кучу у дверей челяди быстрые распоряжения:

³ Обыдённая – построенная по обету за один день (арх.)

⁴ Чоботы – сапоги (арх.)

¹ Жуковинье – перстень (арх.)

² Лал – рубин (арх.)

- Свет уберите совсем, оставьте только за дверь. Принесите хорошие возжжи: мальчика сейчас придется связать и взнудать, иначе он скоро начнет кусаться и станет для всех опасен, – он обернулся на Марию, пожал плечами: – Эти московиты... Сколько живу здесь – а все никак не привыкну к их варварским нравам...

...К утру больного развязали: он почти успокоился – лежал тихо, дрожь проходила по телу все реже и реже, обильно текла слюна – уж все подголовье насквозь промокло – и мать его лежала, уткнувшись туда лицом, стиснув зубами перину и порой издавая тяжёлый стон. Сквозь узкие слюдяные окошки оранжевело последнее Мишуткино солнце.

- Она тоже, вероятней всего, сбесится, – сказал немец Орине, кивая на распростертую Марию. – Укус для этой заразы не обязателен, слюне бешеного достаточно попасть другому в рот, а она изжевала всю мокрую простынь.

Орина беззвучно заплакала, утираясь концом повоя¹. Но Мишутка вдруг очнулся, приподнял восковые веки и почти неслышно позвал мамушку. Она вздрогнула и подскочила, щупая его лоб:

- Что?! Светик мой ненаглядный – неужто полегчало тебе? – с безумной надеждой она обернулась к лекарю и мамке: – Емуллучше! Смотрите – жар-то спадает! Простил меня, значит, Господь?! Умолила его Мавра-мученица?!

Бритый черный человек бесстрастно показывал головой:

- Нет, государыня. Мальчик не может выздороветь. Но теперь он будет спокоен и, может быть, даже съест хлеба и выпьет воды. Так всегда бывает при этой болезни. Перед самым концом Бог посылает утешение.

- Что случилось, Ученик? Ты где-то допустил ошибку?

- Нет, Наставник, ошибки не было.

- Неужели Еве не позвонили? Да нет же – я вижу того человека: вот он опять набирает номер.

- Учитель, я тоже видел его. Но... Ведь ты же сам – помнишь? – научил меня, как переломить телефонный провод...

- Ты... сделал так, чтобы няня не услышала звонка? И не испугался гнева Высших? Но что заставило тебя?

- Я тоже достиг своей критической массы, Наставник. Я негодный Хранитель и не прошу

¹ Повой – род платка, ниспадающего из-под женского головного убора; покрывал шею и плечи (арх.)

прощения – знаю, что это бесполезно. Моя вина велика, и я готов нести любую кару – но... после того, как пройду с моим подопечным до конца... Возможно ли это? Ты молчишь, Учитель?

- Я нем от восхищения Пришедший. Ты еще не понял? Это и был твой экзамен – здесь он суровей, чем на земле. Ты – прирожденный Хранитель, и не ищи другого служения. Отныне ты больше не Ученик мой, а полноправный Соратник.

- Наставник... Я так ошеломлен, что не знаю, что сказать.

- Не говори, а действуй, Соратник: пока ты отвернулся от подопечного, те уже надоумили его схватить острые ножницы... Впрочем, смотри сам: отныне ты один за него в ответе.

- Отложи ножницы в сторону, Митя, и сядь прямо.левой рукой не забудь придерживать тетрадь. Вот так. Нет, не смотри на мамину чернильницу: ты еще и карандашом-то не научился писать как следует.

- Ну, тетя Ева...

- Я сказала: нет. Возьми карандаш правильно. Готов? Начинаю: мы-не-ра-бы... Не надо писать так размашисто.

- Тетя Ева, я забыл рассказать: мы с мамой сегодня, когда шли из булочной, видели...

- Потом, Митя. Написал? Не-ра-бы... Не сутулься, подними голову... Ра-бы... Ну, вот теперь красивее получилось... Давай дальше... Ра-бы-немы... Смотри в тетрадь... Митя, смотри в тетрадь, я говорю...

- Это они... Тетя Ева, это они!!! Те самые, красные!.. Как высоко залетели – прямо на наш тополь! Тетя Евочка, смотрите!!! Сколько их! кругом зима, а им хоть бы что!

- И правда – как красиво, Митя! Я, вообще-то, зиму терпеть не могу – холодно, все белое кругом, вечные простуды... А вот они прилетели – и просто какое-то... Даже не знаю...

- ...утешение, тетя Ева. Без этого никак.

31 июля 2016 г.

Новый Иерусалим

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

- Наталия ЖУРАВЛЕВА 6
Патъяна НИКОЛАЕВА 19
Юлий ПАТЕР 13
Евгений СМОЛЯКОВ 15
Лемпи КАРЗОВА-ГОЛОВИНА 21
Патъяна БЕЛЯЕВА 23
Владислав ДУБОШИН 25
Владимир РОДЮШКИН 26
Александр КИРЕЕВ 27
Натилия КОСПРИЦЫНА 28
Алексей КНЯЗЕВ 30
Натилия СОРОКИНА 34
Патъяна СОРЕНСЕН 36
Николай ДИМЧЕВСКИЙ 40

Критика и публицистика

- Евгений РАЕВСКИЙ 45
Дмитрий КИРШИН 51
Николай ЕПИШЕВ 54
Патъяна СОРЕНСЕН 60
Лариса ЗАЛЕСОВА-ДОКТОРОВА 80
Иван ИЛЬИН 83
Елена СЯКС 85

Гостиная

«Золотого слова»

- Александр КРЫЛОВ 92

Проза

- Сергей ПСАРЕВ 107
Лемпи КАРЗОВА-ГОЛОВИНА 115
Лев ГОРЯНИН 117
Макар АЛПАТОВ 127
Нина ОЗЕРОВА 136
Светлана ПАНОВА 141
Юрий ПАНПЕЛЕНЕВ 146
Алексей ВОРОНОВ 150
Александр МАСЛЕННИКОВ 155
Галина ПАРАСОВА 157
Наталья ВЕСЕЛОВА 160

Золотое Слово № 14
Литературно-художественный журнал

Санкт-Петербург
Издательство «Гамма»
2016 г., 208 стр.

Выпускающий редактор: Ефимова Е.С.

Оригинал-макет: Сафронова Н.А.

Под общей редакцией
Е.П.Раевского

Составитель Н.А.Веселова

Издание Российского Межрегионального союза писателей

Официальный сайт: **www.rmssp.pro**

Адрес для писем: 199178, Санкт-Петербург,

В.О., 15-я линия, д. 34, кв., 17

эл. почта: igorsirena@mail.ru

Контактный тел.: 8-921-908-97-16

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Палитра»

Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 87

Печать офсетная. Формат 60x84/8 Печ.л. 15

Заказ № 1967 Тираж 900

Полиграфическое предприятие "Палитра"

Высококачественная полиграфия - быстро и недорого.

Типография "Палитра" успешно работает на рынке полиграфии более 12-ти лет
Зарегистрируйтесь на сайте и получите скидку 5% на все виды услуг

Наша фирма оказывает полиграфические услуги самого широкого спектра:

Дизайн-студия

Разработка макетов полиграфической продукции, соответствующих всем требованиям дизайнера и технологии печати, создадим Ваш фирменный стиль и логотип.

Офсетная печать

Многоцветные бланки, фирменные папки, листовки, каталоги, рекламные буклеты, брошюры, книги, календари, плакаты, этикетки, стикеры на самоклеющейся бумаге и пленке, отрывные блоки, коробки из любого вида картона и т.д.

Цифровая печать

Печать на полноцветной цифровой машине (оперативное изготовление небольших тиражи полноцветной продукции: визитки, листовки, карманные календарики, рекламные проспекты...).

Ризография

Оперативная печать до формата А3 включительно, используя черный, красный, синий или зеленый цвета. Ризография это несложные и недорогие фирменные бланки, конверты, приглашительные билеты, флайерсы, рекламные листовки, этикетки, квитанции, ярлыки, ценники, прайс-листы, бухгалтерские и товарно-транспортные документы (возможно на самокопирующейся бумаге), брошюры, отрывные блоки для записей и т.д.

Шелкография

Шелкографии - печатать на любых видах материалов: кожа, кожзаменитель, пластик, полиэтилен, самоклеющаяся пленка и бумага, любые виды картона, этикеточные бумаги, ткань. Визитные карточки, приглашения, фирменные бланки, папки, конверты, наклейки любого размера на самоклеющейся пленке или бумаге, этикетки, полиэтиленовые пакеты от 100 штук.

Горячее тиснение

Изготовление визитных карточек, приглашений, фирменных бланков и прочей рекламной продукции методом горячего тиснения с использованием широкой гаммы цветной фольги (матовой и глянцевой).

Плоттерная резка

Любые вывески, таблички, большеформатную рекламу (стенды, плакаты), стрит-лайны, оформим Ваши грузовые или легковые машины рекламной информацией и т.п.

Постпечатные работы

Ламинированию до ф. А1. Вырубка до ф.А1. Переплетные работы (на металлическую пружину, на пластмассовую пружину, на скрепку, термопереплет).

Надеемся, что, ознакомившись с информацией о нашей фирме, Вы придете к нам и станете нашими постоянными клиентами.

С уважением,
Коллектив типографии "Палитра".